



**РОССИЙСКИЕ  
ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ:  
НАСЛЕДИЕ**



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова

# РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ: НАСЛЕДИЕ

Коллективная монография

По материалам Международной научной конференции  
«Столетию Великой русской революции:  
женские лица российской науки – наследие»

7–8 ноября 2017 г., Москва, ИИЕТ РАН

Москва  
2017

УДК 929  
ББК 72.3  
Р 76

Ответственный редактор  
доктор исторических наук О.А. Валькова

Издание подготовлено при финансовой поддержке  
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН  
«Исследование исторического процесса развития науки и техники в России:  
место в мировом научном сообществе, социальные и структурные  
трансформации» (28П), гранта РФФИ № 17-03-00732

**Российские женщины-ученые: наследие:** По материалам Международной научной конференции «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки – наследие»: 7–8 ноября 2017 г., Москва, ИИЕТ РАН / Отв. ред. О.А. Валькова. М.: «Янус-К», 2017. – 440 с.: илл.

ISBN 978-5-8037-0713-4

В монографии «Российские женщины-ученые: наследие» проанализированы различные аспекты введения юридического равноправия женщин в России в 1917–1918 гг., касающиеся установления равноправия женщин в профессиональной научной деятельности. Основной задачей международного авторского коллектива стало выявление наследия, оставленного российскими женщинами-учеными в период со второй половины XIX – и вплоть до начала XXI в., как научного, в различных областях знания, так и документального, хранящегося в архивах и музеях страны. На основе значительного по объему фактического материала, в том числе вводимого в научный оборот впервые, в книге анализируются биографии российских женщин-ученых, работавших как в России, так и за рубежом, в физико-математических, естественных, медико-биологических, гуманитарных и общественных науках.

Для специалистов в области истории науки, философов, психологов, ученых различных отраслей науки и техники, а также для широкого круга читателей, интересующихся историей науки и историей женского движения в России.

© ИИЕТ РАН, 2017  
© Коллектив авторов, 2017

ISBN 978-5-8037-0713-4

**Столетию  
установления юридического  
равноправия женщин в России  
посвящается**

## Предисловие

События 1917 года привнесли фундаментальные изменения в жизнь России, начиная с изменений государственного управления и заканчивая изменениями в повседневной жизни каждого отдельного человека. Некоторые из них были более всеобъемлющими, чем другие. Одним из таких фундаментальных нововведений, затронувших жизнь каждого человека в стране, каждой семьи, каждой общественной институции, стало введение и законодательное закрепление сначала в ряде декретов, указов и постановлений Правительства, а затем во вновь принятой Конституции 1918 г., принципа полного равноправия полов. Российские женщины были признаны равными российским мужчинам во всех областях частной, общественной, экономической, политической жизни.

Для изучения истории российских женщин-ученых особенно важно, что это означало равный доступ к образованию и к различным профессиям, ранее не доступным женщинам или доступным со значительными ограничениями, в том числе к профессии ученого. Уже в самом начале 1918 года пришедшее к власти правительство большевиков приняло целый ряд декретов, касавшихся реформы образования и высшей школы. Среди них было несколько постановлений, впервые предоставлявших женщинам России, желавшим получить высшее образование и впоследствии стать профессиональными учеными, равные с мужчинами возможности. Пункт № 1 «Декрета о правилах приема в высшее учебное заведение Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», подписанный В.И. Лениным 2 августа 1918 г., гласил: «Каждое лицо, *независимо от гражданства и пола*<sup>1)</sup>, достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения, без предъявления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы»<sup>2)</sup>. Видимо, для того, чтобы у заинтересованных лиц не возникло искушения нарушить данное распоряжение, пункт № 3 того же Декрета постановлял: «Все учебные заведения Республик на основании Декрета о совместном обучении от 27 мая 1918 г. (Собрание Узаконений № 38, ст. 499 – прим.), открыты для всех, без различия пола. За нарушение указанного Декрета все ответственные лица подлежат суду революци-

1) Курсив наш. – О.В.

2) Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР // Декреты советской власти. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 138.

онного трибунала»<sup>3)</sup>. Еще более важным для нашей темы был Декрет от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений», в соответствии с которым отменялись ученые степени доктора, магистра, адъюнкта, а «все связанные с этими степенями и званиями права и преимущества», которые ранее были недоступны женщинам, отменялись. Право же «на занятие профессорской кафедры по всероссийскому конкурсу» впредь предоставлялось «всем лицам, известным своими учеными трудами или иными работами по своей специальности, либо своей научно-педагогической деятельностью»<sup>4)</sup>.

Благодаря этому декрету женщины-ученые впервые в нашей истории приобретали юридические права, равные правам ученых-мужчин; права, теоретически открывавшие перед ними широкие перспективы карьерного роста, что было практически неосуществимо ранее. Те из них, кто уже обладали многолетним опытом научной работы, пользовались заслуженной известностью в научном сообществе, но, несмотря на это, из-за дискриминационной политики имперского правительства не имели возможности занимать ответственные и руководящие должности в научных и высших учебных заведениях, соответствовавшие их знаниям, умениям и навыкам, в одночасье получили такую возможность. Декрет также предоставил благоприятные возможности и более молодым женщинам, только недавно завершившим свое образование и всего лишь начинавшим карьеру на профессиональном поприще.

В 2018 году исполняется сто лет со дня принятия революционным правительством этих знаменательных решений – вполне достаточный срок, чтобы оценить первые результаты неслыханного ранее социального эксперимента, затронувшего, без преувеличения, каждого жителя страны, и женщин, и мужчин в равной степени. Авторский коллектив монографии «Российские женщины-ученые: наследие» постарался проанализировать различные аспекты и последствия принятых тогда решений; оценить, какие изменения они привнесли в жизнь женщин, в организацию работы научных учреждений, в формы существования научного общества. Нашей основной задачей было выявление наследия, оставленного потомкам российскими женщинами-учеными. Наследия как научного, в различных областях знания, так и документального. Для этого

---

3) Там же. С. 138.

4) Декрет о некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений // Декреты советской власти. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 381.

нами были изучены биографии женщин, посвятивших свою жизнь научной деятельности, во-первых, принадлежавших к различным поколениям: живших, работавших, добившихся признания в период существования Российской империи; переживших период революционных изменений в сознательном возрасте, уже сформировавшимися, но еще молодыми профессионалами, проработавшими значительную часть своей жизни в новых условиях, и, наконец, тех, кто родился либо незадолго до, либо после 1917 года и не знал жизни в условиях юридической дискриминации. Во-вторых, мы изучали биографии женщин, избравших для себя самые разные научные дисциплины – от гуманитарных и общественных (история, история науки, библиография, экономика, статистика) до физико-математических (математика, физика, астрономия), естественных (химия, биология, науки о Земле) и медико-биологических наук, так же как и участие женщин в такой наукоемкой отрасли как космонавтика. В-третьих, мы сделали выборку биографий женщин, занимавших различные позиции в научной иерархии – от академиков и членов-корреспондентов Академии наук, докторов и кандидатов наук, женщин, возглавлявших научно-исследовательские институты, геологические партии, сейсмологические станции, до не имевших научных степеней хранительниц научных музеев. Мы также исследовали биографии женщин, чей вклад в развитие научного знания был различным: от фундаментальных открытий (антибиотиков, первой алмазной трубки, первого полета женщины в космос) до весьма скромного, ежедневного, но совершенно необходимого для развития современной науки труда. Отдельная глава книги посвящена женщинам, которые в силу различных причин и в разные временные промежутки оказались за пределами России, и тому, как складывались (или не складывались) их карьеры в науке в иных странах. Исследование позволяет оценить громадный вклад, внесенный нашими соотечественницами в развитие различных наук за прошедшие годы, сделанный часто ценой не только огромного напряжения всех сил, самоотверженности, но и тяжелых личных жертв и потерь.

Все это, как мы надеемся, позволит нам представить читателю широкую картину участия российских женщин в научной деятельности в период начиная с середины XIX века и до сегодняшнего дня включительно и почтить память российских женщин-первопроходцев в профессии ученого.

*О.А. Валькова*

**Глава 1**  
**Они были первыми:**  
**«ученые дамы»**  
**Российской империи**



# Документы первой русской женщины-экономиста Марии Николаевны Вернадской в архиве Российской академии наук

*Н.М. Осипова*



М.Н. Вернадская  
(Архив РАН)

Мария Николаевна Вернадская (урожденная Шигаева) родилась в Санкт-Петербурге 27 декабря 1831 г. (8 января 1832 г.) в семье дворянина Николая Петровича Шигаева. Мария Николаевна получила хорошее домашнее образование и в 1850 г. вышла замуж за профессора политэкономии Киевского и Московского университетов Ивана Васильевича Вернадского (1821–1884). Под влиянием мужа она заинтересовалась вопросами политической экономии. В 1857 г. И.В. Вернадский при содействии жены начал издавать еженедельный популярный журнал «Экономический указатель» с приложением в 1858–1860 гг. журнала «Экономист» с различными подзаголовками: «Приложения к Экономическому указателю. Издание, посвященное политической экономии, статистике и вспомогательным наукам», «Приложения к указателю политическо-экономическому, статистическому и промышленному», «Приложение к указателю экономическому». В журнале «Экономист» публиковались материалы, из-за объема не подходившие «Экономическому указателю».

В «Экономическом указателе» и его приложении М.Н. Вернадская поместила без своей подписи целый ряд статей, которые имели успех у читателей, в частности посвященные вопросам воспитания. Среди этих публикаций знаменательными были статьи о женском труде, о котором Мария Вернадская заговорила одной из первых. В труде она видела залог освобождения женщин. Другая часть статей касается экономических вопросов – это «Опыт популярного изложения основных начал политической экономии», «Политическая экономия как начало нравственного воспитания», «Разделение труда и специальное воспитание», «Что такое подати» и др. М.Н. Вернадской были переведены на русский язык «Начала финансов» Жозефа Гарнье, «Понятия Гопкинса о народном хозяйстве» Джейн Мэрсет, и совместно с

И.В. Вернадским книги Л.В. Тенгоборского «О производительных силах России» (Москва, СПб. 1851–1858).

Умерла Мария Николаевна 12 (24) октября 1860 г. в Гейдельберге и была похоронена в Санкт-Петербурге.

После смерти жены Иван Вернадский собрал ее статьи и в 1862 г. издал в Санкт-Петербурге отдельной книгой под названием «Собрание сочинений покойной М.Н. Вернадской, урожденной Шигаевой».

В Архиве Российской академии наук в фонде № 518 (действительный член АН СССР Вернадский Владимир Иванович) документы, относящиеся к М.Н. Вернадской и тщательно сохраненные В.И. Вернадским, находятся в различных описях: отдельные документы – в описи 2 (Биографические документы Вернадского Владимира Ивановича), описи 5 (Труды других лиц, отложившиеся в архиве Вернадского В.И.) и описи 6 (Материалы Вернадского Ивана Васильевича); отдельная опись 6а (Материалы Вернадской Марии Николаевны) посвящена ее документам и содержит 64 ед. хр. за 1832–1860 гг.

В первую очередь это рукописи статей М.Н. Вернадской по экономическим вопросам «Политическая экономия, как начало воспитания» (1858 г., с пометами И.В. Вернадского), «Нравственное значение экономических законов», «Свобода меня», «Что такое подати», «Разделение труда и специализм», «Об одном провинциальном акционерном банке», «Нечто об устройстве квартир и домов», «Стекло» (с пометами И.В. Вернадского), «Законоположение о выкупе работ с сельских повинностей в Саксонии А.Б. Лакиера», «Дворовые люди в России»; о женском труде и детском воспитании: «Нечто о женщине», «Свобода выбора женского труда», «Еще о женском труде», «Разделение труда в применении к воспитанию» (с пометами И.В. Вернадского), «О детском воспитании», «О первоначальном обучении» (с пометами И.В. Вернадского) и др.

В фонде представлены также рукописи обзорных статей для литературного и политического журнала «Русский вестник» («Нужды и желание промышленности. Сообщ. В.А. Кокоревым», «Что нам стоит крепостничество? А. Покровского-Журавко», «Опыт разрешения вопроса о выкупе земли В.К. Ржевского», «Мнение о выкупе угодий крестьян Московской губернии С.И. Витберга» и «Замечания о необходимости и пользе выкупа. А.М. Унковского»), литературного журнала «Отечественные записки» («О финансовом проекте, касающемся улучшения быта крестьян», «Об отмене обязательного труда, без нарушения интересов помещиков и без принятия со стороны правительства общих финансовых мер по

выкупу земель. А. Вороженова» и «Экономический кризис 1857 г. Н.Х. Бунге»), журнала «Вестник Императорского русского Географического общества» («Елецкий уезд в историческом, этнографическом и статистическом отношении. Члена-сотрудника М. Стаховича» и «Заметки о Глазовском уезде и Глазове Ив. Савинова»), журнала «Сельское благоустройство» («Предложение о выкупе крестьянской земли в Самарской губернии», «О дворовых людях и о переходе их в свободное состояние. И. Билевича» и «О необходимости исправительных рабочих домов Е.С. Гордева»), «Журнала Министерства государственных имуществ» («Материалы для истории и статистики государственных имуществ в России» – оброчные статьи А.Ф. Раева), учено-литературного журнала «Южный сборник» № 1 1859 г. («О значении конкуренции в хлебной торговле по отношению к Новороссийскому краю. П. Стойковича» и «Удовлетворяют ли акционерные компании экономическим потребностям России? Д.И. Долинского»), «Журнала для акционеров» («В чем пора остановиться? Н. Бунге»), журнала словесности, наук, художеств, критики, новостей и мод «Библиотека для чтения» («Статистические заметки о крепостном сословии. Да»), журнала «Вестник промышленности» («О значении механического искусства по состоянию его в России. Ершова») и др.

Кроме того, сохранились в фонде библиографические заметки по теме «Ответы на вопросы по устройству нового быта помещиков и крестьян П.Н. Шепелева» и разным экономическим вопросам, рукопись перевода М.Н. Вернадской книги Жозефа Гарнье «Начала финансов» и примечания и пометки И.В. Вернадского к переводу, проекты ее докладных записок министру финансов о правах учредителей Харьковского земельного банка.

В фонде также имеется свыше 100 писем Марии Николаевны к мужу, часто носящих дневниковый характер, за период 1849–1860 гг. и 80 ответных писем И.В. Вернадского за 1849–1858 гг., а также ее переписка с другими адресатами. Сохранился Некролог М.Н. Вернадской на французском языке (1860 г.), а также хозяйственные документы.

Интересны опыты М.Н. Вернадской в литературном направлении: очерк «Петербургская елка», рассказ «Два летних месяца в деревне», статья «Отрывок из дневника» (1848 г.), повесть без названия в дневниковой форме (с пометами И.В. Вернадского), экономический этюд «Отрывок из жизни Робинзона», ученические сочинения «Мои желания» и «Кто истинный поэт» (1848 г.) и др.

В фонде № 543 (почетный член АН СССР Морозов Николай Александрович) хранится портрет М.Н. Вернадской по рисунку русского живописца Петра Федоровича Бореля.

## Жизненный путь М.А. Боковой-Сеченовой (по материалам Архива РАН)

*О.Б. Бокарева*

Своими успехами отечественная наука конца XIX–XX вв. обязана не только ученым-мужчинам, но и женщинам: первооткрывательницам, исследовательницам, представительницам виднейших научных школ и направлений.

Среди них – первая русская женщина-офтальмолог, супруга И.М. Сеченова – Мария Александровна Бокова-Сеченова (1838/1839–1929).

В личном фонде И.М. Сеченова в Архиве РАН сохранился ряд материалов, касающихся М.А. Боковой-Сеченовой [1].

Мария Александровна родилась 5 (17) декабря 1838/1839 г. в Сандомирской губернии в семье генерал-майора Александра Афанасьевича и Эмилии Францевны Обручевых [2, 3]. В семье было 5 детей: Афанасий, Владимир, Мария, Александр, Анна. По воспоминаниям матери, Эмилии Францевны, из-за службы Александра Афанасьевича Обручевы жили в Варшаве и Могилеве, в Вольнской губернии (г. Дубно), в г. Радоме – центре Сандомирской (с 1844 г. – Радомской) губернии [3. Л. 19 об.].

В 1856 г. Обручевы переехали в село Клепенино Харинской волости Ржевского уезда Тверской губернии [4]. На следующий год Александр Афанасьевич вышел в отставку. Семья поселилась в Клепенино, прикупив соседнее сельцо Федотово в Становской волости [5]. Старшие братья, Афанасий и Владимир Александровичи, находи-



М.А. Бокова-Сеченова в пожилом возрасте. Б/д. (Архив РАН)

лись на службе, младший – Александр – был отправлен отцом в Пажеский корпус [6]. Марию с Анной родители вывозили из имения в соседние губернии в гости. Во время поездки в Тулу Мария Александровна заболела скарлатиной. Ее лечащим врачом стал П.И. Боков (1835–1915), друг В.А. Обручева, специально вызванный из столицы.

Под влиянием рассказов брата и П.И. Бокова Мария Александровна в возрасте 20 лет впервые совершила поездку в Санкт-Петербург в сопровождении матери. В 1859–1860 гг. она приезжала в столицу для лечения. По просьбе В.А. Обручева ее обследовал адъюнкт терапевтической клиники С.П. Боткин. Знакомство с окружением брата, в которое входил Н.Г. Чернышевский, деятельность П.И. Бокова вызвали у Марии Александровны решимость заняться врачебным делом. Земский врач – профессия, к которой она стремилась, чтобы помогать людям. Несмотря на то, что в некоторых странах женщин уже стали обучать анатомическому препарированию, в России существовали только курсы акушерок. Смерть сестры весной 1861 г. усилила желание Марии Александровны стать врачом.

20 августа (1 сентября) 1861 г. в маленькой церкви Погоста Кокоши под Ржевом состоялась свадьба Марии Александровны Обручевой и Петра Ивановича Бокова.

Осенью 1861 г. она поступила в Петербургскую Медико-хирургическую академию в качестве вольнослушательницы и проучилась в ней до 1864 г.

Вместе с подругой, Н.П. Сусловой, ставшей впоследствии первой русской женщиной-врачом, она посещала физиологическую лабораторию, организованную И.М. Сеченовым (1829–1905) при кафедре физиологии, а также анатомический театр профессора В.Л. Губера. На одном из занятий В.Л. Губера она познакомилась с И.М. Сеченовым.

В рамках своего курса по физиологии И.М. Сеченов предложил ей тему по офтальмологии – проверить при помощи очков с красными стеклами правильность трехкомпонентной теории цветоощущения Г. фон Гельмгольца. В работе «Способ искусственного воспроизведения цветовой слепоты (дальтонизма)» Мария Александровна установила, что причина последней – в потере чувствительности определенных видов нервных рецепторов. Ее опыты вызвали одобрение Гельмгольца, а исследование М.А. Боковой было переведено на немецкий язык.

В 1862 г. В.А. Обручев был арестован, осужден и сослан на каторгу в Сибирь за распространение революционных прокламаций. П.И. Боков оказался под подозрением у властей за соучастие. Помощь

в его освобождении из-под ареста оказали Н.Н. Обручев, двоюродный брат Марии Александровны, сотрудник Императорского Главного штаба, и профессор И.М. Сеченов. П.И. Боков продолжил заниматься врачебной практикой. Мария Александровна снова посещала физиологическую лабораторию И.М. Сеченова, занималась переводами научных трудов по медицине [7].

В 1863 г. она сдала экзамен во Второй Санкт-Петербургской мужской гимназии и получила гимназическое свидетельство за № 440. Однако новый университетский устав 1863 г. и распоряжения Министерства Народного Просвещения 1864 г. лишили женщин права слушания лекций и посещения занятий даже в качестве вольнослушательниц. Несмотря на ходатайство профессора И.М. Сеченова, Мария Александровна не смогла продолжить обучение. Она получила уведомление от президента Медико-хирургической (с 1881 г. – Военно-медицинской) академии П.А. Дубовицкого о запрете посещения занятий.

По предложению физиолога Карла Людвига, друга И.М. Сеченова, Мария Александровна стала готовиться к обучению за границей. К. Людвиг порекомендовал ей поступить на курсы акушерства в Институт акушерства в Вене.

В 1865 г. с разрешения мужа Мария Александровна в сопровождении И.М. Сеченова отправилась в Европу для подготовки к поступлению на медицинский факультет Цюрихского университета, последовав примеру Н.П. Сусловой [8].

И.М. Сеченов взял отпуск для командировки в Европу. Вместе с Марией Александровной он побывал в Швейцарии и Италии. В Сорренто они слушали лекции И.И. Мечникова и А.О. Ковалевского, а И.М. Сеченов выступил по теме иннервации дыхательных движений. Мария Александровна помогала ему переводить учебники физиологов Л. Германа и В. Кюне, сочинение Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой отбор», а также изучала вопросы нервной физиологии [9].

В декабре 1866 г. скончался А.А. Обручев, Мария Александровна вернулась в свое имение, забрала мать и поехала к мужу в Санкт-Петербург.

Оставив Эмилию Францевну на попечение П.И. Бокова, Мария Александровна в 1868 г. поехала в Германию, к И.М. Сеченову и Н.П. Сусловой. В Гарце она встретилась с Н.П. Сусловой, которая завершала диссертацию в Цюрихском университете, будучи женой Ф.Ф. Эрисмана, занимавшегося в то время вопросами офтальмологии.

В марте 1868 г. Мария Александровна приехала в Цюрих, в апреле была принята на медицинский факультет Цюрихского университета, получила свидетельство об обучении.

В 1870 г. Мария Александровна находилась с группой медиков под руководством профессора Роде в госпитале г. Вердена, оккупированного прусскими войсками. В качестве сестры милосердия она помогала раненым французской армии.

Весной 1871 г. М.А. Бокова защитила докторскую диссертацию «К учению о кератите» (помутнение роговицы глаза) и получила диплом доктора медицины, хирургии и акушерства [10]. Узнав о разрешении императора Александра II на открытие Высших женских курсов, среди основателей которых был И.М. Сеченов, она решила поехать в Россию, сдать экзамен на право медицинской практики на родине.

В конце 1871 г. она получила свидетельство, выданное директором медицинского департамента МВД Е.В. Пеликаном, которое подтверждало ее право на самостоятельную врачебно-акушерскую практику в России. Пациентов у Марии Александровны было немного, среди них – племянница Н.Г. Чернышевского, страдавшая острым бактериальным конъюнктивитом.

В 1872 г. Мария Александровна поехала в Вену, а затем в Лондон с целью повышения своей квалификации. Прослушивая в лондонской глазной лечебнице больных корью детей, она заболела, помощь ей оказывал И.М. Сеченов. После ее выздоровления они посетили знаменитого офтальмолога голландца Споллена в Утрехте.

В 1873 г. Мария Александровна находилась с И.М. Сеченовым в Одессе. Он возглавлял кафедру физиологии Новороссийского университета. Она занималась частной практикой.

В 1874–1875 гг. они путешествовали по Крыму. С этого времени Мария Александровна и И.М. Сеченов решили находиться вместе. В 1876 г. он стал профессором отделения анатомии, гистологии и физиологии кафедры зоологии физико-математического факультета Петербургского университета. Они поселились в доме на Васильевском острове.

В декабре 1887 г. тверское епархиальное начальство разрешило расторгнуть брак между Марией Александровной и Петром Ивановичем Боковыми по взаимному согласию. 8 (20) февраля 1888 г. состоялось венчание Марии Александровны и И.М. Сеченова в Благовещенской церкви на Васильевском острове. В качестве свидетеля присутствовал В.А. Обручев, который вернулся из ссылки и служил в Морском ведомстве.



В 1888 г. Сеченовы переехали в Москву. Иван Михайлович преподавал на медицинском факультете Московского университета в должности приват-доцента, а затем ординарного профессора. Мария Александровна лечила крестьян в своем имении. Они называли ее «милой докторшей» [11].

После кончины И.М. Сеченова в 1905 г. Мария Александровна занималась архивом мужа, способствовала увековечиванию его памяти. Она скончалась в 1929 г. в доме для престарелых, была похоронена рядом с И.М. Сеченовым на Ваганьковском кладбище. В историографии она осталась как «великая жена великого мужа» [12, 13].

### Литература, источники, примечания

1. АРАН. Ф. 605. Оп. 3. 56 д. 1841–1927 гг. Архивные материалы были переданы на государственное хранение в 1952 г. врачом-биологом, членом-корреспондентом АН СССР О.П. Молчановой по ходатайству Президента АН СССР академика А.Н. Несмеянова. К Молчановой дела поступили от ее учителя – друга и ученика И.М. Сеченова – физиолога М.Н. Шатерникова. Ему они были переданы в 1929 г. М.А. Боковой-Сеченовой.
2. АРАН. Ф. 605. Оп. 3. Д. 1. Л. 1, 2. Метрическое свидетельство (копия) М.А. Боковой-Сеченовой (№ 56 от 14.10.1839 г.), копия заявления А.А. Обручева в Волынскую духовную консисторию о выдаче метрических свидетельств его детей (№ 127 от 01.10.1841 г.). Представлены сведения о родителях (отце – командире 2-й пехотной дивизии 2-й бригады генерале-майоре Александре Афанасьевиче Обручеве и матери – Эмилии Францевне, дочери почетного профессора Варшавского университета Ф. Тымовского) и восприемниках М.А. Боковой (крещена 1 (13) января 1839 г. в церкви св. Николая в Радоме Сандомирской губернии на территории Царства Польского в присутствии дворянина Антония Францевича Маковецкого, отставного штабс-капитана Николая Егорова, крестьянки (губернатора Н.И. Тенишева) Екатерины Леонтьевны Николаевой, священника Игнатия Павловича Климовича, дьяка Михаила Дмитриевича Чудановича и пономаря Захария Ивановича Рыбчинского).
3. АРАН. Ф. 605. Оп. 3. Д. 12. Л. 19 об., 20 об. Воспоминания Эмилии Францевны Обручевой, матери М.А. Боковой-Сеченовой. 1862, 1867 гг. Рукопись состоит из 4-х тетрадей на 107 л. с автографом Э.Ф. Обручевой. Приведена точная дата рождения М.А. Боковой (5 декабря 1838 г.).
4. *Страхов М.А.* Упрямая госпожа. Жизнь и научная деятельность одной из первых русских женщин-врачей М.А. Сеченовой-Боковой. Тверь, 2003. 48 с.
5. *Белоболдина Т.* Обручевы // Ржевские новости. 1997. 10 окт., 17 окт. Описание имения Обручевых 1858 г. (ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 1462. 16 л.).



6. Старшие братья Марии Александровны: 1) Афанасий Александрович (1835–1881) – полковник, отец академика АН СССР В.А. Обручева, 2) Владимир Александрович (1836–1912) – военный и общественный деятель, генерал-майор Морского ведомства.
7. *Розова К.А.* М.А. Бокова-Сеченова, первая русская женщина врач-окулист // Фельдшер и акушерка. 1947. № 12. С. 35–39.
8. *Магильницкий С.Г.* Мария Александровна Бокова-Сеченова // Вестник офтальмологии. 1969. № 3. С. 83–86; *Могилевский Б.Л.* Молодость Сеченова. М., 1962. 168 с.
9. *Дарвин Ч.Р.* Иллюстрированное собрание сочинений / Под ред. К.А. Тимирязева, пер. с англ. И.М. Сеченова: В 8 т. СПб., 1907–1908. СПб., 1908. Т. 5. 320 с., ил.
10. *Bokova M.[A].* Zur Lehre von der Hypopyon-Keratitis. Thesis. (Dr. med.). Universität Zürich, 1871; *Белкин М.С.* Русские женщины-врачи – пионеры высшего женского медицинского образования: к 80-летию получения врачебного диплома первыми русскими женщинами-врачами // Советский врачебный сборник. 1949. № 14. С. 29–36.
11. В 1896 г. Мария Александровна была избрана попечителем деревенской Кокошинской образовательной школы, организовала интернат для детей. В 1900 г. она подарила им 181 книгу.
12. АРАН. Ф.605. Оп. 3. Д. 9. 7 л. Распоряжения М.А. Боковой-Сеченовой: поручение похоронной фирме «Георгий Лист». 1915 г.; *Розова К.А.* М.А. Бокова-Сеченова, первая русская женщина врач-окулист // Фельдшер и акушерка. 1947. № 12. С. 39.
13. В Списке лиц персонального состава АРАН (информационная база по фондам архива) числятся 84 женщин-ученых.

## Ольга Александровна Федченко – первая российская женщина-естествоиспытатель в рядах Императорской академии наук

*О.А. Валькова*

2 декабря 1906 г. Общее собрание Императорской Академии наук утвердило избранного по биологическому разряду физико-математического отделения члена-корреспондента – Ольгу Александровну Федченко [1. С. XXX]. О.А. Федченко (1845–1921) стала шестой женщиной, избранной в ряды Академии, пусть только в качестве члена-корреспондента, до революционных событий 1917 г. и первой женщиной-естествоиспытателем в рядах Академии. В 1906 году ей исполнился 61 год, у нее не было никаких дипломов об образовании, за

исключением диплома Института благородных девиц, но зато была всемирная известность в избранном ею научном поле – ботанике.

Ольга Александровна Федченко, дочь профессора Московского университета Александра Осиповича Армфельда и супруга известного путешественника и естествоиспытателя Алексея Павловича Федченко, родилась 18 ноября 1845 г. в Москве. Она росла в большой, дружной и жизнерадостной семье. А.О. Армфельд был одним из самых популярных университетских профессоров своего поколения. Он принадлежал к блестящему кружку московской интеллектуальной и литературной элиты и, хотя почти ничего



Ольга Александровна  
Федченко

не писал сам, славился как человек широко образованный, остроумный и владеющий блестящим даром слова. Его жена, Анна Васильевна Армфельд, завоевала положение одной из самых уважаемых дам московского света. В доме Армфельдов бывали Аксаковы, Киреевские, заходили Лермонтов, Погодин; Лев Толстой считал себя другом семьи.

Ольга Александровна училась дома у многочисленных гувернанток, а с двенадцати лет (1857 г.) посещала также занятия в московском Николаевском сиротском институте, который благополучно окончила в 1864 г. с дипломом кандидатки. Ее увлечение естественными науками, преимущественно ботаникой, началось в ранней юности. Проводя летние каникулы в семейном загородном имении Тропарево (Можайский уезд, Московской губернии), она обходила окрестности, собирая коллекции трав, минералов, насекомых, птичьих яиц. Стремление правильно определять собранные предметы привело ее в 1861 г. в Зоологический музей Московского университета. Она быстро вошла в маленький кружок студентов, организованный молодым тогда профессором А.П. Богдановым, для более углубленного изучения естествознания и подготовки к научной деятельности, – прообраз будущего Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее – ОЛЕАЭ). Там ее ждал первый крупный успех: собранный ею летом 1861–1862 гг. гербарий флоры Можайского уезда был включен профессором Н.Н. Кауфманом в его знаменитую «Московскую флору» [2].

В 1864 г., в год окончания ею Николаевского института, О.А. Армфельд стала одним из членов-основателей ОЛЕАЭ и таким образом, с большой долей вероятности, – первой женщиной в России – членом естественнонаучного общества. К этому времени ее подростковое увлечение естествознанием не прошло и не забылось. К сожалению, у нее не было возможности продолжить свое систематическое образование, поскольку российские университеты тогда не принимали женщин, высших женских курсов еще не существовало, а традиция получения девушками ученых званий в европейских университетах пока не сформировалась. Тем не менее Ольга Александровна занималась самообразованием: с помощью книг и друзей-ученых и студентов. Высокая, на голову выше почти всех окружающих, энергичная, она практически ежедневно появлялась в Зоологическом музее Московского университета, занимаясь разбором и расстановкой коллекций, ассистируя своим молодым коллегам в их зоологических, антропологических, ботанических исследованиях. Свободно владея английским, французским, немецким языками, она помогала им вести иностранную переписку и переводить на русский язык интересовавшие их естественнонаучные сочинения.

В 1867 г. Ольга Александровна вышла замуж за одного из членов их тесного кружка, выпускника Московского университета, А.П. Федченко. Они познакомились еще в 1862 г. и неоднократно работали вместе. А.П. Федченко не видел ничего необычного или неподобающего в увлечении своей молодой жены и был рад найти в ней друга, разделявшего его интересы и устремления. Через год, в 1868 г., ОЛЕАЭ командировало А.П. Федченко в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана для проведения естественнонаучных изысканий во вновь присоединенных к Российской империи Туркестанских владениях. Ольга Александровна отправилась вместе с мужем.

Знаменитая Туркестанская экспедиция супругов Федченко 1868–1871 гг. широко известна в литературе. Она неоднократно привлекала внимание не только историков науки, но и специалистов, изучающих историю геополитики, дипломатии и пр. [3, 4 и др.]. Экспедиция подробно исследовала Зеравшанскую долину, включая притоки р. Зеравшан, посетила Магианское и Фарабское бекства. Весной 1871 г. она прошла по восточной, примыкающей к Сыр-Дарье, части Кызыл-Кумов. Наконец, в том же 1871 г. было совершено путешествие в Кокандское ханство. Научное сообщество XIX в. с глубоким уважением относилось к А.П. Федченко и его спутникам, считая их вклад в

изучение Средней Азии выдающимся [см., напр., 5]. Современная оценка научных результатов экспедиции также очень высока [6. С. 18].

О.А. Федченко была не первой женщиной, сопровождавшей своего супруга в длительной и сложной научной экспедиции. Однако ее роль выходила далеко за рамки обычных обязанностей, исполнявшихся супругами в подобных обстоятельствах. Как многие другие «научные жены», она участвовала в ведении счетов экспедиции, метеорологических наблюдениях, картографировании, сборе зоологических коллекций, необходимой переписке с различными учеными. Во время встреч с местными правителями она имела возможность посещать женские покои, получая информацию о стороне жизни, полностью закрытой для мужчин. Она безусловно оказывала своему мужу моральную поддержку во время встречавшихся в изобилии трудностей. Во всем этом не было ничего необычного. Однако (и это уже совершенно нехарактерно для того времени), несмотря на всю перечисленную выше разнообразную деятельность, она никогда не забывала о своих собственных научных и художественных интересах.

Прекрасная художница, профессионально обучавшаяся живописи, Ольга Александровна на всем протяжении путешествия делала зарисовки ландшафтов, зданий и сооружений, животных и растительных видов. Впоследствии ее рисунки использовались во всех публикациях материалов экспедиции, были изданы отдельным альбомом и привлекались при подготовке других исследований, посвященных Туркестанскому краю [см. напр.: 7, 8]. Поскольку экспедицию не сопровождал фотограф, то работа художника была очень важна. Вторая самостоятельная научная задача, выполненная Ольгой Александровной с привычной тщательностью, состояла в собирании гербария Туркестанской флоры на протяжении всего путешествия. Собранные ею коллекции включали до 1800 видов, среди которых было много новых, ранее не известных [9].

И сами исследователи, и руководители Туркестанского края были заинтересованы в скорейшей публикации материалов экспедиции. Соглашение о финансировании этого проекта было достигнуто в 1871 г. Для проведения подготовительных мероприятий А.П. Федченко с женой отправился в Европу. Это путешествие, к сожалению, окончилось его трагической смертью 15 сентября 1873 г. во время восхождения на Монблан.

Похоронив супруга, Ольга Александровна вернулась в Москву. Она тяжело переживала свою утрату и никогда более не выходила за-

муж, посвятив всю себя научной работе и воспитанию сына. Первейшей ее заботой стало доведение до конца задуманного А.П. Федченко издания материалов Туркестанской экспедиции [10]. Она была единственным человеком, досконально знавшим планы и намерения А.П. Федченко, представлявшим текущее положение дел, хорошо знакомым с коллекциями (лично собрав немалую их часть). Однако в отличие от своего супруга, состоявшего на государственной службе и занимавшегося экспедиционной и издательской деятельностью в рамках своих должностных обязанностей за жалование, она не являлась и по существовавшим законам не могла являться государственным служащим. Таким образом, формально она не имела права занять место своего супруга и закончить дело, начатое ими обоими. Поскольку никто другой не мог и не хотел взяться за эту работу, возникла угроза срыва выхода печатных материалов экспедиции.

ОЛЕАЭ, также крайне заинтересованное в выходе в свет этого издания, издания, которое должно было стать (и стало!) крупнейшим достижением ОЛЕАЭ, сделало все возможное для решения проблемы. Президент общества, Г.Е. Щуровский, взял на себя убеждение Туркестанского губернатора К.П. фон Кауфмана, от мнения и поддержки которого во многом зависело решение вопроса, о том, что завершение издания должно быть поручено Ольге Александровне и никому другому [7. С. 175–179]. В свою очередь, члены ОЛЕАЭ на очередном заседании 4 октября 1873 г. избрали О.А. Федченко членом специально созданной редакционной комиссии, с тем чтобы «... редакция «Путешествия в Туркестан» была поручена вдове покойного путешественника Ольге Александровне Федченко, равно как и вся переписка по изданию, по сношению с авторами, коим поручена обработка материала, по заказу таблиц и рисунков и по делам редакции, и чтобы разбор и по возможности окончание тех рукописей, составление коих мог принять на себя лишь сам А.П. Федченко, были также предоставлены г-же Федченко» [11. С. 4]. Ольга Александровна не подвела своих друзей и коллег, оказавших ей столь высокое доверие. Выпуски «Известий ОЛЕАЭ», озаглавленные «Путешествие в Туркестан А.П. Федченко», регулярно выходили в свет с 1874 по 1902 г. Всего было опубликовано более 20 томов описаний зоологических и ботанических Туркестанских видов, а также описание собственно путешествия. Это был первый случай в истории российской науки, когда женщина почти официально возглавила и впоследствии успешно завершила объемный и дорогостоящий научный проект.

Таким образом, 70–80-е гг. XIX в. О.А. Федченко посвятила преимущественно научно-организационной деятельности. Она также продолжала активно участвовать в деятельности ОЛЕАЭ, работать в Зоологическом музее и Ботаническом саду Московского университета, а летом собирать гербарии подмосковной флоры, привлекая к этому занятию своего маленького сына.

Но время шло, сын Ольги Александровны, Борис Алексеевич Федченко (впоследствии также крупный ботаник), за хрупкое здоровье которого она постоянно опасалась, вырос и, более того, разделял интерес матери и к ботанике, и к путешествиям. Ничто не мешало вернуться к любимому занятию и наконец, летом 1891 г., после длительного перерыва О.А. Федченко возобновила активную экспедиционную деятельность. В 1891, 1892 гг. она вместе с сыном посетила Южный Урал, подробно исследовав флору Уфимской и некоторых соседних с ней губерний, произрастававшую «от степей до высочайших гор – Таганая, Уреньги... Иремеля», – как отмечала она в своей автобиографии [12. С. 93]. В 1893 г. Ольга Александровна с сыном с той же целью отправились в Крым, в 1894 г. – на Кавказ.

Зимние месяцы посвящались разбору, систематизации и описанию собранных летом коллекций и подготовке к новым экспедициям. Ольга Александровна бывала так занята, что не находила времени выступить с докладом о своих поездках на заседании ОЛЕАЭ [13. Л. 12, 12 об. ]. Результатом этой работы стала публикация в 1893 г. одного из первых ботанических сочинений О.А. Федченко «Материалы для флоры Уфимской губернии» [14].

Помимо разбора собственных коллекций, исследовательница занималась также определением гербариев, собранных ее коллегами. Ее умение определять чрезвычайно редкие, или неудачные, или попорченные растения и семена со временем стало цениться очень высоко. Однако несмотря на достаточно широкие научные интересы О.А. Федченко, ее первой и главной любовью оставался Туркестан. В 1897 г. она посетила его впервые со дней своей юности, проведя ботанические исследования в районе Западного Тянь-Шаня и окрестностях Чимгана. По возвращении Ольга Александровна начала работать над сводной монографией, посвященной флоре Туркестана. В 1900 г. мать и сын Федченко переехали из Москвы в Санкт-Петербург, чтобы О.А. имела возможность работать с Туркестанскими коллекциями Императорского Ботанического сада (начало которым когда-то положили ее собственные сборы). В 1901 г. она вновь организовала большую экспеди-

цию в Туркестан, на этот раз специально для изучения флоры Памира. В сложнейших условиях, верхами, экспедиция прошла караванным путем весь Памир и Шунган вплоть до укрепления Хорог на границе с Афганистаном. Осенью 1910 г. Ольга Александровна посетила Зеравшанскую долину и Фергану. Путешественники припозднились и были застигнуты в горах снежными бурями, но, как пишет О.А. Федченко, «удалось и тут собрать новые для науки растения» [12. С. 94]. Напомним, что ей тогда уже исполнилось 65 лет!

Результатом всех этих экспедиций стала целая серия работ, посвященная флоре Туркестана, опубликованная О.А. Федченко в 1900-е гг. XX в. (частично совместно с сыном), крупнейшие из которых «Флора Памира. Собственные исследования 1901 г. и свод предыдущих» [15], «*Conspectus florum Turkestanicae*: Перечень растений, дико растущих в Русском Туркестане» [16] и др.

С конца 90-х гг. XIX в. О.А. Федченко заинтересовалась также проблемой культивирования дикорастущих южных (в основном Туркестанских) растений в условиях Московской губернии. Она основала ботанический сад в своем имении Ольгино Можайского уезда Московской губернии, получивший известность в научном мире под названием «Ольгинский ботанический сад», занимаясь разведением, культивированием и монографическим исследованием родов Эремурус (*Eremurus*), Ирис (*Iris*) и некоторых других. Эти исследования также были опубликованы, в том числе Императорской Академией наук [17].

Помимо России труды О.А. Федченко издавались в научных и научно-популярных журналах Европы и Америки. В целом она опубликовала более 60 научных работ. О.А. Федченко неоднократно посещала Европу как в молодости, в сопровождении А.П. Федченко, так и позднее. В 1898 г. она работала в гербариях Вены, Женевы, Парижа, Лондона, Берлина; в 1914 г. посетила Неаполь. Она состояла в переписке с учеными (можно сказать без преувеличения) всего мира. В России, да и, пожалуй, в Европе, не было такого специалиста-ботаника, с которым она не поддерживала бы отношений.

Помимо ОЛЕАЭ, О.А. Федченко была избрана членом многих научных обществ и корпораций, отечественных и зарубежных, в том числе Русского географического общества, Московского общества испытателей природы и др.

Несмотря на ухудшающееся здоровье и подступающую слепоту, вопреки потрясавшим страну бурным политическим событиям 1916–1921 гг., Ольга Александровна Федченко продолжала работать



до последних дней своей жизни. Она умерла в ночь с 24 на 25 апреля 1921 г. и похоронена на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге. Современники высоко ценили и глубоко уважали не только научные заслуги О.А. Федченко, но и ее человеческие качества. Будущий президент Академии наук В.Л. Комаров лучше многих выразил мнение современников о ней 25 мая 1921 г. на заседании Отделения физико-математических наук Российской академии наук: «... научно-литературная деятельность О.А. охватывает период в 48 лет, вся же научная ее работа, с начала Туркестанской экспедиции, продолжалась 53 года. В Ольге Александровне мы чтим не только ученого, но и одну из тех славных русских женщин, которые прокладывали новые пути, выходя из узкой сферы домашних интересов на широкую дорогу общественного служения и вместе с тем работали над созданием той идейной самоотверженной русской интеллигенции, которою по справедливости гордится наша страна» [18. С. 248]. В историю науки О.А. Федченко прочно вошла не только как крупный ученый, но и как первая выдающаяся женщина-ботаник России [19. С. 4; 20].

#### **Литература, источники, примечания**

1. Протокол общего собрания Императорской Академии наук. 2 декабря 1906 г. // Известия Императорской Академии наук. Сер. V. 1906. Т. XXV. № 5 (декабрь). С. XXX.
2. *Кауфман Н.Н.* Московская флора или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии. М., 1866.
3. *Постников А.В.* Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). М., 2001.
4. *Brower D.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London; New York, 2003. P. 46–47.
5. *Мушкетов И.В.* Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г. СПб., 1886. Т. 1. Ч. 1. С. 221.
6. *Азатьян А.А.* А.П. Федченко как исследователь Средней Азии // А.П. Федченко: Сб. док. Ташкент, 1956. С. 18.
7. А.П. Федченко: Сб. док. Ташкент, 1956.
8. *Юсов Б.В.* А.П. Федченко. М., 1953.
9. *Богданов А.П.* Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1887 г.). Т. 1. М., 1888. Л. 26.
10. Архив РАН. Ф. 446. Оп. 2. Д. 674.



11. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. Год одиннадцатый // Известия ОЛЕАЭ. 1874. Т. XIV. С. 4.
12. *Литский В.И.* Биографии и литературная деятельность ботаников и лиц, соприкасавшихся с Императорским Ботаническим садом. Пг., 1915. С. 93.
13. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 808. Оп. 2. Д. 8. Л. 12, 12 об.
14. *Федченко О.А., Федченко Б.А.* Материалы для флоры Уфимской губернии. М., 1893.
15. *Федченко О.А.* Флора Памира. Собственные исследования 1901 г. и свод предыдущих. СПб., 1903.
16. *Федченко О.А., Федченко Б.А.* Conspectus florae Turkestanicae. Перечень растений, дико растущих в русском Туркестане, т. е. в областях: Закаспийской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской, Семипалатинской (кроме восточной части ее), Акмолинской, Тургайской и Уральской (за р. Уралом), а также в Хиве, Бухаре и Кульдже // Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. 1906–1911. Ч. 1–4.
17. *Федченко О.А.* Eremurus. Kritische Übersicht der Gattung // Записки Императорской Академии наук. Сер. VIII. 1909. Т. XXIII. № 8. С. 1–210.
18. *Комаров В.Л.* Ольга Александровна Федченко. Некролог // Известия Российской академии наук. VI серия. 1921. Т. 15. С. 248.
19. *Щербакова А.А., Базилевская Н.А., Калмыков К.Ф.* История ботаники в России (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1983.
20. *Валькова О.А.* Ольга Александровна Федченко, 1845–1921. М.: Наука, 2006. 318 с. (Научно-биографическая литература).

## Юлия Всеволодовна Лермонтова – первая русская женщина-нефтехимик

*А.А. Матвейчук*

2 января этого года исполнилось 170 лет со дня рождения Юлии Всеволодовны Лермонтовой – первой русской женщины-нефтехимика, получившей в 1874 г. докторскую степень, после защиты диссертации в области органической химии в Геттингенском университете в Германии. К сожалению, эту памятную дату не заметили российские отраслевые периодические издания и научное химическое сообщество.

Следует отметить, что впервые в советской историографии имя Ю.В. Лермонтовой появилось в 1949 г. в статье кандидата химических наук Ю.С. Мусабекова «Первые русские женщины-химики» [1. С. 30]. Наряду с упоминанием деятельности в области органической химии А.Ф. Волковой, А.Н. Луканиной, О.Н. Рукавишниковой, В.Е. Богдановской, была приведена краткая информация о работе Ю.В. Лермон-

товой в химических лабораториях Петербургского и Московского университетов. Через 18 лет уже как доктор химических наук Ю.С. Мусабеков опубликовал в издательстве «Наука» биографическую работу «Юлия Всеволодовна Лермонтова, 1846–1919», в которой 52 страницы из 80 были непосредственно посвящены ее жизни и деятельности [2. С. 26–78]. В качестве использованных источников при написании книги автор указал переписку из семейного архива семейства Ковалевских, а также из архива АН СССР и Музея-архива Д.И. Менделеева. Всего Ю.С. Мусабековым в его работе были использованы обширные текстовые фрагменты из 24-х личных писем.



Юлия Всеволодовна Лермонтова  
(1847–1919) (Архив РАН)

Однако, ограничившись в своей работе эпистолярными документами, автор оставил без внимания другие исторические источники, что привело к возникновению в его книге и нескольких пробелов в описании биографии Ю.В. Лермонтовой, а также ряда досадных неточностей. Например, в самом начале своего повествования Ю.С. Мусабеков пишет: «Родилась Юлия Лермонтова 21 декабря 1846 г. в Петербурге в семье генерала – директора Московского кадетского корпуса» [2. С. 26]. В действительности же в 1846 г. отец Ю.В. Лермонтовой в чине штабс-капитана служил в Отдельном гвардейском корпусе. Директором Первого Московского кадетского корпуса в звании генерал-майора он стал только через шесть лет после рождения дочери, в 1852 году [3. С. 59]. Еще одним упущением автора в упомянутом высказывании явилось указание даты рождения Ю.В. Лермонтовой по старому стилю, без всякого разъяснения и без перевода на григорианское летоисчисление. Также не может не вызвать удивление и оценка, данная автором, относительно места Ю.В. Лермонтовой в истории химической науки: «Из женщин-химиков Лермонтова проникла в эту область первой и, таким образом, явилась первой женщиной-нефтяником» [2. С. 72]. В то же время следует подчеркнуть, что как ученый-химик, Ю.С. Мусабеков три последующие главы книги «Работа в Гейдельбергской лаборатории», «Исследования в области органической

химии» и «Работы по химии и технологии нефти» написал на высоком профессиональном уровне с использованием широкого спектра специальной химической терминологии. Однако здесь необходимо отметить, что для обычного читателя книги, изданной в научно-популярной серии<sup>1)</sup> тиражом 23 тыс. экз., ознакомление с подобным изложением текста является весьма затруднительным.

Представленный на конференции данный доклад в определенной степени призван восполнить ряд пробелов и устранить некоторые неточности в биографии и плодотворной деятельности Ю.В. Лермонтовой в формировании основ отечественной научной школы органической химии.

Юлия Всеволодовна Лермонтова родилась 2 января 1847 г. (21 декабря 1846 г. по ст. ст.) в Санкт-Петербурге в семье потомственного военного. Всеволод Николаевич Лермонтов (1812–1877) был из офицерской династии и приходился троюродным братом великому русскому поэту Михаилу Лермонтову. В 1831 г. он окончил первым по списку 2-й Кадетский корпус и был выпущен прапорщиком в артиллерию, вскоре переведен в лейб-гвардейский Егерский полк, дислоцированный в Петербурге. В 1839 г. поручик Лермонтов успешно сдал экзамены и поступил на учебу в Императорскую академию Генерального штаба. В 1841 г., окончив курс обучения первым в выпуске, был направлен для дальнейшего прохождения службы в Отдельный гвардейский корпус в чине штабс-капитана. С февраля 1849 г. он уже в звании полковника, командует Бородинским 68-м пехотным полком, дислоцированным в Нижегородской губернии. В августе 1852 г. его назначили директором Первого Московского Кадетского корпуса с присвоением звания генерал-майора. Это военное учебное заведение располагалось в районе Лефортово, в Екатерининском (Головинском) дворце.

В целом Юлия Лермонтова получила хорошее домашнее образование. Уже в раннем возрасте научилась читать и стала активно осваивать обширную библиотеку своего отца. В годы отрочества ее учили опытные преподаватели Кадетского корпуса, которые сумели дать ей хорошую подготовку по общеобразовательным предметам. В юности у нее появилось увлечение медициной. К этому Лермонтову подтолкнул прочитанный в одном из журналов очерк о событиях Крымской (Восточной) войны, где рассказывалось о подвигах русских сестер милосердия, отряда «белых голубок», при обороне Севастополя в

---

1) Автор имеет в виду серию «Научно-биографическая литература», которая считается научной академической серией – *прим. ред.*

1854–1855 годах. Однако в то время в России для женщин получение высшего медицинского образования было исключено, для них имелась только возможность получения профессии акушерки в повивальных школах при Московском, Петербургском и Казанском университетах. Юлия Лермонтова смогла добиться разрешения посещать занятия в качестве вольнослушателя в повивальной школе при Клиническом институте Московского университета, где вел занятия профессор, заведующий кафедрой гистологии, эмбриологии и сравнительной анатомии А.И. Бабухин (1827–1891). В то время ее привлекли и занятия в лаборатории, где проводились анализы с использованием химических препаратов, и постепенно возник интерес к более глубокому изучению химии.

В 1864 г. отец Лермонтовой в чине генерал-лейтенанта вышел в отставку и приобрел у коллежского советника Николая Губарева имение с большим земельным наделом в селе Семенково Звенигородского уезда, расположенном в 33 верстах от Москвы, рядом со Смоленским трактом. Здесь Лермонтову увлекла агрохимия, как практическая наука о возделывании растений с помощью применения удобрений для повышения плодородия почвы и урожайности. Именно поэтому летом 1869 г. она подала прошение о приеме в качестве вольнослушателя в Петровскую земледельческую и лесную академию. Однако поскольку в России женщин в высшие учебные заведения не принимали, ее ждал закономерный отказ в ее прошении.

Получив письмо из Петровской земледельческой и лесной академии, Ю.В. Лермонтова решила уехать за границу для получения высшего образования. И в этом деле ей помогла ее подруга С.В. Ковалевская (1850–1891), которая с апреля 1869 г. уже училась в Германии в Гейдельбергском университете. Именно она сумела уговорить отставного генерала Лермонтова отпустить его дочь на учебу за границу под ее опеку.

Осенью 1869 г. Ю.В. Лермонтова приехала в город Гейдельберг, расположенный на северо-западе великого герцогства Баден на берегу реки Неккар. Гейдельбергский университет – старейшее высшее учебное заведение, основанное в 1386 г., был одним из крупных центров естественных наук в Германии. Во второй половине века здесь работали многие выдающиеся ученые-естествоиспытатели. К этой славной когорте принадлежал и профессор Роберт Бунзен (1811–1899), талантливый химик, мастер эксперимента, разработавший способы электролитического получения магния, алюминия, хрома, кальция и др. Кроме того, он изобрел эффективную газовую горелку, названную его именем. В те

чение года Юлия Лермонтова слушала его лекции и проходила практические занятия в химической лаборатории. Профессор Бунзен ставил сложные задачи перед своими стажерами и требовал от них исключительной точности и старания, педантично контролируя проведение даже несложных опытов и относясь нетерпимо к любым ошибкам и оплошностям в работе. В Гейдельбергском университете Лермонтова провела и свое первое значимое научное исследование, заключавшееся в сложном разделении редких металлов, спутников платины.

В конце 1871 г. Ю.В. Лермонтова вслед за своей подругой С.В. Ковалевской переехала в Берлин. Здесь она работала в лаборатории профессора Берлинского университета Августа Гофмана (1818–1892), известного своими исследованиями ароматических соединений. В 1845 г. он выделил из каменноугольного дегтя бензол; обработкой смесью серной и азотной кислот перевел его в нитробензол и восстановлением последнего водородом получил анилин. С большим



Доктора философии Геттингенского университета Софья Ковалевская и Юлия Лермонтова (справа) в 1874 г.

(Из книги С.Е. Резника  
«Владимир Ковалевский»  
(М.: Молодая гвардия, 1978)

вниманием Ю.В. Лермонтова слушала его лекции и прилежно работала под его руководством в химической лаборатории. К берлинскому периоду относится одна из ее значимых работ «О составе дифенина», которая была доложена профессором Гофманом на заседании Немецкого химического общества, а затем опубликована в 1872 г. в солидном научном журнале. [4. С. 231–235]. Своей работой она внесла ясность в состав и химические превращения азотсодержащего органического вещества, привлекавшего ранее внимание многих исследователей, и исправила ошибочные данные ряда известных зарубежных химиков. Одновременно Лермонтова начала работать над докторской диссертацией, выбрав в качестве темы исследование активных метиленовых соединений.

Летом 1874 г. она, вернувшись в Россию, закончила работу над докторской диссертацией «К вопросу о метиленовых соединениях» и начала активно готовиться к сдаче квалификационных экзаменов в Геттингенском университете имени Георга-Августа по четырем предметам, органической и неорганической химии, физике, минералогии. Выбор этого университета в определенной мере был обусловлен тем, что это была «Альма-матер» профессора Гофмана, и к тому же ранее ее подруга С.В. Ковалевская здесь, представив свою диссертацию «К теории дифференциальных уравнений», получила диплом доктора философии [5].

Квалификационные экзамены и защита диссертации стали нелегким испытанием, но в результате Ю.В. Лермонтовой заслуженно была присуждена степень доктора философии Геттингенского университета с «*sum magna laude*» (с высшей похвалой) [2. С. 38].

23 октября 1874 г. в Санкт-Петербурге великий русский ученый Д.И. Менделеев (1834–1907) устроил у себя дома торжественный ужин в честь возвращения в Россию талантливой русской женщины-химика Ю.В. Лермонтовой, получившей докторскую степень, после защиты диссертации в зарубежном университете [6. С. 152]. Об этом в письме к своему брату упоминал известный русский палеонтолог В.О. Ковалевский (1842–1883): «Юля оказалась в центре внимания химиков. Бутлеров усиленно приглашал ее работать в своей лаборатории, она много говорила с его ассистентом Львовым» [7. С. 244]. Таким образом, Ю.В. Лермонтова познакомилась с создателем теории химического строения, академиком А.М. Бутлеровым (1828–1886), который предложил ей работать в химической лаборатории Петербургского университета. Она приняла это приглашение и до конца того года с увлечением выполняла исследовательские работы по изучению строения углеводов.

Весной 1875 г. Ю.В. Лермонтову по рекомендации Д.И. Менделеева приняли в члены авторитетного Русского химического общества, и по поручению руководства она вела обмен корреспонденцией с Парижским химическим обществом. Однако семейные обстоятельства, связанные с кончиной матери и болезнью отца, вынудили ее остаться в Москве. По рекомендации академика А.М. Бутлерова она продолжила свою научную деятельность в химической лаборатории Московского университета под руководством известного русского химика-органика, профессора В.В. Марковникова (1838–1904). В августе 1876 г. в «Журнале Русского химического общества» в разделе «Из химической лаборатории Московского университета» опубликована ее статья





В журнале «Русского химического общества» печатались научные статьи Ю.В. Лермонтовой (Фонд РГБ)

«О получении нормального бромистого пропилена» [8. С. 241–281]. В результате проделанного исследования она сумела достичь при температуре  $170^{\circ}\text{C}$  оптимальных условий образования триметиленбромид с «наилучшим выходом». Таким образом, ею был создан эффективный препаративный метод получения данного ценного органического соединения. В том же номере журнала опубликована статья профессора В.В. Марковникова «Об изомерных пировинных кислотах», в которой отмечено активное участие Лермонтовой в работе по синтезу глутаровой кислоты [9. С. 245–252].

В начале сентября 1876 г. Ю.В. Лермонтова приняла участие в работе V Съезда русских естествоиспытателей, проходившего в Варшаве, где выступила на одной из секций с докладом о результатах своей научной работы по получению нормального бромистого пропилена [10. С. 270].

В феврале 1877 г. скончался отец Ю.В. Лермонтовой. С того времени дела по вступлению в наследство и ознакомление с состоянием дел в имении Семенково отняли немало времени. Несмотря на это, Лермонтова продолжала приезжать в Санкт-Петербург и проводить исследовательские работы в химической лаборатории академика Бутлерова. В 1878 г. в «Журнале Русского химического общества» напечатана ее значимая научная работа «О действии третичного йодистого бутила на изобутилен в присутствии металлических окислов» [11. С. 236–238]. В диапазоне температур  $100\text{--}150^{\circ}\text{C}$  она воздействовала йодистым метилом, йодистым третичным бутилом на изобутилен в присутствии последовательно окиси цинка и магнезии. В результате ею были получены углеводороды с более низкой точкой кипения. Высокую оценку академика Бутлерова получили работы Лермонтовой по алкилированию олефинов га-

логенопроизводными с участием окислов цинка и магния, а также по каталитическому синтезу димера и тримера изобутилена. До сих пор в процессе синтеза высокоактивных углеводов широко используется реакция Бутлерова-Эльтенова-Лермонтовой.

Однако решение возникших острых проблем по управлению подмосковным имением Семеново настоятельно требовали ее непосредственного участия на месте. В письме от 17 (5) апреля 1880 г. к академику Бутлерову она написала о невозможности продолжения постоянной работы в химической лаборатории в Санкт-Петербурге, так как: «сильно увлечена сельским хозяйством и очень хлопоту поставить свое хозяйство на нужную ногу» [2. С. 42]. И все же даже в этих непростых условиях Ю.В. Лермонтова стремилась продолжить свою научную работу даже во время нескольких кратковременных поездок в Санкт-Петербург. Осенью 1881 г. в «Журнале Русского химического общества» напечатана ее работа «Получение кротонилен» [12. С. 390–392]. Эта работа явилась дальнейшим ее исследованием развития реакции перехода от олефинов к ацетиленовым углеводородам через дибромиды. Синтез углеводорода кротонилен (бутина-2) стал финальным аккордом в творческом сотрудничестве Ю.В. Лермонтовой и академика А.М. Бутлерова.

Дальнейший период научных исследований Ю.В. Лермонтовой был связан полностью с химической лабораторией Московского университета. В 1881 г. ее приняли в члены Московского отделения Императорского Русского технического общества, включив в состав химико-технической группы (ХТГ), возглавляемой профессором В.В. Марковниковым. На заседаниях ХТГ рассматривались вопросы практического использования химических технологий в отечественной промышленности. Именно тогда на первый план в научной деятельности Лермонтовой вышли работы по термическому деструктивному разложению нефтяного сырья и получению ароматических углеводородов. Здесь она уделила особое внимание температурному режиму перегонки, скорости притока нефти, установлению величины поверхности нагрева реторты относительно ее объема. В журнале «Техник» было помещено сообщение Ю.В. Лермонтовой на общем собрании Московского отделения Русского технического общества о результатах этой исследовательской работы в феврале 1883 г.: «Действие высокой температуры на нефть, как было сказано, – процесс в химическом отношении чрезвычайно сложный, а потому как на количественный, так и на качественный выход газа и дегтя оказывают влияние весьма многие и



весьма разнообразные условия. Мои опыты были направлены на изучение этих условий» [13. С. 11]. Она установила, что светильный газ, полученный при разложении нефти, обладает значительно большей, почти в 4–5 раз, световой силой по сравнению с продуктом каменноугольного газового производства. Следующим этапом научной работы Лермонтовой стало исследование каталитического разложения нефти и нефтепродуктов, где она применяла в качестве катализаторов белую глину, медь, уголь, губчатую платину и различные сплавы. Так, при использовании белой глины в качестве катализатора при разложении нефти она получила 25% выход смолы с содержанием 12% бензола, а при использовании меди соответственно – 50% выход смолы с содержанием 20,8% бензола. Таким образом, своими исследованиями она определила наилучшие условия разложения нефти и нефтепродуктов для получения максимального выхода ароматических углеводородов.

Закономерным итоговым результатом исследований Лермонтовой в области переработки нефти стало изобретение оригинального аппарата для непрерывной перегонки нефти под перегретым паром. Он состоял из котла, перегревателя, перегонного куба, дефлегматоров и холодильных устройств. Нефть непрерывно самотеком поступала в перегонный куб из расположенного выше резервуара. Туда же поступал и перегретый пар, а испаряющиеся нефтяные пары проходили через систему дефлегматоров, отделяющих фракционные погоны. Испытания пилотного образца установки показали впечатляющие результаты по получению легких фракций нефти.

В декабре 1883 г. в журнале «Техник» инженер-технолог К.И. Тумский писал: «Аппарат Ю.В. Лермонтовой для непрерывной перегонки нефти заслуживает особого внимания главным образом по простоте своей конструкции, что делает его вполне доступным для заводчиков. Как показали многочисленные опыты, аппарат этот дает возможность получать из нефти желаемое число погоней и желаемого, в известных пределах конечно, качества... В настоящее время г-жа Лермонтова не знает еще, удастся ли ей проникнуть со своим аппаратом на какой-нибудь перегонный завод и найдется ли хотя бы один из наших промышленников, который серьезно заинтересуется аппаратом и у себя на заводе пустит непрерывную перегонку» [14. С. 3]. К сожалению, эти опасения оправдались и изобретение Лермонтовой так и не нашло практического применения в промышленном производстве. В значительной степени незаинтересованность российских нефтепромышленников в данном инновационном проекте и невозможность его

реализации привели ее к глубокому разочарованию и снижению интереса к дальнейшим исследованиям в области нефтехимии и химической технологии.

Неожиданная кончина в феврале 1891 г. ее многолетней, близкой подруги профессора математики Стокгольмского университета С.В. Ковалевской и необходимость установления опеки над ее тринадцатилетней дочерью Софьей вынудили Лермонтову полностью отказаться от продолжения научных исследований в химической лаборатории Московского университета. Она окончательно поселилась в своем имении Семеново в Звенигородском уезде Московской губернии. Здесь она с большим успехом занялась сельским хозяйством, создав собственное производство по выпуску химических удобрений. Ее семеноводческая станция выращивала устойчивые и высокоурожайные семена широкой номенклатуры садово-огородных растений, которые были востребованы на московском рынке. Продукция ее сыродельного завода также нашла хороший сбыт далеко за пределами Звенигородского уезда.

После прихода большевиков к власти в ноябре 1917 г. Ю.В. Лермонтовой пришлось пережить немало нелегких испытаний. Несмотря на преклонный возраст, ее как «чуждого классового элемента» несколько раз местный Комитет бедноты пытался выселить из собственного дома. Помогло только обращение нескольких московских ученых к наркому просвещения А.В. Луначарскому (1875–1933), по распоряжению которого было выдано Ю.В. Лермонтовой охранительное свидетельство как «ценному научному работнику». Однако состояние ее здоровья ухудшалось и 16 декабря 1919 г. она ушла из жизни.

В памяти российского химического сообщества Юлия Всеволодовна Лермонтова осталась как талантливый химик-органик, как первая русская женщина-нефтехимик, успешно решавшая сложные научно-технологические задачи. И хотелось бы надеяться, что в Москве на доме № 46 по ул. Мясницкой, где в 70-х гг. XIX в. проживала Ю.В. Лермонтова, в будущем появится мемориальная доска в ее честь.

## **Литература, источники, примечания**

1. *Мусабеков Ю.С.* Первые русские женщины-химики // Сообщения о научных работах членов Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева. 1949. Вып. 4.
2. *Мусабеков Ю.С.* Юлия Всеволодовна Лермонтова, 1846–1919. М.: Наука, 1967.

3. Греков Ф.В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910. М., 1910.
4. Julie Lermointoff aus Moscou. Über die Zusammensetzung des Diphenins. Berichte. 1872. Bd. 5. S. 231–235.
5. В XIX в. в университетах Германии ученым, представителям естественных наук, после сдачи квалификационных экзаменов и защиты специализированной диссертации присуждалась степень доктора философии. Так, климатолог и географ А.И. Воейков в 1865 г. получил диплом доктора философии в Геттингенском университете, геолог и палеонтолог В.О. Ковалевский в 1872 г. получил диплом доктора философии в Иенском университете, математик С.В. Ковалевская в 1874 г. получила диплом доктора философии в Геттингенском университете и т.д.
6. Летопись жизни и деятельности Д.И. Менделеева. Л.: Наука, 1974.
7. Резник С.Е. Владимир Ковалевский. М.: Молодая гвардия, 1978.
8. Лермонтова Ю.В. О получении нормального бромистого пропилена // Журнал Русского химического общества. 1876. Т. 8.
9. Марковников В.В. Об изомерных пировинных кислотах // ЖРХО. 1876. Т. 8.
10. Козлов В.В. Очерки истории химических обществ СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
11. Лермонтова Ю.В. О действии третичного йодистого бутила на изобутилен в присутствии металлических окислов // ЖРХО. 1878. Т. 10.
12. Лермонтова Ю.В. Получение кротонилену // ЖРХО. 1881. Т. 13.
13. Техник. 1883. № 20.
14. Техник. 1883. № 24.

## Фонд палеонтолога М.В. Павловой в Архиве РАН: биографические материалы и научное наследие

*С.А. Лиманова*

Мария Васильевна Павлова, урожденная Гортынская, – первая женщина-палеонтолог в России и первая женщина-профессор Московского университета. Ее интерес к наукам о природе зародился благодаря стараниям отца, Василия Степановича Гортынского, выпускника Московского университета, практикующего врача, добрую память о котором она сохранила на всю жизнь.

Мария Гортынская родилась 15 (27) июня 1854 г. в г. Козелец Черниговской губернии, в 1870 г. окончила Киевский институт благородных девиц, после чего несколько лет занималась преподаванием, а затем вышла замуж за земского врача Н.Н. Иллич-Шишацкого. Однако семейное счастье было недолгим. В 1880 году супруг Марии

Васильевны заболел брюшным тифом и умер. Стараясь пережить личную трагедию, молодая женщина посвятила все свое время самообразованию: читала книги, изучала естествознание, особенно биологию. Занятия настолько увлекли, что она решила продолжить обучение, но не в России, где высшее женское образование по-прежнему оставалось труднодоступным, а в Париже [1].

С Сорбонны начался новый этап в жизни Марии Васильевны. Она прослушала курс лекций, посещала Музей естественной истории и в 1884 г. успешно сдала экзамены. В то же время состоялось судьбоносное для нее знакомство с приехавшим из Москвы в научную командировку молодым магистром геологии Алексеем Петровичем Павловым. Через год



Мария Васильевна Павлова.  
Конец 80-х гг. XIX в. (Архив РАН)

А.П. Павлов пригласил Марию Васильевну работать в геологический музей Московского университета, и вскоре она переехала в Москву. 26 мая 1886 г. Алексей Петрович и Мария Васильевна поженились.

Статус супруги ученого позволил М.В. Павловой свободно заниматься наукой, ездить в командировки для сбора необходимых материалов, писать научные статьи, участвовать в международных конференциях. Ее первая работа об эволюции ископаемых копытных млекопитающих была опубликована в 1887 г. и сразу получила признание специалистов. За ней последовала целая серия выпусков «Этюдов по палеонтологической истории копытных», издававшихся на протяжении 20 лет. За основу М.В. Павлова брала известные материалы по Западной Европе и Америке, параллельно собирая и обрабатывая собственные данные. С этой целью она объездила множество университетских и краеведческих музеев России и посещала крупнейшие зоологические музеи мира. С 1888 г. М.В. Павлова вступила в ряды старейшего естественнонаучного общества России – Московского общества испытателей природы, в 1911 г. стала его почетным членом.

Параллельно с большой и трудоемкой работой по изучению копытных М.В. Павлова занималась исследованиями хоботных, резуль-

татом чего, помимо многочисленных статей, стала публикация в 1910 г. капитального труда об ископаемых слонах России. От описания отдельных групп ископаемых млекопитающих М.В. Павлова постепенно перешла к описанию целых фаун, что нашло отражение в двух выпусках монографии «Третичные млекопитающие Малороссии». Она же подготовила и прочла первый в Москве курс лекций по палеонтологии, пользовавшийся большим интересом у студентов. Будучи членом целого ряда обществ – Минералогического общества, Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Русского географического общества, Уральского общества любителей естествознания, Новороссийского общества испытателей природы – М.В. Павлова всегда вела активную работу по популяризации научных знаний. Еще в начале своей научной деятельности она сделала перевод введения к книге австрийского палеонтолога-эволюциониста М. Неймайра «Корни животного царства» (1898 г.) и книги Г.Н. Хетчинсона «Вымершие чудовища» (1898–1899 гг.). Это были первые доступные для широкого круга читателей книги по палеонтологии на русском языке.

Министерство просвещения не спешило поощрять ученые заслуги М.В. Павловой, однако коллеги все же добились присвоения ей в 1916 г. ученой степени доктора зоологии. Позднее, уже став профессором, она долгие годы возглавляла кафедру палеонтологии в Московском университете (с 1919 г. по 1930 г.) и вместе с А.П. Павловым создала большой палеонтологический отдел в Геологическом музее университета. Лекции, которые М.В. Павлова читала в университете, легли в основу опубликованного в 1928–1929 гг. двухтомного курса «Палеозоология». В 1924 г. вышла ее научно-популярная книга «Причины вымирания животных в прошедшие геологические эпохи».

В 1921 г. М.В. Павлова стала действительным членом АН УССР, в 1930 г. – почетным членом АН СССР. В 1926 г. вклад супругов Павловых в развитие науки оценили на международном уровне: Французское геологическое общество присудило им высшую премию – золотую медаль имени А. Годри. Пока позволяло здоровье, М.В. Павлова продолжала заниматься любимым делом и даже в 75-летнем возрасте участвовала в научных экспедициях. Скончалась Мария Васильевна Павлова 23 декабря 1938 г. в Москве.

Вехи научного пути М.В. Павловой во многом воссоздаются благодаря документальному наследию личного фонда этой удивительной женщины-палеонтолога, хранящемуся в **фонде 311** Архива Россий-

ской академии наук. В этом же фонде содержится богатый научно-исследовательский материал – результат многолетней, кропотливой и плодотворной деятельности. Фонд состоит из четырех описей. Крайние даты документов охватывают период с 1836 г. по 1938 г. Верхняя граница – дата смерти М.В. Павловой. Нижняя граница расширена за счет того, что в фонде имеются документы других лиц, в частности отца М.В. Павловой, В.С. Гортынского.

При первом же ознакомлении с описями становится ясным, что фонд формировался в несколько этапов. «Научные труды М.В. Павловой» представлены в Описи 1 (51 ед. хр.) и Описи 1а (122 ед. хр.). **Опись 1** включает в основном итоговые работы: исследования по палеонтологии и палеозоологии, опубликованные начиная со второй половины 80-х гг. XIX в. на русском и французском языках (статьи «О мамонте, найденном близ города Ярославля в 1896 году», «Ossements fossiles trouvés dans les environs de Kriwoi Rog gouvernement de Kherson», «Очерк по истории палеонтологии», двухтомная «Палеозоология» и др.); описания отдельных ископаемых и целых фаун, собранных во время различных экспедиций (описание ископаемых млекопитающих, найденных русской полярной экспедицией в 1900–1903 гг.; описание новой третичной фауны млекопитающих юга России; негативы Монгольской экспедиции; палеонтологическая карта М.В. Павловой); каталоги коллекций геологического кабинета Московского университета; программы съездов и конгрессов, в которых участвовала М.В. Павлова; подробные обзоры русской и иностранной литературы по палеонтологии, геологии, петрографии, минералогии, кристаллографии; подборки тематических публикаций разных авторов; вырезки из газет; присланные материалы. Сюда же попали некоторые документы, свидетельствующие о широте интересов М.В. Павловой. Например, конспекты лекций по русской истории В.О. Ключевского (1885–1886 гг.) или брошюра П.В. Безобразова «О современном положении женщин» (1892 г.).

**Опись 1а** – более обширна и содержит не только результаты работ, но и различные черновые материалы. Тетради с записями М.В. Павловой, черновики статей, выступлений, публичных лекций, сообщений для различных обществ. Материалы по обработке палеонтологических коллекций, включая списки слепков и итоговые диапозитивы; выписки по экспедициям; отзывы на работы других лиц. Богатая коллекция зарисовок, сделанных М.В. Павловой, и фотоснимков ископаемых животных. Ее переписка с научными учреждениями, издательствами; приглашения на конгрессы, конференции. В этой же



описи представлены биографические документы: автобиографии, списки научных трудов; паспортные книжки, удостоверения личности, различные свидетельства и дипломы; юбилейно-поздравительная документация; записи лекций во время пребывания в Париже; заметки М.В. Павловой, сделанные в ходе путешествий по городам России, Европы и Америки; записные книжки с адресами, расходами; квитанции, счета. Еще один блок документов – материалы родственников и других лиц. Прежде всего, это рукописи В.С. Гортинского – «История философских систем», «Медикотопографическое описание округов Черниговской губернии», а также исторический очерк архивариуса Н. Гуляева «Барнаульский музей со времени его основания по 1899 г.», отчет В.В. Меннера о летней практике 1924 г. и др., многочисленные, но мало атрибутированные фотографии ученых-коллег.

**Опись 2** хоть и называется «Биографические документы М.В. Павловой», состоит преимущественно все из тех же научных дел (32 ед. хр.). Здесь есть лекции и статьи по палеонтологии, рукописи, папки с рисунками и зарисовками, фотоснимки, каталоги коллекций, сводные таблицы; разрозненные письма, приглашения, билеты; фото-



Записная книжка М.В. Павловой за 1900 г. Записи сделаны во время поездки во Францию на Международный Геологический конгресс (Архив РАН)

графии самой М.В. Павловой, ее коллег и мест раскопок. Из личных документов – дипломы об избрании почетным членом разных обществ. Особый интерес представляют рисунки М.В. Павловой, выполненные акварелью или масляными красками, открывающие для нас новую грань таланта известного ученого. В основном это пейзажи, некоторые из них оцифрованы и представлены на виртуальной выставке «Музы в храме науке» (портал Архивы Российской академии наук).

Последняя опись, **Опись 3**, под названием «Переписка М.В. Павловой» составляет самую объемную часть фонда (292 ед. хр.). Фамилии корреспондентов распределены в алфавитном порядке, в некоторых делах есть черновики ответных писем М.В. Павловой; в отдельные единицы хранения выделены письма с неразборчивыми подписями, визитные карточки в документах М.В. Павловой, телеграммы, полученные в связи со смертью А.П. Павлова [2], и семейная переписка.

М.В. Павлова поддерживала тесные научные и дружеские контакты с учеными по всему миру. Например, в течение 20 лет она переписывалась с Альбером Годри (Albert Gaudry), французским геологом и палеонтологом, лекции которого произвели на нее огромное впечатление еще во время учебы в Париже [3; 4]. Среди других иностранных



Рисунок М.В. Павловой, выполненный масляными красками.  
Начало XX в. (Архив РАН)



корреспондентов М.В. Павловой – австрийский палеонтолог Отенио Абель (Othenio Abel), французский ботаник и биолог Филипп ван Тигем (Philippe van Thieghem), английский палеонтолог Артур Вудвард (Arthur Smith Woodward), французский геолог и палеонтолог Шарль Депере (Charles Deperet), австрийский геолог Эдуард Зюсс (Eduard Suess), американский геолог и палеонтолог Генри Осборн (Henry Fairfield Osborn), французский зоолог Эдмон Перрье (Edmond Perrier), швейцарский зоолог и палеонтолог Людвиг Рютимейер (Rutimeyer), американский палеонтолог Чарлз Уолкотт (Charles Walcott), немецкий геолог и палеонтолог Карл фон Циттель (Zittel), английский автор популярных книг по геологии, палеонтологии и антропологии Генри Хатчинсон (Henry Hutchinson).

В фонде М.В. Павловой хранится также переписка с русскими и советскими учеными: геологами Н.И. Андрусовым, А.Д. Архангельским, К.Д. Глинкой, М.Д. Залесским, А.П. Карпинским, Н.И. Криштафовичем, Ф.Ю. Левинсон-Лессингом, В.В. Менером, Д.И. Мушкетовым, С.В. Обручевым, П.А. Тутковским, А.А. Черновым, палеонтологами А.А. Борисяком и М.А. Болховитиновой, зоологами Л.С. Бергом, А.А. Бялыницким-Бирулей, Н.Ю. Зографом, Н.М. Кулагиным, Н.В. Насоновым, геохимиками и минералогами В.И. Вернадским и А.Е. Ферсманом, биологом А.Н. Северцовым, ботаником и палеоботаником И.В. Палибиным, генетиком А.С. Серебровским и многими другими.

Как показывает краткий обзор фонда, хранящиеся в нем материалы разнообразны и обширны, но плохо систематизированы. Опись фонда производилась в 30–40-е гг. XX в. и нуждается в переработке в соответствии с современными требованиями научного описания личных фондов ученых [5]. Это упростило бы поиск необходимых документов и позволило выделить в отдельный раздел каталоги и описания богатых палеонтологических коллекций.

Фонд М.В. Павловой может послужить хорошим источником для изучения становления палеонтологии как науки в России. Материалы фонда позволяют обратиться к широкому кругу исследовательских вопросов от практики составления каталогов и научно-справочного аппарата до реконструкции пространства научных связей рубежа XIX–XX вв., их взаимодействия и взаимовлияния. Сохранившиеся записи, зарисовки, фотографии, эти наглядные свидетельства каждодневного труда М.В. Павловой, безусловно, требуют более глубокого научного осмысления. В то же время плоды ее творческого досуга в виде разнообразных пейзажей и натюрмортов открывают поле деятельности не

только для историков науки, специалистов в области геологии и палеонтологии, но и для искусствоведов.

### **Литература, источники, примечания**

1. Подробнее об этом периоде жизни М.В. Павловой – см.: *Любина Г.И.* Мария Шишацкая в Париже: к биографии М.В. Павловой // *Природа*. 2015. № 3. С. 73–83.
2. Фонд геолога А.П. Павлова также хранится в Архиве РАН – см.: АРАН. Ф. 48. Оп. 1–6.
3. *Лиманова С.А.* Палеонтология в письмах: А. Годри – М. Павловой // *Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века = Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie au XIXe siècle*. М., 2013. С. 330–339.
4. *Любина Г.И.* Письма Альбера Годри Марии Васильевне Павловой (1890–1908) // *Архив истории науки и техники. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Т. V (XIV)*. М., 2015. С. 575–587.
5. См.: «Методические рекомендации по комплектованию, экспертизе ценности и научному описанию личных фондов ученых в Архиве РАН», разработанные в 1991 г. и дополненные в 2013 г.

## **«... Я стала астрономом». Мария Васильевна Жилова (1871–1934)**

*Т.В. Соболева*

«8-го июня 1895-го года я приехала в Пулковскую обсерваторию в качестве астронома по приглашению ее директора О.А. Баклунда» [1. Л. 1 об.]. Это был знаменательный день для Марии Жиловой. А в Главной астрономической обсерватории (ГАО) в Пулкове приглашение на работу женщин стало новой традицией.

Мария Васильевна Жилова родилась 27 декабря 1870 г. (8 января 1871 г.) в большой семье, принадлежавшей к одной из самых старых купеческих династий г. Рыбинска Ярославской губ. (род Жилых-Жиловых известен с середины XVII в.). Отец Василий Иванович Жиллов (1822–1883) – купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин г. Рыбинска, вел широкую торговлю хлебом во многих городах Поволжья. После смерти своей жены он пожертвовал Софийскому женскому монастырю землю, купленную им в центре города [2]. Из купеческого сословия происходила и мать Екатерина Ильинична (урожд. Волкова, ум. в 1879 г.). Она имела склонность к литературе и



М.В. Жилова. [1900-е гг.].  
(Фотокопия. Архив ГАО)

писала стихи [1. Л. 1]. Кроме Марии, в семье Жиловых было два брата и три сестры.

Старший брат Александр Васильевич Жилов (1854–1909) – известный в Рыбинске крупный хлеботорговец и мукомол, купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин. В 1883 г. он открыл мукомольное дело на левом берегу Волги близ Рыбинска, построив по собственному проекту пятиэтажное деревянное здание паровой мельницы. В конце 1900 г. мельница сгорела. Через год построили новое здание мельницы, уже кирпичное, также по проекту Жилова. Эта мельница была снабжена передовым по тому времени мукомольным обо-

рудованием англо-швейцарского производства Торгового дома «Томас Робинсон и сын». Современники-инженеры отмечали простоту, легкость, почти автоматический процесс размола, минимальное число людей, занятых в производстве. А.В. Жилов состоял попечителем земской больницы, членом попечительских советов Мариинской женской гимназии, детских приютов, тюремного комитета, был старостой Казанской церкви, возле которой его и похоронили. Он завещал денежные взносы с мельницы и капитал в 5000 рублей на устройство училища садоводства и огородничества и мукомольной школы при нем. После его смерти вдова Мария Андреевна Жилова на паях с сыновьями Василием, Андреем и Иваном в 1913 г. организовала «Торгово-промышленное товарищество наследников А.В. Жилова» [3. С. 239].

В Рыбинске жил и другой брат, Николай Васильевич Жилов (1858–?), купец 2-й гильдии, а также сестры София и Александра. Старшая сестра Екатерина Васильевна Закашляева (1866–?) после замужества переехала в Петербург. Она работала в городском Рождественском барачном лазарете императрицы Марии Александровны [4. С. 208]. Екатерина писала стихи и прозу и публиковалась под своей девичьей фамилией Жилова.

«До 1880-го года я была исключительно под влиянием своей семьи, – написала в автобиографии Мария Васильевна. – Отец и мать принимали близкое участие в моем воспитании. Я росла среди сестер и братьев. С рождения и до 7-летнего возраста у меня была одна няня – крестьянка Ярославской губернии. После нее поступила на 3 года вторая няня, также крестьянка, но прожившая в рыбинском монастыре несколько лет. Обе они оказали на меня сильное влияние» [1. Л. 1]. В 1889 г. Мария окончила с золотой медалью Мариинскую женскую гимназию и после настойчивой борьбы за право учиться дальше упростила родных отпустить ее на курсы в Петербург. Разрешение было дано лишь потому, что там жила замужняя сестра Екатерина. В 1890 г. Мария поступила на физико-математическое отделение Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов (ВЖК) и все четыре года своего студенчества провела в семье Закашляевых [5. С. 229]. Обучение оплачивал брат Н.В. Жилов, который был ее попечителем [6].

На мировоззрение курсистки оказали сильное влияние лекции профессоров ВЖК О.А. Баклунда, О.Д. Хвольсона, П.А. Шиффа, Н.Н. Бекетова, И.В. Мушкетова, И.В. Мещерского и общение с этими выдающимися личностями. «Вера Иосифовна Шифф ввела меня в профессорскую среду математиков. Директор Курсов Василий Петрович Кулин своими расспросами постоянно показывал заботу обо мне, как о младшем члене его громадной курсовой семьи. Профессор А.И. Введенский сильно повлиял на меня своею работой о забастовках. Профессор Д.И. Менделеев оставил неизгладимый след своею лекциею о значении промышленности для России вообще и выработки каменного угля в частности» [1. Л. 1 об.].

Окончив ВЖК в 1894 г., М.В. Жилова не сразу выбрала специальность. Профессор О.Д. Хвольсон предлагал остаться на ВЖК и заниматься магнитно-электрическими исследованиями. В Пулковскую обсерваторию приглашал О.А. Баклунд [7], заметив у курсистки интерес к астрономии и вычислительные способности. Но сначала О.А. Баклунд порекомендовал ей поработать в Вычислительном бюро при Академии наук, которое он организовал в 1894 г. для вычислений движений комет, прежде всего кометы Энке. Эта комета интересна тем, что имеет самый короткий известный период обращения среди всех комет – 3,3 года, и тем, что период ее обращения постоянно уменьшается. В поисках объяснения этого уменьшения Баклунд и собрал в Вычислительном бюро, которое отчасти финансировалось Эммануилом Нобелем, большое число сотрудников-вычислителей. Императорская



Группа астрономов у башни 30-дюймового рефрактора в Пулковке. Июнь 1914 г.

*Сидят (слева – направо):* пулковские астрономы Г.А. Тихов, А.С. Васильев, Ф.Ф. Ренц, О.А. Баклунд, А.А. Белопольский, М.Н. Морин, М.В. Жилова, Е.П. Милорадович и И.В. Бонсдорф; штабс-капитан Менде.

*Стоят (слева – направо):* сотрудники Пулковской обсерватории А.Н. Высотский, А.А. Кондратьев, С.В. Романская, М.Ф. Ренц, М.М. Породко, И.Н. Леман-Балановская, И.А. Балановский, Б.И. Рак, В.А. Мессер, Л.Л. Маткевич и Б.А. Земцов; геодезист Трзич, преподаватель гимназии в г. Сараеве Трухелька (Архив ГАО)

Академия наук за заслуги академика в исследовании кометы Энке приняла решение именовать ее в своих изданиях кометой Энке-Баклунда [8. С. 26].

До весны 1895 г. Мария Васильевна занималась в Вычислительном бюро вычислениями и обработкой измерений фотопластинок. «Определенность предложения О.А. Баклунда взяла перевес при моем окончательном выборе специальности: с 1-го октября 1894-го года я стала астрономом» [1. Л. 1 об.]. В дальнейшем вся ее жизнь оказалась навсегда связана с Пулковом.

Вычислительный труд в Пулковской обсерватории всегда был делом очень трудоемким, а вычислителей не хватало. Именно для этой работы О.А. Баклунд решил пригласить в ГАО некоторых из своих



Пулковская обсерватория. Вид на центральную часть Главного здания и Восточный корпус. [1930-е гг.] (Личный архив семьи Дейчей)

бывших слушательниц ВЖК. Немало усилий приложил он, чтобы устроить на службу сверхштатными вычислителями первых бестужевок-астрономов. Для этого пришлось испросить личное разрешение президента Императорской Академии наук великого князя Константина Константиновича. Только тогда министр народного просвещения И.Д. Делянов согласился на зачисление в ГАО [9] первых женщин-астрономов М.В. Жиловой и М.Л. Бронской. Позднее на тех же условиях были приняты бестужевки Е.А. Максимова и В.П. Теплякова [10. С. 778]. Сверхштатные вычислители работали по вольному найму и получали крайне низкое жалованье, они не имели никаких юридических прав, в том числе и на пенсию. Поэтому многие из них покидали обсерваторию и переходили на педагогическую работу. Кроме того, астрономы относились скептически к научной подготовке курсисток, предоставляя им вначале лишь техническую вычислительную работу [5. С. 231]. Но директор в ежегодных отчетах [11] о деятельности ГАО неоднократно отмечал трудолюбие и знание дела вычислительниц, что способствовало успешному ходу обработки наблюдений. Времен-

ной разрыв между наблюдениями и публикацией результатов сократился с 20 до 5 лет [12].

М.В. Жилова была человеком состоятельным, имела свой капитал, поэтому могла принять должность сверхштатного вычислителя. Она переехала в Пулково и поселилась в казенной квартире № 20 в третьем этаже Восточного корпуса. 8 июня 1895 г. она начала свои занятия астрономией, кропотливо вычисляя длинные ряды наблюдений, обрабатывая фотографические пластинки и спектрограммы звезд. «Имя мое упоминается в Пулковских каталогах, так как я принимала участие в обработке наблюдений Пулковскими вертикальным [и меридианным] кругами и одесскими: вертикальными кругами и научными инструментами» [13. Л. 4]. Говорили, что вычисляет она артистически.

Будучи с 1895 г. членом Русского астрономического общества (РАО), Жилова имела возможность выступать с докладами на его собраниях, публиковать статьи в «Известиях РАО». В 1905 г. она получила от РАО премию. М.В. Жилова имела собственные научные интересы. Самостоятельные исследования она начала вести в 1900 г. [14. Л. 56], но долго еще оставалась на должности вычислителя. Только 30 января 1921 г. Совет астрономов избрал ее адъюнкт-астрономом.

В течение многих лет Жилова работала в различных областях астрономии, «но я считаю себя небесным механиком, специалисткой в узкой части ее: определение абсолютных орбит малых планет типа Несуба [Гекуба] по способу О.А. Баклунда» [1. Л. 1 об.]. Ее работы по теории движения малых планет Protogenia [Протогеней] (до 2000 г.), Doris [Дорис], Philomela [Филомела], Themis [Фемида] стали ценным вкладом в науку и получили широкое признание не только на родине, но и за рубежом. Вычисленные М.В. Жиловой эфемериды малых планет печатались в ежегодниках «Kleine Planeten» [Малые планеты] Вычислительного института в Берлине. Поэтому естественным является именование в честь нее одной из малых планет: астероид № 1255 (Schilowa), открытый Г.Н. Неуйминым 10 мая 1932 г. в Симеизском отделении ГАО.

Большой заслугой Марии Васильевны стали ее вычисления так называемых больших бесселевых величин на 1905–1925 гг., служащих фундаментом для астрометрических вычислений. Эти величины содержались в национальных астрономических ежегодниках других стран, а в России издание Астрономического ежегодника началось только в 1922 г. Таблицами Жиловой, изданными ГАО в нескольких выпусках, пользовались все пулковские астрономы [12].



В круг исследований М.В. Жиловой вошли также наблюдения солнечных пятен и факелов. 8 августа 1896 г. она наблюдала частное солнечное затмение в Пулкове, а полное солнечное затмение 8 августа 1914 г. – в Феодосии. Сохранилась записка астронома «Несколько слов об затмении Солнца 1914-го года 8-го августа» [15], в которой подробно рассказано о проведенных наблюдениях, о снимках Солнца, о сильном психологическом влиянии на нее этого события.

М.В. Жилова опубликовала около 40 научных работ. Она являлась членом Всероссийского астрономического союза и активно участвовала в работе трех (из четырех) Всероссийских астрономических съездов в Петрограде – Ленинграде: 1-го (1917), 2-го (1920) и 4-го (1928). В 1929 г. Российское общество любителей мироведения избрало ее своим членом-корреспондентом. Она участвовала в 1-м Всероссийском воздухоплавательном съезде (Петербург, 1911) и в 13-м съезде Русских естествоиспытателей и врачей (Тифлис, 1913). Мария Васильевна неоднократно делала сообщения в научных обществах, читала популярные публичные лекции в Петербурге, а также в Рыбинске. На родину она ездила довольно часто. Своей семьи создать не привелось, в кругу коллег была одинока, только среди многочисленных родственников, вероятно, отдыхала душой.

Стоит отметить, что Мария Васильевна всю жизнь испытывала благодарность к О.А. Баклунду. На похоронах астронома она выступила с речью и сказала: «Счастье мое, что я могу назвать его моим учителем» [16. Л. 38 об.]. Баклунд умер 16 августа 1916 г., а 28 августа 45-летняя Мария Жилова составила свое «духовное завещание» [17]. Возможно, смерть учителя навела ее на мысль о собственной кончине. Следуя традициям благотворительности семьи Жиловых, она распорядилась своим капиталом следующим образом. С процентов от вклада в Государственном банке следовало платить за слушательницу ВЖК, за одну гимназистку в Рыбинской Мариинской женской гимназии, за обучение одного ребенка служителей Пулковской обсерватории и за одного или нескольких деревенских детей в школе с. Пулкова. Оставшиеся деньги предназначались для ежегодной премии на ВЖК за работы по астрономии. Что стало с ее капиталом через год, можно только догадываться.

Мария Васильевна занималась и творчеством. Среди записей в дневниках [18] – неизданные рассказы и даже пьеса «Биль» о семье Жиловых. Любопытно толкование ею персонажей сказки П.П. Ершова «Конек-горбунок»: Царь-Солнце – Александр I, Жар-птица – писате-

ли, перо Жар-птицы – писательский талант, Конек-горбунок – мысль. Сохранились и живописные работы астронома. Правда, они имели научные цели: свои наблюдения северного сияния, закатов, восходов, метеоров она иллюстрировала акварелями [19].

К концу 1920-х гг. у Марии Васильевны, подверженной нервным заболеваниям, созрело решение уйти на пенсию. Можно представить, чего стоило ей, одинокой женщине, 35 лет трудившейся в обсерватории, оставить свои занятия в ней. В ноябре 1929 г. она подала прошение об отставке. По распоряжению Правления ГАО с 1 марта 1930 г. ей назначена академическая пенсия, а с 16 апреля 1930 г. М.В. Жилова освобождена от должности научного сотрудника 1-го разряда. Но ей разрешено пользоваться библиотекой и наблюдать на 3-дюймовой переносной трубе [20. Л. 34, 35]. А также «Не встречено препятствий к удовлетворению просьбы Жиловой об оставлении в ее пользовании огорода с кустами и деревьями, посаженными ею в 1929 г.» [21. Л. 47]. Вместе с тем пенсионерке предложено в месячный срок покинуть казенную квартиру. Мария Васильевна поселилась неподалеку от обсерватории, в с. Пулковке. Она прожила там четыре года и скончалась 17 мая 1934 г. [22], на следующий день после смерти А.А. Белопольского [23].

Астроном М.В. Жилова похоронена на Мемориальном кладбище обсерватории, на самом краю обрыва Пулковской горы.

## Литература, источники, примечания

1. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711 (Жилова М.В.). Оп. 1. Д. 17.
2. *Скибинская О.Н.* Культурно-исторические основы исследования рода в провинциальной российской традиции // Культурологический журнал. 2012. № 1(7). [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cr-journal.ru/rus/journals/114.html> & j\_id=9 (дата обращения 1.06.2017).
3. Исторические даты торгово-промышленного мира России. 2011 год. М.: Общество купцов и промышленников, 2011. С. 239.
4. Весь Петербург на 1901 год. СПб., [1901]. С. 208.
5. *Неуймина М.Н.* Женщины-астрономы Пулковской обсерватории. Ч. 1. М.В. Жилова // Историко-астрономические исследования. Вып. 10. М.: Наука, 1969. С. 229–234.
6. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711. Оп. 1. Д. 20.
7. Баклунд Оскар Андреевич (1846–1916), астроном, академик (1883), директор ГАО в 1895–1916 гг. Преподавал на ВЖК в 1890–1907 гг.
8. *Бенгт Я.* От варягов до Нобеля. Шведы на берегах Невы. М., 2010. С. 26.

9. В 1855–1918 гг. ГАО находилась в ведомстве Министерства народного просвещения.
10. *Покровский К.Д.* Женщины-астрономы и их работы // Исторический вестник. 1897. Т. 68. № 6. С. 778.
11. Отчеты, представленные Комитету Николаевской ГАО ее директором. СПб., 1895–1917.
12. *Костина Л.Д.* К 100-летию со дня основания Высших женских (Бестужевских) курсов // Проблемы исследования Вселенной. Вып. 8. М.; Л., 1979. С. 477–483.
13. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.
14. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711. Оп. 2. Д. 42. Л. 56.
15. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711. Оп. 1. Д. 6.
16. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 707. (Баклунд О.А.). Оп. 2. Д. 32. Л. 38 об.
17. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711. Оп. 1. Д. 24.
18. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711. Оп. 1. Д. 14.
19. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711. Оп. 1. Д. 28.
20. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 703. Оп. 1 (1930). Д. 35. Л. 34, 35.
21. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 703. Оп. 1 (1929). Д. 1. Л. 47.
22. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 703. Оп. 3. Д. 49.
23. Белопольский Аристарх Аполлонович (1854–1934), астроном, академик (1903), директор ГАО в 1916–1919 гг.

## **Врач Мария Покровская: по материалам личного архива<sup>[1]</sup>**

*И.И. Юкина*

В российской истории врач Мария Ивановна Покровская известна, прежде всего, как деятельница российского феминистского движения, активная участница многих гражданских инициатив, нежели как врач и представительница русской гигиенической школы. По причине ее яркого активизма о ней сложилось представление как о личности «оппозиционной» и даже в некоторой степени «маргинальной» [2].

Между тем, с позиций гендерного подхода, можно утверждать, что Покровская всего лишь адаптировала к жизни образованной, профессионально занятой женщины роль русского интеллигента, который по неписанным правилам должен был брать на себя ответственность и определенные обязательства по переустройству общества.



Мария Ивановна Покровская

Категория «интеллигент» – крайне размытая. Множество исследователей, начиная с XIX по XXI век, сломали немало копий и исписали немало перьев, определяя этот феномен. Общепризнано одно: интеллигент – это не просто образованный представитель той или иной профессиональной группы. Это человек, разделявший идеи прогресса и работавший на этот прогресс, неважно в каком направлении ему виделся этот прогресс. В модернизированном обществе эти функции социального активизма обычно не свойственны интеллектуалам, работающим по найму. Объяснялась такая жизненная позиция разными причинами,

но важнейшая из них – социальные, экономические и политические реалии российского общества в период его продвижения по пути модернизации. В условиях «переборки», как тогда говорили, представителям образованных профессиональных групп приходилось определять свое место в структуре общества и свою роль в нем. Занимая промежуточное положение в структуре общества, предъявляя претензии на свою значимость, интеллигенция взяла на себя функции социального критика и работника в интересах народа и общества. Общественная деятельность в какой-то степени помогала этим людям решать собственные проблемы профессиональной занятости и идентичности. Визитной карточкой русской интеллигенции стали критичность мышления, оппозиционность к власти, попытки реформировать эту власть, инициирование социальных инноваций, идеализация «простого народа», верность общественному долгу и т. д.

Разумеется, не все образованные люди идентифицировали себя с социально и политически активной интеллигенцией, посвящавшей свою жизнь «народу» и претендовавшей на звание разума и совести общества. Но моральное измерение интеллигентности безусловно присутствовало и было ожидаемым в поведении и образе жизни интеллигента.

Появление феномена русского интеллигента обычно относят к первой половине XIX века, начиная с так называемых «людей 40-х годов», которые в большинстве своем были дворянами. Рекрутский на-

бор во второй интеллигентский призыв произошел в 60-е годы. Это было поколение «детей», которое уже состояло из представителей разных социальных слоев (разночинцы) [3. С. 15] и разных гендерных групп. В это время впервые на звание «интеллигента» стали претендовать женщины.

М.И. Покровская была яркой представительницей поколения «детей», социализировавшихся в пореформенной России и впитавших воздух реформ. Отмена рабства, освобождение человека от феодально-патриархальных пут, обретение им личной автономии и независимости, участие в реформировании общества – основные нравственные ориентиры, которым она была верна всю жизнь.

Ее путь в профессию был тяжелым, как у всех первых женщин-врачей, но, получив по счастливому стечению обстоятельств место городского врача в Псковской губернии, она с усердием принялась за работу. Как и положено русской интеллигентке и судя по ее запискам, ею двигало идеалистическое желание изменить ситуацию с подачей медицинской помощи бедному населению и с заболеваемостью принципиально – «Я хотела знать свою науку, хотела в ней усовершенствоваться, чтобы принести как можно больше пользы народу. Я читала медицинские журналы, книги, желая знать о новых открытиях, следить за своей наукой» [4. С. 57].

Ее ждало разочарование. Культурная отсталость населения, незнание элементарных гигиенических норм, несовершенство медицинской науки делали ее напряженный труд малоэффективным – «...не трудно прийти к заключению, что лечение вовсе не обладает теми магическими свойствами, какие ему приписываются. Вместе с тем он (врач. – *И.Ю.*) убеждается, какое громадное значение для здоровья населения имеют условия его жизни, и начинает сознавать, что главная задача врача заключается именно в устранении причин, создающих болезни. Поэтому медицинская помощь бедному населению – враг латинской кухни и друг гигиены» [4. С. 66]. Продолжая свою деятельность на «латинской кухне», Покровская начала изучать условия жизни и быта местного населения, санитарное состояние местности в Опочском уезде Псковской губернии. В этом деле она стала одной из многих земских и городских врачей, проводивших медико-статистические исследования, санитарные описания местностей [5–8]. Результаты публиковала в медицинских журналах «Здоровье», «Труды Русского общества охранения народного здравия» и др. Тем самым она вошла в актуальный для того времени тренд – развитие гигиены

как самостоятельной профилактической медицинской науки. Вероятно, М.И. поддерживала профессиональные контакты с профессором А.П. Доброславиным – одним из основателей русской гигиенической школы. Доброславин преподавал на Женских врачебных курсах, которые Покровская окончила в 1881 г. Во всяком случае, по возвращении в Санкт-Петербург в 1888 г. она сразу была принята на работу в гигиеническую лабораторию проф. Доброславина при Военно-медицинской академии [9].

Русская гигиеническая школа с самого начала своего становления носила ярко выраженный активистский характер, ставя перед собой задачу влияния на все слои российского населения. В основе лежали идеи проф. Доброславина об общественном характере гигиены и о необходимости развития общественного здравоохранения. Участие в социальной жизни общества было составляющей профессионализма санитарного врача.

Городовое положение 1870 г. давало право городским думам осуществлять санитарные меры, но не обязывало их это делать. Поэтому организация городского санитарного дела с неизбежностью стала делом профессиональных сообществ и общественных структур. Структурой,



«В химико-аналитической лаборатории при Первой женской аптеке в СПб.» (1902)

объединившей сторонников общественной гигиены, стало «Общество охранения народного здравия», созданное в Петербурге в 1877 / 1878 г. по инициативе А.П. Доброславина, И.Е. Андриевского, Н.Ф. Здекауэра и др. Общество поставило перед собой задачу «содействовать улучшению общественного здравия и санитарных условий в России». Круг поднимаемых ими проблем был широк: условия труда крестьян, ремесленников, рабочих, состояние их жилищ, питание, заболеваемость инфекционными болезнями, очистка городских нечистот и канализация, гигиена кладбищенских захоронений, разрабатывались методы борьбы с массовыми заболеваниями, с алкоголизмом и т.д.

Общество пропагандировало идеи гигиены и санитарии, здорового образа жизни через журналы «Здоровье» (1878–1880), «Труды Русского общества охранения народного здравия» (1884–1890), приложения «Листок нормальной столовой» (1889–1890), «Журнал Русского общества охранения народного здравия» (1891–1913), «Гигиена и санитарное дело» (1914–1917). В активе Общества много серьезных инноваций в сфере медицинского обслуживания населения – создание детских консультаций, Аналитической станции для исследования пищевых продуктов в Санкт-Петербурге, Нормальной столовой, Школы кухонного искусства.

В развитие идей Доброславина Покровская писала: «Обыкновенно под гигиеной подразумевают такую науку, которая занимается только одним физическим здоровьем. Но это представление о гигиене неверно. Наша телесная и духовная жизнь до того неразрывно связаны между собой, что, заботясь о сохранении одной из них, мы не можем в то же время совершенно пренебрегать другой. Гигиена заботится не только о физическом здоровье людей, но и о духовном» [10. С. 3].

В Петербурге ее темой стала «жилищная проблема». Развитие промышленности, приток пришлого населения в город сделал проблему жилья чрезвычайно острой. Покровская провела несколько обследований «подвалов, чердаков и угловых квартир» Петербурга (1894, 1897), опубликовала по этому вопросу ряд статей и популярных брошюр [11–14], представила выводы своих исследований на заседаниях различных общественных структур [15, 16]. Скученность и антисанитария делали эти жилища основным очагом инфекций. Над этой проблемой Покровская работала в контакте с Городской санитарной комиссией, как думский врач приняла участие в борьбе с эпидемией холеры, за что получила в 1892 г. благодарность от Городской думы. По ее инициативе при Обществе была создана Комиссия по улучшению жилищ рабочих.



Материалы ее личного архива дают представление о методах ее работы. В ее записной книжке и на отдельных листках бумаги, неровным и спешным почерком, явно в неудобной обстановке записаны данные обследований, проливающие свет на реальную жизнь низших слоев Санкт-Петербурга – извозчиков, чернорабочих, ремесленников [17]. Врач Покровская тщательно измеряла кубатуру жилых помещений и объем воздуха, приходящийся на каждого жильца, наличие естественного освещения, качество нар (их ширина, наличие тюфяков и т.д.), доступность водопровода, канализации, кухни и т.д. Она видела изнанку «блистательного Петербурга».

В обследовании условий труда на фабриках, в ремесленных мастерских, артелях извозчиков она собирала сведения о возрасте работников, их семейном положении, продолжительности рабочего дня и сверхурочной работы, среднем заработке, грамотности, обращении администрации, санитарных условиях труда.

Множество газетных вырезок, статьи коллег, сохранившиеся в ее архиве, показывают, что М.И. старалась быть в курсе последних новостей, отслеживала деятельность обывательских организаций Городской думы по борьбе с инфекционными заболеваниями, эффективность принимаемых ими мер [18]. Спектр анализируемых газет – от официальных до крайних оппозиционных. Это говорит о критичности ее мышления и о стремлении получать разностороннюю информацию, анализ которой позволял максимально объективно оценивать ситуацию.

Также в личном фонде Покровской хранятся вырезки по поводу проституции, сексуального насилия над женщинами, сексуальных домогательств в отношении работниц, собранные из газет разной политической направленности [19]. Она выявляла новые социальные проблемы, тенденции в формировании публичного дискурса в отношении этих проблем. «Женская» тема также стала объектом научного анализа.

К проблеме проституции Покровская подошла с позиции «самой доступной формы женской занятости», в которую общество выталкивает женщин, не предоставляя им других возможностей заработка. Она последовательно разрушала существовавшие каноны оценки этого явления. Проституция в то время рассматривалась с морально-этических позиций, как грех «падших женщин». Ни о причинах вхождения в проституцию, ни о жизни женщины в проституции, ни об ответственности общества вопрос не ставился. Правительство ограничивалось исключительно репрессивными мерами в отношении проституток. Врачебно-полицейский комитет обявывал проститутку под угро-

зой наказания регулярно проходить медосмотр на предмет сифилиса. Покровская находила эти меры никчемными и вредными. Сифилис на ранних стадиях в то время диагностировать было невозможно, поэтому заболевшие проститутки также получали разрешение Комитета на свою деятельность. Она критиковала Врачебно-полицейский комитет [20–25] и вступила в острую полемику с врачами-мужчинами, работавшими в нем, стала активной участницей русского аболиционизма.

В проблеме проституции соединились две важные для Покровской темы – гигиены и дискриминации женщин. С одной стороны – отсутствие элементарных знаний у населения о распространении инфекции, с другой – униженное и бесправное положение женщин в обществе, позволяющее делать из них предмет потребления. Как всегда, она подошла к изучению проблемы с научной точки зрения – провела опрос и медико-психологическое обследование проституток-пациенток Калининской больницы (1899), использовала их дневники и письма, создала социально-психологический портрет проститутки.

Не меньше, чем проблема общественного здоровья в вопросе проституции, ее волновала несправедливость по отношению к женщинам. Женщины-проститутки были покрыты позором, в то время как «почтенные отцы семейств», пользовавшиеся их услугами, и являвшиеся в той же самой степени разносчиками инфекции, не осуждались и почитались достойными членами общества. Покровская была едва ли не первой, кто решительно поставил вопрос о мужчине-потребителе проституции, о его ответственности и грехопадении. У нее была другая оптика для анализа этого явления. Феминистская критика активно развивалась в это время в рамках женского движения, и Покровская создала в ней целое направление – изучение проблемы проституции. В качестве меры борьбы с проституцией и восстановления справедливости она предложила ввести обязательной медосмотр мужчин-посетителей публичных домов, именовать их «проститутами» и применять к ним санкции вплоть до уголовных. Единственным средством уничтожения проституции считала «единую половую мораль» для женщин и мужчин при условии «полного равноправия» их «в остальном».

Огромное количество набросков и черновиков статей на темы проституции, половой морали, самовоспитания, мальтузианства, абортов, полового воспитания в школе, евгеники, законодательного неравенства по признаку пола, дискриминации женщин и т.д. и т.д. показывают широту ее научных и общественных интересов. Она была блестящим социальным критиком, используя в качестве трибуны издаваемый



«Журнальная иллюстрация...»

ею журнал «Женский вестник» (1904–1917). Острый язык, аналитические способности, широкий научный кругозор, практический опыт городского врача делали ее критику жесткой, нелицеприятной и доказательной. Основанием была все та же идеалистическая позиция – «Я хотела быть полезной народу» [4. С. 66]. Безусловно, к этому применялся профессиональный интерес и желание самореализации.

Покровская была активным популяризатором гигиенических знаний среди населения: во время обследований [26], в популярных брошюрах [27–30] она давала советы, как содержать жилище в чистоте, поддерживать личную гигиену, готовить пищу, хранить провизию, прививать «здоровые привычки» детям. Она активно продвигала мысль о связи гигиены и состояния здоровья: «здоровье представляет собой единственный капитал бедных людей, дающий им средства к существованию...» [29. С. 3]. Делилась своим опытом с коллегами на IX съезде Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова в 1904 г. [31].

В лучших традициях русской гигиенической школы, ориентированной на общественное решение социальных проблем, и исходя из феминистских воззрений о необходимости участия женщин в жизни общества, основала Женское гигиеническое общество (1902), Женскую прогрессивную партию (1906), Клуб при женской прогрессивной

партии (1906), Женский экономический союз (1914), издавала журнал «Женский вестник» (1904–1917).

Сохранившиеся черновики отчетов санитарного инспектора Нарвско-Петергофского района М.И. Покровской за 1921 год и по май 1922 [32] проясняют ее судьбу после октября 1917 г. С той же педантичностью и скрупулезностью доктор Покровская работала «во имя народа», инспектируя условия труда уже советских рабочих. Чем она занималась с 1917 по 1921 год, на какие средства жила, пыталась ли эмигрировать, неизвестно. Единственным свидетельством ее профессиональных контактов, проявлением «интеллигентской» солидарности служит телеграмма, подписанная ею и доктором Андрушкевичем в апреле 1920 года эмигрировавшему в Эстонию А.Д. Зиновьеву – руководителю Российского общества Красного Креста. В этой телеграмме врачи отдавали дань признательности А.Д. Зиновьеву за «честность убеждений и чистоту идеалов, с которыми он служил человечеству в постигающих его бедствиях независимо от политических течений» [33]. В той же мере эти слова можно отнести и к самой доктору Покровской.

Своей семьи у М.И. Покровской не было. Умерла она предположительно в 1922 году. Место захоронения неизвестно.

## Литература, источники, примечания

1. ЦГИА СПб. Ф. 2114.
2. Полянина О.А. Городские служащие дореволюционной России в мемуарной литературе // [Электронный ресурс]: <http://www.gramota.net/materials/3/2016/10/38.html>.
3. Вихавайнен Т. Внутренний враг. Борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции. СПб., 2004.
4. Покровская М.И. Как я была городским врачом для бедных. СПб., 1903.
5. Покровская М.И. Эпидемия в связи с экономическим и санитарным положением в деревне (дер. Жуковка, Опоченский уезд, Псковская губ.) // Научные санитарные новости. 1883. № 4. С. 8–9.
6. Покровская М.И. Опыт статического исследования заболеваемости и смертности населения в связи с качеством воды. СПб., 1891.
7. Покровская М.И. Рукопись об экономическом и санитарном положении ряда деревень // ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 46.
8. Покровская М.И. Рукопись о санитарном положении деревень // ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 45.
9. Покровская М.И. Кислород, растворенный в воде, и органические вещества, находящиеся в воде. Из Гигиенической лаборатории Воен.-мед. акад. // Русская медицина. 1890. № 38–42.

10. *Покровская М.И.* О влиянии жилища на здоровье, нравственность, счастье и материальное благосостояние людей. СПб., 1896.
11. *Покровская М.И.* Санитарный надзор за жилищами и санитарная организация в различных государствах. СПб., 1897.
12. *Покровская М.И.* Улучшение жилищ рабочих в Англии. СПб., 1899.
13. *Покровская М.И.* К вопросу об улучшении жилищ. Чернигов, 1900.
14. *Покровская М.И.* По подвалам, чердакам и угловым квартирам Петербурга: Очерки. СПб., 1903.
15. *Покровская М.И.* Жилые подвалы: Доклад III Отд-нию Рос. об-ва охранения народного здоровья 26 янв. 1899 г. СПб., 1899.
16. *Покровская М.И.* Об улучшении положения извозчиков: Доклад в Александро-Невском. санитарном попечительстве 13 авг. 1909 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 3.
17. ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 1Б.
18. ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 34.
19. ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 35.
20. *Покровская М.И.* Борьба с проституцией: Доклад II Отд-нию Рус. общества охранения народного здоровья 10 дек. 1899. СПб., 1900.
21. *Покровская М.И.* Врачебно-полицейский надзор за проституцией способствует вырождению народа. СПб., 1902.
22. *Покровская М.И.* Меры, предупреждающие распространение сифилиса: Сообщение в Рус. обществе охранения народного здоровья 25 октября 1902 г. СПб., 1903.
23. *Покровская М.И.* Борьба с проституцией. СПб., 1901.
24. *Покровская М.И.* Проституция и алкоголизм: Доклад Комис. по вопросу об алкоголизме. 5 дек. 1901. СПб., 1905.
25. *Покровская М.И.* О жертвах общественного темперамента. Что делать с проституцией? Предал. СПб., 1902.
26. *Покровская М.И.* Моя думская практика // По подвалам, чердакам и угловым квартирам Петербурга. СПб., 1903. С. 33–54.
27. *Покровская М.И.* Популярная гигиена. СПб., 1899.
28. *Покровская М.И.* Популярная гигиена. СПб., 1899.
29. *Покровская М.И.* Как вести бедное хозяйство, чтобы сохранить здоровье. Применение гигиены к жизни бедных людей. СПб., 1900.
30. Семь лекций г-жи М.И. Покровской о гигиене домашнего хозяйства // ЦГИА. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 58.
31. *Покровская М.И.* Практические способы распространения гигиены среди населения: Доклад IX съезду Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. СПб., 1904.
32. ЦГИА СПб. Ф. 2114. Оп. 1. Д. 17.
33. Личный архив С.К. Зиновьева-Фицлайон.

## «Ученая дама» в домашнем пространстве: семейное дело Гринберг-Петри

*В.А. Веременко*

В статье исследуется история взаимоотношений Е.Л. Петри (Гринберг) и Э.Ю. Петри. Обращается внимание на особенности их внутрисемейных отношений, ставшие важным фактором в превращении матери семейства в работницу музея.

О роли семьи Петри в развитии отечественной этнографии и антропологии написано немало. Наибольшее внимание историки науки уделяют личности Бернгарда Петри – одного из создателей сибирской антропологической школы. Во многом это связано с кропотливой работой А.А. Сириной, более 30 лет занимавшейся исследованием наследия ученого [1–5; 8].

Отмечая факторы, повлиявшие на становление будущего этнографа, современные авторы традиционно обращают внимание на роль семьи, особенно отца, в воспитании мальчика, который и имя ему дал символическое, и, отдавая все силу образованию сына, поместил его в одно из самых передовых учебных заведений России – гимназию Мая [1–5; 6. С. 113]. Приведем традиционное начало биографической статьи, посвященной Б.Э. Петри: «Б.Э. Петри происходил из семьи ученых – его отцом был выдающийся русский антрополог, профессор Петербургского университета и Военно-медицинской академии Эдуард Юльевич Петри, читавший там первобытную археологию в рамках курса антропологии. Его мать – Евгения Львовна Гринберг – служила (после ранней смерти мужа в 1899 г.) в Петербургской Кунсткамере, где дошла до должности заведующего отделом Океании. То есть налицо прекрасная наследственность и атмосфера науки в семье, как и прекрасное образование» (курсив мой. – В.В.) [7. С. 63].

Начало историографической традиции столь благостного описания жизни этой семьи, скорее всего, связано с самим Б.Э. Петри, который на допросе в 1937 г., по понятным причинам, не стал углубляться в перипетии отношений между родителями, а акцентировал внимание на том, что должно было вызвать благоприятное отношение следственных органов: «... Отец мой пошел по научному пути. Одно время он был близок к «Земле и воле», арестовывался и ссылался с лишением прав и состояния и после бегства из ссылки обосновался в г. Берне в Швейцарии, где окончил университет и получил профессорскую кафедру» [Шит. по: 8].

На тот факт, что мать Бернгарда – Е.Л. Петри начала работать в Музее Антропологии и Этнографии не в 1899 г., после смерти мужа, а с 1895 г., впервые обратила внимание Е.С. Соболева. Анализируя серьезные кадровые изменения, проведенные академиком В.В. Радловым, избранным на должность директора МАЭ в 1894 г., она отметила: «Е.Л. Петри (22.04.1858–1.03.1923) была приглашена для работы по каталогизации предметов Этнографического музея ИАН в 1895 г., когда академик начал реорганизацию музея согласно современному уровню науки...» [9. С. 179–180].

Замужняя женщина с двумя детьми, младшему – Георгу – в 1895 г. было всего 4 года, супруга профессора Санкт-Петербургского университета, вице-президента Русского антропологического общества – и вдруг работает вольнонаемной в музее. И если бы она хотя бы помогала мужу, но служит в совершенно другой организации... Для реалий конца XIX в. ситуация просто запредельная...

Попытаемся же выяснить семейные тайны этой «ученой женщины», приведшие ее на работу в Кунсткамеру.

Креченский купец – еврей Леон (Лев) Абрамович Гринберг и его супруга Ревекка Самуиловна имели семерых детей: трех дочерей и четырех сыновей. Старшая дочь – Евгения окончила Симферопольскую гимназию, два года училась на Женских врачебных курсах в Петербурге, затем – на медицинском факультете Бернского университета. Там, в Швейцарии, завязались ее отношения с сокурсником – лютеранином Эдуардом Юльевичем Петри [10. С. 495].

Несмотря на то, что молодой человек прибыл за границу нелегально, бежав из ссылки, будущие супруги, судя по всему, не теряли надежду вернуться на Родину. Недаром они пытались, в определенной степени, учитывать требования к заключению межконфессиональных браков, существовавшие в России [11].

По законам Российской империи, только христиане протестантских церквей имели право на вступление в брак с нехристианами [12]. Устав евангелическо-лютеранской церкви в России разрешал ее приверженцам заключать брак с мусульманами и иудеями. В качестве обязательных условий этого выступали следующие: 1) наличие предварительного «дозволения» местной Консistorии; 2) совершение бракосочетания только евангелическо-лютеранским проповедником и непременно по обряду этой церкви, а не по обычаям мусульман или иудеев; 3) оформление в Консistorии «обязательной подписки», согласно которой «другая сторона» (то есть представитель нехристианского испо-



ведения) «не будет стараться совратить супругу, или супруга, или детей своих, в свою веру», а, напротив, должна «крестить и воспитывать» рожденных в браке детей в евангелическо-лютеранской либо в православной вере; 4) супруг-нехристианин должен был отказаться от многоженства. Условность разрешения подчеркивалась правом родителей не допускать заключение таких браков своим даже совершеннолетним детям [13. С. 4 об., 4\* об.].

Венчания между протестантами и нехристианами в России были достаточно редким явлением. Так, например, за период с 1879 по 1883 гг. Евангелическо-лютеранская Консистория дала лишь 17 дозволений на браки между лицами лютеранского исповедания и евреями, из которых 5 состоялось между лютеранами и еврейками и 12 между лютеранками и евреями [14. Л. 5].

Согласно семейной легенде, которую приводит А.А. Сирина, со ссылкой на двоюродного брата Б.Э. Петри – В.М. Ваиц: «... Мать, Евгения Львовна Петри (урожденная Гринберг) для того, чтобы выйти замуж за Э.Ю. Петри, приняла лютеранство» [8]. На самом же деле девушка не захотела отказываться от религии отцов, но попыталась соблюсти требования, придающие законность ее браку в России.

В ноябре 1879 г. было совершено оглашение брака Евгении Гринберг с Эдуардом Петри. Одновременно молодые люди, хотя и проживавшие за границей, обратились в Московскую евангелическо-лютеранскую Консистирию с просьбой о разрешении бракосочетания. 10 декабря 1879 г. Евгения Гринберг дала «подписку о не свращении будущего мужа и детей в еврейскую веру». В феврале 1880 г. пришло разрешение Московской евангелическо-лютеранской Консистории при условии, что обряд венчания совершен будет евангелическим проповедником по обряду Евангелической церкви. А в марте того же года молодые люди расписались гражданским порядком в Берне. Спустя же два с половиной года после гражданской брачной процедуры в швейцарской церкви состоялось «брачное благословение» супругов Петри [14. Л. 31 об.].

В 1887 г. последовало царское прощение ссыльного беглеца, так что семья смогла вернуться в Петербург. Э.Ю. Петри получил личное дворянство и возглавил кафедру географии С.-Петербургского университета. Родившегося в 1884 г. сына – Бернгарда родители оставили за границей, он приехал в Россию только в середине 90-х гг. XIX в. [6; 8]. Так что говорить о значительном влиянии отца на формирование мальчика было бы слишком смело ...

В 1891 г. у супругов родился второй сын – Георг, данная мальчику при крещении метрика подтверждала законность его рождения, что означало признание местным священством брака, заключенного в Берне [14. Л. 48 об.].

Рождение ребенка не скрепило семью – в том же году супруги разъехались [10. С. 495]. А не позднее 1894 г. муж возбудил в Консistorии дело о разводе [14. Л. 31]. Однако руководство реформаторской церкви в России отказалось принять это дело к рассмотрению, заявив, что «брак совершен в Швейцарии в гражданском порядке и истцом не доказано, чтобы церковное благословение <...> было равносильно обряду совершения брака по законам Евангелическо-Лютеранской Церкви в России» [14. Л. 34].

В данной ситуации профессор попытался признать свой брак незаконным и недействительным [14. Л. 34 об.]. Это означало, что события брака как бы не было, а следовательно, жена должна называться девицей Гринберг, а дети оказываются незаконнорожденными.

Здесь необходимо отойти от основного изложения и в нескольких словах описать, что значил в России второй половины XIX в. статус незаконнорожденного. Прежде всего, независимо от происхождения родителей, ребенок записывался в податное состояние и тем самым лишался прав и преимуществ, принадлежавших его родителям (если они относились к привилегированному сословию). Не пользуясь правами и преимуществами сословного происхождения, незаконнорожденные дети дворян были лишены права поступления на государственную службу [15. С. 217]. Другим важным ограничением было отсутствие права незаконных детей не только на фамилию отца, но, по крайней мере, официально, и на фамилию матери [16. Ст. 132]. В связи с тем, что незаконные дети официально не имели ни семьи, ни рода, теоретически не существовало лица, наделенного родительской властью над ними (до начала XX в. официально мать даже не обладала преимуществом при усыновлении своего незаконнорожденного ребенка) [17–19]. Наконец, ст. 136 Законов Гражданских утверждала, что незаконные дети, «хотя бы они и были воспитаны теми, которые именуют себя их родителями», не имеют права на законное наследство ни после отца, ни после матери [16. Ст. 136]. Таким образом, незаконные дети полностью лишались наследства в родовом имуществе обоих родителей (а тем более их родственников), которое можно было передать лишь их законным наследникам, а также в благоприобретенном, если наследодатель умирал без завещания [19–20]. С другой стороны, пол-

ная свобода завещания благоприобретенных имуществ предоставляла право родителям передать их своим незаконным детям (как, впрочем, и любым другим лицам) [21–22]. Данная же ситуация обострялась еще и тем, что Гринберг, будучи иудейкой, не имела права воспитывать «чужих» детей – христиан, а значит вообще лишалась права на их усыновление [23]. То есть после признания брака незаконным и недействительным, сыновья должны были быть от нее немедленно отлучены. Таким образом, «любящий отец» до такой степени хотел разорвать все отношения с бывшей женой, что готов был нанести серьезнейший удар по положению своих же детей [24]. Понятно, что ни супруге, ни детям никакого содержания он не предоставлял, вынуждая женщину искать работу. В этот критический для нее момент Евгении Львовне и помог академик В.В. Радлов, предложив ей место в МАЭ.

Пока супруг пытался добиться определения собственного семейного статуса через МВД, супруга подала на него иск в С.-Петербургский окружной суд, ходатайствуя о предоставлении ей, и двоим их сыновьям, содержания. Основываясь на факте существования между заявительницей и ответчиком брачных отношений, первая судебная инстанция обязала Э.Ю. Петри к выплате истице 100 руб. в месяц. Вторая же судебная инстанция – С.-Петербургская Судебная палата, утвердилась в мнении, что брачных отношений нет – и приговор окружного суда отменила. А значит, женщина с детьми продолжала жить исключительно на свой заработок и помощь друзей. Далее, обе стороны стали оказывать давление на министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, требуя от него заставить Консистирию четко высказать свою позицию о наличии или отсутствии этого брака. Только в сентябре 1897 г. данное духовное учреждение заявило, что «считает совершенный брак соответствующим законам Российской империи». В принятии столь важного для Е.Л. Петри решения гигантскую роль сыграл академик Радлов, сумевший помочь женщине собрать необходимые документы для защиты и лично ходатайствовавший перед разными официальными лицами в ее пользу. Так, среди прочих документов в Консистирию был представлен «отзыв академика Радлова за подписью академиков барона Ф. Розена и Залемана, свидетельствующий о том, что в немецком языке «Linsenung» и «Frauung» равнозначные и <...> «вернее всего было бы перевести, как свидетельство о церковном венчании»». В последующие полтора года Э.Ю. Петри продолжал пытаться заставить МВД вернуться к рассмотрению его вопроса, возмущаясь тем, как «алчная и злобствующая кучка евреев, рассчитывающая на безнаказан-

ность секретно подаваемых клевет, могла позорить мое имя в государственном учреждении» [14. Л. 37–58]. В результате к моменту смерти профессора в 1899 г. Е.Л. Петри продолжала считаться его женой, что дало ей и детям возможность претендовать на пенсию.

Придя на работу в Кунсткамеру в тяжелейший период своей жизни, Евгения Львовна продолжала работать в МАЭ и в последующие годы, являясь ближайшей помощницей директора МАЭ академика В.В. Радлова. «Е.Л. Петри стала первой женщиной, принятой на государственную службу в МАЭ ИАН: в сентябре 1912 г. она была избрана младшим этнографом, дослужившись до VII класса должности. За 29 лет службы в МАЭ она зарегистрировала более 260 этнографических коллекций. Помимо собственно музейной работы, Е.Л. Петри приобрела и доставила в МАЭ из своих поездок в 1900–1917 гг. около 80 этнографических предметов по культуре народов России» [9. С. 179–180].

Именно семейная драма привела Е.Л. Петри на работу в Кунсткамеру, именно эти события обеспечили влияние Радлова на ее сыновей, положив начало знаменитой династии...

#### **Литература, источники, примечания**

1. *Сирина А.А.* Б.Э. Петри и его роль в становлении иркутской школы советской археологии и этнографии // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири. Иркутск, 1986. С. 30–33.
2. *Сирина А.А.* Бернгард Эдуардович Петри как этнограф // Советская этнография. 1991. № 3. С. 83–92.
3. *Сирина А.А.* Забытые страницы Сибирской этнографии // Репрессированные этнографы. М., 1999. С. 57–80.
4. *Сирина А.А.* Бернгард Эдуардович Петри // Известия Лаборатории древних технологий. 2004. № 1 (2). С. 10–13.
5. *Сирина А.А.* Петри Бернгард Эдуардович // Большая Российская энциклопедия / Отв. ред. С.Л. Кравец. М., 2014. С. 95.
6. *Медведев Г.И., Савельев Н.А., Бредников И.М., Липнина Е.А., Зимина Л.П.* Что в имени твоём, Бернгард? // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 8. С. 110–126.
7. *Иванов Г.Л.* Бернгард Петри как ученый музейевед и организатор музейного дела (по материалам Иркутского областного краеведческого музея) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 2 (3). С. 63–68.
8. *Сирина А.А.* Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э. Петри // [Эл. ресурс]: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/1/57-80.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).

9. *Соболева Е.С.* Братья М.Л. и С.Л. Гринберги как создатели Кунсткамеры // Лавровский сборник: этнология, история, археология, культурология / Под ред. Ю.Ю. Карпова, М.Е. Резван. СПб., 2013. С. 179–185.
10. *Соболева Е.С.* О судьбе семьи Петри в истории Петербургского музея антропологии и этнографии в начале XX века // Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань: В 2 т. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, О.Д. Попова. М., 2014. Т. 2. С. 494–498.
11. *Веремченко В.А.* Межконфессиональные браки в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Гендер и общество. СПб., 2007. С. 202–241.
12. Статья 85 Законов Гражданских гласила: «Российским подданным Православного и Римско-католического исповедания брак с нехристианами, а Протестантского <...> брак с язычниками, вовсе запрещается». Свод Законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. Законы Гражданские. СПб., 1900. Кн. 1. Ст. 85.
13. Устав евангелическо-лютеранской церкви в России. СПб., 1832. Ст. 70, 77–78.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 633.
15. *Цыпкин П.С.* Свод законоположений имперских и областных о законности и внебрачности рождения, узаконении и усыновлении и о взаимных отношениях родителей и детей. Пг., 1916.
16. Св. Зак. Т. X. Законы Гражданские. Ч. 1. СПб., 1857.
17. *Веремченко В.А.* «Дело невозможное и несогласное с нравственностью» (об узаконении и усыновлении детей дворянами в России во второй половине XIX – начале XX вв.) // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. М., 2005. № 9. С. 64–118.
18. *Зайцева С.В.* Усыновление незаконнорожденных детей в России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. № 1. Т. 4. История. СПб., 2012. С. 85–92.
19. *Веремченко В.А.* Дворяне ли, личные дворяне? (Из практики одной «высочайше организованной» Комиссии) // Герценовские чтения 2004. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2004. С. 49–52.
20. *Веремченко В.А.* Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начала XX в.). СПб., 2015. С. 36–71.
21. Судебный Вестник. 1872. № 80.
22. Указатель судебным решениям по гражданскому праву и судопроизводству // Юридический вестник. 1875. № 4–6. С. 38.
23. Надеяться на то, что иудейка сможет получить право на узаконение через Канцелярию прошений, было совершенно бессмысленно. В те же годы

(1896–1898) к «монаршей милости» обратился иудей, коллежский асессор, очень известный адвокат-криминалист А.Я. Пассовер. Он ходатайствовал об усыновлении ему, с передачей фамилии, «великобританской подданной англиканского исповедания» 7-летней дочери дворянки, женщины-врача С.С. Ивановой, «по мужу раньше ее умершему – Вернер». По делу была проведена проверка, запрошены отзывы Министерства юстиции и МВД, получены согласия от родственников девочки. Сам же Пассовер дал подписку о том, что он будет воспитывать ребенка «в духе протестантской религии, под руководством учителей и учительниц-христиан». Несмотря на то, что все заинтересованные ведомства поддержали ходатайства, в царской резолюции содержалось требование немедленного принятия «малолетней Вернер» в российское подданство, а прошение Пассовера оставить «без последствий» (РГИА. Ф. 1412. Оп. 15. Д. 232).

24. Данный случай, хотя и был, несомненно, редким, все же не являлся исключительным. Практически одновременно с семейной тяжбой Петри, похожая история развивалась в семье Барановских. См. подробнее: *Каминский В.В., Веремко В.А.* Дворянская семья Барановских на сломе эпох // *Новейшая история России.* 2016. № 3. С. 64–83.

## **«Любительницы мудрости»: женщины-члены Санкт-Петербургского философского общества (1897–1923)**

*Е.Ф. Синельникова, В.С. Соболев*

В Российской империи до революции 1917 г. не было юридического равноправия между мужчинами и женщинами. В частности, женщины не имели возможности получать высшее образование в своей родной стране. Если позволяли финансовые возможности, то наиболее энергичные и способные женщины уезжали за границу для обучения в университетах. Так, в зимний семестр 1871/72 г. в Цюрихском университете из семи студенток Философского факультета – четыре были из России, а в летнем семестре 1872 г. уже из общего числа 12 студенток – 10 являлись подданными России [1. С. 8].

На рубеже XIX–XX вв. попытки решить эту проблему предпринимались прогрессивными представителями российской интеллигенции, в том числе и некоторыми высокопоставленными сановниками. Так, президент Санкт-Петербургской Академии наук великий князь Константин Константинович в феврале 1889 г. принял на себя звание Почетного попечителя Педагогических курсов при Санкт-Петербур-

ских женских гимназиях. Именно благодаря его усилиям курсы в мае 1903 г. были преобразованы в высшее учебное заведение – Женский Педагогический институт. Выдающийся русский историк Сергей Федорович Платонов был приглашен великим князем возглавить этот институт [2]. 26 февраля 1904 года Константин Константинович обратился к царю с просьбой о выделении 40000 рублей на приобретение для института «подходящего дома», где можно было бы «развернуть учебное дело» [3]. Понимая, что письмо направлено не в самое благоприятное время, в разгар русско-японской войны, он подчеркивал, что «война и ее тяготы преходящи, а потребности жизни Государства не перестают нарастать» [3]. Тем не менее, просьба была отклонена.

В июне 1907 г. в Петрограде по инициативе академика В.М. Бехтерева, являвшегося членом Философского общества, был создан Психоневрологический институт, в который принимали без различия пола. На первое полугодие в институт было принято 108 студентов мужского пола и 313 женского; на второе полугодие – 140 и 339 человек соответственно. Это высшее учебное заведение ставило своей целью разработку и расширение знаний в области психологии и неврологии, а также сопредельных с ними наук, к которым относилась и философия. Поскольку оно было научно-исследовательским заведением, его сотрудники первоочередной задачей считали всестороннее изучение орудия ума – мозга [4. С. 56]. Из членов Философского общества в Совет Психоневрологического института входили К.Ф. Жаков, Н.О. Лосский, Э.Л. Радлов, В.Н. Сперанский, В.С. Серебренников, С.Л. Франк.

Однако, несмотря на предпринимавшиеся усилия, ситуация улучшалась медленно. Женщины, уже получившие высшее образование за границей, вернувшись в Россию, могли рассчитывать только на место учительницы или должность библиотекаря. Поэтому нет ничего удивительного в том, что некоторые ученые дамы пытались реализовать себя в общественной научной работе.

В число членов Санкт-Петербургского философского общества за годы его существования входило немало женщин. Проведенный нами анализ списков общества за 1900, 1903, 1906 и 1912 гг. [5] позволил получить следующие результаты по данному вопросу (см. табл. 1).

Для сравнения приводим сведения, примерно за такой же период времени, по Московскому психологическому обществу, которое было близко Философскому обществу по направлению и характеру деятельности. Эти результаты получены на основе анализа списков членов общества за 1901, 1904, 1907 и 1913 гг. [6] (табл. 2).



Таблица 1

**Численность женщин в Санкт-Петербургском философском обществе (1900–1912)**

Дата, на которую приводятся сведения	Всего членов	Общее количество женщин (%)	Число женщин по категориям:		
			Члены-учредители	Действительные члены	Члены-соревнователи
5 ноября 1900 г.	185	28 (15,14)	5	7	16
6 февраля 1903 г.	218	37 (16,97)	5	14	18
25 февраля 1906 г.	226	37 (16,37)	4	18	15
20 марта 1912 г.	190	36 (18,95)	3	19	14

Таблица 2

**Численность женщин в Московском психологическом обществе (1901–1913)**

Дата, на которую приводятся сведения	Всего членов	Общее количество женщин (%)	Число женщин по категориям:		
			Члены-учредители	Действительные члены	Члены-соревнователи
1 февраля 1901 г.	216	10 (4,63)	0	3	7
20 апреля 1904 г.	215	16 (7,44)	0	2	11
1 мая 1907 г.	201	14 (6,97)	0	5	9
1 апреля 1913 г.	212	16 (7,55)	0	4	12

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что женщин в Санкт-Петербургском философском обществе было на порядок больше, чем в подобной московской научной организации. Данное обстоятельство вполне понятно и объяснимо: в столице уровень социальной и общественной активности населения был выше, чем в других крупных городах России. Особенно примечательно, что женщины входили даже в число членов-учредителей столичного общества. В среднем женщины составляли 16,85% от общего состава Философского общества.

Предметом нашего дальнейшего рассмотрения является история жизни и деятельности ряда наиболее ярких представительниц женского состава Санкт-Петербургского философского общества.

Мария Владимировна Безобразова (1857–1914) – первая в России женщина – доктор философии, стояла у истоков организации Философского общества в Санкт-Петербурге, являлась одним из его учредителей. Она родилась в семье академика Санкт-Петербургской Академии наук Владимира Павловича Безобразова. После окончания пансиона Мезе и сдачи экзаменов Мария Владимировна решила поступать в Цюрихский университет. Однако сначала прошла обучение на педагогических курсах при С.-Петербургских женских гимназиях. После их окончания она несколько лет посвятила преподаванию в различных женских гимназиях. В 1887 г. изучала философию в Лейпцигском университете и написала там свою первую научную работу на немецком языке. В 1888 г. после возвращения из-за границы она выступила с первой публичной лекцией в Москве. В общественно-политической московской газете «Русские ведомости» по поводу этого говорилось, что «и не только в России, но и за границей (кроме, конечно, Америки) эта лекция женщины о философских вопросах чуть ли не первая в нашем веке. Тем более славы русской женщине, которая впервые решилась на такой подвиг» [7. С. 21].

После этого М.В. Безобразова два семестра слушала лекции в Цюрихском университете, а в 1891 г. получила докторскую степень по философии в Бернском университете за диссертацию, посвященную истории русской философии [8. С. 7]. В последующие годы она много выступала с публичными лекциями в различных городах России, выпустила несколько книг, работала над переводами и публиковала статьи и книги. Немаловажную роль в деятельности Марии Владимировны играли социальная работа и общественные организации.

Так, в 1897 г. М.В. Безобразова встретила с известными представителями философской мысли, побывала у Э.Л. Радлова, у А.И. Введенского, у Н.Г. Дебольского, у некоторых других – «предлагая им взять на себя инициативу учреждения Философского общества» [9. Л. 3]. Именно Марии Владимировне принадлежала инициатива по созданию общества, что отмечалось в поздравительной телеграмме Совета Философского общества, приуроченной к 30-летию ее педагогической деятельности в 1910 г.: «В день вашего юбилея с благодарностью вспоминает о вашей инициативе в деле учреждения Общества и о том интересе, который постоянно с юных лет вы проявляли

к философским занятиям. В вашем лице Совет радостно приветствует первую русскую женщину, избравшую служение философии целью всей своей жизни» [10. С. 280].

Действительным членом Философского общества с 1901 г. была и одна из первых в России женщин, получивших научную степень за рубежом, доктор математики, философии и минералогии Елизавета Федоровна Литвинова (1845–1919). Она окончила Мариинскую женскую гимназию в Петербурге, много занималась самообразованием. После смерти мужа в 1872 г. уехала в Цюрих, где обучалась на математическом факультете университета. В 1878 г. защитила в Бернском университете докторскую диссертацию [4. С. 108–109]. Была дружна с Софьей Васильевной Ковалевской. Вернувшись в Россию, она преподавала в гимназиях. Елизавета Федоровна являлась автором многих биографических очерков об известных философах и естествоиспытателях, а также ряда статей по философии и педагогике.

На заседаниях Философского общества не раз делала доклады замечательный ученый Полина Осиповна Эфрусси (1876–1942), работавшая в области экспериментальной психологии. Направление ее работы во многом было созвучно исследованиям, проводимым в Психоневрологическом институте. П.О. Эфрусси родилась в Кишеневе в еврейской семье, закончила там городскую гимназию для девочек и стала работать учительницей. В 1897–1900 гг. училась в Берлинском университете, затем в университете в Бреслау и Геттингенском университете, где работала в лаборатории экспериментальной психологии под руководством Г.Э. Мюллера. Защитила диссертацию «Эспериментальный подход к учению о памяти», которая в 1904 г. была опубликована отдельной книгой. Поселившись в Петербурге, она занималась переводами, в основном трудов по психологии. В 1910 и 1911 гг. Полина Осиповна два раза выступала с докладами по психологии на заседаниях Философского общества, являясь его действительным членом. 17 ноября 1916 г. она выступила с докладом «Самонаблюдение и анализ содержания сознания», который вызвал оживленную дискуссию [11], 5 марта 1922 г. – сделала доклад «Эволюция интеллекта» [9. Л. 14]. После революции П.О. Эфрусси стала возглавлять Психологическую лабораторию Педагогического музея, работала в Институте по изучению мозга и психологической деятельности, который был создан в 1918 г. Являлась автором многочисленных работ в области экспериментальной психологии, детской психологии, дефектологии. Судьба ее, однако, закончилась печально, в 1942 г. она эвакуировалась из Ленинграда на Северный Кавказ, где была схвачена и расстреляна немцами.

В протоколах заседаний Философского общества встречается также имя Зинаиды Константиновны Столицы (1879–1956), которая принимала активное участие в обсуждении докладов и являлась действительным членом Общества. Она закончила историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге (ВЖК) в 1900 г., изучала философию в Германии. С 1901 по 1907 г. вместе с В.А. Волкович Столица вела в московском журнале «Вопросы философии и психологии» отдел критики и библиографии, писала рецензии на статьи в научные журналы. В 1908 г. в Москве был издан ее очерк «Очерк по философии идеализма». З.К. Столица преподавала в Женском педагогическом институте, принимала участие в Съезде по психоневрологии в Москве в 1923 г. Совместно с В.А. Волкович Зинаида Константиновна опубликовала ряд научных статей [4. С. 116–117].

Упоминавшаяся выше Вера Акинфиевна Волкович (1873–1962) являлась действительным членом Философского общества. Она также закончила историко-филологический факультет ВЖК в 1900 г. и была оставлена при кафедре психологии. В 1907 г. по рекомендации А.И. Введенского была принята помощницей преподавателя Женского педагогического института. В 1903 г. совместно с З.К. Столицей Вера Акинфиевна открыла в Санкт-Петербурге Философские курсы. По замыслу организаторов, курсы должны были способствовать «построению общего философского и педагогического мировоззрения». Достичь этого предполагалось посредством лекций и семинарских занятий. Позднее, в 1905 г., она слушала в течение семестра лекции по философии в Берлинском университете. В 1908–1912 гг. принимала участие в работе четырех международных конгрессов по психологии и педагогике. После революции она получила степень кандидата педагогических наук [4. С. 119].

Следует отметить, что многие женщины-члены Философского общества являлись выпускницами ВЖК, которые в 1910 г. Государственный Совет России признал высшим учебным заведением с объемом преподавания, равным университету. Все философские дисциплины на курсах в разные годы преподавали члены Философского общества: В.И. Введенский, Э.Л. Радлов, В.С. Соловьев, И.И. Лаппин, Н.О. Лосский. На одном из заседаний общества В.И. Введенский поделился с собравшимися своим наблюдением, что «курсистки успевают в философии в среднем лучше, чем студенты Петербургского университета, хотя и у тех, и у других один и тот же преподаватель, и хотя на историю философии студенты посвящают в общем итоге шесть годовых лекций, а курсистки – всего четыре» [12. С. 78].

Считаем своим долгом вспомнить самого первого историографа Философского общества, выпускницу ВЖК – Ксению Михайловну Милорадович (1882–после 1938). К 25-летию юбилею Общества, который должен был состояться в октябре 1922 г., ею был подготовлен очерк по его истории [9. Л. 1–16; 13]. Ксения Михайловна в предреволюционные годы активно посещала собрания Философского общества, а в 1921 г. была избрана его действительным членом.

К.М. Милорадович родилась в дворянской семье. В 1906 г. окончила историко-филологическое отделение ВЖК. С 1909 г. работала в библиотеке ВЖК сначала письмоводительницей, с 1910 по 1918 г. помощницей библиотекаря, а с 1919 по 1926 г. – заведующей. Библиотека ВЖК в те годы являлась «филиальным отделением» университетской библиотеки. В ноябре 1926 г. Ксения Михайловна перешла на работу в библиотеку Академии наук помощником библиотекаря. В январе 1927 г. К.М. Милорадович была арестована ОГПУ «за руководство монархическим кружком школьной молодежи» и выслана из Ленинграда в Саратов. В 1930 г. она вернулась в Ленинград, работала библиографом в Государственной публичной библиотеке. В марте 1935 г. была вновь арестована органами НКВД СССР и выслана вместе с матерью на 5 лет в Куйбышев. В апреле 1937 г. Особым совещанием при НКВД К.М. Милорадович была приговорена к шести годам ИТЛ и поражению в правах на 5 лет (по ст. 58 п. 10) [14]. Сведения о ее жизни после 1938 г. выявить пока не удалось. Ксения Михайловна была автором ряда статей по философии в «Журнале Министерства народного просвещения»: «Учение о времени Канта и Бергсона», «Условия возможности религиозной веры», «Суд и осуждение» и др., кроме того, статьи в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», а также переводов в сборнике «Новые идеи в философии» и перевода «Феноменологии духа» Гегеля (в сотрудничестве с другими лицами). В 1915 г. под ее редакцией вышел сборник «Цельное знание», с ее же вводной статьей. В 1920–1921 гг. она выпустила учебник «Психология» и книгу «Что такое наука?». В 1922 г. – статью в журнале «Мысль» «О роли метафизики» [15].

Среди женщин в составе Философского общества следует упомянуть также и члена-учредителя Н.Н. Платонову, жену С.Ф. Платонова, которая являлась переводчицей философских работ, издававшихся в «Трудах» Философского общества. В.И. Шифф, преподавательница математики ВЖК, являлась также одним из членов-учредителей общества. Действительные члены: Н.П. Аникиева – выпускница историко-

филологического отделения ВЖК, Н.К. Вальденберг, М.И. Васильева, которая вела практические занятия по философии на ВЖК, Н.А. Колубовская – сестра известного философа С.А. Алексеева (Аскольдова), Э.Г. Крогиус (Соломина); В.В. Петухова – преподавательница латинского языка на ВЖК; и др.

Итак, женщины-члены Санкт-Петербургского философского общества внесли свой весомый вклад в развитие философской мысли в России, в повышение роли гуманитарной науки в общественной жизни.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-33-00003).

### **Литература, источники, примечания**

1. *Бемерт В.* Университетское образование женщины. СПб., 1873. 40 с.
2. *Груздева Е.Н.* Академическое интермеццо: Очерки истории Санкт-Петербургского педагогического института. СПб., 2009. 192 с.; *Митрофанов В.В.* Деятельность С.Ф. Платонова во главе Женского педагогического института // Клио. 2006. № 4 (35). С. 212–224.
3. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 2. Оп. 1-1915. Д. 35. Л. 98–99.
4. *Ванчугов В.В.* Женщины в философии (из истории философии в России): Монография. М., 2009. 198 с.
5. Список Философского общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1900. 32 с.; Список Философского общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1903. 32 с.; Список Философского общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1906. 32 с.; Список Философского общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1912. 32 с.
6. Список членов Психологического общества, состоящего при Императорском Московском университете, по 1-е февраля 1901 г. // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 57. С. 175–181; Список членов Психологического общества, состоящего при Императорском Московском университете, по 20-е апреля 1904 г. // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 72. С. 273–280; Список членов Психологического общества, состоящего при Императорском Московском университете, по 1-е мая 1907 г. // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. 87. С. 214–220; Список членов Психологического общества, состоящего при Императорском Московском университете, по 1-е апреля 1913 г. // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 117. С. 266–272.
7. Цит. по: *Ванчугов В.В.* Гендерный аспект профессионализации философии в России // История философии. 2016. Т. 21. № 1. С. 18–31.

8. Ванчугов В.В. М.В. Безобразова – женщина-философ, этик и историк русской философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 3. С. 6–15.
9. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Р. IV. Оп. 1-1922. Д. 875.
10. Цит. по: *Артем-Александров К.В.* Открытие Философского общества при Санкт-Петербургском университете: забытые детали // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 3. С. 279–281.
11. Щелованов Н. Отчет о заседании Петроградского философского общества, 17 ноября 1916 г. // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1916. Вып. 4. С. 44–53.
12. Протоколы общих собраний С.-Петербургского философского общества за 1899 г. // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 51. С. 74–123.
13. Рукопись очерка опубликована: *Синельникова Е.Ф., Соболев В.С.* Воскрешая величавые образы мыслителей. Из истории Петербургского философского общества (1897–1923) // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2016. № 3 (11). С. 150–166.
14. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] // Международный о-во «Мемориал» и др. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Звенья, 2004.
15. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 472. Л. 103–103 об.



Глава 2  
Женское  
научное образование  
в Российской империи

## Где готовили «ученых дам» в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века

*А.Е. Иванов*

В культурном обиходе России той исторической поры под понятием «ученые дамы» подразумевались «лица женского пола» с высшим образованием: до начала 70-х годов XIX века получаемым исключительно в европейских университетах (преимущественно в Швейцарии, Германии, Франции), а позже и на родине, первоначально только в специально отведенных для женщин высших учебных заведениях университетского типа.

Педагогическая доктрина российского самодержавия изначально не допускала равноправия полов в сфере среднего и высшего образования. Поэтому-то в царской России до 1917 г. не было ни одного государственного высшего учебного заведения со смешанным половозрастным составом учащихся. Однако в эпоху буржуазных реформ 60–70-х годов XIX в. данный идеологический постулат постепенно утрачивает свой абсолютный смысл под напором общественных требований гражданской эмансипации российских женщин. «Более или менее развитые девушки не желали быть гувернантками в чужом доме или приживалками в своей или чужой семье», – свидетельствовал современник, либеральный публицист С.Г. Сватиков [1. С. 3]. Демократическая общественность в преддверии одной из «Великих реформ» – университетской – ожидала включения в нее и академической части «женского вопроса». Однако ожидания были напрасны: либеральный устав университетов 1863 г., как и предшествовавшие (1804 и 1835 гг.), оставил императорские университеты исключительно мужскими учебными заведениями. Идеологически данное обстоятельство было следующим образом обосновано Е.Ф. фон Брадке – главой «высочайшей» Комиссии по разработке нового университетского устава: «Считаю, что женский пол по особенностям его конструкции и умственных и духовных его способностей нельзя признать способным к изучению анатомии, необходимой для медицины, ни для приобретения юридических сведений по их сухости и строгой последовательности, ни для глубоких филологических соображений» [2. С. 29].

Будучи идеологическим антагонистом совместного обучения «лиц мужского и женского пола» в средней и высшей школе, самодер-

жавная власть все же уступочно допустила открытие на общественных началах (первоначально со своим долевым финансовым участием) деятельность и только в виде академического резервата для женщин специальных курсов с университетской программой обучения. Первым таким побегом женского образования на древе российской высшей школы стали открытые в «виде опыта» в 1872 г., по ходатайству профессора всеобщей истории Московского университета В.И. Герье Московские высшие женские курсы, выстроенные по германской модели. С них-то и началось специальное направление правительственного академического курса, заданное Комиссией министра внутренних дел А.Е. Тимашева и министра народного образования Д.А. Толстого, созданной в 1873 г. для выяснения причин особой притягательности для российских интеллигентных девушек университета и политехнического института швейцарского Цюриха. Только в одном Цюрихском университете в тот момент обучались 103 россиянки [3]. Комиссия сделала вывод, что безучастность правительства к данному вопросу отдает его решение на откуп «коноводам нашей эмиграции, увлекавшей обучавшихся за границей девушек в вихрь политической агитации» [4. Л. 26]. Для отвлечения их от заграничных вояжей за высшим образованием Комиссия рекомендовала, используя германский опыт, учредить сначала в столицах, затем и в прочих университетских городах, высших учебных заведений для женщин «со строго определенным и законченным курсом, основанным на изучении историко-филологических предметов...» [4. Л. 26].

«Высочайше» утвержденный доклад Комиссии Тимашева-Толстого был трансформирован в «правительственное распоряжение», предписавшее русским заграничным студенткам вернуться на родину до 1 января 1873 г. Им гарантировалась возможность «приобрести научные знания в пределах отечества» [5]. И действительно, в 1876 г., помимо Курсов профессора В.И. Герье, открываются подобные же высшие женские курсы в Казани, в 1878 г. в Петербурге и Киеве. В то же время ведомство народного просвещения отказало в открытии подобных же курсов обществу Одессы (1878 г.), Варшавы и Харькова (1881 г.).

Однако в обстановке консервативных контрреформ 80-х годов XIX в. прием слушательниц и на действовавшие курсы был приостановлен на неопределенное время и на том основании, что их деятельность «дала отрицательные результаты», потому «учреждение таких ведомством народного просвещения было сочтено преждевременным». Правда, в 1889 г. возобновилась деятельность Петербургских

высших женских курсов с такой мотивировкой: «опыт их еще так кратковременен, что пока преждевременно судить о достигаемых ими результатах, а потому и учреждение таковых курсов в других городах является преждевременным» [6. Л. 34, 35 об.].

Твердолобая позиция министра просвещения И.Д. Делянова, однако, не остановила общественного движения за женское равноправие в деле получения высшего образования. Профессора и преподаватели Московского, Харьковского, Новороссийского (в Одессе) университетов открыли чтение публичных лекций, в первую очередь, для женщин по историко-филологическому и физико-математическому циклам наук. Усмотрев в такой форме просветительского творчества признаки либерального вольномыслия, министерство запретило и эти публичные научные чтения [7. С. 30]. Однако московская профессура изыскала законный путь просвещения женщин под эгидой Московского общества воспитательниц и учительниц в форме так называемых «Коллективных уроков» в виде лекций, семинаров, лабораторных занятий, некогда практикуемых на Курсах профессора Герье. В 1899 г. их посещали уже 800 слушательниц. Многолюдность и общественная популярность «уроков» на протяжении десяти лет породили против них властное подозрение в возможных «противоправительственных влияниях и начинаниях» [7. С. 19–21]. В 1900 г. министр народного просвещения Н.П. Боголепов внес в Государственный совет законопроект о закрытии «Коллективных уроков» и учреждении вместо них под «фактическим и обязательным контролем Министерства народного просвещения высших женских курсов, подобных Петербургским». Законопроект был утвержден [8. С. 73].

Декларация нового министра просвещения П.С. Ванновского, сменившего в 1901 г. Н.П. Боголепова, о намерении пересмотреть действующий университетский устав, породила новый тур общественного борения за женское равноправие в сфере высшего образования. Эта кампания завершилась «высочайшим повелением» 9 марта 1902 г. о допущении к «окончательным испытаниям» в приуниверситетских государственных медицинских испытательных комиссиях и Женском медицинском институте (основанном в 1897 г.) женщин с дипломом доктора медицины европейских университетов. По прохождении такой аттестационной процедуры иностранные дипломы приравнивались к российским [9. С. 110].

В целом же подготовка «ученых дам» в России по-прежнему оставалась проблемой нерешенной. Государственные высшие учебные за-

ведения оставались закрытыми для «лиц женского пола», общественная система высших женских курсов находилась в зачаточном состоянии. Прорывную динамику «вольная» высшая женская школа приобрела в период Первой русской революции. После 1905 г., помимо действовавших в Москве и Петербурге, открылись высшие женские курсы в Казани и Киеве (1906 г.), Харькове (1907 г.), Юрьеве (1908 г.), Варшаве (1909 г.), Томске и Одессе (1910 г.). Обладая статусом общественных, они действовали как приуниверситетские структуры, дублируя образовательные задачи, организационное устройство, учебные программы университетов, щедро пользуясь их учебными аудиториями, научной инфраструктурой и, главное, услугами университетского профессорско-преподавательского корпуса. Читаем в отчете за 1910/1911 учебный год Варшавских высших женских курсов: «Деятельность Совета и Правления Курсов почти всецело определялась началами, обязательными в университете для обоих этих учреждений» [10. С. 3]. В 1912 г. специальная Комиссия Министерства народного просвещения отнесла перечисленные выше курсы к категории высших «университетских» [11. С. 104–105].

Рядом с ними в 1905–1917 гг. в Москве, Петербурге, Киеве, Екатеринославе образовалась группа так называемых «частных» женских курсов с университетской программой преподавания гуманитарных и естественно-научных дисциплин. Идентификация с «университетскими» этих частнопредпринимательских институций первоначально вызвала у министерских чиновников сомнение на предмет их «более коммерческого, нежели просветительского характера», но в конечном счете и они были признаны высшими учебными заведениями.

Другим эшелонем негосударственных высших учебных заведений для женщин стали врачебные «университетские» курсы, также обосновавшиеся вблизи медицинских факультетов университетов – Московские и Харьковские (1909 г.), Новороссийские – в Одессе (1910 г.), Киевские и Саратовские (1916 г.). Их профессиональная аттестация осуществлялась государственным Женским медицинским институтом в Петербурге. Камнем преткновения для экспертов была частнопредпринимательская направленность этих школ неотложной помощи пациентам [11. С. 107].

Преобладающими женскими по количественному составу слушательниц были негосударственные по статусу чисто женские [12] и женско-мужские [13] специально-педагогические школы, дававшие слушателям специализацию в областях разработки и преподавания

теоретических и прикладных проблем школьной, дошкольной педагогики и возрастной психологии. В этой области они безусловно опережали все прочие высшие учебные заведения, готовившие учителей-предметников.

По части организации школ со смешанным половозрастным составом обучающихся неправительственный сектор высшего образования абсолютно опережал государственный. Среди молодежи обоего пола, вынужденно искавшей высшего образования вне казенных университетов и институтов, наибольшей притягательностью пользовался Петербургский психоневрологический институт профессора В.М. Бехтерева. Своим основателем он прокламировался как «ученое и высшее учебное заведение, имеющее целью разработку и распространение знаний в области психологии и неврологии, а также сопредельных с ними наук» [14]. В 1916 г. Институт был преобразован в Частный Петроградский университет с правами государственного. В 1917 г. в нем состояло 6 тысяч студентов, включая 2 тысячи студенток [15. Л. 3 об.].

Более компактные группы женщин, наряду с мужчинами, обучались на Частных университетских курсах профессора Юрьевского университета Ростовцева (в 1912 г. – 426 или 60% учебного контингента) [9. С. 142], а также в Новороссийском (Одесса) международном институте (1914 г.) для подготовки дипломатических специалистов и в Московском юридическом институте (1915 г.) [9. С. 142]. Все они получили право на прохождение через «окончательные испытания» в юридических комиссиях местных университетов.

«Лица женского пола» без официального среднего образования могли приобщиться к высшим научным знаниям университетского класса на «академических отделениях» городских народных университетов – Московского им. А.Л. Шанявского, Томского им. П.И. Макушина, Нижегородского [9. С. 142].

Не возбранялось женщинам, как и мужчинам, с высшим образованием учиться и в таких научных школах, как Археологические институты в Москве и Петербурге. За два года им предоставлялось обогатиться знаниями по архивистике, археографии и археологии и быть готовыми к научной работе в этих уникальных областях гуманитаристики [9. С. 142].

Стабильно преобладающую по численности позицию женщины-студентки занимали в высших учебных заведениях музыкально-художественно-драматического профиля.

Одним из важных признаков формирования капиталистического уклада в экономике и культуре России конца XIX – начала XX века является включение женщин в качестве студенток в сферу высшего на-

роднохозяйственного образования. И в этом направлении приоритет оставался не за государственной, а общественно-частной высшеобразовательной системой. В 1906–1916 гг. в структуре последней возникли очаги коммерческих, аграрных, инженерно-промышленных школ, как моноженских, так и для совместного обучения женщин с мужчинами. В 1910–1916 гг. в Российской империи действовали 27 подобных; до 1917 г. дожили 15 [9. С. 143; 16].

Широкая гражданственная поддержка стремления интеллигентных женщин к высшему образованию несколько потеснила антифеминистский абсолютизм правительственного академического курса, охранявшего архаические устои государственной высшей школы. С включением в ее состав петербургских Женского медицинского (1897 г.), Женского педагогического (1903 г.) институтов, а в 1914 г. – Московских женских богословских курсов она утратила абсолютно мужской характер. Прорывные события в этом направлении связаны с Первой русской революцией. В 1905 г. по воле либерального большинства профессорско-преподавательского корпуса, воодушевленного Манифестом 17 октября, университеты и институты ведомства Министерства народного просвещения и прочих центральных ведомств, не дожидаясь законодательного решения «женского вопроса», стали допускать «лиц женского пола» к учебным занятиям на правах «вольнотрушательниц». Либеральнейший министр народного просвещения граф И.И. Толстой, вопреки антифеминистской настроенности премьер-министра С.Ю. Витте, всемерно административно поддерживал это движение. Той же позиции держался и сменивший его П.М. Кауфман, который в 1906 г. инициировал в Совете министров, правда, безуспешно, вопрос об узаконении приема «лиц женского пола» во все гражданские государственные высшие учебные заведения [11. С. 293].

Даже в условиях послереволюционной политической реакции верховная власть так и не смогла восстановить статус-кво в вопросе удаления «лиц женского пола» из казенных высших учебных заведений. Постановление Совета министров от 4 сентября 1908 г. о недопущении на их территорию женщин до «законодательного решения» данного вопроса, хотя и сократило представительство в корпусе «вольнотрушателей», но не исчерпало его полностью. Неблагоприятная общественная реакция на предпринятые антиженские акции правительства понудила верховную власть к уступке. 30 октября 1908 г. Николай II повелел разрешить «вольнотрушательницам» в последующие годы завершить университетский курс обучения «на одинаковых с посторонними слушателями условиях» [11. С. 295].



В конце XIX – начале XX в. женское равноправие на авансцене имперской высшей школы стало категорией не только культурно-этической и правовой, но и социально-экономической. 9 февраля 1913 г. Совет министров вынес постановление о приеме сибирских уроженок христианского исповедания на вакантные студенческие места в Томском университете, притом на правах полноправных студенток, а не, как прежде, «вольнослушательниц». Снятие в 1915 г. с этого закона религиозно-исповедных ограничений открыло доступ в это высшее учебное заведение девушкам-еврейкам вне процентных норм. С того же 1915 г. открылся прием женщин на свободные вакансии медицинского и физико-математического факультетов Казанского, медицинского факультета Саратовского, и юридического факультета Томского университетов [11. С. 296]. В 1916 г. «Особое совещание» при Министерстве народного просвещения по реформе высшей технической школы также признало возможным прием «лиц женского пола» на пустующие студенческие места в специальных институтах [17. С. 40]

#### **Литература, источники, примечания**

1. *Сватиков С.Г.* Русская студентка (1860–1915). Б.м., б. г.
2. Советское студенчество. М., 1937. № 8. С. 29.
3. В 1865 г. в университете Цюриха состоялось 145 студенток из России (Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. 1872–1972. М., 1972. С.10).
4. РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 268. Л. 26.
5. Правительственный вестник. СПб. 1873. 21 мая. № 120.
6. РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 1547. Л. 34–35 об.
7. *Москвин В.В, Баранов А.А. и др.* Московский педагогический государственный университет. 125 лет. М., 1997.
8. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1899–1900 гг. Т. 1. СПб., 1960. С. 73.
9. *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999.
10. Отчет о состоянии Варшавских высших женских курсов за 1910/1911 год. Варшава, 1912. С. 3.
11. *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991.
12. Московские педагогические курсы им. Д.И. Тихомирова при Обществе воспитательниц и учительниц (1873 г.); Петербургские педагогические курсы Фребелевского общества для содействия первоначальному образованию (1907 г.); Киевский женский Фребелевский институт (1907).

13. Академия педагогических наук Лиги образования в Петербурге (1907 г.); Петербургские педагогические курсы Общества экспериментальной педагогики (1910 г).
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. 27. Ст. 29267. Ст. 1.
15. РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 81. Л. 3 об.
16. 6 – коммерческих, 5 – аграрных, 4 – инженерных.
17. Техническое и коммерческое образование. 1916. № 1. С. 40.

## **«Нуждается ли русская интеллигентная женщина в сельскохозяйственном образовании?» О мирных и военно-революционных ответах на заданный вопрос**

*О.Ю. Елина*

Вопрос, вынесенный в заголовок, был предложен для обсуждения выдающимся русским агрономом, энтузиастом прихода женщин в агрономическую науку и практику А.И. Стебутом еще в конце XIX в. [1]. Однако гендерная асимметрия в сфере агрономического образования, приводившая к профессиональной дискриминации женщин, сохранялась вплоть до революционных лет. В данной работе речь пойдет о том, какими путями и чьими усилиями преодолевался этот исторически сложившийся перекос.

Напомню, что в России университеты были закрыты для женщин. Лишь в 1870-е гг. появляются высшие женские курсы, в том числе медицинского и педагогического профиля [2]. Для тех немногих представительниц прекрасного пола, которые интересовались сельским хозяйством и аграрной наукой, возможностей получить образование (пусть и без диплома) не было. Почему «немногих»? Это объясняется, во-первых, низкой популярностью и престижем сельскохозяйственного образования в целом. Во-вторых, главный поборник женского образования – женское движение, в целом уделяя большое внимание проблемам деревни, связывало их с «просветительством», устройством школ и больниц, а не с подготовкой женщин-агрономов. Вообще сфера народного хозяйства, в том числе – сельского, считалась «мужским занятием». Такой точки зрения придерживались представители обоих полов. Сложившийся социально-психологический стереотип менялся крайне медленно, особенно в бюрократических инстанциях [3]. Если в

Швеции еще в середине XVIII в. женщины-агрономы за научный вклад в сельское хозяйство становились членами Королевской академии (Эва Экеблад, 1748 г.) [4], то в России, чтобы прослушать курс агрономии в конце XIX в., необходимо было преодолеть многочисленные барьеры социального и бюрократического характера. Таким путем пошла первая женщина, принятая в Московский сельскохозяйственный институт (МСХИ) – Жозефина Владиславовна Коско-Судокевич, которой удалось добиться разрешения непосредственно от министра земледелия А.С. Ермолова [5. С. 348].

Большие надежды связывали с основанием Общества содействия женскому сельскохозяйственному образованию, которое было официально учреждено в 1899 г. У истоков ОСЖСХО стояли известные активистки женского движения Н.П. Долгова, А.П. Философова, Н.В. Стасова, Е.И. Конради, В.П. Тарновская [6]. Но своим успешным развитием ОСЖСХО обязано и мужчинам. Среди них – известные профессора-агрономы Д.Н. Прянишников, А.Н. Сабанин, А.Г. Дояренко; главной фигурой, символом общества являлся старейший профессор агрономии Иван Александрович Стебут.

Еще со времен преподавания в Горыгорецком земледельческом институте Стебут занимался проблемами сельскохозяйственного образования, в том числе женского. Перейдя в Петровскую земледельческую академию в Москве, он и там поднимал вопрос об обучении женщин: академия оказалась пионером постановки вопроса о равноправии женщин в образовательной сфере. В 1870 г. вышел сборник статей Стебута «Сельскохозяйственное знание и сельскохозяйственное образование», в котором затрагивался и «женский вопрос» [7]. Проблемам прихода «русских интеллигентных женщин» в агрономию был посвящен доклад Стебута на I Съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию в 1890 г., ряд других публикаций [1, 8]. Эти работы во многом подготовили почву для консолидации сторонников «агрономического равноправия женщин». Стебут спорил с распространенным взглядом на женщину исключительно как на помощницу мужчине-агроному или сельскому хозяину, отстаивая ее право получить научное образование и стать специалистом. По словам Стебута, «желаете... поддержать деревню и сельское хозяйство – поддержите деревенское воспитание и женское сельскохозяйственное образование» [8. С. 614].

По предложению Стебута II Съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию в России в 1896 г. высказался за необходимость учреждения специального благотворительного общест-

ва. Этот проект и вылился в ОСЖСХО; почетным членом и председателем первые два года был Стебут. В дальнейшем на посту председателя его сменила Н.П. Долгова, но Стебут принимал самое активное участие в работе ОСЖСХО: публиковал в общей печати ежегодные вступительные речи на годовых собраниях, участвовал в составлении ежегодных отчетов о работе общества за 1899–1904 гг. [9].

В актив общества относят создание его членами частных низших и средних женских сельскохозяйственных школ. Например, Преображенская женская сельскохозяйственная школа (Глуховский у. Черниговской губ.) была открыта в имении известного мецената и патрона агрономии, толстовца Н.Н. Неплюева его матерью А.Н. Неплюевой и сестрами М.Н. Уманец и О.Н. Неплюевой. Школа давала общее образование, готовила по специальным предметам, занималась нравственно-этическим воспитанием. В уставе читаем: «Школа имеет целью <...> сообщить, преимущественно путем практических знаний, наиболее полезные для жены и матери земледельца познания по сельскому хозяйству вообще и, в частности, по молочному хозяйству, садоводству, огородничеству и домоводству» [10. С. 172].

Главное событие в жизни ОСЖСХО было связано с открытием на общественные средства в сентябре 1904 г. в Петербурге постоянных сельскохозяйственных женских курсов; в связи с 50-летним юбилеем научно-педагогической деятельности Стебута курсам было присвоено имя ученого. Первым заведующим (директором) курсов стал агроном Е.Ф. Лискун; его помощниками являлись Г.Ф. Морозов и Н.П. Долгова. Созданные первоначально как двухгодичное среднее учебное заведение, Стебутовские курсы в результате ряда реорганизаций стали с 1907 г. полноправной высшей школой с четырехлетней программой преподавания, аналогичной программе МСХИ, считавшейся эталонной. Реорганизация курсов привела к быстрому росту числа слушательниц [3. С. 151]. На Стебутовские курсы без экзаменов принимались окончившие высшие женские курсы и гимназии, выпускницы средних учебных заведений на правах гимназий. Остальным требовалось сдать экзамен по математике в объеме гимназического курса. В случае большого конкурса предпочтение отдавалось тем, кто имел высшее образование, а также «наиболее нуждавшимся в научно-практических знаниях» (это решение выносил Совет ОСЖСХО) [11. С. 10].

Другим направлением работы ОСЖСХО стало продвижение давних инициатив МСХИ о приеме женщин в государственные высшие учебные заведения. Здесь также были достигнуты определенные успе-

хи, главным образом благодаря деятельности профессора МСХИ Д.Н. Прянишникова, которому удалось найти высоких сторонников в тогдашнем Министерстве земледелия и государственных имуществ. В результате при поддержке министра А.С. Ермолова было рассмотрено Положение о сельскохозяйственном образовании, в котором предусматривались как мужские, так и женские сельскохозяйственные учебные заведения [12]. Ермолов объяснял, что продвигает женское сельскохозяйственное образование по двум причинам: «за недостатком добросовестных мужчин-управляющих», а также потому, что «женщины привыкли на разных отраслях деятельности довольствоваться сравнительно малым вознаграждением» [13. С. 309]. Тем самым женщины были допущены к занятиям; некоторые воспользовались этим и успешно прошли курс. Далее возникал вопрос о допуске к экзаменам, причем Совет института имел право выдержавшим их выдать соответствующее свидетельство [14. С. 132]. Как писал директор МСХИ А.П. Шимков, «такое свидетельство было выдано впервые вскоре затем, и это послужило началом к образованию женщин-агрономов, ныне широко осуществляемому на Голицынских и Стебутовских сельскохозяйственных курсах» [15. С. 11–12]. Как нам удалось установить, первый диплом об окончании МСХИ получила в 1909 г. Жозефина Коско-Судокевич [16].

Сменивший Ермолова в 1905 г. на посту преобразованного Главного управления землеустройства и земледелия П.Х. Шванебах придерживался более консервативных взглядов. На ходатайства А.П. Шимкова о приеме слушательниц последовал ответ: «Пока в наших высших учебных заведениях не водворится прочный порядок, возбуждение подобного рода ходатайств ни в общем виде, ни в частных случаях представляется несвоевременным» [17. С. 2].

Тем не менее, в МСХИ в виде исключений шли навстречу желаниям женщин пройти курс обучения. Более того – с 1908 г. по инициативе Д.Н. Прянишникова, в то время – и.о. директора, женщины, окончившие высшие женские курсы, стали допускаться к экзаменам на звание агронома в качестве экстернов. Имеются свидетельства и о вольнослушательницах в Новой Александрии [18]. Там, в отличие от других высших агрономических школ, уже в конце XIX в. читали курсы женщины. Одной из них была В.Е. Попова (Богдановская), преподававшая с 1890 г. химию [19].

Революция 1905 г. способствовала усилению женского движения, заронила надежду на возможность обучения женщин в России. И хотя

официально закон не допускал женщин в университеты, de facto почти все (кроме Варшавского) начали принимать женщин на правах вольнослушательниц; в 1908 г. их насчитывалось 1690 [14]. Снять ограничения в праве женщин получать высшее образование требовали и депутаты недавно созданной Государственной думы [20]. Изменилась ситуация и с частными учебными заведениями. В декабре 1905 г. вышел указ о разрешении открывать женские курсы с программой обучения объемом выше среднего учебного заведения и со статусом «частных» [3. С. 100]. Это позволило сделать Стебутовские курсы высшими, а также открыть в 1908 г. в Москве Голицынские высшие женские сельскохозяйственные курсы. Курсы организовали преподаватели МСХИ во главе с Д.Н. Прянишниковым, который их возглавил [21]; они существовали на общественные средства (взносы слушательниц, помощь ОСЖСХО и частные пожертвования – в первую очередь княгини С.К. Голицыной, предоставившей помещение созданной ею женской гимназии). Значительно менее притягательными для женщин оказались объединенные Петербургские сельскохозяйственные курсы, созданные в 1906 г. группой приват-доцентов университета. В 1914 г. там среди 1448 слушателей было только 111 женщин [14. С. 144]. В 1913 г. Саратовское общество сельского хозяйства открыло



Сотрудники и практикантки (Голицынские курсы) на Московской областной опытной станции, отдел садоводства, Мысово, 1919 г.

в городе Высшие сельскохозяйственные женские курсы; на них преподавал, а затем возглавлял курсы Н.И. Вавилов. В 1914 г. на курсах значилось 105 слушательниц.

Первая мировая война внесла коррективы в гендерную динамику в области агрономии. Мужчины, сотрудники опытных учреждений и земские агрономы, подлежали общей и особой мобилизации. В научной и организационной работе на постах руководителей подразделений их *de facto* заменили женщины, до этого в должностном расписании состоявшие на несколько рангов ниже. По сути, в военное время они полностью выполняли обязанности и несли ответственности мобилизованных старших коллег-мужчин. Например, на Шатиловской сельскохозяйственной опытной станции (Тульская губ.) лаборант Отдела селекции, выпускница Голицынских курсов А.Г. Зихман выполняла обязанности призванного в армию П.И. Лисицына, заведующего Отделом. Зихман продолжила начатые в довоенные годы циклы селекционных исследований по овсу, ржи, клеверу и другим культурам, что обеспечило непрерывность работы и позволило уже в ранние послереволюционные годы получить ценные сорта [23. С. 246–278]. Вообще война стимулировала поток женщин «на места»: земская агрономия стала активно принимать на службу дипломированных выпускниц сельскохозяйственных высших школ. Так, уже упомянутая Ж.В. Коско-Судокевич в 1914 г. стала старшим агрономом и заведующей экономическим отделом земской управы в Козельском у. Тамбовской губ. [5. С. 349].

Революционный 1917 г. формально начал новую страницу в истории женского агрономического образования: женщины получили равный доступ в высшие учебные заведения. И в Москве, и в Петербурге женские сельскохозяйственные курсы влились в более крупные мужские агрономические институты; в других городах (Саратове, Новочеркасске) – присоединились к университетам в качестве агрономического факультета. Однако надо заметить, что революционные преобразования лишь продолжили и расширили общую тенденцию общественной поддержки и продвижения женского агрономического образования: четыре из пяти негосударственных высших сельскохозяйственных учебных заведений были женскими. Об этом же говорит и динамика численности курсисток. Например, на Стебутовских курсах в 1907/1908 учебном году значилось 196 человек, в 1913/1914 – 525, в 1916/1917 – 1200 [3. С. 151]. На созданных перед войной Саратовских курсах в 1913/1914 учебном году обучалось 105 слушательниц, в 1916/1917 – уже 450. Поскольку за первый революционный год в Рос-



сии стремительно возросло число сельскохозяйственных опытных учреждений, женщины-агрономы практически не испытывали проблем с трудоустройством.

Остается добавить, что привлекательность агрономического образования для женщин в годы революционной и последовавшей военной разрухи оказалась связана еще и с возможностью практики «на земле», способной прокормить не только юную «агрономшу», но и ее семью. Об этом нередко упоминали в мемуарных записках курсистки рубежа 1920-х гг.

### Литература, источники, примечания

1. *Стебут И.А.* Нуждается ли русская интеллигентная женщина в специальном сельскохозяйственном образовании // *Стебут И.А.* Избр. соч. Т. II. С. 586–614.
2. *Константинов Н.А., Медынский Е.М., Шабалева М.Ф.* История педагогики. М.: Просвещение, 1956.
3. *Иванов А.Е.* Высшая школа в России конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 1991.
4. *McIntosh M.S., Simmons S.R.* A Century of Women in Agronomy: Lessons from Diverse Life Stories // *Agronomical Journal*. 2008. Vol. 100. P. 53–69.
5. *Елина О.Ю.* Женщины-агрономы на земской службе // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция (2016). М.: ИИЕТ РАН, 2016. С. 347–350.
6. *Ольховский Е.Р.* Начало женского сельскохозяйственного образования в России в конце XIX – начале XX вв. и И.А. Стебут // «Ей не дано прокладывать новые пути?» Из истории женского движения России. Вып. 2. СПб., 1998.
7. *Стебут И.А.* Сельскохозяйственное знание и сельскохозяйственное образование. СПб., 1870.
8. *Стебут И.А.* Женское сельскохозяйственное образование, его значение и способы осуществления // *Русские ведомости*. 1891. № 92. С. 4.
9. Очерк развития Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсов за десятилетнее их существование и отчет о их состоянии за 1913/1914 гг. Пг., 1915. 121 с.
10. Устав Преображенской низшей сельхоз. школы 2-го разряда в имении г. Неплюева... // *Воздвиженская школа. Колыбель трудового братства*. СПб.: Я.И. Либерман, 1895.
11. *Справочник по женскому сельскохозяйственному образованию*. СПб., 1912.
12. Речь и отчет в годичном собрании МСХИ 26 сентября 1905 г. М., 1905. С. 19. В годовых отчетах института, однако, сведения о вольнослушательницах в этот период отсутствуют.

13. Глинский Б.Б. Расширение образовательных прав женщин // Очерки русского прогресса. СПб., 1900.
14. Цит. по: Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999.
15. Шимков А.П. Московский сельскохозяйственный институт с июня 1904 г. по апрель 1907 г. М., 1916.
16. Елина О.Ю. Путь в науку российских женщин-агрономов (конец XIX – начало XX вв.) // Годичная научная конференция ИИЕТ, 2010. М.: РТСофт, 2011. С. 323–326.
17. РГИА. Ф. 398. Оп. 69. Д. 23740. Л. 2.
18. Техническое и коммерческое образование. 1916. № 2. С. 40.
19. Густавсон Г.Г. Несколько слов о Вере Евстафьевне Богдановской-Поповой // Журнал Русского физико-химического общества. 1897. Т. 29. Вып. 3. С. 225–227.
20. Женский вопрос в Государственной думе. СПб., 1905. С. 24.
21. Прянишников Д.Н. Возникновение высшей агрономической школы в Москве // Прянишников Д.Н. Избр. соч. Т. IV. М., 1955. С. 368.
22. С.-Петербургские сельскохозяйственные курсы. Отчет за 1913–14 академический год. Пг., 1915. С. 170.
23. Елина О.Ю. У истоков отечественной селекции и семеноводства. П.И. Лисицын на Шатиловской станции и Госсемкультуре. М.: Наука, 2016.

## **Организация преподавания зоологических дисциплин на Московских высших женских курсах**

*Р.А. Фандо*

Целая эпоха в истории отечественного образования была связана с решением «женского вопроса». Как известно, женщины в дореволюционной России имели ограниченные права в получении университетского образования [1, 2]. Вопреки протесту общественности состав студенчества жестко регулировался по признаку пола [3]. Тем не менее, многие женщины, желая получить образование, приближенное к университетскому, проходили обучение на негосударственных Высших женских курсах.

Первые высшие женские курсы были открыты в Москве в 1869 г. «Сколько шуму, сколько радостных волнений вызвала первая публикация, извещавшая о разрешении г. министра народного просвещения открыть женские курсы! То был первый женский праздник в Москве, то была радостная встреча новой зари, новой жизни! Непритворно,

искренно приветствовала эту зарю каждая женщина. Ей казалось тогда, что вот наконец идет к ней навстречу новый освободитель, освободитель более надежный, более верный, чем все другие! Этого освободителя она видела в знании и крепко верила в него» [4. С. 11].

Денег на содержание курсов не было, организаторы рассчитывали только на взносы слушательниц. Оказалось, что желающих обучаться было достаточно много, поэтому необходимая сумма для начала занятий была быстро собрана. «И вот после первой же публикации толпы женщин потянулись по Басманной улице <...> Каждая спешила попасть скорей <...> Тут были и гувернантки, и учительницы, и жены мировых судей, и почтенные матери семейств; посреди этого многолюдного женского общества виднелись и отцы, приехавшие разузнать о курсах, на которые желали поступить их дочери» [4. С. 11–12]. В октябре 1869 г. на курсы подписалось 190 человек, при этом некоторые вносили деньги в качестве благотворительной помощи курсам, не имея по той или иной причине возможностей посещать лекции.

Курсы располагались сначала в здании Второй мужской гимназии (Елоховская ул.), а с 1870 г. в Третьей мужской гимназии на Лубянке, поэтому их стали называть Лубянскими женскими курсами. Курсы были популярны среди дочерей дворян, чиновников, духовенства и просуществовали до 1886 года. Среди преподавателей Лубянских курсов были известные ученые: историк В.О. Ключевский, физик Н.А. Умов, ботаник И.Н. Горожанкин. Многие преподаватели вели занятия за мизерную плату или просто на общественных началах, воспринимая свою работу как служение обществу.

В 1872 г., на основании распоряжения министра народного просвещения от 6 мая того же года, в Москве открылись новые Высшие женские курсы, организатором которых был Владимир Иванович Герье, профессор всеобщей истории Московского университета. В.И. был талантливым педагогом, стремившимся на своих лекциях вдохновить студентов на изучение исторических событий, рассказать о цели, предмете и значении истории как науки, научить сопоставлять и анализировать факты из далекого прошлого. Большое внимание он уделял участию студентов в семинарских занятиях, считая, что там происходит совершенствование ораторских навыков и умения вести научную дискуссию. Он был истинным филантропом – старался пробить для студентов государственные или частные стипендии, чтобы они не отвлекались на решение бытовых насущных проблем, помогал найти средства для зарубежной стажировки своих воспитанников, ходатай-

ствовал об их трудоустройстве. Кроме университетских семинаров Герье практиковал еще и домашние семинары, где обсуждались наиболее интересные и спорные вопросы всеобщей истории. Домашние семинары Герье были своего рода продолжением салонной культуры Москвы 1840–1850-х годов, только порядки там были более демократичными, на них приглашались не только студенты, но и барышни, интересовавшиеся гуманитарными дисциплинами [5].

Понимая необходимость скорого решения вопроса о высшем образовании для женщин, Герье предлагал открыть учебное заведение по типу женского лица при Берлинском университете [6]. Идея организации высшего учебного заведения для женщин была очень своевременной. Одновременно с Герье в Петербурге данный вопрос стали обсуждать в кружке прогрессивных женщин. Для Министерства народного просвещения данный вопрос был как нельзя кстати, так как ежегодно стал увеличиваться поток русских девушек в европейские университеты. Так, например, в Цюрихском университете первой студенткой в 1864 г. стала женщина из России, причем до 1867 г. там обучались только наши соотечественницы, а в 1868 г. из 8 слушательниц – 4 были русскими, в 1869 г. – из 14 – 10, в 1870 г. из 22 – 16, в 1871 г. – из 31 – 21, в 1872 г. – из 74 – 54 [7]. Кроме Цюриха большую популярность среди русских студенток имели также другие швейцарские университеты: Бернский, Женевский и Лозаннский. наших соотечественниц можно было также встретить среди учащейся молодежи Германии, Франции, Бельгии.

1 октября 1872 г. Московские высшие женские курсы открыли двери для своих первых слушательниц. Согласно уставу учреждения, обучение на курсах было рассчитано на два года, но в связи с возросшим интересом у женщин к получению образования, приближенного к университетскому, пришлось внести изменения в устав, в результате чего с 1879 г. обучение стало трехлетним.

Московские курсы с точки зрения организации учебного процесса были приближены к университету. Академизм в преподавании также был связан с привлечением к работе на курсах ведущих профессоров Московского университета: И.М. Сеченова, К.А. Тимирязева, Н.К. Кольцова, В.И. Вернадского, А.Ф. Лосева, С.М. Соловьева, Л.М. Лопатина, В.С. Соловьева, А.Г. Столетова, А.Н. Веселовского.

О.Б. Вахромеева отмечает, что Постановление Министерства народного просвещения об открытии ВЖК в университетских городах

(от 9 апреля 1878 г.) наметило основные принципы развития высшего женского образования в России:

- 1) концентрация ВЖК в городах с университетами;
- 2) контроль со стороны Министерства народного просвещения;
- 3) сходство с университетами по организационной структуре;
- 4) привлечение к преподавательской деятельности профессоров университетов;
- 5) отсутствие отличий в системе университетской подготовки и обучения на ВЖК [8. С. 110].

Действительно, возникавшие ВЖК имели много общего с университетами: обучение проводилось с сентября по май, занятия вели университетские преподаватели, кроме лекционного материала слушательницы проходили практикум, многие студентки посещали научные кружки, выполняли исследования под руководством выдающихся ученых, проводилась экзаменационная сессия.

На курсах имели право учиться лица женского пола, окончившие гимназию с 8-м дополнительным классом, епархиальное училище или другое учебное заведение с правами гимназии, выдержавшие конкурс аттестатов. Для поступления на Московские высшие женские курсы (МВЖК) необходимо было предъявить свидетельство об окончании гимназии, а также взять письменное согласие у отца (для незамужних слушательниц) или у мужа. Кроме того, девушки обязаны были представить справку о политической благонадежности [9].

В 1886 г. закрылись все Высшие женские курсы, кроме Бестужевских в Санкт-Петербурге. В 1886 г. был закрыт только прием новых слушательниц на Бестужевские курсы, тем, кто уже учился, было разрешено закончить обучение. Только в 1890 г., после настойчивых ходатайств представителей прогрессивной интеллигенции, курсы возобновили свою деятельность. Женские курсы повсеместно закрывались, по официальной версии, из-за создания Правительственной Комиссии для пересмотра всего вопроса о высшем женском образовании, по неофициальной версии – из-за участия слушательниц в противоправительственных выступлениях и многочисленных рапортов полицейских о политической неблагонадежности многих курсисток. К сожалению, документы, касающиеся истории МВЖК периода 1872–1886 г., не сохранились, поэтому восстановить это «белое пятно» в истории женского образования не представляется возможным.

В связи с закрытием курсов, по инициативе Общества помощи Высшим женским курсам, для женщин были организованы коллектив-

ные уроки, для ведения которых приглашались ведущие университетские профессора. Курсистки вносили за посещение занятий символическую плату, а часто помощь оказывалась богатыми людьми. Иногда занятия проходили в домах известных благотворителей – купца Н.П. Ланина (дом на Тверской, 14), книгоиздателей братьев М.В. и С.В. Сабашниковых (дом на Арбате, 26).

В 1900 г. курсы в Москве были открыты повторно в составе двух факультетов: историко-философского и физико-математического. На физико-математическом факультете было два отделения: математическое и естественное. Первый выпуск слушательниц физико-математического факультета состоялся весной 1904 г. По настоянию общественности и профессуры в 1906 г. при Московских высших женских курсах был открыт медицинский факультет.

На естественном отделении слушательницы подробно знакомились с геологией, химией, зоологией, ботаникой, хотя, конечно, изучали физику и математические дисциплины. Распределение предметов выглядело следующим образом: на первом курсе слушательницы изучали богословие, алгебру, геометрию, тригонометрию, физику, химию, общую морфологию и анатомию растений, на втором – физику, аналитическую химию, органическую химию, кристаллографию, минерологию, общую зоологию, систематику растений, морфологию и анатомию растений, на третьем – физику, органическую химию, зоологию беспозвоночных, зоологию позвоночных, физиологию человека, геологию, палеонтологию, петрографию, специальную морфологию и систематику растений, на четвертом – физическую химию, зоологию беспозвоночных, зоологию позвоночных, геологию, палеонтологию, петрографию, физиологию растений, специальную морфологию растений [10].

В 1903 г. по инициативе В.И. Вернадского, Н.Д. Зелинского и Б.К. Млодзиевского было введено новшество, касавшееся возможности слушательницам на III и IV курсах самостоятельно выбирать дополнительные предметы, чтобы более квалифицированно подготовить работу [11] на выбранную тему, которую необходимо было защищать по окончании обучения [12].

Большой популярностью среди студенток пользовались занятия по зоологии. Такой интерес был вызван сразу несколькими причинами: большой объем практических занятий, изучение в рамках зоологического курса современных для того времени биологических дисциплин (менделизма, цитологии), возможность получения навыков проведения лабораторных и полевых исследований. Кроме этого, зоологи-

ческие дисциплины на курсах вели преданные науке ученые, которыми двигали чувство долга перед обществом и желание повысить культурный уровень женского населения России.

Впоследствии опыт преподавания зоологии на МВЖК транслировался для других учреждений высшего образования и общественных просветительских организаций. В преддверии проведения XII Съезда естествоиспытателей и врачей в Москве Комитет съезда обратился в ноябре 1909 г. в Совет Высших женских курсов с просьбой организовать для участников мероприятия экскурсии для демонстрации новых подходов к преподаванию естественнонаучных дисциплин. Совет курсов посчитал, что наиболее интересным и полезным для делегатов съезда будет знакомство с особенностями преподавания зоологии на МВЖК.

Несмотря на то, что зоологические курсы помещались в съемной квартире и не могли соперничать с университетскими кафедрами по уровню оборудования и богатству коллекций, тем не менее данный опыт был интересен провинциальным организаторам науки, которые создавали новые лаборатории в различных вузах и также испытывали дефицит бюджетных средств и помещений.

Во время съезда демонстрировалась зоологическая лаборатория, которая располагалась в Мерзляковском переулке в доме Титовой, практические занятия, а также выставка препаратов и коллекций, подготовленных студентками курсов. Также перед посетителями были показаны коллекции по эволюционной биологии, систематизированные по темам: географическая изменчивость, приспособления к среде обитания, зоогеография, покровительственная окраска, мимикрия, менделизм, ламаркизм и ортогенез, происхождение человека.

Опыт обучения зоологии на курсах был бесценен, так как доказывал, что качественное образование можно обеспечить и при минимальных затратах. Необходимо было только собрать коллектив педагогов-единомышленников, которые великолепно знали достижения науки того времени, обладали организаторскими способностями, умели великолепно подать учебный материал и любили свое дело. Отвечающий этим требованиям профессорско-преподавательский коллектив удалось собрать Н.К. Кольцову, который стал идеологом и организатором обучения зоологии на Высших женских курсах. Но кроме талантливых ученых необходимо было подготовить программно-методический комплект, разработать содержание лекций и практикумов, снабдить занятия наглядными пособиями, лабораторным оборудованием и необходимыми материалами для исследования.



Первоначально преподавание на курсах носило в основном лекционный характер. Курсистки обязаны были прослушать двухгодичные курсы: введение в зоологию, зоологию беспозвоночных, зоологию позвоночных, годичный курс эмбриологии. Организованные для студентов практикумы в первые годы включали в себя работу с микроскопом и вскрытие раков, моллюсков и земноводных для изучения внутреннего строения животных различных систематических групп.

Зоологической лаборатории еще не было, поэтому приходилось устраивать практические занятия прямо в лекционных аудиториях, для этого к окну сдвигались столы и скамейки, а потом раздавалось необходимое оборудование и материалы для изучения. В распоряжении слушательниц имелось 18 малых микроскопов.

27 мая 1903 г. на Собрании факультета М.А. Мензбир поставил вопрос о необходимости специального помещения для преподавания биологических дисциплин. При этом для проведения практикумов должна была быть холодная и горячая вода, газ, а также специальное лабораторное оборудование [13]. К осени 1904 г. удалось заполучить большую лабораторную комнату, приобрести 17 новых микроскопов, несколько увеличительных приборов во временное пользование было передано Обществом воспитательниц и учительниц. В связи с нехваткой помещений в данной лаборатории проходили занятия и по зоологии, и по ботанике.

Весной 1906 г. была создана исключительно зоологическая лаборатория, для этих целей арендовалась квартира в 11 окон в том же доме, где располагались основные аудитории женских курсов. У лаборатории был большой зал для работы с микроскопами, вмещавший одновременно 50 слушательниц, две аудитории для занятий старшекурсниц, комната для хранения коллекций, ассистентская и реактивная. Для практических занятий по вскрытию животных не было соответствующего помещения, поэтому для этих целей в лекционной аудитории переставлялись столы, что превращало комнату в специализированную лабораторию на 70 слушательниц. Лаборатория работала в будние дни с 9 утра до 9 вечера, в субботу – с 9 утра до 7 вечера, в воскресенье – с 11 утра до 7 вечера.

Заведование лабораторией было поручено комиссии, состоявшей из преподавателей и ассистентов. Комиссия избирала сроком на один год заведующего хозяйственными делами, на протяжении нескольких лет эту работу выполнял Н.К. Кольцов.

К осени 1909 г. зоологическая лаборатория пополнилась еще двумя комнатами в 4 окна. По инвентарной книге 1909 г., оборудование лабора-

тории оценивалось в 5558 руб. и включало в себя: 49 микроскопов Лейтца [14], 2 микроскопа Гартнака [15] с масляными инверсиями, 10 малых микроскопов Гартнака, различные виды луп, 2 больших микротомов Беккера-Сарториуса, 1 большой микротом Юнга, 3 средних микротомов Лейтца, 5 термостатов, инкубатор Сарториуса [16], аппарат для продувания воздуха, необходимый для поддержания живых культур [17. С. 5].

В лаборатории существовала музейная коллекция по зоологии, которая пополнялась из разных источников – уникальная коллекция морских животных была предоставлена Виллафранкской зоологической станцией [18], собрание паразитических животных было передано А. Фричем из Праги. А.Ф. Котс передал на курсы свою коллекцию для наглядного преподавания эволюционного учения.

В лаборатории стараниями преподавателей была собрана богатейшая библиотека. Литература группировалась по двум направлениям: для обеспечения учебного процесса приобретались учебники и общие сочинения по зоологии, для привлечения слушательниц к самостоятельным научным исследованиям покупались журналы и книги выдающихся биологов. Мало где в Москве можно было ознакомиться со всеми выпусками «*Zeitschrift für wiss. Zoologie*», «*Archiv für Protistenkunde*», «*Biologisches Centralblatt*», «*Zoologische Jahressberichte*», «*Archiv für Rassen und Gesellschaftforschung*», «*Anatomischer Anzeiger*», «*Bronn's Klassen und Ordnungen*», «*Delage & Herouard – Zoologie concrete*», которые были доступны для курсисток. Всего журналов было приобретено на сумму 3500 руб.

Кроме того, для курсисток функционировала общефакультетская библиотека, созданная в 1911 г. На приобретение книг библиотеке ежегодно выделялись руководством 600 руб., а также постоянно приходили средства от меценатов [19]. Так, например, ряд журналов приобретались с процентов от банковских вкладов, завещанных курсам графиней Шереметевской [20]. В первый год своей работы фонд библиотеки насчитывал более тысячи томов книг, из них по анатомии, зоологии, физиологии животных – 192 тома, ботанике и физиологии растений – 154 тома, географии и антропологии – 27 томов [21]. Большую помощь в пополнении библиотеки книгами играли жертвователи. Так, например, А.М. Минина пожертвовала 164 книги по методике естествознания, М.А. Сеченова передала два экземпляра полного собрания сочинений И.М. Сеченова. В числе меценатов библиотеки были К.А. Тимирязев, Е.А. Богданов, Н.Д. Зелинский, И.А. Каблуков,

Н.А. Морозов, С.С. Наметкин, И.Ф. Огнев, А.Н. Реформатский, С.Н. Реформатский, О.А. Федченко, П.П. Александров. В библиотеке существовал систематический и алфавитный каталоги, составленные двумя штатными служительницами [22].

Преподавали зоологические дисциплины на курсах широко признанные ученые: М.А. Мензбир, Н.К. Кольцов, В.Г. Руднев, П.П. Сушкин. В качестве ассистентов работали Н.А. Касьянов, А.Ф. Котс, Л.П. Кравец, М.П. Садовникова, С.С. Четвериков, В.Н. Лебедев, Н.Г. Логвинович.

Малый макроскопический практикум вели Л.П. Кравец и А.Ф. Котс. На данных занятиях слушательницы знакомились с особенностями строения различных животных на влажных препаратах, изучали строение систем органов различных таксономических групп. Малый микроскопический практикум (вел Н.К. Кольцов при содействии В.Н. Лебедева, М.П. Садовниковой) ставил перед курсистками задачу приобретения навыков работы с микроскопом и приготовления микропрепаратов. На практикуме подробно изучались различные формы клеток и тканей животных. Особое внимание было уделено строению простейших, их обнаружению с помощью различных красителей и изучению их жизненных циклов. Подробнейшим образом рассматривалось митотическое деление клеток, особенности сперматозоидов и яйцеклеток, процесс их слияния, развитие оплодотворенных яиц.

Гистологический практикум по изучению микроскопической анатомии и эмбриологии позвоночных животных вели В.Г. Руднев и Н.Г. Логвинович. Двухчасовым практическим занятиям предшествовала одночасовая лекция, освещавшая теоретические основы гистологии. Руднев со своей ассистенткой Логвинович также преподавали эмбриологический практикум, где слушательницам предлагалось самостоятельно изучать стадии развития различных животных и готовить микроскопические препараты. В 1914 г. в связи с болезнью Руднева преподавание занятий по гистологии и эмбриологии полностью легло на плечи Логвинович, которую в том же году ввели в Совет физико-математического факультета [23].

С 1909 г. в программе курсов появился практикум по паразитологии, для преподавания которого был приглашен В.Н. Лебедев, работавший до этого времени на медицинском отделении курсов. В том же году для слушательниц был открыт практикум по энтомологии, вел который С.С. Четвериков. Благодаря инициативе Четверикова с 1913 г. в зоологической лаборатории курсов проходили заседания Московского

энтомологического общества [24]. По воспоминаниям современников, занятия С.С. Четверикова были тщательно продуманы до малейших деталей. Объяснял он материал очень просто, логично, так что слушателям приходилось внимательно следить за ходом его мысли, чтобы не потерять понимание дальнейшего материала. Практические занятия по энтомологии заключались в очень подробном изучении представителей отрядов насекомых, изготовлении препаратов и их зарисовок. К рисункам Сергей Сергеевич предъявлял очень высокие требования, так что к концу практикума все его участники выучивались вполне прилично рисовать [25].

Для обучения рисованию на курсах были введены также занятия по изобразительному искусству [26]. Инициаторами данных занятий в 1903 г. выступили П.П. Сушкин и А.Н. Строганов [27]. Уроки изобразительного искусства на курсах вел известный художник-анималист Николай Авенирович Мартынов [28]. Под занятия рисованием было отведено специальное помещение, где проходили как групповые, так и индивидуальные занятия со слушательницами. Любая студентка могла приходить в свободные от занятий часы для выполнения своих карандашных или акварельных работ. Студия работала ежедневно с 9 утра до 4 часов дня, а по настоянию Н.А. Мартынова – в воскресные и праздничные дни. Популярность его занятий была ошеломительной – в первый же год работы курсов по рисованию на них записалось 170 слушательниц, а отведенное помещение могло вместить только 35–40 человек. В связи с этим пришлось многим студенткам отказывать в их стремлении получить навыки рисования [29].

Большой практикум по зоологии беспозвоночных ориентировал слушательниц на овладение приемами научной работы. На практикум принимались только те девушки, которые окончили два курса и были подготовлены на малых практикумах. К каждому занятию слушательницы должны были самостоятельно проштудировать специальную литературу по тому или иному вопросу, подготовить специальное оборудование и план исследования. Все наблюдения и эксперименты на большом практикуме курсистки должны были проводить самостоятельно, за консультацией можно было обратиться к тому или иному руководителю в специально отведенные совещательные часы. Большой практикум по зоологии беспозвоночных вели Н.К. Кольцов, Н.А. Касьянов и М.П. Садовникова [30]. По инициативе М.П. Садовниковой в 1910 г. был открыт еще и демонстрационный курс зоологии беспозвоночных [31]. В 1912 г. в качестве ассистента для ведения данного прак-

тикума был приглашен Абрам Львович Бродский [32], помощник Колюцова по Университету Шанявского, окончивший в свое время Московский и Женевский университеты.

Большой практикум по зоологии позвоночных вел первоначально П.П. Сушкин. В апреле 1906 г. он направил в адрес руководства курсов письмо, в котором сообщал, что в связи с работой на биологической станции в Вилла-Франке, он не может вести учебную работу и просит найти другого преподавателя [33]. В итоге деканат нашел возможность временной замены в связи с отсутствием Сушкина. В сентябре 1907 г. Петр Петрович после перенесенной болезни отказался вообще от ведения занятий, так как был вынужден уехать из Москвы на длительное лечение [34]. Правление курсов было настолько великодушным, что выплатило Сушкину гонорар за все время его вынужденного отсутствия [35]. Вести большой практикум по зоологии позвоночных, в объеме 4 академических часов в неделю, стал Л.П. Кравец. После Сушкин снова вернулся к преподаванию и кроме ведения зоологического практикума начал читать авторский курс сравнительной анатомии позвоночных животных. Чтение данного курса П.П. Сушкин прекратил только в 1910 г., когда перешел на работу в Харьковский университет [36]. Факультет долгое время не мог найти ему достойную замену.

В декабре 1910 г. курс сравнительной анатомии позвоночных был приглашен читать А.Н. Северцов, который в ноябре 1910 г. был избран Советом Московского университета профессором кафедры сравнительной анатомии [37]. Однако после событий 1911 г. и ухода из Императорского университета М.А. Мензбира, было также предложено читать данный курс Мензбиру, оставившему преподавание на Московских высших курсах в 1904 г. [38]. В результате Северцов снял свою кандидатуру на должность преподавателя и уступил данную вакансию своему учителю. В письме декану физико-математического факультета В.Д. Давыдовскому Северцов пишет: «Ввиду того тяжелого положения, в котором очутился совершенно незаслуженно и несправедливо М.А. Мензбир, факультет должен обратиться к нему с предложением взять на себя преподавание сравнительной анатомии. Поэтому, выражая свою признательность факультету за честь, оказанную мне предложением вступить в число его членов, я снимаю свою кандидатуру, считая, что М.А. Мензбир имеет гораздо больше прав, чем я. Повторяю, что эта мысль явилась мне совершенно независимо от Вашего письма, и меня радует, что наши желания совпадают» [39].

Особый интерес у слушательниц вызывал демонстративный курс зоологии, который вел А.Ф. Котс. Фактически данный курс представлял

собой основы эволюционного учения, так как в сжатой и наглядной форме знакомил слушательниц с учением о виде и видообразовании, теорией естественного отбора, палеонтологическими доказательствами эволюции и многообразием животного мира планеты. Котс был проповедником дарвинизма, считая его фундаментом биологических дисциплин. «Никогда еще наука не видела более величественной, стройной и законченной картины мира, нежели та, в которой отлилось научное мировоззрение Дарвина в немногих заключительных строках его бессмертного творения, идея постепенного происхождения органического мира, вплоть до высших его форм, кончая человеком» [40. С. 35].

Согласно решению факультета, этот курс должен был первоначально называться эволюционной теорией, причем для преподавания его был приглашен М.А. Мензбир, как один из наиболее авторитетных специалистов в этой области [41].

В 1907 г. Котс перевез собственную коллекцию чучел животных на Высшие женские курсы [42]. За два года (1907–1909) коллекция настолько разрослась, что едва помещалась в специально отведенной комнатке. Первоначально Котс приобретал экспонаты и оборудовал музей на собственные средства. В дальнейшем часть коллекции была куплена на деньги Высших курсов и перешла в собственность учреждения [43].

Накануне лекций Котса десятки, а иногда и сотни экспонатов выносились в аудиторию и расставлялись на раздвижных столах в порядке, предусмотренном содержанием лекции. Часто эта хлопотливая подготовка затягивалась далеко за полночь [44]. На учебных занятиях Котс с помощью чучел животных наглядно демонстрировал те или иные явления, что делало лекции неповторимыми и увлекательными для слушательниц. «Можно сомневаться, что где-либо еще в Европе лекции по эволюционному учению читались в столь наглядной форме, как в уютной, прилегающей к музею аудитории Московских высших женских курсов», – вспоминал впоследствии сам лектор [44. С. 82–83].

В 1913 г. было принято Положение о музее эволюционной истории при Московских высших женских курсах. Основная часть коллекции стоимостью в 15 тыс. руб. передавалась курсам безвозмездно при условии, что организация будет оплачивать работу препаратора, с окладом сто рублей в месяц, и отпускать на текущие расходы по музею небольшую сумму денег [45]. Оговаривалось также бесплатное заведование музеем А.Ф. Котсом, а в случае смерти передача этих прав его супруге.

Для работы Котс привлекал высококлассных специалистов, которые обеспечили уникальность фондов будущего Дарвиновского музея. Препаратором Биологического музея Московских Высших жен-



ских курсов работал Ф.Е. Федулов, «своею беззаветной и безвестной деятельностью на фронте и в тылу наглядно показавший, что может дать глухая русская деревня для создания идейных ценностей столицы и для веры в светлое грядущее простого русского народа» [46. С. 8]. Федулов был наделен исключительной наблюдательностью и чувством формы, что позволило ему изготавливать экспонаты, практически не отличимые от живых объектов. В качестве художника-анималиста был приглашен В.А. Ватагин, который вместе с Котсом обучался рисованию у Н.А. Мартынова [47] и по поручению М.А. Мензбира подготовил серию таблиц к курсу зоогеографии. Основным же помощником и идейным вдохновителем в деле собирания и экспонирования музейных экспонатов была супруга А.Ф. Котса – Н.Н. Ладыгина-Котс, в прошлом его ученица.

Музей А.Ф. Котса пополнялся ежегодно новыми коллекциями, стоимость которых за период с 1913 по 1917 гг. возросла до 50000 руб. На развитие музея ежегодно руководство курсов выделяло от 1000 до 1500 руб., также директор курсов предоставил 3000 руб. из частных пожертвований. Кроме того, А.Ф. Котс читал публичные лекции и занимался частными уроками, средства от которых он перечислял музею [48].

Эволюционную теорию для слушательниц первоначально преподавал М.А. Мензбир. После его ухода для деканата возникла проблема поиска высококлассного специалиста. Обратились с предложением прочитать данный курс к К.А. Тимирязеву, но он отказался в связи с нехваткой времени. Вследствие этого теорию эволюции стал читать А.Ф. Котс [49].

В феврале 1912 г. Н.К. Кольцов ходатайствовал перед деканатом физико-математического факультета о введении нового предмета – биологии животных (этологии) [50]. До этого времени преподавание зоологии в большинстве университетов было достаточно традиционным. Животных изучали лишь с точки зрения их морфологии, анатомии и физиологии. Как писал Н.К. Кольцов: «В силу такой односторонности в преподавании зоологии сами зоологи очень часто не смогут ответить на самые простые и естественные вопросы: почему муха ползает по стеклу и не скользит, почему она не замерзает зимой, почему насекомые бегают по воде и не тонут, почему тяжелый лось бежит по топкому болоту и не проваливается и т.п.» [51]. «Указанная односторонность в преподавании, такое увлечение одним голым описанием органов объясняется исторически тем, что до сих пор все усилия зоологов направлялись к тому, чтобы собрать как можно больше морфологического материала и таким образом еще больше укрепить и рас-



ширить тот фундамент, на котором зиждется эволюционная теория, в частности дарвинизм. Но теперь эволюционное учение стоит незыблемо и поэтому нет надобности в том, чтобы направлять все силы на накопление односторонних морфологических данных, тем более, что остающиеся спорные вопросы трансформизма стараются в настоящее время разрешать более экспериментальным путем» [52]. Особенно, по мнению Н.К. Кольцова, эта сторона зоологии имела бы большое значение для слушательниц, так как многие из них затем поступали на работу преподавателями. Для привития интереса у учащихся к зоологии выпускницы должны были уметь не только изучать животных в лабораторных условиях, но и ориентироваться непосредственно в лесу и в поле. Разработать программу данного курса поручили Николаю Александровичу Касьянову.

С 1 сентября 1916 г. на МВЖК были введены предметы психолого-педагогического цикла, в частности, для студенток биологических специальностей в программу подготовки включили методику преподавания биологии. При обучении методике преподавания большой уклон был сделан в сторону демонстраций и семинарских занятий [53]. На семинарских занятиях слушательницы обсуждали содержание различных учебников для средней школы по зоологии, ботанике, природоведению, как отечественных, так и зарубежных авторов. Студенткам предлагалось оценить достоинства и недостатки предлагаемых учебников по следующим критериям: доступность излагаемого материала для указанного возраста, объем книги, подбор содержания, характер его изложения, количество рисунков и их отношение к тексту, наличие неточностей и биологических ошибок [54]. Кроме того, слушательницы посещали уроки школьных учителей с целью обучения навыкам практического преподавания, изучали оснащение учебных кабинетов в гимназиях, занимались в Педагогическом музее при Учебном отделе Общества распространения технических знаний, Московском городском музее наглядных пособий, в частности, в мастерской наглядных учебных пособий.

В рамках методики преподавания биологии студенткам читались лекции по истории биологических дисциплин и по истории преподавания их в русской школе. Программа курсов охватывала практически все направления методики преподавания биологии: воспитательные и образовательные цели школьных биологических дисциплин, дидактические принципы обучения (научность, доступность, наглядность, связь теории с практикой), методы обучения, значение наглядности в преподава-

нии, внеклассная работа по биологии (экскурсии в природу, естественнонаучные музеи), учебники и учебные пособия для школьников [55].

С 1903 г. на МВЖК была введена подготовка слушательниц к научно-исследовательской работе. Согласно единогласному решению Совета физико-математического факультета [56], «целью преподавания на Высших женских курсах должно быть не только сообщение слушательницам сведений по различным преподаваемым предметам, но и введение их хотя бы в скромной степени в области более самостоятельной научной работы» [57]. Наилучшим средством для достижения поставленной задачи стало предоставление курсисткам возможности познакомиться на старших курсах с приемами и методами научной работы. Для этого предложено было слушательницам более подробно освоить те или иные дисциплины и выполнить по ним самостоятельную исследовательскую работу. В связи с появившейся вариативностью образования все курсы были поделены на две группы – обязательные для посещения и дополнительные по выбору слушательниц. Такое преподавание более соответствовало задачам высшего учебного заведения университетского уровня.

В 1907 г. группа преподавателей во главе с Н.К. Кольцовым вышла с предложением в Совет Высших курсов об открытии на их базе института приват-доцентов. Но некоторые члены Совета, в частности Б.К. Млодзиевский, высказались против данного предложения, так как посчитали, что приват-доцентура не вполне отвечает сущности преподавания на курсах. Директор курсов С.А. Чаплыгин согласился, что введение приват-доцентуры не соответствует уставу учреждения, поэтому данный вопрос был отложен до будущих времен [58].

В марте 1907 г. на заседании Совета курсов Кольцов повторно поднял вопрос об учреждении приват-доцентуры. Приват-доцентами, по его мнению, должны становиться лица, изъявившие готовность вести преподавание бесплатно и известные своими научными работами или педагогической деятельностью. Утверждаться они должны по тем же правилам, как и обычные преподаватели. На заседаниях факультета им должен предоставляться совещательный голос. И снова предложение Кольцова встретило ряд возражений со стороны членов факультета. Противниками данного нововведения стали А.К. Власов, Б.К. Млодзиевский, И.И. Жегалкин, И.И. Чистяков, В.Д. Соколов, С.А. Чаплыгин, М.Н. Шатерников. Было решено этот вопрос перенести на дальнейшие обсуждения на заседаниях Совета [59].

Что касается возможности сдачи слушательницами квалификационных экзаменов при университетах, то циркуляром 20 марта 1912 г.

за № 13463 по вопросу о порядке применения закона 19 декабря 1911 г. к лицам женского пола, желающим держать экзамены в испытательных комиссиях при университетах, было установлено, что слушательницы, окончившие курс высших женских учебных заведений, могут быть допущены к экзаменам лишь с особого разрешения Министерства [60]. В примечании 2 данного закона к экзаменам без особого разрешения Министерства допускались лишь слушательницы Московских (курсы Герье), Санкт-Петербургских (Бестужевских), Киевских, Казанских высших женских курсов, а также Императорского Санкт-Петербургского женского педагогического института.

После окончания курсов многие слушательницы оставались в лаборатории для занятий научной работой. Внося символическую плату в размере 10 руб. в год, они продолжали начатые исследования под руководством своих педагогов. Например, Софья Леонидовна Фролова под руководством Н.К. Кольцова разрабатывала тему «Идиозома у *Ascaris megaloccephala*» (1910) [61]. Результатом этого исследования стала публикация на немецком языке в «Archiv für Zellforschung». Также она разрабатывала тему о дополнительных хромосомах и их роли в определении пола у хермесов. Под руководством П.П. Сушкина исследовательскую работу по сравнительной анатомии животных выполняли Надежда Николаевна Попова и Вера Григорьевна Шабловская [62].

Сам Н.К. Кольцов писал, что в 1912 г. он был консультантом шести научных тем, поэтому ежедневно организовывал для этих женщин совещательные часы, где они докладывали об изученной литературе и результатах проведенных экспериментов [63].

Одной из форм организации научно-исследовательской работы стал Естественнонаучный кружок, который организовали студентки Московских женских курсов в 1911 г. Члены кружка посещали экскурсии в природу, собирали коллекции насекомых, раковин моллюсков, растений и минералов. При этом кроме систематических коллекций были собраны фито- и зоогеографические коллекции, характеризующие различные природные зоны обитания, а также биологическая коллекция, иллюстрирующая приспособления растений и животных к условиям окружающей среды (борьба с засухой, защита от животных и т.п.) [64]. Место для размещения ценного материала предоставил в своей лаборатории Н.К. Кольцов [65].

В 1913 г. произошло эпохальное событие в жизни курсов. Министром народного просвещения Л.А. Кассо было утверждено Положение об оставлении при Московских высших женских курсах для усовершен-

ствования в научных познаниях лиц женского пола (дата утверждения: 17.03.1913). Согласно Положению, для прохождения научной подготовки на курсах могли остаться женщины, успешно окончившие курсы. Кандидатов для этого выдвигали кафедры и утверждал Совет курсов. Срок научной подготовки составлял два года, но по ходатайству факультета мог быть продлен до трех лет. Важным достижением данного документа стала доступность данной формы образования. Оставленные при кафедрах выпускницы могли бесплатно посещать лекции, практические занятия, пользовались услугами библиотеки и научных лабораторий [66]. Кроме того, некоторые наиболее талантливые девушки представлялись к стипендиям в размере 600 руб. в год [67].

События, переживаемые Россией в начале прошлого века, отразились в полной мере на жизни Московских высших женских курсов. Первая мировая война внесла свои коррективы в работу курсов. В 1914 году в коридорах Высших женских курсов временно разместились воинские части. Лабораторные помещения Физического института стали использоваться как лазарет для раненых, где в качестве сестер милосердия трудились слушательницы курсов. Преподаватель А.А. Дешин, ассистенты Л.П. Кравец, Д.К. Александров, Д.И. Ромашев, В.Н. Лебедев были призваны на военную службу. В связи с началом военных действий не смог вернуться из-за границы А.А. Эйхенвальд. Тем не менее, занятия на факультете продолжались в прежнем объеме [68]. Более того, было вынесено решение сохранить за воюющими на фронте сотрудниками денежное пособие, равное размеру их годового жалования. Многие преподаватели брали на себя дополнительную нагрузку своих коллег, так, например, А.Ф. Котс стал преподавать анатомию человека вместо призванного на службу А.А. Дешина, П.Г. Лейберг и А.А. Глаголева стали вести физику за А.А. Эйхенвальда, М.М. Заводский – зоологические дисциплины вместо Л.П. Кравца.

Часть лабораторий стали непосредственно помогать фронту. В химических лабораториях началось производство медикаментов для раненых. От Физико-математического факультета МВЖК был выдвинут С.С. Наметкин в качестве представителя Московского комитета по организации производства медикаментов в России. Он организовал не только производство лекарств, но и участвовал в перераспределении реактивов из других факультетских лабораторий на нужды фронта, в особенности препаратов брома, иода, висмута и ртути. Н.К. Кольцов передал для производства медицинских препаратов 200 руб., сэкономив их из средств своей лаборатории [69].

В 1917 г. в аудиториях курсов стали активно проходить политические митинги и собрания. По этому поводу А.Ф. Котс в 1917 г. писал: «Эпизодические, непредвиденные, многолюдные и шумливые публичные вечерние собрания (сходки, митинги и лекции) фактически сорвали большинство моих занятий, несмотря на полную готовность слушательниц продолжать их до конца семестра. <...> В еще большей степени, чем на учебной роли вверенного мне музея, проникание «улицы» в здание курсов отражается на сохранении его коллекций <...> Музею угрожает самый пагубный вредитель зоологических коллекций – табачный дым. <...> Большинство курящих из числа сторонних посетителей нашего здания совершенно не считается ни с просьбами, ни с надписями, призывающими воздержаться от курения в фойе и коридорах» [70].

После Октябрьской революции 1917 г. жизнь курсов изменилась коренным образом. На заседании Совета Московских Высших женских курсов 24 февраля (9 марта) 1918 г. директор курсов С.А. Чаплыгин сообщил, что согласно решению советской власти, занятия в высших учебных заведениях должны быть закончены 2 апреля, однако Совет постановил продолжать занятия до 20 апреля включительно, начать весеннюю экзаменационную сессию 22 апреля, прервать ее на последние три дня Страстной недели и на пасхальную неделю и возобновить экзамены непосредственно после Пасхи [71].

В сентябре 1918 г. МВЖК были преобразованы во 2-й Московский государственный университет, куда принимались лица обоего пола. Бывший директор курсов, Сергей Алексеевич Чаплыгин, был оставлен в качестве ректора (1918–1919 гг.) вновь образованного вуза. Все оборудование курсов было национализировано и передано 2-му МГУ, на базе коллекций Котса был организован Государственный Дарвиновский музей, директором которого он был с 1922 по 1964 гг., с момента основания государственного музея до последних лет своей жизни. Уровень преподавания в новом вузе был значительно снижен по сравнению с академизмом Женских курсов. В целях демократизации состава студентов были отменены вступительные экзамены, что в значительной степени отразилось на составе студентов.

В 1929 г. 2-й МГУ был реорганизован и на его базе возникли 2-й Московский государственный медицинский университет, Московский институт тонкой химической технологии, Московский государственный педагогический институт.

Таким образом, история преподавания на МВЖК была непродолжительной, но играла огромную роль в подготовке женщин к педаго-

гической и научной работе. Большая заслуга в становлении зоологической науки в СССР принадлежала бывшим курсисткам и выпускницам МВЖК. Они связывали традиции российского дореволюционного образования с новациями, продиктованными временем и новым общественным строем. Многие бывшие курсистки становились ведущими специалистами в различных направлениях зоологии – этологии, систематике, эволюционной морфологии, сравнительной анатомии, экологии животных. Среди женщин, получивших высшее образование в дореволюционной России, были кандидаты и доктора наук, лауреаты международных премий и престижных наград. Российские женщины, так долго боровшиеся за свои права на образование, смогли доказать, что им под силу преодоление трудных вершин, перед которыми останавливались даже многие мужчины.

### **Литература, источники, примечания**

1. *Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г.* Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 141–153.
2. *Валькова О.А.* Дискуссия о высшем женском образовании в Московском университете (1861 г.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 4. С. 82–96.
3. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 363. Оп. 1. Д. 15. Л. 50.
4. *Некрасова Е.С.* Из прошлого женских курсов. М.: Изд. Тип. А.А. Карцева, 1886. 99 с.
5. Тетра Егора: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / Под общ. ред. Д.А. Цыганкова. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 671 с.
6. *Боброва Л.А.* Высшие женские курсы профессора Герье в Москве (1872–1888 гг.) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 16. М.: МГИАИ, 1961. С. 253–265.
7. *Бермет В.* Университетское образование женщины. СПб.: Тип. П.П. Меркурьева, 1873. 40 с.
8. *Вахромеева О.Б.* Духовное пространство Университета. Высшие женские (Бестужевские) курсы 1878–1918 гг.: исследования и материалы. СПб.: ООО «Диада-СПб», 2003. 254 с.
9. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1.
10. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.
11. В то время такую квалифицированную работу называли «сочинением».
12. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 8. Л. 126.
13. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 8. Л. 167.

14. Фирма Эрнста Лейтца занималась выпуском микроскопов и другой оптики.
15. Фирма Э. Гартнака выпускала микроскопы с иммерсионными объективами, в которых между линзой и рассматриваемым предметом помещалась специальная жидкость для усиления яркости и расширения пределов увеличения.
16. Немецкая фирма «Сарториус», открытая в 1870 г. Флоренсом Санториусом.
17. *Кольцов Н.К.* О преподавании зоологии на Московских Высших Женских курсах. М.: Тип. О-ва распр. полезных книг, 1909. 45 с.
18. На приобретение морских животных из Виллафранка Московскими Высшими женскими курсами была выделена сумма в размере 100 руб. Ходатайствовал о данной покупке перед директором курсов Н.К. Кольцов в 1904 г. (ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 10. Л. 243). При этом Н.К. Кольцову удалось уговорить администрацию Зоологической станции в Виллафранке продать коллекцию за символическую плату в 45 франков, а оставшиеся деньги он употребил на приобретение необходимых материалов для практических занятий со слушательницами (ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 12. Л. 34 об.).
19. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 88. Л. 61.
20. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 12. Л. 65.
21. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 88. Л. 61 об.
22. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 88. Л. 61–62.
23. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 114. Л. 27.
24. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1. Л. 201.
25. Национальна бібліотека України імені В.І. Вернадського Інститут архівознавства. Ф. 287. Оп. 1. Спр. 38. Арк. 53.
26. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1. Л. 135.
27. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 10. Л. 531.
28. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 67. Л. 44.
29. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 88. Л. 64.
30. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 67. Л. 17.
31. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 67. Л. 22.
32. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.
33. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 19. Л. 47.
34. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.
35. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 32. Л. 26.
36. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 57. Л. 259 об.
37. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 67. Л. 101.
38. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 67. Л. 175.
39. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 67. Л. 205.
40. *Котс А.Ф.* Наука и мировоззрение в свете кризиса переживаемого времени. (Наука и война в их внешнем и духовно-внутреннем конфликте). М.: Тип. В.И. Воронова, 1915. 58 с.
41. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 25. Л. 56.



42. Из коллекций А.Ф. Котса в дальнейшем был сформирован фонд Дарвиновского музея, поэтому датой основания музея считается 1907 г. – год, когда была перевезена коллекция А.Ф. Котса на Высшие женские курсы для проведения демонстративного курса зоологии.
43. В 1911 г. Правление курсов приобрело у А.Ф. Котса экспонатов на сумму 970 руб. (Источник: ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1. Л. 148).
44. *Котс А.Ф.* Собрание сочинений. Т. 2. История создания Государственного Дарвиновского музея / Под общ. ред. А.И. Клюкиной. М.: ГДМ, 2014. 304 с.
45. Хотя в Протоколе заседания Попечительского совета курсов от 11 мая 1913 г. записано: «Постановлено уполномочить физико-математический факультет курсов приобрести от г. Котса биологический музей на таких условиях, которые факультет признает приемлемыми, и при том за плату не свыше 15000 руб.» (Источник: ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1. Л. 198).
46. *Котс А.Ф.* Путеводитель по Московскому зоологическому саду. Жизнь животных в фотографиях, рисунках и биологических набросках. М.: Изд. Русского О-ва акклимат. животных и растений, 1917. 160 с.
47. У Николая Авенировича Мартынова обучались рисованию многие университетские биологи – А.Н. Северцов, П.П. Сушкин, В.Н. Львов.
48. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 136. Л. 342.
49. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 32. Л. 94 об.
50. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 80. Л. 143–144.
51. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 80. Л. 146.
52. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 80. Л. 146–146 об.
53. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 123. Л. 341.
54. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 157. Л. 73–74.
55. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 157. Л. 74–75.
56. Заседание Совета факультета состоялось 9 марта 1903 г.
57. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 8. Л. 144.
58. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 32. Л. 11 об.
59. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 32. Л. 125.
60. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 114. Л. 10.
61. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 67. Л. 71.
62. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 57. Л. 263 об.
63. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 88. Л. 10.
64. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 88. Л. 133.
65. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 88. Л. 134.
66. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 88. Л. 299.
67. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 88. Л. 299 об.
68. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 114. Л. 1 об.
69. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 114. Л. 2 об.
70. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 136. Л. 342 об.
71. ЦГАМ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 157. Л. 279–279 об.

**Глава 3**  
**На переломе:**  
**женщины-ученые –**  
**современницы установления**  
**юридического равноправия**  
**полов в России**

## Приход российских женщин в профессию «История науки»: XX век. Первая половина

*С.С. Илизаров*

Постановка и изучение темы «женщины – историки науки» предполагает разграничение между теми, для кого история науки являлась профессией, и теми, кто по роду своей основной деятельности, по личным интересам, по обстоятельствам времени и проч. в той или иной мере оказывались причастными к исследованиям в данной области.

Российское историко-научное сообщество – одна из самых молодых профессиональных общностей исторического знания [1]. О появлении профессии «историк науки» в более-менее точном смысле можно говорить никак не ранее XX столетия. При этом, начиная с XVIII в., происходил процесс зарождения и формирования в России данной исследовательской области, ее постепенного социального признания и затем, в конце XIX – начале XX в., и дисциплинарного оформления. Насколько сейчас можно установить, ни в XIX в., ни, тем более, в XVIII в. в России не было женщин, оставивших сколько-нибудь заметный след в изучении истории научных знаний, что вполне коррелируется с общей ситуацией существовавшего ограничения для женщин на образование и, тем более, на занятия научной деятельностью.

Одним из первых прединституциональных образований была академическая подкомиссия по подготовке сборника «Русская наука», давшая первый опыт совместной коллективной историко-научной работы. Среди инициаторов и участников этого проекта, начавшегося в 1916 г., женщин не было. Зато во второй половине 1920-х годов, когда под руководством В.И. Вернадского в Ленинграде разворачивалась деятельность Комиссии по истории знаний (КИЗ) АН СССР, среди ее членов числятся несколько женщин.

По положению членами КИЗ (не путать с сотрудниками!) могли состоять все члены АН СССР по их желанию, а также иные научные работники, зарекомендовавшие себя трудами по истории знаний. В первый год деятельности в КИЗ состояли 93 человека: соответственно 38 – это члены Академии наук, остальные 55 – специалисты. По состоянию на 1929 год в КИЗ входили: 67 (22%) членов-корреспондентов, 75 (25%) действительных членов АН СССР, в том числе президент и один лауреат Нобелевской премии, а также 4 члена АН Украины и 1 – Польской академии.

В составе КИЗ числилось 6 женщин, в том числе член-корреспондент АН СССР по разряду исторических наук Отделения гуманитарных наук (1929) Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874–1939). Дочь профессора-историка, воспитанница Высших женских (Бестужевских) курсов, ученица И.М. Гревса, О.А. Добиаш-Рождественская во время научной командировки во Францию подготовила диссертацию и получила степень доктора Парижского университета (1911). Она была первой в России женщиной, удостоенной степени магистра (1915) и доктора всеобщей истории (1918). Выдающемуся знатоку средневековой палеографии, тончайшему исследователю духовной истории западного средневековья



О.А. Добиаш-Рождественская

О.А. Добиаш-Рождественской принадлежат труды, имеющие прямое отношение к истории науки: «Как люди научились считать время» (1922), «Мастерские письма на заре западного средневековья и их сокровища в Ленинграде» (1930; издана как 10-й вып. «Трудов» КИЗ), «Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les manuscrits de Leningrad» (1934) и др. Она принимала деятельное участие в работе КИЗ: регулярно посещала заседания, в том числе 28 февраля 1929 г. по случаю 10-летия со дня смерти А.С. Лаппо-Данилевского [2. С. 252, 525], и, по меньшей мере дважды, выступала с научными докладами на темы – «Хронологические элементы на полях рукописи Беды» (4 декабря 1927 г.) [2. С. 185, 213], «Западные мастерские письма на заре средневековья и рукописи Публичной библиотеки» (24 февраля 1929 г.) [2. С. 196, 554]. В 1934 г. в 3-м выпуске сборника «Архив истории науки и техники», издававшемся Институтом истории науки и техники (ИИИТ) АН СССР, опубликована ее статья «Из каких источников мы узнаем о западной земледельческой технике эпохи феодальной формации».

Как член-корреспондент АН СССР числилась в КИЗ палеонтолог Мария Васильевна Павлова (1854–1938), но заметного участия в ее работе не принимала, возможно, по причине проживания в Москве. В протоколах зафиксирован только один случай ее присутствия на заседании комиссии 1 декабря 1928 г. [С. 233]. Такая же ситуация была с физико-химиком Лидией Карловной Лепинь (1891–1985).



И.И. Любименко

Активно участвовала в работе КИЗ и далее в ИИНТ и в Комиссии по истории Академии наук (КИАН) Инна Ивановна Любименко (1878–1959) [З. С. 483–487] – дочь А.Г. Перетц – литератора и общественной деятельницы, выступавшей за женскую эмансипацию, и выдающегося ботаника академика И.П. Бородина. Образование И.И. Любименко получила на Высших (Бестужевских) женских курсах; в 1908 г. защитила диссертацию на степень доктора Парижского университета по «словесным наукам». В феврале 1934 г. зачислена в штат ИИНТ. В 1935 г.

без защиты диссертации ей была присуждена ученая степень доктора исторических наук за цикл трудов по истории дипломатических и торговых связей России с государствами Западной Европы. После переезда ИИНТ в Москву работала в Архиве АН СССР и с начала 1939 г. в КИАН. Будучи специалистом по истории англо-русских торговых отношений XVI–XVIII вв., источниковедению и архивоведению, она много работала по истории Академии наук и просвещения в России XVIII в. Среди опубликованных работ по данной теме сохранило свое научное значение выполненное И.И. Любименко фундаментальное научное описание «Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века: 1766–1782», опубликованное в 1937 г. в серии «Труды Архива АН СССР» (Вып. 2). Две работы: «Об основании Российской Академии» и «Заграничная командировка акад. А.И. Лексея в 1780–1781 гг.» были изданы в 1936 г. в сборниках ИИНТ «Архив истории науки и техники» (Вып. 6 и 8).

Кроме названных, в КИЗ работали делопроизводитель Софья Самуиловна Машкиллейсон (1894–?); в ИИНТ станет заведующей библиотекой и этнограф Нюэми Григорьевна Шпринцин (1904–1963), которая успешно занималась изучением истории экспедиции Г.И. Лансдорфа.

В 1932 – первом году существования Института истории науки и техники, в нем работало всего семь штатных научных сотрудников [4. С. 3–41]. Затем до середины 1936 г., то есть до перевода института из Ленинграда в Москву, общее число сотрудников, включая работавших по договорам, достигало 28–29 человек. 11 штатных сотрудников ИИНТ ранее состояли членами КИЗ. Характерно, что в штате институ-

та оказалась преобладающей группа историков техники, что вполне соответствовало духу времени, условиям проводимой индустриализации и первого пятилетнего плана. Их было 9 человек, включая одного специалиста по философии техники. Формально численно преобладали историки по образованию и специализации – более 10 человек. Это были, как правило, специалисты широкого профиля, для которых переход, например, от истории античности или Ренессанса к истории науки и отдельных областей естествознания был не то чтобы легок, но, как оказалось, вполне реализуем и успешен. Весьма сильным был состав историков физико-математических наук; из шести человек двое были приглашенными специалистами из Москвы. Далее по численности следовали философы и методологи (3) и историки биологии (2). В составе сотрудников ИИИТ было шесть женщин, из них две на научно-вспомогательных работах.

Общих учителей по Высшим женским (Бестужевским) курсам – И.М. Гревса, Л.П. Карсавина и О.А. Добиаш-Рождественскую – имели две ленинградские исследовательницы – историки, оставившие заметный след в историографии истории науки и техники. Медиевист, историк Италии, Византии и Древней Руси Елена Чеславовна Скржинская (1894–1981) [5. С. 458–521] происходила из интеллигентной семьи. Ее отец был крупный инженер-электрик, а мать – Е.В. Головина-Скржинская – одна из первых в России женщин-врачей, получившая известность как судебный эксперт-психиатр. В 1935 г. по инициативе О.А. Добиаш-Рождественской Е.Ч. Скржинская работала на договорной основе в ИИИТ, где принимала участие в больших коллективных трудах: «Очерки по истории техники докапиталистических формаций» (1936) и в подготовке комментированного издания «Агрикультура в памятниках Западного средневековья» (1936). Е.Ч. Скржинская подготовила оригинальные очерки по истории техники западного средневековья: сельского хозяйства, строительства, транспорта, книгопечатания и др. За эту работу в 1936 г. ей была присуждена ученая степень кандидата исторических



Е.Ч. Скржинская



М.А. Тиханова

наук [6]. После перевода ИИНТ в Москву Е.Ч. Скржинская отошла от историко-научных работ, но в мае 1942 г. она была переправлена из Ленинграда в Москву для участия в срочной подготовке сборника, посвященного 300-летию со дня рождения Исаака Ньютона.

Тех же учителей, что и Е.Ч. Скржинская имела Мария Александровна Тиханова (1898–1981) [7. С. 286–287], которая, кстати, так же как и О.А. Добиаш-Рождественская, состояла в партии кадетов. М.А. Тиханова – археолог, историк материальной культуры чрезвычайно широкого профиля. Работая с 1920-х годов в ГАИМК, в 1933 г. она привлекалась к сотрудничеству с ИИНТ. В 1938 г. без защиты

диссертации М.А. Тихановой присвоена ученая степень кандидата исторических наук. Публиковалась в ведущих продолжающихся изданиях: «Архив истории науки и техники» (Вып. II. 1933. С. 337–343) и «История техники» (1937. Вып. 5. С. 161–192).

Выдающийся вклад в историю агрикультуры принадлежит филологу-классику Марии Ефимовне Сергеенко (1891–1987) [8. С. 316–328]. После окончания черниговской женской гимназии с 1910 г. училась на историко-филологическом факультете Высших женских курсов. Изучала классическую и всеобщую историю, училась у М.И. Ростовцева и Ф.Ф. Зелинского. После сдачи в 1920 г. магистерского экзамена получила право преподавания в высшей школе; в 1922 г. присвоено ученое звание доцента. Преподавала латинский и греческий языки; среди ее учеников был Н.И. Вавилов, который оказал влияние на формирование у М.Е. Сергеенко интереса к профессиональному изучению античной ботаники и агрономии.

В 1931–1934 гг. М.Е. Сергеенко служила в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и одновременно с 1932 г. в ИИНТ, где принимала участие в работе Сектора истории агрикультуры. Исследовала античные источники по сельскому хозяйству и агрономии. В «Архиве истории науки и техники» опубликовала серию работ: «Предтечи прикладной ботаники в античном мире» (1933. Вып. 1. С. 103–112), «Удобрение хлебных полей в древней Ита-



лии» (1934. Вып. IV. С. 123–147), «К истории оливкового хозяйства в древней Италии» (1935. Вып. VII. С. 325–355), «Агротехнический совет в римской сельскохозяйственной литературе» (1936. Вып. IX. С. 315–327). В переводе М.Е. Сергеевко в 1937 г. вышел сборник «Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве». Перевела с немецкого языка совместно с П.П. Забаринским книгу Г. Дильса «Античная техника» (1934). В 1943 г. защитила докторскую диссертацию по совокупности работ о римском сельском хозяйстве; с 1948 г. профессор. Исследования по истории науки и техники нашли также отражение в монографиях «Очерки по сельскому хозяйству древней Италии» (1958), «Ремесленники Древнего Рима: Очерки» (1968); часть историко-научных работ М.Е. Сергеевко остались неизданными.



М.Е. Сергеевко

Среди женщин – ленинградских историков науки и техники довоенной поры следует назвать Веру Федоровну Гнучеву (1890–1942). Она училась, как и ряд других ее коллег, на Высших (Бестужевских) женских курсах. С 1924 г. В.Ф. Гнучева работала научным сотрудником Промышленно-географического отдела КЕПС. С 1935 г. в Архиве АН СССР, где занималась изучением истории географических исследований, организованных Академией наук в XVIII–XIX вв. Принимала также участие в работах КИАН и в частности изучала деятельность М.В. Ломоносова в Академии наук. Два труда В.Ф. Гнучевой «Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов» (М.; Л., 1940) и «Географический департамент Академии Наук XVIII века» (М.; Л., 1946), изданные в серии «Труды Архива АН СССР» (Вып. 4, 6) – до сих пор настольные книги географов и историков науки.

В отличие от Ленинграда, где более двадцати лет в рамках академической традиции развивался центр историко-научных исследований, в Москве «женский элемент» данного направления несопоставимо менее выразителен. Из действительно крупных научных имен можно назвать, пожалуй, только Софью Александровну Яновскую



С.А. Яновская

(1896–1966) [7]. Но для нее история науки не единственное и не главное исследовательское направление. С.А. Яновская – математик, логик, философ, педагог, создатель школы философии математики.

По окончании одесской гимназии С.А. Яновская училась на естественном отделении Одесских высших женских курсов. Она была членом партии и участвовала в Гражданской войне. С 1923 г. в Москве. Училась и затем преподавала в Институте красной профессуры; профессор (1930), доктор физико-математических наук (1935). В МГУ возглавляла кафедру высшей алгебры на механико-математическом факультете; в 1943–1959 гг. – заведующая кафедрой истории математики и математической логики. В 1933 г. вместе с М.Я. Выгодским организовала научно-исследовательский семинар по истории математики. С 1935 г. совместно с И.И. Жегалкиным руководила семинаром по математической логике.

В период 1920-х – середины 1930-х гг. С.А. Яновская выступала как пропагандист официальной советской идеологии и активно боролась с «идеализмом в математике». По отзывам современников, С.А. Яновская была выдающимся педагогом и лектором. Она инициировала и руководила переводами логических трудов выдающихся зарубежных ученых: Д. Гильберта (1947), В. Аккермана (1947), А. Тарского (1948), С.К. Клини (1957), Д. Пойя (1957), Р. Карнапа (1959) и др. В историко-математических работах С.А. Яновской освещены ранее неизвестные факты развития математики в Московском университете. Она завершила подготовку издания «Математических рукописей» К. Маркса (1968).

Как известно, в Москве в 1920–1930-е гг. формировалось несколько исследовательских центров по истории науки и техники. Однако по ряду причин они не сумели развиваться и институционально оформиться. Наиболее перспективным был историко-научный проект, начатый в Коммунистической академии. Там работали несколько сотрудников, представляющих собой ныне наиболее выдающихся и наиболее профессионально компетентных историков науки: М.Я. Выгодский, Б.М. Гессен, З.А. Цейтлин, Т.И. Райнов, В.П. Зубов, С.Л. Соболев, Э.Я. Кольман, А.П. Юшкевич, П.А. Новиков и др. Среди них была и Ольга Андреевна Старосель-

ская-Никитина (1885–1965) – историк науки и библиограф; друг и собеседник Г.Г. Шпета, Т.И. Райнова, И.Н. Веселовского.

Среднее образование она получила в Московском сиротском институте, куда попала как дочь раненого участника войны 1877 г. В 1907–1914 гг. (с перерывами) была слушательницей Московских Высших женских курсов по историко-филологическому отделению, специализируясь по Новой и Новейшей истории. На следующий год после их окончания, в 1915 г. дополнительно сдала 12 предметов по историко-филологическому отделению Московского университета и получила диплом I степени. В 1915 г. вышла книга О.А. Старосельской-Никитиной «Кондорсе как социолог», которая открывала серию работ слушательниц Московских женских курсов. С 1925 г. состояла научным работником в Библиотеке Коммунистической академии. В 1940 г. защитила диссертацию по истории науки во Франции и получила степень кандидата исторических наук. С 1943 г. работала в Фундаментальной библиотеке АН СССР. С 1945 г. перешла на работу в ИИЕ АН СССР.



О.А. Старосельская-Никитина

О.А. Старосельская-Никитина – автор опубликованных трудов: «Очерки по истории науки и техники периода Французской буржуазной революции. 1789–1794 гг.» (1946), «История радиоактивности и возникновение ядерной физики» (1963, соавт.), «Эрнест Резерфорд. 1871–1937» (1967) и др.

С открытием в 1944/1945 г. Института истории естествознания АН СССР начинается новый период в развитии в нашей стране истории науки как области профессиональной деятельности. В этот период, в отличие от предыдущего, происходил массовый приход женщин в историко-научное сообщество.

## Литература, источники, примечания

1. См.: *Илизаров С.С.* Формирование в России сообщества историков науки и техники. М., 1993; *Он же.* Отечественная историография истории науки и техники: Хроника: 1901–2011. М., 2012.

2. Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: Сборник документов. СПб., 2003. С. 252, 525.
3. *Валк С.Н.* Инна Ивановна Любименко // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.; Л., 1960. С. 483–487 / Труды Ленинградского отделения Института истории. Вып. 2.
4. Подробнее см.: *Дмитриев А.Н.* Институт истории науки и техники в 1932–1936 гг. (Ленинградский период) // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 1. С. 3–41.
5. *Васильев А.Н., Климанов Л.Г.* Е.Ч. Скржинская: жизнь и труды (по материалам личного фонда) // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 458–521.
6. Ученая степень доктора исторических наук ей была присвоена в 1962 г. за публикацию и исследование сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов».
7. *Киртичкиков А.Н., Щужин М.Б.* Памяти Марии Александровны Тихановой // Советская археология. 1983. № 3. С. 286–287.
8. *Гаврилов А.К., Казанский Н.Н.* К 100-летию М.Е. Сергеевко // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1993. Вып. 24. С. 316–328.
9. *Башмакова И.Г., Демидов С.С., Успенский В.А.* Жажда ясности // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 4. С. 108–119; *Бирюков Б.В.* Трудные времена философии: Софья Александровна Яновская: Время. События. Идеи. Личности. М., 2010.

## **«Огонь чужих мыслей и звуки других голосов»: женщины-историки в России 1900–1940 гг.**

*Н.Л. Пушкарева*

Никто не оспорит того факта, что профессия историка веками была профессией мужской. Лишь во второй половине XIX в. в России появились исследовательницы, посвятившие свои жизни изучению европейского и отечественного прошлого. Об их нелегком пути к признанию мне уже приходилось писать [1]. Данный текст – продолжение начатого рассказа. Я ставлю перед собой задачу хотя бы формального выявления женских имен из генеральной совокупности тех, кого упоминают справочники, поскольку убеждена, что анализ их биографических сценариев позволяет выявить типологию как «проникновения в профессию», так и сопротивления непризнанию, адаптации к нему и сохранения тем не менее своего голоса в ней.

Обращу прежде всего внимание на то, что даже в начале 1900-х гг., когда россиянки не имели равных политических и образовательных прав с мужчинами, все же их страсть к исследованиям толкала их за рубеж, где можно было получить достойное образование и с его получением пробиться в науку. Этот ранний вклад наших женщин в прогресс научного (и именно исторического) знания очень слабо задокументирован. Женщин, получивших образование в Европе еще до революционных потрясений 1910-х гг. и в дальнейшем достойно вписавшихся в российские научные структуры, получивших высокие (докторские) научные степени и звания, не так уж и много.

О *Екатерине Николаевне Щепкиной* в этом списке стоит сказать особо: она была первой женщиной-историком, написавшей специальные исследования по истории русских женщин и их борьбе за равноправие [2]. Эти статьи и книги никогда впоследствии не переиздавались, хотя эта ученая (после окончания женских курсов им. Герье) работала под наставничеством профессора К.Н. Бестужева-Рюмина. Результатом этого сотрудничества стала блистательная работа Щепкиной о русском дворянстве – тех чертах его быта, о которых современные ей читатели скорее узнавали из литературных произведений [3]. В годы первой русской революции она была членом Петербургского отделения Союза Равноправности Женщин, членом Центрального Бюро Союза Равноправности Женщин от Петербурга. После революции она даже успела осмыслить пройденный этой организацией путь [4].

Начало XX века было отмечено именами стремительно ворвавшихся в историческую науку россиянок, которые защитили диссертации за рубежом. В Сорбонне начала XX в. получили докторский диплом *Е.А. Белевич-Станкевич* за диссертацию «Интерес к китайскому искусству во Франции во времена Людовика XIV» и следом за ней в 1909 г. дочь известного русского ботаника И.П. Бородина, *М.И. Бородина* (ее диссертация, посвященная творчеству французского средневекового поэта Кретьена де Труа, получила высшую оценку) [5. С. 42]. В 1911 г. в Сорбонне первая россиянка получила докторскую степень по специальности «всеобщая история». Ее была удостоена *О.А. Добиниш-Рождественская*.

Автобиография этой ученой поражает целеустремленностью [6]. Родившаяся в 1874 г. в Харькове, она провела детство в Нежине, где ее отец-дворянин был профессором греческой филологии Историко-филологического института. В 1899 г. как выпускница уже Высших женских курсов в С-Петербурге она стала зарабатывать на жизнь частны-

ми уроками. С 1901 г. преподавала историю в женских гимназиях, а в 1908 г. уехала в Париж для работы в архивах. «Я все более и определеннее ставила задачей служить своей науке и своей стране», – писала она впоследствии в автобиографии. И действительно, после защиты уехала в Россию, в 1918 г. была избрана профессором Петроградского университета, отдавала все силы подготовке новых историков и подготовила блестящую научную школу. Ее знаменитые слова «*Могучим стимулом творчества является огонь чужих мыслей и звуки чужих голосов*» подвигли к работе не одно поколение медиевистов, да и не только них. Полный список работ О.А. Добиаш-Рождественской – это 182 публикации, в том числе 7 книг [7].

Одно только перечисление имен учеников О.А. Добиаш-Рождественской – В.В. Бахтин, А.Д. Люблинская, С.А. Ушаков – уже красноречиво. В годы Советской власти О.А. Добиаш-Рождественская была главным библиотекарем Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, знатоком богатств ее рукописного отдела. Она была дотошным бытописателем, и все представители Школы Анналов во Франции, всех трех ее поколений, ссылались на ее работы. Возможно, этот факт и привел к тому, что вклад О.А. Добиаш-Рождественской замалчивался в советской исторической науке, а заслуженное признание пришло лишь с признанием вклада Школы Анналов в мировую историографию.

Стоит напомнить, что общественное мнение в начале XX в. отнюдь не поддерживало тех из женщин, которые желали проявить себя на научном поприще. Так, автор одной из статей о них убеждал читателей, что интересы «академиков в чепце» – это «интересы одних лишь незамужних и старых дев, ищущих заполнить чем-либо свое пустое существование» [8. С. 38]. С подобными воззрениями перекликались установки властителей умов российской интеллигенции. «Все эти девицы, – писал, скажем, Н.А. Бердяев, – это потерявшие облик женщины, с истерической торопливостью бегущие» на лекции, собрания и сходки, «производят отталкивающее впечатление. Это существа, не имеющие своего Я, обезьяны, «мужчины третьего сорта»... [Они] слишком быстро становятся подслеповатыми от несоответствующих их назначению занятий, и они надевают очки, превращающиеся в символ обезьянничества, искажающий природу женщины» [9. С. 174].

Не лишне упомянуть и еще несколько имен современниц О.А. Добиаш-Рождественской.

Внучка архитектора и художника А.П. Брюллова – *Надежда Владимировна Брюллова* (в замужестве – *Брюллова-Шаскольская*,



1889–1937), выросши в обеспеченной дворянской семье и закончив, как и многие тогда, женские курсы, отправилась в 1908 г. слушать лекции в Германию. Там она вышла замуж за соотечественника П.Б. Шаскольского. По политическим убеждениям близкая эсерам, считавшаяся в этой партии главным спецом по национальному вопросу, она после революции была активной общественницей, что не мешало ей заниматься и преподавательской работой. В годы Гражданской войны, потеряв мужа (умер от испанки), она работала в Харьковском университете в качестве экстраординарного профессора по кафедре истории религии. Получив профессора по этой специальности, она преподавала в Ленинграде до 1922 года. За связь с эсерами была выслана, в ссылке начала серьезные этнографические исследования [10], продолжая воспитывать троих детей. Не все написанное удалось издать (в 1939 г. была расстреляна), в ее фонде до сих пор хранится ее книга о Карле Брюллове и его брате Александре [11].

Одной из младших современниц и учениц О.А. Добиаш-Рождественской была *Лидия Иосифовна Олавская*. Дворянское происхождение помешало ей получить заслуженные научные степени и звания: после революции она поступила на работу в РНБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, откуда ее дважды увольняли по причине арестов (в 1935 и в 1950 гг.) [12]. Прославилась она и трудами по истории библиотечного дела, и как переводчица. Личные дела Олавской [13] схожи с документами, отложившимися в фонде ее современницы *Инны Ивановны Игнатович*. Эта дочь провинциального врача и ученица В.И. Семевского, напечатавшая немало трудов по истории крестьянства [14], сделала не меньше, чем *Анна Владимировна Пруссак* (в замужестве – Беляева [15. Л. 147]). Окончив два вуза – Женский пединститут и потом Археологический институт, она уже в 1907 г. начала печататься. Ее работы по сибиреведению опубликованы в Отчетах ОРЯС за 1914 г., журнале «Живая старина» в 1915 г., Известиях Восточно-Сибирского отдела РГО в 1916 г. [16]. После революции она работала в Петроградском Доме ученых. После ареста и ссылки, в 1930-е годы продолжила научную деятельность [17].

Научные судьбы Л.И. Олавской, И.И. Игнатович, А.В. Пруссак были трагичны и менее успешны, нежели судьбы тех женщин, кто был «прикрыт» именем и статусом своих мужей. Пример тому – жизненный путь *Инны Ивановны Любименко* (1878–1959). Ее трудам принадлежит видное место в историографии русско-английских отношений, истории возникновения Академии наук и ее развития до конца



XVIII в., начальной истории Санкт-Петербурга. Куда меньше историографы интересовались ее личным жизненным миром. Дочь известного ученого-ботаника, профессора Лесного института И.П. Бородина, она познакомилась с будущим мужем, ботаником В.Н. Любименко (1873–1937) в доме отца. Получив высшее образование на ВЖК в С.-Петербурге, она защитила в 1908 г. диссертацию о Жане Бретаньском уже во Франции и в 1910-х гг. изучала там историю международных отношений и дипломатии [18]. Как складывалась жизнь И.И. Любименко в годы революции и Гражданской войны, можно догадаться по тому, что ее муж остался в России и стал в 1922 г. членом-корреспондентом, а в 1929 г. академиком. Супруга его также продолжила в Советской России карьеру ученой [19], став уникальным специалистом по теории, практике и истории архивного дела. И.И. Любименко пережила ленинградскую блокаду, множество идеологических кампаний, от которых пострадали ее коллеги-ученые. В письмах ученой 1940-х гг. – сетования на то, что ее грузят неинтересными ей темами, что ее «заела редакторская работа», «бесконечный ряд мелких придинок» [20. Л. 30, 113 об., 114] («тут ведь, увы, много личного, зависти к успехам, к большому числу работ», «часто... критикуют люди сами не творческие») [21. Л. 66 об., 67]. Старость Инна Ивановна переживала тяжело: главный труд ее жизни по англо-русским отношениям в связи с ее уходом на пенсию отказались печатать, и о нем стало известно лишь спустя полвека [22].

Имя младшей современницы И.И. Любименко – *Нины Викторовны Пигулевской* (1894–1970) бережно сохранили российские востоковеды. Внучка известного географа, дочь юриста, она получила неплохое домашнее и гимназическое образование, продолжила его на ВЖК в Петербурге, где ее учителями были О.А. Добиащ-Рождественская, А.В. Карташев, И.М. Гревс [23]. Выбрав себе не соответствующие запросам эпохи исследовательские темы (историю раннехристианской церкви), она в 1917 г. уже «приготовлялась к профессорскому званию в Петербургском университете», но жизнь распорядилась иначе, потребовав ее преподавательские навыки в созданных новой властью вузах. В начале 1920-х она работала в «Салтыковке», откуда ее (как члена религиозно-философского общества «Воскресение») забрали на 5 лет в лагерь на «русскую Голгофу» (о. Соловки). «Активированная» по болезни, она сначала была переведена на поселение, а после снятия обвинения – вернулась в Ленинград и с 1937 г. до самой смерти работала в Ленинградском отделении Института востоковедения РАН. Защитой

ей в те мрачные годы был ее коллега, избранный академиком, – И.А. Орбели, создатель Отдела Востока в Эрмитаже.

В возрасте 45 лет Н.В. Пигулевская защитила сразу докторскую диссертацию, став хранителем восточных рукописей в Публичной библиотеке. В годы блокады Ленинграда ее глубокая преданность делу сыграла немалую роль в организации работ по спасению рукописных богатств страны. После войны она получила звание профессора, в 1946 г. была избрана членом-корреспондентом АН СССР. Автор около 200 научных работ, в том числе 8 монографий по сирологии, она воспитала плеяду учеников, была создательницей Кабинета Ближнего Востока в РАН, председателем Палестинского общества [24].

Схожий по успешности научный путь ждал еще одну выпускницу ВЖК *Софью Ивановну Протасову* (1878–1946) [25. С. 239]. Рожденная в семье врача, на столичных ВЖК она стала ученицей М.И. Ростовцева и И.М. Гревса. После знакомства с западными, прежде всего французскими библиотеками, преподавала историю Рима в Петербурге, начала там же печататься [26], затем переехала в Томск, где стала первой женщиной-профессором в составе преподавателей, с 1921 г. жила в Саратове. Слушавшие ее лекции вспоминали, что она «принадлежала к старшему поколению советских историков, переходивших в 20-х гг. на позиции марксизма и разделявших прогрессивные взгляды. Ее лекции и семинарии по истории Греции и Рима вызывали большой интерес, [она] принимала активное участие в руководстве студенческими кружками, в частности кружком любителей классической филологии, [где] читались и комментировались известия Геродота о юге России и другие античные источники» [27]. Став перед войной профессором Ленинградского ИФЛИ, далее МГУ, а в последние годы жизни – научным сотрудником Института истории АН СССР, она подготовила немало выдающихся специалистов (среди ее учеников прославившийся за рубежом Г.П. Федотов, античники А.И. Доватур и М.Е. Сергеенко, ставшая подругой своей преподавательницы, нацелившей ее написание книги «Жизнь Древнего Рима» – первого исследования истории повседневности этого периода античной истории в нашей науке) [28].

Заметной фигурой довоенной советской исторической науки была еще одна женщина – *Нонна Ивановна Спрыгина* (1880–1953) – археолог, специалист по истории материальной культуры мордвы, краевед Пензенского края. Родившаяся в Одессе, в семье служащего, она после замужества (Н.И. Спрыгин был этнографом) отдала всю жизнь развитию Пензенского общества любителей естествознания

[29]. Она была создательницей там историко-краеведческого музея. До начала 1930-х гг. руководила исследованиями археологических памятников края, созданием археологической карты Пензенской области. Ее ровесница *Вера Александровна Крачковская* (1884–1974) – востоковед, эпиграфист, профессор-арабист, жена академика-филолога И.Ю. Крачковского имела схожую судьбу. Также вместе с мужем она много работала, оставила огромное научное наследие, была автором монографий, но имя ее затерялось на фоне успехов мужа. Между тем, в фонде Крачковских (С.-Петербургского филиала Архива РАН) хранятся не только ее неопубликованные работы, но и многочисленные пейзажи, рисунки, собрания фотографий [30]. Печально, но успехи в науке ее мужа заставили затеряться даже дату защиты женой докторской диссертации.

Фигуры Н.И. Спрыгиной и В.А. Крачковской заключают историю той генерации российских женщин-историков, которые были рождены еще в XIX в., получили образование в царской России и начали свою деятельность до создания новых российских научных структур. Если первые русские женщины-историки были чаще всего дворянками (иногда и потомственными), то их продолжательницы происходили из «разных чинов», а те, что стали учеными в 1920-е годы, часто вообще были из рабочей среды. Так, будущая профессор всеобщей истории *Ревека Абрамовна Авербух* (1891–1978) [31], родившись в бедной еврейской семье и окончив Казанские ВЖК, была все годы Гражданской войны на педагогической работе, а в конце 1920-х гг. поступила научной сотрудницей в Институт истории Коммунистической академии. Профессорское звание получила в 1938 г., с 1944 г. была профессором МГУ. В воспоминаниях она предстает «такой милой бабушкой», приучавшей «заниматься реальной историей, уважать факты» [32]. Ее современница, будущий известнейший ученый-тунгусовед *Глафира Макарьевна Василевич* (1895–1971) выросла в рабочей семье: отец трудился на заводе, мать шила на дому. Но благодаря отличной учебе девочку освободили от платы за обучение в гимназии, а в ней она выучила иностранные языки. После смерти отца и брата 22-х летняя девушка в тяжелейшее время революции и Гражданской войны стала с этими знаниями опорой для матери и близких. Выпускница первого выпуска Географического института, она стала основательницей тунгусоведения, осуществила 13 экспедиций на Север, написала множество фундаментальных научных трудов, составила азбуку и букварь для начальной школы на эвенкийском, ранее бесписьменном

языке [33]. По воспоминаниям, отличалась исключительным трудолюбием, проводила за письменным столом не менее 12-ти, а иногда и по 18 часов [34]. В годы ленинградской блокады Г.М. Василевич похоронила единственного близкого человека – мать; в послевоенные годы была по надуманному обвинению репрессирована и три года провела в лагерях, но, выйдя оттуда, еще 15 лет интенсивно занималась научной работой, публиковалась.

Из семьи простого рабочего происходила и первая женщина-академик среди историков *Анна Михайловна Панкратова*. 24-летней выпускницей историко-филологического факультета Новороссийского университета она записала: «Основной смысл наших жизней – революция, работа для нее, РКП, поскольку она ведет в революцию и нас, отдавших ей силы» [35. С. 262]. Выросшая в семье рабочего и получив, однако, образование в гимназии, она в 1914 г. поступила на историко-филологический факультет ВЖК, и в феврале 1917 (поскольку курсы были слиты с Одесским (Новороссийским) университетом) оказалась выпускницей с университетским образованием. В годы Гражданской войны участвовала в партизанском движении в Одесской губ., далее два года провела на партийной работе (на Украине и затем на Урале). Она испытывала удовлетворение от причастности событиям всероссийского масштаба. Личная жизнь с ее традиционными ценностями была отодвинута на задний план, казалась «серой обывательщиной и мещанством» [36. С. 264] – ученая по духу и зову души все свободное от общественной работы время проводила в архивах, собирая материалы к своей первой монографии [37]. И в конечном счете она стала-таки выдающимся ученым, будто предчувствовала это («Когда я буду великим человеком, очень пригодятся мои тетради», – писала она о своих дневниках [38]). В 1922–1925 годах А.М. Панкратова продолжила образование в Институте красной профессуры (ИКП), что также предопределило сферу ее научных интересов: имя ее навеки связано с историей российского рабочего класса, его движением и организациями [39]. В ИКП, по ее словам, готовили «марксистски выдержанную профессуру для наших советских вузов, где орудовали... буржуазные профессора, либо саботировавшие, либо вредившие». Ясно, что этой женщине суждено было стать не просто «ученым, а бойцом исторического фронта» [40. Л. 29].

В личном архиве А.М. Панкратовой есть воспоминание о том, как она, 28-летняя, ждала поезда на перроне Московского вокзала (он должен был отвезти ее в первую научную командировку за рубеж): «Взволнованная предстоящей поездкой, предшествовавшими ей сбо-

рами, Анна Михайловна растерянно стояла на перроне с плачущей Майей на руках. Ребенок никак не унимался, пока провожавшие не заметили, что Панкратова держит завернутую в одеяло дочь вниз головой... » [41. Л. 17; 42. С. 34]. Стоит добавить, что А.М. Панкратова ехала в командировку с грудной дочкой одна (с мужем жизнь не задалась). После полугода за рубежом, А.М. Панкратову отозвали из Германии телеграммой из ЦК: в числе других *красных профессоров* она была мобилизована на идеологический фронт. Личные научные планы и семейные проблемы в расчет не принимались, а в СССР будущего академика ждали исключение из партии, ссылка, война... Занятие наукой было для Анны Михайловны смыслом жизни и ее наполнением: «Странно у меня получается всю мою жизнь: никогда не могу немножко пожить для себя. Так в невероятном, торопливом движении, в напряженной работе и прошла вся моя жизнь... », – размышляла она, подытоживая прожитое [43. С. 305].

Неумение «жить для себя» и желание самореализоваться в науке – то общее, что скрепляет судьбы множества российских женщин-историков. Тех, чьи имена попали в справочники, около 500. Из них 368 – согласно двухтомнику А.А. Чернобаева [44] – доктора исторических наук, а среди членов-корреспондентов и действительных членов Академии по отделению истории всего 5 женщин. Двое из них (Т.И. Алексеева и А.П. Бужилова) – скорее не историки, а биологи-антропологи. Напротив, О.А. Добиаш-Рождественская и В.П. Адрианова-Перетц, бывшие членами-корреспондентами Академии по отделению филологии, вполне могут считаться историками, без их работ трудно представить изучение истории общественного сознания и общественного быта прошлого. Основной состав женского академического Олимпа – А.М. Панкратова, М.В. Нечкина и З.В. Удальцова – не только крупнейшие ученые мировой значимости, но и выдающиеся организаторы науки [45]. Сопоставляя их жизненные стратегии, трудно не отметить того, что мотивационная составляющая у старшего, среднего и младшего поколения женщин-историков очень разнится. Опубликованные мемуары старших почти не содержат потаенных мыслей, из текста их ясно, насколько они были ангажированы идеологией времени, заставлявшей направлять все силы, знания и таланты не на собственное благо, а на «счастливое завтра». Но было у тех женщин, кто властно ворвался в молодую советскую науку век тому назад, нечто общее: непонятная современному человеку страсть к научным знаниям у тех, кто происходил из семей, где родители не имели не то, что высшего, но зачастую вообще какого бы то ни было образования.

Они к 1960–1970-м годам оказались на вершине научного администрирования и получили заслуженное научное признание.

Но были и те, кто не был избран ни в какие Академии и тем не менее чьи работы до сих пор не потеряли актуальности. «Хотелось бы всех поименно назвать» (А.А. Ахматова), потому что это и дань памяти им, уже ушедшим, и ориентир для нас, живущих и разрабатывающих многие из тем, которые были ими намечены, в том числе и по женской и гендерной истории, истории сопротивления гендерным стереотипам. Один из них – представление о том, что профессия историка – мужская профессия.

### Литература, источники, примечания

1. Выполнено при поддержке Программы ПФИ РАН «Историческая память и российская идентичность» и в рамках темы НИР «Быт и повседневность представительниц российского научного сообщества в XX–XXI веке». См. также: *Пушкарева Н.Л.* Первые российские женщины-ученые: опыт типизации индивидуальных жизненных стратегий // Женщины в отечественной науке и образовании. Отв. ред. А.И. Евстратова. Кострома, 1997. С. 3–8; *Пушкарева Н.Л.* «Наука для всех одна»? Первые женщины-историки в России (1810–1910-е гг.) // Историк и мир – мир историка в России и Центрально-Восточной Европе: Материалы Международной научной конференции Будапештского центра русистики 21–22 мая 2012 г.. Budapest: Russiaca Pannonicana, 2012. P. 173–185.
2. *Edmondson L.* Feminism in Russia 1900–1917. London, 1984.
3. *Щепкина Е.Н.* Старинные помещики на службе и дома. СПб., 1890.
4. *Щепкина Е.Н.* Первые годы Высших женских курсов // Русское прошлое. Т. V. Пг.; М., 1923. С. 134–145.
5. *Любина Г.И.* Россия и Франция: История научного сотрудничества (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Янус, 1996. С. 42.
6. РО ГОПБ. Ф. 254. (Архив О.А. Добиаш-Рождественской). 381 ед. хр., 1874–1939.
7. *Рутенбург В.И.* Выдающийся медиовист и палеограф // *Добиаш-Рождественская О.А.* Культура западноевропейского Средневековья. М., 1987. С. 3–5; *Ершова В.М.* О.А. Добиаш-Рождественская. Л., 1988.
8. *Лозинский Е.* О настоящем и будущем женского движения (в связи с проблемами целомудрия и задачами материнства) // К свету. СПб., 1904. С. 38.
9. *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907. С. 174.
10. *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Крестьянские восстания в годы наполеоновских войн. М., 1931; *Ее же.* Отклики Пугачевщины. Крестьянское движение при Павле I. М., 1932.



11. Семейный сайт Шаскольских // [Электронный ресурс]: <http://shaskolsky.far.ru/znam.html>.
12. *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992.
13. *Олавская Л.И.* // РО РНБ. Ф. 10/1. Личное дело; С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 188.
14. С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1023. И.И. Игнатович.
15. ГАРФ. Ф. 8409. Он-1. Д. 26. Л. 219–220; Д. 42. Л. 147.
16. *Пруссак А.В.* Описание азбуковников, хранящихся в РО Имп. публичной биб-ки. СПб., 1915.
17. *Беляева (Пруссак) А.В.* Красноярский селитряной завод // Исторические записки Института истории АН СССР. 1940. С. 258–263.
18. *Любименко И* История торговых сношений России с Англией. Юрьев, 1912.
19. *Солодкин Р.Я.* Основные направления научной деятельности И.И. Любименко и место ее работ в отечественной историографии: Автореф. дис. ... к.и.н. Нижний Новгород, 2009.
20. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 215. Л. 30, 113 об.–114.
21. ЦАНО. Ф. 6299 (С.И. Архангельского). Оп. 1. Д. 215. Л. 66 об., 67.
22. *Григорьева Е.А.* К истории книги И.И. Любименко о русско-английских отношениях в XVIII в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (1). С. 198–201.
23. *Меццарская Е.Н.* К 100-летию со дня рождения Н.В. Пигулевской (1894–1970) // Православный Палестинский сборник. Вып. 98 (35). СПб., 1998. С. 5–8.
24. *Пайкова В.А., Лебедева И.Н.* Н.В. Пигулевская: к 75-летию со дня рождения // Народы Азии и Африки. 1969. № 1. С. 64–66; Сборник памяти Н.В. Пигулевской / Отв. ред. О.Г. Пересыпкин. СПб., 1998.
25. См.: Проф. С.И. Протасова. Некролог // Вестник древней истории. 1946. № 3. С. 239.
26. *Протасова С.И.* К вопросу об источниках Плутарха в биографии Ликурга // Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия. Ч. LIX. 1915. Октябрь. С. 430–436.
27. *Соломонов В.А.* Начало пути. История института // Саратовский государственный университет. [Электронный ресурс]: <http://www.sgu.ru/faculties/historical/history/step2.php>
28. *Галямичева А.* Два неизвестных автографа Г.П. Федотова // Век альма-матер. СГУ. 2008. № 6 ([Электронный ресурс]: <http://www.sgu.ru/node/55982>).
29. Археологическое наследие Н.И. Спрыгиной // [Электронный ресурс]: Официальный портал Правительства Пензенской области // <http://archive.pnzreg.ru/culture/news/sprigina>; *Зобнина Н.* Краевед Н.И. Спрыгина // Юбилейный сб. К 50-летию Пензенского областного краеведческого музея (1905–1955). Пенза, 1957. С. 37–43.



30. *Крачковская В.А.* Мусульманское искусство в собрании Ханенко. Л., 1926; *Ее же.* Эпиграфика Востока. М.; Л., 1947; *Ее же.* Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья. М.; Л., 1955; С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1026 (Крачковские). Оп. 9. Д. 37. Л. 1–23; Д. 47. Л. 1–33; Д. 65. Л. 1–46.
31. *Авербух Р.А.* Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848–1849 гг., М., 1935; *Ее же.* Италия в первой и второй мировых войнах, М., 1946; *Ее же.* Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848–1849 гг. М., 1965; *Ее же.* Революция в Австрии (1848–1849 гг.). М., 1970.
32. *Черняев А.С.* Два слова о кафедре новой и новейшей истории МГУ // [Электронный ресурс]: МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет (<http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernHist/node/34>).
33. *Василевич Г.М.* Типы оленеводства у тунгусоязычных народов. М., 1964; *Ее же.* Исторический фольклор эвенков. М.; Л., 1966 и др.
34. *Ермолова Н.В.* Г.М. Василевич как этнограф-тунгусовед // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003. С. 10–46.
35. А.М. Панкратова – В.А. Домбровскому. 28 декабря 1921 г. Личный архив М.Г. Панкратовой // Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000. С. 262.
36. А.М. Панкратова – В.А. Домбровскому. 12 февраля 1922 г. Личный архив М.Г. Панкратовой // Историк и время... С. 264.
37. *Панкратова А.М.* Фабрично-заводские комитеты в России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. Ей было в то время всего 27 лет!
38. Из личных дневников академика М.В. Нечкиной. Публ. Е.Р. Кураповой // Отечественные архивы. 1997. № 5. С. 55–92; № 6. С. 42–93.
39. *Панкратова А.М.* Фабзавкомы в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923; *Ее же.* Фабзавкомы и профсоюзы. Россия, Германия, Италия и Франция. М., 1924; *Ее же.* Формирование пролетариата в России (XVII–XVIII вв.). М., 1963; *Ее же.* Рабочий класс России: Избранные труды. М., 1983.
40. *Панкратова А.М.* Воспоминания // Архив РАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 186. Л. 29.
41. Архив РАН. Ф. 697 (А.М. Панкратова). Оп. 2. Д. 186. Л. 17.
42. *Сидорова Л.А.* Общие проблемы исторической науки: проблемы «отцов» и «детей» в историческом сообществе // История и историки. 2002. № 1. С. 34.
43. Письма А.М. Панкратовой С.В. Бахрушину. 26 июля 1936 г. // Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000. С. 305.
44. *Чернобаев А.А.* Историки России: Биографии. М.: РОССПЭН, 2001.
45. *Сидорова Л.А.* Анна Михайловна Панкратова (1897–1957) // *Чернобаев А.А.* Историки России: Биографии. М.: РОССПЭН, 2001. С. 685–690; *Бадя Л.В.* Академик А.М. Панкратова – историк рабочего класса СССР. М., 1979.

## Карьера женщины-математика до и после 1917 года: Вера Иосифовна Шифф и Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина

*Т.Н. Трофимова*

Вера Иосифовна Шифф родилась в 1860 (?) г. в Санкт-Петербурге в семье профессора Военно-медицинской академии И.И. Равича. Сведения о матери отсутствуют. Вера Иосифовна окончила гимназию со званием домашней учительницы. В 1878 г. она поступила на только что открывшиеся (2 октября 1878 г.) Высшие женские курсы (ВЖК), названные по имени их первого директора, ученого историка К.Н. Бестужева-Рюмина, Бестужевскими. Вера Иосифовна происходила из еврейской семьи. Норма приема для лиц иудейского вероисповедания составляла 3%. Шифф была слушательницей первого набора на физико-математический факультет. Она закончила учебу в 1882 г. с отличием. Ее работа по математике была признана выдающейся.

После окончания курсов Вера Иосифовна уехала на один год за границу для получения ученой степени и по возвращении в Петербург в 1883 г. была приглашена на ВЖК для руководства практическими занятиями по математике, а несколькими годами позже она не только руководила практическими занятиями, но и читала лекции по многим математическим дисциплинам. Вера Иосифовна стала профессором. Она принадлежала к числу первых женщин России, посвятивших свою жизнь научной и педагогической деятельности в области математики. Хорошо известны ее прекрасные задачки по дифференциальному и интегральному исчислениям и по аналитической геометрии. Имя В.И. Шифф, как и имя ее мужа П.А. Шиффа, вошло в историю Санкт-Петербургского математического общества. Именно у них на квартире 20 октября 1890 г. (по старому стилю) собрались инициаторы создания Общества. Среди членов Санкт-Петербургского математического общества было 13 женщин. Плодотворная деятельность Общества продолжалась около 15 лет, она замерла в период реакции после 1905 года. П.А. Шифф был секретарем Общества до 1903 года. Им составлены и отредактированы протоколы 72 заседаний. Вера Иосифовна сделала на заседаниях 2 сообщения: «О кривых 4-го порядка» и сообщение на заседании, посвященном памяти П.Л. Чебышева. Шифф уделяла много времени дополнительным занятиям с теми слушательницами, которые особенно интересовались математикой. Она давала

им темы для рефератов, выносила их на обсуждение на семинарах. В первые годы работы Вера Иосифовна старалась восполнить пробелы в знаниях слушательниц, поступающих с недостаточной подготовкой, и сделать для них доступными лекции по всем разделам математики на старших курсах. В 1913 г. праздновался тридцатилетний юбилей педагогической деятельности Веры Иосифовны на ВЖК. Она проработала на ВЖК до конца жизни – до 1919 года.

Научная деятельность Веры Иосифовны относится к первым годам работы на ВЖК. В 1884 г. она опубликовала работу «Доказательство одной геометрической теоремы Коши» (журнал «Научное обозрение», 1884, прил. № 4), в которой сформулировала другую теорему и рассмотрела различные следствия из теоремы Коши. В 1891 г. вышла ее работа «Об осях симметрии кривых IV порядка» (Сообщение Харьковского математического общества, 1891 г.). Всю свою последующую деятельность Вера Иосифовна посвятила методической работе по написанию учебников и задачников по различным разделам математики. Следует отметить «Сборник упражнений и задач по дифференциальному исчислению, ч. I» (СПб., 1899 г. 397 с.) и «Приложения анализа бесконечно малых к геометрии и интегрирование дифференциальных уравнений, ч. II» (СПб.: Тип. Имп. АН, 1905. 475 с.). Последняя книга была подарена Верой Иосифовной библиотеке Психоневрологического института. Оба учебника очень современные, с подробными решениями. Их можно сравнить с известными задачками Бермана и Демидовича. При написании этих учебников Вера Иосифовна проработала большое количество книг по математике на русском, немецком и французском языках. Большое внимание Вера Иосифовна уделяла изучению аналитической геометрии. Это нашло отражение в следующих ее задачниках: «Сборник упражнений и задач по аналитической геометрии на плоскости и в пространстве» (1-е издание: СПб.: Тип. Имп. АН, 1904. 122 с.; 2-е изд. СПб.: Тип. Имп. АН, 1908. 337 с.; 3-е изд. СПб.; М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1910. 379 с.). Эти задачники также очень современные, с ответами и решениями. При подготовке задачников по геометрии Вера Иосифовна также проработала немало математической литературы.

Для ВЖК Вера Иосифовна разработала и опубликовала «Конспект лекций по тригонометрии» (СПб., 190-?), а также «Методы решения вопросов элементарной геометрии» (СПб., 1894) и «Сборник задач по прямолинейной тригонометрии» (Пг., 1915), «Элементарное изложение некоторых сведений из теории определителей (с историей во-

проса)» (СПб., 1914). Умерла Вера Иосифовна в 1919 году в Петрограде. Она похоронена на Смоленском православном кладбище.

Одной из учениц Веры Иосифовны Шифф в конце ее карьеры педагога-математика была Пелагея Полубаринова, будущий академик Кочина. Пелагея Яковлевна оставила воспоминания о женщинах-математиках, преподававших на ВЖК. Вот как она отзывалась о Шифф: «Тригонометрию и аналитическую геометрию читала Вера Иосифовна Шифф, урожденная Равич; она была замужем за полковником Петром Андреевичем Шиффом. Когда мы учились, она уже овдовела. Вера Иосифовна была полной женщиной небольшого роста с коротко подстриженными волосами. Она часто смеялась нервным смехом. Говорили, что это результат ее переживаний: у нее недавно умерла дочь. Шифф написала ряд учебников и задачников по тригонометрии, дифференциальному и интегральному исчислению, аналитической геометрии» [1. С. 31]. Примечательно, что Кочина ничего не говорит собственно о научной деятельности В.И. Шифф. Пелагея Яковлевна также отмечает, что «основные курсы – дифференциальное и интегральное исчисление – читала профессор Надежда Николаевна Гернет. Некоторое время на Бестужевских курсах работала Любовь Николаевна Запольская, так же, как и Гернет, получившая ученую степень доктора философии за границей. Острословы заметили, что у выдающихся женщин-математиков России имена, как у четырех святых: Вера, Надежда, Любовь и мать их София – это Софья Ковалевская» [1. С. 32].

Пелагея Яковлевна Полубаринова родилась 13 мая 1899 года в селе Верхний Хутор Астраханской губернии в крестьянской семье. Мать Пелагеи Яковлевны, Анисия Пантелеймоновна, в девичестве Заикина, происходила из «хохлов», выходцев с Украины. Отец, Яков Степанович Полубаринов, был русским. Родители поженились, когда им было по 18 лет. Через несколько лет после женитьбы отец уехал в Москву на пятимесячные бухгалтерские курсы. По воспоминаниям Пелагеи Яковлевны, отец очень много работал. Семейная библиотека состояла в основном из журнала «Нива» и его приложений – сборников сочинений русских писателей. Была стопка книг небольшого формата, среди которых была брошюра А.Н. Баха (ставшего при Советской власти академиком-биологом) «Царь-голод» с эпиграфом из Некрасова: «В мире есть царь, этот царь беспощаден: голод названье ему»; был «Рассказ о семи повешенных» Леонида Андреева. Имелись также такие серьезные книги, как «Женщина и социализм» Бебеля, «Диалоги и мысли» Леопарди, «Письма к Луцилию» Сенеки, которые Пелагея

Яковлевна прочитала, когда отца уже не было в живых. Непонятно, откуда у скромного счетовода появился интерес к такой литературе.

У Пелагеи Яковлевны было два брата – Леша и Вася и сестра Ира. Отец хотел дать детям образование, и перед поступлением в гимназию Пелагеи Яковлевны семья переехала в Астрахань. В возрасте 8 лет Пелагея Яковлевна поступила в гимназию сестер Шавердовых. Отец работал в частном ломбарде, вероятно, счетоводом. В 1911 г. семья переехала в Петербург. Отцу удалось снять трехкомнатную квартиру на окраине города, в Гаванском рабочем городке. В Петербурге Пелагея Яковлевна поступила в Покровскую гимназию, основанную в 80-х годах XIX века Великой княгиней Ольденбургской, матерью принца П.М. Ольденбургского. По словам Пелагеи Яковлевны, наибольшее влияние на ее дальнейшую судьбу оказал учитель математики Николай Иванович Билибин, который славился как преподаватель не только в женской, но и в мужской гимназии. По словам Пелагеи Яковлевны, на уроках Билибина она поняла красоту логических построений алгебры, которую он излагал четко и ясно [1. С. 19]. Пелагея Яковлевна интересовалась революционным движением и общественной жизнью России. Мама ее лучшей подруги Ани Матвеевой сдавала комнату студентам-революционерам. Их квартира была фактически явочной. Сама Аня и ее муж Коля Лазарев в 1920 г. в Новочеркасске сразу же включились в работу по уходу за ранеными армии Буденного и их транспортировке по железной дороге. В старших классах частой темой их с Аней разговоров были рассуждения о том, что они далеки от жизни, что жизнь проходит мимо них, «кто-то сражается с немцами на фронте, где-то есть революционеры, которые знают, что надо делать и как вести борьбу с царским правительством. А мы сидим дома» [1. С. 23].

В 1916 году Пелагея Яковлевна окончила гимназию с золотой медалью и поступила на физико-математический факультет Высших женских курсов (ВЖК). Февральская революция 1917 года застала ее прямо на лекции. По словам Пелагеи Яковлевны, на улицах возникали митинги, выступали ораторы разных направлений. Они с Аней Матвеевой работали в столовой и помогали кормить солдат. Октябрьская революция не нарушила хода занятий на ВЖК. В Гавани не было слышно ни выстрелов, ни шума. Об интересе Пелагеи Яковлевны к революции свидетельствуют ее слова: «Я как-то узнала, что на одном из заводов будет выступать Ленин. Но когда я подошла к заводу, то пройти туда и услышать Ленина мне не удалось» [1. С. 33]. В 1918 году от испанки умер отец Пелагеи Яковлевны. На ее руках остались мама и младший

брат. В 1919 году она поступила в Главную геофизическую обсерваторию (ГГО) в отдел климатологии младшим вычислителем. Весной 1920 года она вернулась в университет, с которым слились ВЖК, и подрабатывала в Оптическом институте. Она жила в общежитии, куда взяла к себе маму и брата. Лекции читались профессорами по вечерам по согласованию со слушателями. На старших курсах начали появляться слушатели-военные. Среди них был будущий муж Пелагеи Яковлевны Николай Кочин.

В 1921 году Пелагея Яковлевна окончила физико-математический факультет Петроградского государственного университета и поступила на работу в Отдел теоретической метеорологии Главной геофизической обсерватории, организованный А.А. Фридманом. Первые публикации Кочиной относятся к 1924 году. Одна из них – «Критические точки линии тока на плоскости» – была опубликована в четвертом томе Геофизического сборника (с. 3–28), а другая вышла в свет на немецком языке.

В 1925 году Пелагея Яковлевна вышла замуж за своего однокурсника, будущего академика АН СССР Николая Евграфовича Кочина. У супругов в 1927 году родились две дочери – Ираида и Нина. В 1920 – 1930-е годы Полубаринова-Кочина занималась в основном преподаванием математики. Значительную часть времени она посвящала воспитанию детей. В конце 1934 года в связи с переводом Николая Евграфовича семья переехала в Москву и Пелагея Яковлевна начала работать старшим научным сотрудником Математического института АН СССР имени В.А. Стеклова (1935–1939). Параллельно она заведовала кафедрой высшей математики Московского гидрометеорологического института (1935–1937) и Московского авиационного технологического института (1937–1941). Только в конце 30-х годов Пелагея Яковлевна обратилась собственно к науке – к прикладной математике, а именно, к теории фильтрации, медленных движений жидкости, в частности, грунтовых вод, в проницаемых средах. В 1940 году она защитила докторскую диссертацию на тему «Некоторые задачи установившегося движения грунтовых вод». Она разработала метод, основанный на аналитической теории дифференциальных уравнений, и применила его к задаче о фильтрации через земляную перемычку с вертикальными откосами. Созданный ею метод сразу же нашел последователей и в дальнейшем был использован при решении сложных задач двумерной фильтрации с дренажем пресных вод над солеными грунтовыми. Через два года после защиты докторской диссертации вышла ее книга



«Некоторые задачи плоского движения грунтовых вод», удостоенная в 1946 году Сталинской премии. В этом же году она была избрана членом-корреспондентом АН СССР. Трагическим событием для нее стала безвременная кончина 31 декабря 1944 года после тяжелой болезни Николая Евграфовича Кочина. Светлую память о муже Пелагея Яковлевна хранила до конца своей жизни. В 50-х годах ею решены задачи фильтрации газа в угольных пластах, связанные с проблемой предотвращения внезапных выбросов газа в шахты при добыче угля. Большим событием стал выход в свет в 1952 году фундаментальной монографии П.Я. Кочиной «Теория движения грунтовых вод», которая и в настоящее время остается настольной книгой для специалистов [2. С. 13]. В 1956 году П.Я. Кочину избрали членом Национального комитета СССР по теоретической и прикладной механике. В 1958 году она была избрана действительным членом АН СССР. Шестидесятые годы стали наиболее плодотворными в научной деятельности Пелагеи Яковлевны. В 1959–1970 гг. она работает заведующей отделом гидродинамики и лаборатории фильтрации Института гидродинамики Сибирского отделения АН СССР. При ее непосредственном участии были начаты исследования процессов фильтрации грунтовых вод, переноса солей, динамики почвенной влаги. Результаты работ, выполненных в лаборатории, представлены в монографии П.Я. Кочиной, В.Г. Пряжинской и В.Н. Эмиха «Математические методы в вопросах орошения», опубликованной в 1969 году. В Новосибирском государственном университете Кочина основала кафедру теоретической механики и возглавляла ее в течение нескольких лет. В 1972 году под общей редакцией Кочиной была издана книга «Кулундинская степь и вопросы ее мелиорации». В возрасте 90 лет Пелагея Яковлевна выпустила монографию «Космология, гидродинамика, турбулентность: А.А. Фридман и развитие его научного наследия» совместно с А.С. Мониним и В.И. Хлебниковым. В 80-х годах П.Я. Кочина и О.И. Шишорина разработали подход к применению некоторых классов дробно-линейных преобразований при обработке числовых характеристик различных природных процессов. Результатом их сотрудничества стала книга «Простые отношения в природе. Пропорциональность, инвариантность, подобие», вышедшая в 1996 году, а на английском языке – в 1998 году. К этому же периоду относятся статьи и три книги по фильтрации подземных вод, написанные Пелагеей Яковлевной в соавторстве с дочерью Ниной Николаевной. П.Я. Кочина умерла в Москве в возрасте 100 лет 3 июля 1999 года.



Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина в начале своей карьеры будто повторяла путь своей учительницы – Веры Иосифовны Шифф, занимаясь в основном преподаванием математики. Однако позже, с конца 1930-х годов, она выбрала научную карьеру и достигла в ней таких высот, к каким едва ли бы даже приблизилась, если бы жила в России до 1917 года.

### **Литература, источники, примечания**

1. *Кочина П.Я.* Воспоминания. М.: Наука, 1974. 300 с.
2. Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина / Под. ред. чл.-кор. РАН В.В. Пухначева. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. 259 с.

## **Русский и советский статистик А.И. Хрящева**

*Т.А. Савинова*

Комплектование государственного архива фондами личного происхождения – процесс сложный, кропотливый и длительный. Иногда он затягивается на годы, а порой и на десятилетия. В начале 1970-х гг. в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) были созданы два полноценных фонда русских и советских статистиков П.И. Попова и Н.Я. Воробьева.

Среди вновь полученных документов в фонде П.И. Попова значительное место (70 ед. хр.) занимали документы его жены А.И. Хрящевой – одной из первых русских женщин-статистиков. Они позволили составить канву биографии Анны Ивановны и особенно полно отражали ее деятельность после 1917 г., когда она вместе с П.И. Поповым работала в ЦСУ, была его заместителем, членом Коллегии ЦСУ, начальником отдела сельскохозяйственных переписей и отдела динамики сельского хозяйства.

Неожиданно история комплектования двух фондов получила продолжение в 2011 г. Внук Н.Я. Воробьева – Никита Александрович Зорин, разбирая квартиру после смерти бабушки, обнаружил коробку с документами деда. Среди них оказались и документы А.И. Хрящевой 1900-х годов, что особенно интересно, так как фонд статистиков был беден биографическими документами этого периода, в нем не было переписки, дневников, фотографий. Полученные архивом статьи, дневниковые записи, отрывки прозы и стихов А.И. Хрящевой проливали свет на дореволюционный период ее работы земским статистиком, а также на



Пропуск А.И. Хрящевой в Кремль  
(Российский государственный архив экономики)

становление мировоззрения этой незаурядной женщины, которая, как и многие ее сверстницы – эмансипе, сама делала свою судьбу.

Заслуги земской статистики общепризнанны. Однако нельзя сказать, что более чем полувекое становление этого института со своей историей, методологией исследований, рядом выдающихся деятелей, рождением из его недр нескольких видов отраслевой статистики, формированием региональных и, наконец, центрального органа управления изучено очень хорошо. Между тем, в статистической судьбе нашей героини, как в зеркале, отразились этапы этого становления.

Анна Ивановна Хрящева родилась в 1868 г. в деревне Никологору Вязниковского уезда Владимирской губернии в крестьянской семье. Отец ее сдавал свой надел в аренду, а сам работал волостным писарем. Считая обучение детей обязательным, он отдал Анну в четырехклассную образцовую школу в с. Кохме Шуйского уезда Владимирской губернии, после окончания которой она с помощью сельской учительницы начала готовиться к поступлению на фельдшерские курсы в Москве. «Я <...> объявила войну всему своему, впрочем, недолгому прошлому... и вышла победительницей из борьбы со средой, меня воспитавшей. Я ушла, покинув позади себя семью с ее традициями и темнотой» [1. Л. 1 об.].

Успешно сдав экзамен, в 1891 г. А. Хрящева становится слушательницей курсов, много занимается самообразованием, участвует в работе революционных кружков. За распространение нелегальной литературы в апреле 1892 г. ее арестовали. После полутора лет, проведенных в тюрьме, она была выслана на два года под гласный надзор полиции в г. Ковров Владимирской губернии без права въезда в столицы, вследствие чего дальнейшая учеба на курсах стала невозможной.

Женский вопрос, решавшийся в 1860–1870-х гг. идеологами народничества Н.Г. Чернышевским, Д.И. Писаревым и Н.К. Михайловским, был знаком Хрящевой не понаслышке. В своей статье о процессе вытеснения мужского труда женским на ткацких фабриках Коврова и Вычугского района она выступила в «практическом направлении, которому суждено решить вопрос» (Михайловский). «В механическом ткачестве, – пишет Хрящева, – вовсе не требуется физической силы, там нужна исключительно сноровка, ловкость и напряженность внимания. Все эти качества у женщин развиты не меньше, а в некоторых случаях и больше, чем у мужчин. <...> есть ткачихи, зарабатывающие больше ткачей при одинаковом рабочем дне (9 часов)» [1. Л. 4]. По мнению автора, для внедрения женского труда в хлопчатобумажной промышленности большинство фабрикантов должны сократить рабочий день и ввести 2 месячный отпуск до и после родов, что «устранило бы всякую нежелательность труда женщин в ткацком производстве» [2. Л. 12 об.; 13].

С 1896 г. А.И. Хрящева начинает работать ткачихой на Иваново-Вознесенской фабрике Гарелина, активно участвует в деятельности социал-демократического кружка и «Союза рабочих». За активную пропаганду среди рабочих она была вновь арестована и после 8 месяцев тюрьмы сослана на два года в Уфимскую губернию.

Работу ссыльным предоставляло статистическое бюро Уфимского земства. А.И. Хрящева начала работать счетчиком при описании частновладельческих хозяйств Бирского уезда. Здесь произошло ее знакомство с другим политическим ссыльным – Павлом Ильичем Поповым.

Практически с 1899 г. и до конца жизни А.И. Хрящева работала профессиональным статистиком, освоив все виды работ от счетчика до руководителя разработки материалов подворной переписи и исследования городских имуществ, ее сотрудничество с П.И. Поповым длилось почти столько же. Однако начало 1900-х гг. было особенно знаменательным в их личных отношениях: «Что это было за время! Как много тогда было прочитано, решено и написано для будущего! 12 часов работы днем (он бегал с 8 до 8 по урокам) не отнимали силы, а ее оставалось еще настолько, чтобы читать и говорить, строить планы целую ночь, до зари. Да, это было время... Летом мы уходили в луга, в лес, собирали вороха трав, цветов, насекомых. Мой милый гербарий остался, как памятник того времени» [2. Л. 48].



А.И. Хряшева и П.И. Попов. 1909 г., Тула.  
(Российский государственный архив экономики)

Их сблизило и совпадение точек зрения на многие общественные вопросы, ей понравилась определенность и последовательность его марксистской позиции при объяснении всех явлений жизни. «Мы разные, невольно съехавшиеся из разных концов России на окраины ее – товарищи по неволе – мы читали, думали вместе, и это нас сблизило. Мы решили, пока нам это необходимо идти и работать вместе, не ставя никаких условий для нашей свободы...», – писала в своем дневнике А.И. Хряшева [З. Л. 9].

По окончании ссылки в 1900 г. Анна Ивановна переехала в Самару, где работала в земском статбюро на подворной переписи Николаевского и Бузулукского уездов, сначала счетчиком, а затем инструктором. С ее участием был издан сборник самарского земства «Николаев-

ский уезд». В 1901–1902 гг. она руководила подворной переписью Вяземского уезда Смоленской губернии, результаты работы также были изданы земством в виде отдельного статистического сборника «Вяземский уезд».

Поставив себе целью изучить социологию и решив, что это лучше всего делать за границей, Хрящева и Попов много работают. С 1902 по 1904 гг. в статистическом бюро Вологодского земства Анной Ивановой были выполнены следующие работы: 1) руководство разработкой подворной переписи Грязовецкого уезда; 2) местное исследование Тотемского уезда в качестве инструктора-общинника; 3) руководство исследованием городских имуществ городов Вологды и Грязовца. Результатом работы стало издание о промыслах крестьян Грязовецкого уезда [4].

Заработанных денег хватило, чтобы с октября 1904 г. по август 1905 г. учиться на кафедре статистики Берлинского университета.

В 1905 г. А.И. Хрящева работает «общинником» на исследовании Старобельского уезда Харьковской губернии, а затем в земском статистическом бюро по разработке подворных переписей и материалов городских переписей Купянска, Изюма, Лебедина, исследований птицеводства в Харьковской губернии [5]. В конце октября 1905 г. отряд харьковских статистиков был привлечен к административной ответственности за пропаганду среди крестьян. Все они были уволены из губернского статбюро.

В 1906–1907 гг. А.И. Хрящева работала в Петербургском городском статистическом бюро, в 1907–1909 гг. – снова в Харьковском, а с мая по сентябрь 1909 г. в переселенческом управлении Семиреченской области руководила разработкой материалов подворных переписей.

Таким образом, ей была знакома не только профессиональная специфика разных видов статистической работы, но и региональные особенности крестьянского и городского хозяйств севера и юга Российской империи.

В 1909 г. П.И. Попова пригласили заведовать Тульским губернским статистическим бюро. В 1909–1917 гг. благодаря усилиям этих двух статистиков оно стало одним из самых передовых в земской России. Здесь были закончены основные подворные исследования и налажена текущая статистика, выпущено 13 томов статистических сборников о крестьянском хозяйстве Тульской губернии (12 уездов и губерния) [6]. А.И. Хрящева руководила разработкой результатов подворных переписей всех уездов, а затем составлением комбинационных

таблиц по результатам исследования губернии. Здесь впервые она начинает заниматься вопросами методологии разработки данных обследований, особенностями взаимоотношений элементов крестьянского хозяйства и его динамики [7]. «Ученого ждет огромная задача, – считала Хрящева, – создать способ регистрации всех явлений жизни и, классифицируя их, в то же время комбинировать между собой. Он должен создать способ разработки материала таким образом, чтобы явления не изучались отдельно сами по себе, а *непрерывно при всей совокупности данных условий*» (Курсив – Т.С.) [8].

Несколько месяцев бурного в истории России 1917 г. немало значили для подведения итогов развития земской статистики, завершения формирования этого института.

Решение вопроса снабжения продовольствием армии и населения вызвало необходимость учета продовольственных ресурсов и проведения в 1916 г. Всероссийской сельскохозяйственной переписи, а в 1917 г. сельскохозяйственной и поземельной.

Съезд статистиков, созванный Главными комитетами земского и городского союзов 5–7 марта 1916 г., высказался за образование при управлении делами Особого совещания по продовольствию центрального статистического органа для руководства делами переписи, «с приглашением в состав его как представителей статистической науки, так равно и представителей земской и городской статистической практики. Руководство же переписью на местах должно быть возложено на местные земские и городские статистические организации» [9. С. 2]. Для скорейшего воплощения решений съезда в жизнь, им была создана Исполнительная комиссия, заместителем председателя которой стал П.И. Попов. С этого момента руководящим статистическим органом России являлся Всероссийский статистический съезд, который на своих заседаниях 18–21 апреля 1917 г. разработал программу Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи и городской переписи. Статистические данные должны были стать основанием продовольственного плана на 1917–1918 гг. и плана аграрной реформы. Ее теоретическую и организационную составляющие разрабатывали Лига аграрных реформ и Главный земельный комитет (ГЗК). По распоряжению президиума ГЗК вопрос о программе разработки материалов переписи 1917 г. в связи с задачами подготовки земельной реформы был передан на разрешение статистико-экономической комиссии. Ее состав был определен уже на заседании Совета ГЗК 27 мая 1917 г., но активная работа началась только в июле, состоялось семь

заседаний, последнее – 20 октября 1917 г. А.И. Хрящева была в ней единственной женщиной [10].

Проведение переписей по единой программе взяли на себя по всей земской России статистические бюро. Перепись 1916 г. велась по нескольким бланкам сплошь и выборочно. Сплошная перепись распространялась на все крестьянские и частновладельческие хозяйства и проводилась по короткой программе, содержащей вопросы о численности населения, посевной площади, количестве скота. Общее руководство работами осуществлял отдел сельскохозяйственной переписи Министерства земледелия Временного правительства. А.И. Хрящева заведовала разработкой материалов переписи 1916 г. и руководила проведением переписи 1917 г., но не все зависело от ее феноменальной работоспособности и профессионализма. Нехватка средств и наступившая русская смута надолго отодвинули окончание этих работ.

С января 1918 г. центральный отдел переписей функционировал уже при Высшем Совете Народного Хозяйства (ВСНХ), а Хрящева работала в нем заведующей отделом сельскохозяйственных переписей; с июля 1918 г. он стал подразделением ЦСУ РСФСР. В значительной степени управленческий состав этого советского учреждения состоял из земских статистиков (из 27 начальников отделов – 16). Одновременно с руководством отделом сельскохозяйственных переписей А.И. Хрящева становится членом коллегии ЦСУ и выполняет обязанности заместителя управляющего ЦСУ. На протяжении первого десятилетия существования нового государства под руководством А.И. Хрящевой было проведено несколько крупных работ: закончена разработка итогов переписи 1917 г. (погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям с предисловием П.И. Попова и А.И. Хрящевой были опубликованы отделом сельскохозяйственных переписей ЦСУ РСФСР в 1921 году); в 1919 г. в 33 губерниях РСФСР произведена 10% сельскохозяйственная перепись с целью определения изменений в структуре крестьянского хозяйства; в 1920 г. – сельскохозяйственная перепись в чрезвычайно сложных условиях Гражданской войны имела целью выяснить численность сельского населения, размер промысловых занятий, посевных площадей и др. показатели; в 1922 г. вновь 10% перепись с целью выяснения состояния сельского хозяйства после голодного 1921 г.; подготовлена программа переписи 1926 г., которая должна была ответить на главные вопросы: каковы состояние сельского хозяйства СССР по главным показателям, классовый состав



крестьянских хозяйств, роль групп крестьянства в народном хозяйстве СССР и др. По результатам исследований А.И. Хрящевой был написан ряд статей, некоторые из них стали программными для специалистов по крестьянскому хозяйству этого периода [11].

Еще в 1915 г. статистик выступила с идеей динамических переписей крестьянского хозяйства; в 1919 г. она предложила создать в ЦСУ отдел динамики земледельческого хозяйства. На Всероссийском статистическом съезде 25 апреля – 5 мая 1919 г., где А.И. Хрящева вновь единственная из женщин была выбрана в Исполнительную комиссию статистических съездов, ею был сделан доклад «О постановке исследования динамики земледельческого хозяйства», высоко оцененный коллегами, в частности такими корифеями, как А.А. Кауфман, П.А. Вихляев, В.Г. Громан и Н.А. Каблуков. Они отмечали, что такой тип исследования позволит изучить происходящее в крестьянском хозяйстве «на молекулярном уровне». Съездом было решено создать комиссию по вопросам динамики земледельческого хозяйства для обсуждения программы и методов динамического исследования. С 1924 г. по 1926 г. и с конца 1927 г. по 1929 г. А.И. Хрящева возглавляет отдел динамики сельского хозяйства ЦСУ СССР. Его работа высоко оценена крестьяноведами более поздней поры [12], но в период сплошной коллективизации у власти другие приоритеты. На первый план выходит учет, отодвигая статистику и статистиков на задний план. Однако общее земское прошлое, профессионализм, вера в то, что статистика должна служить обществу и социальным преобразованиям, а не власти, позволили им в 1920-х гг. поднять эту отрасль на недосягаемую высоту. Немалая заслуга в этом А.И. Хрящевой.

## **Литература, источники, примечания**

1. РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 451а. Л. 1 об.
2. *Хрящева А.И.* Дневник // РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 526а. Л. 12 об.; 13.
3. РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 526. Л. 9.
4. Промыслы крестьянского населения Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Вып. 2. 1903.
5. К вопросу о птицеводстве в Харьковской губернии / Под ред. А.И. Хрящевой // Ежегодные статистические сведения Харьковской губернии. Харьков, 1908.
6. Крестьянское хозяйство Тульской губернии по подворной переписи 1910–1912 гг. Т. I–XIII. Тула, 1912–1916.

7. Хрящева А.И. Опыт исследования взаимоотношения элементов крестьянского хозяйства. Новосельский уезд. Т. I. Вып. II. Тула: Изд. Тульского земства, 1914; *Ее же*. Несколько слов о динамике крестьянского хозяйства // Статистический вестник. 1915. Кн. 2; *Ее же*. К вопросу об исследовании динамики крестьянского хозяйства // Статистический вестник. 1915. Кн. 4.
8. РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 4516. Л. 7.
9. Резолюции съезда статистиков, созванного Главными комитетами земского и городского союзов 5–7 марта 1916 г. Б. м., 1916.
10. Председатель А.А. Кауфман; члены комиссии: В.И. Анисимов, С.Л. Маслов, П.А. Вихляев, Н.И. Ракитников, Н.Н. Черненко, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, П.И. Попов, Н.П. Огановский, А.И. Хрящева // ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 19. Л. 47 об.
11. Хрящева А.И. Крестьянство в войне и революции // Вестник статистики. 1920. № 9–12. С. 5–47.
12. Данилов В.П., Шанин Т. А.И. Хрящева и динамические исследования российской деревни (1920–1929 гг.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1997. С. 17–20.

## Архивная и музейная деятельность Елены Петровны Подъяпольской в 1920-е годы XX века (по материалам Архива РАН)

*Ю.В. Стеценко*

Во мне давно боролась два начала:  
Поэтом быть хотела я сначала,  
Потом историк победил поэта.  
«Кто ж выиграл?»: спросила я на это.  
«Я!» – Лира, убегая, прокричала.  
А Клио деликатно промолчала.

*Эпиграмма себе.*

*Е.П. Подъяпольская [1]*

В 1896 году в семье дворянина Петра Павловича Подъяпольского родились близнецы Сергей и Елена. Это были третий и четвертый ребенок в семье. В Архиве РАН сохранилось свидетельство о рождении, которое гласит, «что в метрической книге Московской Георгиевской на Всполье, близ Кудрина, церкви тысяча восемьсот девяносто пятого года № 18 писано: октября двадцать девятого числа родилась Елена,

крещена ноября 6-го числа, родители ее: дворянин, губернский секретарь, студент Московского университета, физико-математического факультета, Естественного отделения, Петр Павлович Подъяпольский, православного вероисповедания и законная жена его Варвара Андреевна, евангелическо-лютеранского вероисповедания» [2].

Кроме близнецов Елены и Сергея, в семье Подъяпольских было еще пять девочек. Первой была Варвара (1892–1975), в будущем врач-гельминтолог, член-корреспондент АМН СССР (1953), лауреат Сталинской премии, работала в Институте медицинской паразитологии и тропической медицины им. Е.И. Марциновского. Вторая дочь – Наталья (1894–1921), затем Ольга (1898–1987), Екатерина (1900–1989) и Вера (1905–1972). «Из большой семьи Подъяпольских, жившей в Саратове: отец, мать, семь человек детей, сейчас осталось три сестры: я, из четвертой по счету, превратилась в старшую, потом Ольга Петровна (пятая по счету) и Екатерина Петровна (шестая)», – пишет Е.П. Подъяпольская в письме к ученику отца В.А. Бахтиярову в 1975 году, после смерти старшей сестры Варвары Петровны [3]. И продолжает: «Первая сестра Наташа скончалась еще в Саратове, – Вы, вероятно, помните? – она покончила с собой. Потом в 1930 году в Саратове – отец. Потом уже в Москве (перед войной) мама. В 1966 году брат (с которым мы были близнецами). В 1972 от острой лейкемии умерла младшая сестра Вера Петровна. В 1971 году умерла наша няня, которая прожила в нашей семье 76 лет и умерла на 97-м году. Она попала в нашу семью, когда у мамы родилась двойня, а доживала свой век в Москве у меня. Еще одну потерю я не назвала: когда я и Варвара Петровна были в эвакуации в Самарканде, был мобилизован в 1942 г. ее 18-летний сын, он умер в Ташкентской военной школе от менингита. Сплошной мартиролог. Конечно, растет смена. У меня много племянников и внучатых племянников. Но старое поколение уходит» [3. Л. 2].

В 1943 году, возвращаясь из эвакуации, по дороге из Самарканда в Москву, Елена Петровна напишет стихотворение об умершем племяннике Николае [4].

В Архиве РАН создан фонд № 1592 семьи Подъяпольских, а именно Подъяпольского Петра Павловича (1862–1930) – естествоиспытателя, врача-гипнотерапевта и Подъяпольской Елены Петровны (1895–1986) – историка, археографа. Фонд состоит из 3-х описей, в первую включены материалы Подъяпольского П.П., во вторую – документы Подъяпольской Е.П., дочери Петра Павловича Подъяпольского, третья – опись новых поступлений с документальными материала-

ми Подъяпольского П.П., Подъяпольской Е.П. и документами других дочерей и сына Подъяпольского П.П.

Документы Петра Павловича Подъяпольского передавала в Архив РАН сама Елена Петровна Подъяпольская в 1970-е годы. Она пишет об этом в упоминавшемся выше письме В.А. Бахтиярову: «Его архив я сдала в Архив АН в Москве, но часть бумаг еще у меня. Это произошло потому, что я не успела все подготовить к сдаче. А сейчас Академия временно прекратила прием за отсутствием места. Но, вероятно, скоро начнут опять принимать, а я старею и мне все труднее заниматься такими делами». [2. Л. 2]

В этом же письме она рассказывает о судьбе некоторых документов своего отца: «Во время войны, когда мы были в эвакуации, часть его архива исчезла – записи отца (его книги) с историей заболеваний (и излечений) его пациентов, а главное – его лекции. В этом году я узнала, как это произошло. Отцовский архив находился в сундуке на чердаке дома, где была квартира Варвары Петровны. Не знаю, знали ли Вы в Саратове молодого врача Владимира (кажется, его, как и Вас, звали Алексеевич) Наумова. Он иногда бывал у отца, но потом переехал в Москву. Его мать А.Н. Наумова, оказывается, выкрала этот архив, когда мы были в эвакуации, с нашего чердака для своего сына (он немного занимался гипнозом, лечил, но сам здорово пил). Наумов умер, дом с его квартирой сломали, все погибло. Узнала я это, когда жила в Варинной квартире после ее смерти и готовила к сдаче ее архив. Пришла молодая женщина, малоинтеллигентная, прочла в газете о Варинной смерти, оказалась дочерью Наумова и наивно рассказала эту историю, так и не поняв аморалистичного поступка своей бабушки и своего отца. Так через тридцать с лишним лет я узнала о трагической судьбе отцовского архива» [2. С. 3].

Елена Петровна Подъяпольская в силу своей профессии и склонности к порядку в документах и архивах не только своих родственников, но и организаций, в которых ей довелось работать, занималась разбором документов скрупулезно и педантично. Эти особенности ее характера проявились уже в молодые годы. В 1913 году Елена Петровна окончила Саратовскую I-ю министерскую гимназию. После прохождения общего курса наук в 1912 году ей был выдан аттестат и золотая медаль [5]. В этом же году Елена Петровна поступила в VIII дополнительный класс для специального изучения истории, по окончании которого она получила свидетельство об отличных успехах при отличном поведении [5. Л. 2–3].

В 1914 году Елена Петровна Подьяпольская поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов Герье в Москве, где училась в 1914–1917 годах. Она слушала лекции и занималась у М.М. Богословского, В.И. Пичеты и А.И. Яковлева. Именно А.И. Яковлев, талантливый ученый, был ее первым учителем в высшей школе. После 1917 года Елена Петровна продолжала высшее образование в Саратове. В 1917 году в Саратовском университете был открыт историко-филологический факультет, преобразованный затем в факультет общественных наук и историческое отделение Педагогического факультета, которое Елена Петровна и окончила в 1924 году.

В одной из автобиографий 1929 года Е.П. Подьяпольская пишет: «С 1920 года состою членом Саратовского Нижне-Волжского областного общества краеведения, где работаю в качестве секретаря кружка по изучению местного края (1920 г), товарищем председателя секции любителей родного края (1921 г.), заведующей Историческим архивом, позже рукописным отделением общества (с 1923 г. и по настоящее время), товарищем председателя общества (с 1925 по май 1929)» [б. л. 1]. «Свою работу в качестве архивного работника я начала в 1920 г. и с тех пор не прекращаю ее; в настоящее время я избрана представительницей от общества Краеведения в проверочную комиссию при Крайархбюро и уже начала там работать. Я знакома, главным образом, с саратовскими архивами, с которыми тесно связана была и службой, и выборной должностью, и научными интересами. Из уездных архивов могу назвать волостной архив в с. Падах Балашовского уезда, куда имела командировку в 1921 г. и где привела сохранившуюся часть в порядок. Во время 2-х командировок моих для научных занятий в Москву работала в Историческом архиве Государственного исторического музея и в Древлехранилище (1927 и 1928 гг.). Моя архивная работа протекала под руководством преподавателей Саратовского университета А.А. Гераклитова, П.Г. Любомирова и С.Н. Чернова, а также архивариуса Саратовского Губархива В.И. Оппоковой. Я принимала участие в коллективной разработке архивных фондов, организованной А.А. Гераклитовым в 1920 г. в кружке по изучению любителей родного края, занимавшемся извлечением географических данных (из фондов серии «Сенатской» и «Документов», в семинарии А.А. Гераклитова по разработке сказок II и III ревизий (1922 и 1923 гг.), где инструктировала студентов по работе над ревизскими сказками, в кружке по изучению экономики России XVIII–XIX столетия под руководством профессора П.Г. Любомирова (разработка серии

«Казенной палаты», сказок IV ревизии, материалов из Академии наук – анкет Шляхетского корпуса и секретных донесений генпрокуроров 1777 г.), где также руководила работами небольшой группы студентов» [6. Л. 1].

В автобиографии 1935 года читаем: «В качестве научного сотрудника начала работать еще будучи студенткой с 1920 года в Саратовском губархбюро, откуда была командирована на работу в исторический архив Саратовского общества истории, археологии и этнографии и Нижне-Волжское общество краеведения, где в дальнейшем с 1923 по 1929 г. была заведующей историческим архивом и рукописным отделением» [6. Л. 7].

В семинаре под руководством А.А. Гераклитова Елена Петровна принимала участие в коллективной научной работе по изучению ревизских сказок Саратовской губернии. Участники выбирали себе для изучения один из уездов губернии или сказки какой-либо из народностей многонационального населения Саратовской губернии, например, мордвы. Дипломная работа Е.П. Подъяпольской 1924 года «О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда» была напечатана в 1927 году в саратовских «Известиях Краеведческого института».

Об этой работе отозвался профессор П.Г. Любомиров: «Под скромным названием... представлено в сущности небольшое самостоятельное исследование. Тема его взята очень существенная. В истории местного края процесс и формы его заселения принадлежат к важнейшим темам и мало еще систематически разрабатывались. Материалы автора – прежде всего неизданные местных архивов документы. Предшественников в обработке темы, можно сказать, не было. Я сказал выше, что это небольшая работа в смысле размеров, в которые вылились результаты. Но вложен в эту тетрадь очень большой кропотливый труд. Разыскания по приурочиванию старых названий на современной карте вообще очень нелегки, особенно в нашем крае, где не только села, но и реки и урочища меняли часто раза три–четыре свои названия. Думаю, однако, что Подъяпольской в общем удалось правильно решить важнейшие вопросы, хотя материал очень отрывочен и сильно попорчен часто неоднократной копировкой, что еще больше затрудняло работу» [7].

В 1920-х годах Елена Петровна была участницей двух источниковедческих семинаров. П.Г. Любомиров предложил для семинарских занятий тему о художественной прозе как историческом источнике.

Для анализа были выбраны произведения Н.С. Лескова. Другой семинар под руководством С.Н. Чернова изучал поэзию первых десятилетий XIX века как исторический источник. Занятия в этих семинарах дали возможность Елене Петровне проявить себя в качестве вдумчивого и тонкого аналитика.

Первые революционные годы были временем напряженного архивного строительства. Елена Петровна участвовала в работе Саратовского губернского архивного бюро, которое занималось передачей в губернский архив фондов упраздненных революцией учреждений. Ее руководителем и старшим товарищем в этом деле была Валентина Ипполитовна Оппокова, сестра крупного партийного и общественного деятеля Георгия Ипполитовича Ломова-Оппокова.

В 1920-е годы в Саратове был создан ряд новых музеев, реорганизованы и расширены некоторые из ранее основанных. Елена Петровна работала на музейном поприще в качестве научного сотрудника, затем ученого секретаря и члена правления Саратовского областного музея. Она была главной помощницей директора этого музея, археолога и энергичного организатора Павла Сергеевича Рыкова. В этот период создавался Дом-музей Н.Г. Чернышевского. По инициативе Б.М. Соколова, историка, исследователя древнерусской литературы и фольклора, создателя Этнографического музея народов СССР в Москве, в годы голода в Поволжье был организован «Музей голода», целью которого была организация помощи голодающим.

На основе небольших коллекций Саратовской ученой архивной комиссии возникли археологический и этнографический музеи, объединенные впоследствии в Саратовский краеведческий музей.

Созданный в 1885 году внуком А.Н. Радищева, художником А.П. Боголюбовым художественный музей имени А.Н. Радищева после революции пополнялся новыми экспонатами. Туда поступали художественные ценности из национализированных дворцов-усадб Саратовской губернии – князей Куракиных, Голицыных, из помещичьих имений, из Государственного художественного фонда. Работа в Областном музее требовала от Елены Петровны специальных знаний, навыков анализа и оценки художественных произведений.

В одном из писем 1927 года Елена Петровна пишет своей сестре Екатерине Петровне Подъяпольской, обращаясь к ней: «Милый Кот!... Поздравьте меня. Я покончила с музейной службой. На первых порах я чувствую глубокое сожаление и вижу в прошлом своей музейной работы только привлекательные черты. Но перспектива за-



няться исключительно научной работой заманчива и, надеюсь, скоро меня утешит» [8].

В 1927–1929 годах Елена Петровна Подъяпольская была утверждена штатным аспирантом при Краеведческом институте Южно-Волжской области. Аспирантам, имевшим стипендию, не разрешалось заниматься государственной службой. В этот период частыми стали командировки в Москву для работы в архивах. К диссертации Е.П. Подъяпольская готовила работу на тему Пугачевского восстания в Нижнем Поволжье, но защитить диссертацию не удалось. С 1-го июня 1929 года Е.П. Подъяпольская, согласно распоряжению Наркомпроса, была снята с аспирантской государственной стипендии. В 1929 году Елена Петровна переехала в Москву, где занялась составлением каталога архивных фондов текстильных фабрик г. Москвы и Московской области. Работа велась по определенной Московским обществом краеведения программе, по материалам московского архива. По результатам этой работы составлена картотека и сделан доклад «Обзор архивных фондов текстильных фабрик г. Москвы и Московской области».

В Москве начался новый период научной деятельности Елены Петровны Подъяпольской.

### **Литература, источники, примечания**

1. *Подъяпольская Е.П.* Стихотворения детских, гимназических лет // Архив РАН. Ф. 1592. Оп. 2. Д. 33. Л. 128.
2. Метрическое свидетельство о рождении Е.П. Подъяпольской // Архив РАН. Ф. 1592. Оп. 2. Д. 35. Л. 1.
3. *Подъяпольская Е.П.* Письмо В.А. Бахтиярову // Архив РАН. Ф. 1592. Оп. 2. Д. 122. Л. 2, 3.
4. *Подъяпольская Е.П.* Стихотворения, дружеские эпиграммы на друзей, родственников // Архив РАН. Ф. 1592. Оп. 2. Д. 34. Л. 127.
5. *Подъяпольская Е.П.* Свидетельства об окончании гимназии // Архив РАН. Ф. 1592. Оп. 2. Д. 36. Л. 1.
6. *Подъяпольская Е.П.* Автобиографии // Архив РАН. Ф. 1592. Оп. 2. Д. 41. Л. 1.
7. *Любомиров П.Г.* Отзывы о студенческих и аспирантских работах Подъяпольской П.Г. Любомирова // Архив РАН. Ф. 1592. Оп. 2. Д. 57. Л. 1.
8. *Подъяпольская Е.П.* Письмо Ек.П. Подъяпольской, сестре // Архив РАН. Ф. 1592. Оп. 2. Д. 148. Л. 119.

## А.П. Гартман-Вейнберг во главе палеонтологической лаборатории Московского университета (1935–1940)

*Г.И. Любина*

Александра Паулиновна Гартман-Вейнберг (1882–1942) – палеонтолог, специалист по мезозойским рептилиям, талантливый организатор науки. Рождением, своей основной деятельностью она принадлежит Петербургу (Ленинграду). Петербуржцы первые обратились к ее биографии [1. С. 97–98], в которой существенное место занимает ленинградский период творчества. Московский, сравнительно непродолжительный, менее известен. Между тем, он сыграл значительную роль и в ее биографии, и в истории отечественной палеонтологии. Именно им мы и займемся.

Укажем основные вехи жизни нашей героини. В 1916 г. тогда еще Александра Гартман (Вейнберг – фамилия ее мужа) окончила Бестужевские курсы по отделу анатомии и начала работу в 1-ом Медицинском институте Ленинграда, исследуя нервную систему обезьян. Вскоре по предложению академика П.П. Сушкина перешла в Геологический музей Академии наук, где начала изучение ископаемых рептилий (парейазавров) из сборов 1898 г. профессора В.П. Амалицкого на р. Малая Северная Двина. Попутно Гартман занималась препаровкой скелетов низших позвоночных и разборкой музейных коллекций. После смерти Сушкина в 1928 г. на нее легла вся организационная работа по знаменитой Северодвинской палеозоологической галерее музея.

С конца 1920-х гг. Музей начал серию экспедиций для сбора ископаемых остатков (1927, г. Северная Двина) и осмотра местонахождений пермских животных и растений в бассейне Камы, Волги, Вятки. В 1927–1931 гг. Гартман руководила раскопками на Малой Северной Двине и в Поволжье, обнаружив способности умелого организатора. В 1930 г. усилиями Борисяка был создан Палеозоологический институт АН СССР, должность заместителя директора заняла Гартман-Вейнберг, она же возглавила отдел низших позвоночных Института. До перевода Института в Москву в 1935 г. она разработала общий план музея при нем, но воплотить свой замысел не успела. Петербургские палеонтологи видят основную заслугу Гартман-Вейнберг в том, что вместе с В.П. Амалицким, П.П. Сушкиным, И.А. Ефремовым,

Ю.А. Орловым (все они петербуржцы-ленинградцы) она создала русскую школу изучения пермско-триасовой фауны России [1. С. 98].

В 1935 г. Гартман-Вейнберг переехала в Москву и создала Палеонтологическую лабораторию на почвенно-географическом факультете МГУ. Этому акту сопутствовали два события. В 1930 г. в СССР была полностью реорганизована геологическая работа. Геологическая кафедра университета была ликвидирована (целиком передана в распоряжение вновь созданного Геологоразведочного института, МГРИ). Институт был изначально задуман как базовый центр по подготовке геологоразведчиков. В.И. Вернадский в своих «Дневниках» расценил этот акт как вредительский, т.к. одна из сильнейших специальностей ушла из стен Московского университета [2. С. 179]. Дисциплины геологического цикла, (палеонтология в том числе) оказались на ряд лет выключенными из научно-исследовательских программ университета, Москва лишилась крупного исследовательского центра в этой области. МГРИ никоим образом не мог восполнить эту потерю. Отдельные курсы палеонтологии читались на почвенно-географическом и биологическом факультетах временными преподавателями, не занимавшимися научной работой. Ненормальность положения ощущалась многими геологами и палеонтологами. Создание Палеонтологической лаборатории было задумано, как некая мера с целью исправить ситуацию.

Вторым событием, повлиявшим на создание лаборатории, была подготовка к проведению XVII сессии Международного геологического конгресса в Москве летом 1937 г. Предполагалось придать этому мероприятию широкий размах, превратив его в смотр достижений советской геологии и палеонтологии. Палеонтологическая лаборатория МГУ должна была служить целям демонстрации этих успехов.

Этим обстоятельством умело воспользовалась Гартман-Вейнберг. Она добилась широкой материальной поддержки новому начинанию. В первые два года лаборатория получила все необходимое оборудование: оптические инструменты, электромеханические приборы и станки для технической обработки коллекций, новейшую аппаратуру для микрофаунистических исследований. Значительные ассигнования были отпущены для комплектования библиотеки зарубежной монографической и справочной литературой [3. С. 49–50].

Штат постоянных сотрудников был невелик, в нем были представлены исследователи из Москвы, Ленинграда. Маститых ученых среди них было немного: профессора А.П. Гартман-Вейнберг и ботаник Л.М. Кречетович; известные в своей области специалисты, доцен-

ты В.А. Теряев (маммолог), Б.В. Милорадович (палеозоолог) и В.П. Маслов (палеоботаник), ассистенты Ф.М. Кузьмин (заместитель заведующей), Ю.М. Залесский, библиограф А.И. Смородова. Лаборатория пригласила на договорные работы палеоботаника чл.-корр. АН СССР М.Д. Залесского, старшего научного сотрудника ПИН геолога и палеонтолога В.Е. Руженцова, специалиста по палеонтологической стратиграфии В.А. Шохину.

Основное направление работ лаборатории касалось биостратиграфического изучения палеозойских, отчасти мезозойских отложений с целью восстановить соответствующие фауны позвоночных и беспозвоночных, энтомофауны, микрофауны, фауны породообразующих организмов. Обращение к изучению энтомофаун или микрофаун было, по крайней мере для Московского университета, новым направлением. Сотрудники лаборатории пользовались находками 28-ми экспедиций в районы Урала, Волго-Двинского водораздела, Крыма, Северного Кавказа, Закавказья, Казахстана, Западной и Восточной Сибири. На их материалах было проведено 55 исследований [3. С. 48].

Уже в 1936 г. появилось первое периодическое издание Лаборатории, ежегодник «Проблемы палеонтологии» (Т. I–V, 1936–1939). В передовой статье Гартман указала на цель его создания. Она обратила внимание на то, что заметные успехи стратиграфической палеонтологии отодвинули на второй план изучение теоретических проблем палеонтологии. Задача состояла в том, чтобы преодолеть это отставание. Необходимо, указывала Гартман, соединить палеонтологию с биологией (в частности, с зоологией и ботаникой современных форм) и, с другой стороны, с геологией (палеонтологическая стратиграфия), что с необходимостью приведет к ревизии систематики и некоторых стратиграфических установок [4. С. 8].

В новом печатном органе предполагалось публиковать работы сотрудников лаборатории. Но не только. Он должен был, по замыслу Гартман, объединить усилия многих специалистов различных отделов палеонтологии, стать местом обсуждения их работ и широких дискуссий относительно спорных вопросов, источником информации о проводимых работах и новинках литературы. Амбициозные планы требовали выхода за рамки возможностей собственно лаборатории, что и было достигнуто путем неформального способа организации работы. Гартман удалось использовать потенциал не только отечественных, но и иностранных палеонтологов. Состав лаборатории и авторов «Проблем» уже с первого года существования пополнился западными иссле-

дователями. Среди них были представители более молодой по сравнению с Гартман генерации ученых: Л. Бертран (Лилль), Д. М. С. Вотсон (Лондон), А.С. Ромер (Кембридж, США), Ф. Цейнер (Лондон), ленинградцев представляли Б. Лихарев, А.Н. Рябинин, Б.В. Милорадович; Москву – Гартман-Вейнберг, В.А. Теряев, Л.Ш. Давиташвили, Л.М. Кречетович.

Международный статус журнала подтверждала публикация статей параллельно на русском и иностранном, чаще всего английском, языках. В ту пору, когда многие научные журналы испытывали бумажный голод, «Проблемы» отличались высоким полиграфическим качеством, особенно иллюстраций. Наряду с уже утвердившимися направлениями палеонтологии (морфология и систематика отдельных групп ископаемых организмов, их филогения, исследование фаунистических комплексов), ежегодник отражал новые ее течения: палеогеографию, микропалеонтологию, палеоэнтомологию и др.

В России при наличии в стране крупных палеоботаников И.В. Палибина, А.Н. Криштофовича, Д.М. Залесского (все они петербуржцы-ленинградцы) долгое время ощущалось отставание этого отдела палеонтологии. Бывали случаи, когда не могли найти преподавателей палеоботаники для высшей школы. Гартман-Вейнберг попыталась восполнить этот пробел, публикуя много статей по палеоботанике отечественных авторов Д.М. Залесского, Е.Ф. Чиркова, В.В. Маслова, В.Д. Принады о флорах различных региональных комплексов средней Европы, Урала, Кузбасса, Восточной Сибири. Ряд статей освещали вопросы стратиграфии, содержали описание руководящих организмов (фораминиферы, археоциаты, брахиоподы), да и сама Гартман представила в этом качестве ископаемых пермских рептилий [5. С. 47–86 (русс. яз); 87–124 (нем. яз.)]. Среди авторов статей по палеоэкологии первенствовал Л.Ш. Давиташвили, Гартман писала об экологии парейзаурид [6. С. 649–672].

Уникальный библиографический отдел издания вела Анна Смородова. Она описала свыше 7 тыс. названий работ отечественных и зарубежных авторов по всем отраслям палеонтологии. По этим сводкам можно проследить направление исследований советских палеонтологов – большое число работ, например, в области палеонтологической стратиграфии (Куликов М.В., Лихарев Б., Мирчинк М., Моисеев А.С., Никифорова О.И., Семихатова С.В. и др.), в петрографии углей, и малое их количество или вовсе отсутствие в палинологии, фитоморфологии, фитогеографии и проч. [7].

Более специальным было другое издание лаборатории «Этюды по микропалеонтологии» (1937. Вып. I–III), продиктованное живым интересом к этому роду исследованиям, стратиграфически весьма значимым, особенно для поиска нефти. Издатели журнала ставили задачу создать постоянно пополняющуюся информационную базу о новых находках руководящих организмов, их экологии, стратиграфии и распространении, эволюции и систематике. Журнал рассматривался как трибуна для обмена информацией и проведения научных дискуссий. Объем выпусков не превышал 3–4-х авторских листов, и это ускоряло процесс печатания, на отдельную статью полагалось не более 1 листа. В журнале публиковали статьи советские и иностранные авторы. О фузулинадах писали Д. Раузер-Черноусова и А.А. Виссарионова; о фораминиферах – Н.А. Калинина и М.Ф. Глесснер. О результатах изучения микрофауны Волго-Донского водораздела рассказала В. Шохина [8].

Итоги пятилетней деятельности лаборатории были впечатляющими. Уже в 1937 г. она вошла в состав Международной ассоциации палеонтологов. Гартман стала членом ее совета, а В.П. Маслов ее Комитета по корреляции протерозойских отложений [3. С. 50]. Многочисленные коллекции, собранные во время экспедиций, демонстрировались на XVII сессии МГК в Москве в 1937 г. во вновь открытом Палеонтологическом музее.

Благодаря своим изданиям лаборатория вступила в книгообмен с самими разнообразными учреждениями: с угольными и нефтяными трестами, геологическими управлениями и комитетами, с институтами, музеями, университетами, национальными библиотеками и научными обществами. Число ее корреспондентов составило в СССР 205 организаций, за границей 309. Библиотека Лаборатории в скором времени насчитывала уже более 2,5 тыс. названий [3. С. 50]. Лаборатория консультировала ведущие организации при строительстве Волго-Донского канала, Рыбинского и Куйбышевского гидроузлов.

Гартман попыталась восполнить пробел в преподавании палеонтологии, возникший после ликвидации факультета геологии МГУ. Вместе с коллегами В.П. Масловым, Ф.М. Кузьминым она читала лекции по палеонтологии беспозвоночных и позвоночных, пользуясь учебником палеозоологии М.В. Павловой и не отрекаясь от традиций прежней кафедры. Она пригласила к сотрудничеству учеников Марии Васильевны: Б.В. Милорадовича и В.А. Теряева, особенно ценя в последнем его способности искусного препаратора. По сравнению с прошлым она дополнила тематику работы лаборатории новыми направле-

ниями. Аспиранты лаборатории изучали фауны фораминифер (В.Г. Келлер-Морозова), моллюски неогена Западной Грузии (Д.А. Булейшвили).

В конце 30-х годов перед палеонтологической лабораторией открывались широкие перспективы. Гартман намеревалась разнообразить тематику исследований, обеспечить тесную связь лаборатории с народнохозяйственными запросами страны, расширить пропаганду достижений советской палеонтологии на родине и за ее пределами, увеличить число студентов и аспирантов, создав максимально благоприятные условия для их практики. Но уже в 1940 г. было решено перевести лабораторию в ведение Института земной коры ЛГУ. Война задержала реализацию этого плана до 1946 г., когда Гартман-Вейнберг уже не было в живых. Она умерла в блокадном Ленинграде в 1942 г. [9. С. 4].

Причина перевода лаборатории в Ленинград лежит на поверхности событий. В 1939 г. усилиями А.А. Борисяка и Ю.А. Орлова была создана кафедра палеонтологии МГУ, существование паллиатива в виде палеонтологической лаборатории стало ненужным. Лаборатория Гартман-Вейнберг явилась связующим звеном между кафедрой палеонтологии времен супругов Павловых (1919–1929) и новым ее воплощением. Гартман усвоила лучшие традиции прошлого и стимулировала дальнейшее развитие палеонтологии в МГУ, дав дорогу новым направлениям. За короткий срок существования лаборатория предъявила ученому миру заметные результаты. В значительной мере они были обеспечены энтузиазмом Гартман-Вейнберг и ее сотрудников, широкой материальной поддержкой государства, неформальным способом организации, создавшей возможность расширить круг сотрудников и саму тематику исследований, вывести ее на уровень последних достижений современной палеонтологии.

## **Литература, источники, примечания**

1. *Нелихов А.Е., Голубев В.К., Сенников А.Г.* 130 лет со дня рождения А.П. Гартман-Вейнберг (1882–1942) // Палеонтологический журнал. 2012. № 6. С. 97–98.
2. *Вернадский В.И.* Дневники. 1935–1941. Кн. 1. 1935–1938. М.: Наука, 2006.
3. *Гартман-Вейнберг А.П.* Палеонтологическая лаборатория Московского университета // Ученые записки Московского государственного университета. Юбилейная серия. 1940. Вып. 56. Геология, почвоведение, грунтоведение.
4. Проблемы палеонтологии. 1936. Т. I.



5. *Гартман-Вейнберг А.П.* Горгонопсиды СССР как показатели времени // Проблемы палеонтологии. 1938. Т. IV.
6. *Гартман-Вейнберг А.П.* Pareiasauriden als Leitfossilien // Проблемы палеонтологии. 1937. Т. II–III.
7. См.: *Смородова А.* Библиография по палеонтологии и стратиграфии. 1934–1938 // Проблемы палеонтологии. 1936. Т. I. С. 275–322; 1937. Т. II–III. С. 713–807; 1938. Т. IV. С. 407–537; 1939. Т. V. С. 397–453.
8. Этюды по микропалеонтологии. 1937. Т. I.
9. *Степанов Д.Л., Балашов З.Г.* К 60-летию Кафедры палеонтологии Ленинградского университета // Вопросы палеонтологии. 1979. Т. VIII.

## Преподавательницы Института красной профессуры в 1937 г.<sup>1</sup>

*Е.А. Долгова*

Институт красной профессуры (далее ИКП, Институт) – одна из самых интересных образовательных инноваций 1920–1930-х гг. Созданный как учебное заведение новой, коммунистической формации, Институт с первых дней своего существования позиционировался как «кузница кадров» советской высшей школы, однако динамика его отношений с властью развивалась от периода исключительного внимания к работе институции в начале 1920-х гг. до точки окончательного разочарования в ее работе и закрытия ИКП 1 января 1938 г. Одним из «слабых» мест в работе Института, по отзывам ее первого ректора М.Н. Покровского, был профессорско-преподавательский состав: преподавателей не хватало, сначала руководство старалось приглашать профессоров, а также крупных партийных работников, позже лекции нередко читали слушатели старших курсов. Отмечались малочисленность преподавательского корпуса, «совместительский» характер его работы, а также – вынужденный политически и социально «неблагонадежный» состав [4. С. 62–63].

В нашем распоряжении есть списки, анкеты и автобиографии профессорско-преподавательского и руководящего состава ИКП на май 1937 г., отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (далее ГАРФ) [1]. Комплекс документации подробно характеризует качественный и количественный состав преподавателей ИКП, позволяя ответить на главный вопрос – кто же учил красных профессо-

---

1) Исследование проведено при поддержке гранта РГНФ, а2, № 16-31-01079.

ров? В рамках данной статьи мы ограничимся характеристикой женского преподавательского круга – анализом их социально-демографических характеристик (возраст, национальность, квалификация, дисциплинарное распределение, статусные позиции, партийность) на момент закрытия Института.

Нами был проведен статистический анализ документации 8 существовавших на тот период Институты красной профессуры – Аграрного ИКП, ИКП истории, ИКП литературы, ИКП советского строительства и права, ИКП мирового хозяйства и мировой политики, ИКП философии, ИКП экономики, объединенного Ленинградского ИКП. Проведенное исследование показало следующие результаты.

Женщины составляли треть преподавательского состава ИКП: на 1937 г. в Аграрном ИКП числилось 8 женщин из 25 преподавателей, в ИКП истории – 11 из 41, в ИКП литературы – 13 из 38, в ИКП советского строительства и права – 3 из 14, в ИКП мирового хозяйства и мировой политики – 10 из 30, в ИКП философии – 5 из 24, в ИКП экономики – 17 из 31, в объединенном Ленинградском ИКП – 10 из 37 [1]. Некоторые из них работали одновременно в нескольких ИКП – например, и.о. профессора немецкого языка и литературы Е.Ф. Браунштейн совмещала преподавание в Аграрном ИКП и ИКП экономики; доцент Л.М. Ривкина преподавала немецкий язык в ИКП мировой политики и права и ИКП философии; и.о. доцента немецкого языка и литературы А.Ф. Губе – в ИКП истории и ИКП экономики; в этих же ИКП вела курс русского языка преподаватель Ю.И. Флиг. Эти и некоторые другие выявленные случаи внутреннего совместительства были связаны с преподаванием иностранных и в одном случае русского языка.

Внешнее совместительство также иллюстрирует высокую профессиональную востребованность и, с другой стороны, материальную нужду преподавательниц ИКП: мало кто из них работал в одном учреждении – выявлено всего 19 фамилий, рядом с которыми не стояла отметка о наличии второго, а то и третьего места работы. Среди указанных в списках учреждений – Библиотека иностранной литературы, Военная академия им. М.В. Фрунзе, Всесоюзная академия внешней торговли, Геологоразведочный институт имени С. Орджоникидзе, Государственная библиотека им. В.И. Ленина, Государственное издательство художественной литературы, Государственная публичная библиотека в Ленинграде (рукописный отдел), Издание «Литературная энциклопедия», Институт экономики, философии и права при Академии наук, Московский государственный университет, Московский институт востоковед-

ния им. Н.Н. Нариманова, Московский педагогический институт новых языков и др. Разнообразие учреждений, в которых работали преподавательницы «красных профессоров», не подтверждает точку зрения о поляризации новых и старых научных институций в раннесоветский период (правда, нужно отметить, что речь в документации шла о филологах и преподавателях иностранных языков).

Исследование показало, что женщины в ИКП были сосредоточены в основном в сфере иностранных языков, почти единичны случаи преподавания ими профессиональных, специализированных курсов: лишь состоявшие в партии ВКП(б) доценты ИКП литературы О.С. Войтинская и Е.Н. Михайлова читали курс по философии и эстетике и курс по истории литературы (соответственно); состоявшая в партии А.М. Володарская заведовала направлением «История партии» в Ленинградском объединенном ИКП и там же вели специальные курсы и выпускницы ИКП прошлых лет: Е.А. Соколова, заведовавшая историческим отделением (выпуск 1936 г.) и преподавательница С.М. Коптиевская, читавшая курс «История народов СССР» (выпуск 1931 г.). В чем же были причины такой дисциплинарной диспропорции? – Обратимся к анализу следующих индикаторов.

Нас заинтересовал возраст и статусные позиции преподавательниц в ИКП. Самыми молодыми на май 1937 г. были беспартийная преподавательница ИКП истории В.Д. Плотникова 1906 г. р., выпускница Ленинградского восточного института и Ленинградского государственного университета по специальности «востоковедение», и преподавательница немецкого языка ИКП советского строительства и права немка 1906 г. р. А.Ф. Герм-Швейцер; самой возрастной – профессор ИКП мирового хозяйства и мировой политики В.В. Потоцкая 1872 г. р.: беспартийная «ученая дама» происходила из дворян, в 1893 г. закончила Высшие педагогические курсы иностранных языков, имела 43 года стажа педагогической работы и владела немецким, французским и польским языком. Год рождения остальных женщин падал в основном на конец 1880-х – 1890-е гг. Таким образом, к 1937 г. состав преподавательского корпуса ИКП был возрастным. При этом статусные позиции были не вполне высоки, но разнообразны. Как правило, женщины работали в должности преподавателей (43), исполняющих обязанности доцента (10) и утвержденных доцентов (12), очень редко – в должности исполняющих обязанности профессора (Е.Ф. Браунштейн в Аграрном ИКП, Л.К. Булгакова, Е.И. Розенблум и Я.А. Шерацкая в ИКП мирового хозяйства и мировой политики) и профессора (уже упоминавшаяся В.В. Потоцкая).

Охарактеризуем квалификационные характеристики женщин в ИКП на примере их образования, позволившего войти в круг преподавателей высшей школы. В результате исследования было выделено несколько групп: получившие образование до 1917 г. в пределах Российской империи, учившиеся за границей (включая иностранок) и получившие высшее образование после 1917 г. (включая выпускниц ИКП).

Группа преподавательниц, получивших образование в русских учебных заведениях до 1917 г., была довольно обширна. Почти все они являлись бывшими «курсистками»: преподавательница ИКП экономики Л.А. Преображенская окончила Московские Высшие женские курсы В.А. Полторацкой, преподаватель немецкого языка в ИКП истории А.Б. Полканова, доцент ИКП литературы Е.Н. Михайлова и заведующая кафедрой в ИКП экономики Т.Д. Гофман – Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы; и.о. профессора ИКП литературы Е.Ю. Розенблюм, преподаватели ИКП экономики Е.А. Мяснова, Е.Н. Барсукова, Ю.И. Флиг – Московские высшие женские курсы проф. В.И. Герье и др. Однако были и исключения: так, доцент ИКП литературы О.И. Богомолова и преподавательница того же ИКП Ж.С. Покровская окончили Императорский Московский университет, а и.о. профессора Г.В. Гольдштейн – Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского. Особой была судьба доцента ИКП мирового хозяйства и мировой политики М.Н. Никс – она происходила из семьи чиновника и была выпускницей Николаевского сиротского женского института.

Среди женщин в ИКП были и те, кто учился за границей: например, в Аграрном ИКП преподавательница Б.А. Бродская являлась выпускницей Педагогического института новых языков в Лейпциге, доцент Б.Н. Гринберг – университета во Франции, преподавательница А.О. Жаботинская слушала курсы во Франкфурте и Берлине, преподавательница ИКП литературы Э.Л. Фрумкина посещала университет в Вене. Среди них были те, кто получил доступ к образованию за границей в силу высокого социального происхождения: так, преподавательница французского языка ИКП истории Н.И. Татарина-Алексеева, происходившая из дворян, в 1914 закончила пансион в Лозанне. Школу в Италии закончила и преподаватель ИКП мирового хозяйства и мировой политики, в прошлом почетная гражданка, О.Н. Лепешкина. Доцент Ленинградского объединенного ИКП бывшая дворянка, происходившая из семьи морского офицера, Л.П. Винокурова, окончила Оксфордский университет. Экзотичны и некоторые траектории судеб по-

сле 1917 г. – так, и.о. доцента ИКП литературы Е.С. Беляева в 1925 г. проходила обучение в США, в Колумбийском университете.

В группе выпускниц заграничных образовательных учреждений нужно выделить и иностранок, волею судьбы оказавшихся в ИКП – ирландку Ф.Л. Мэлони-Киселеву, окончившую учебное заведение в Южной Англии и совмещавшую преподавание в ИКП с работой в Ино-Тасс; француженок Л.Ж. Поммэр-Логиновскую, выпускницу Литературных курсов в Париже, и М.Л. Уэн, выпускницу Педагогических курсов в Париже; дочь японского революционера и преподавательницу японского языка в ИКП истории Ясу Катаяма, окончившую образовательное учреждение в Японии; швейцарку И.Л. Токс, выпускницу Высших женских курсов во Фрайбурге; немку – преподавательниц Ленинградского объединенного ИКП С.Ф. Доброницкую, выпускницу Лицея в Берлине, и Е.К. Тапкен, выпускницу Института в Мюнхене.

Третья группа преподавательниц получила высшее образование уже после 1917 г. Среди них – происходившая из дворян преподаватель английского языка Аграрного ИКП М.Г. Мотовилова, выпускница 1-МГУ; уже упоминавшаяся молодая преподавательница В.Д. Плотникова, выпускница ЛГУ; бывшие студентки 2-го МГУ – доцент ИКП истории М.А. Напольская, преподаватель ИКП экономики А.Х. Лихарева, доцент ИКП мирового хозяйства и мировой политики Н.М. Василевская и и.о. профессора А.Я. Шерацкая; несколько выпускниц Московского института новых языков, трудившихся в ИКП экономики. Особенно большое количество представительниц указанной группы работало в объединенном Ленинградском ИКП: они были воспитанницами Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, Ленинградского педагогического института им. М.Н. Покровского, Ленинградского коммунистического университета им. И.В. Сталина, Политических педагогических курсов в Великом Устюге, Северо-Кавказского государственного университета.

Важно отметить, что среди представителей третьей группы было всего несколько выпускниц ИКП – преподавательницы объединенного Ленинградского ИКП Е.А. Соколова (получив диплом в 1936 г., она заведовала историческим отделением) и С.М. Коптиевская; доценты ИКП литературы Я.Н. Секерская (выпускница ИКП философии) и Е.Н. Михайлова (выпускница ИКП литературы). Диплом ИКП был и у единственной женщины в руководящем составе – заместителя директора по учебной части ИКП экономики О.Г. Губаревой (кроме того, она являлась и выпускницей Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова).

Таким образом, образование преподававших в ИКП женщин было разнообразным, порой поверхностным, но в основной массе – изящно-женственным: почти все они в совершенстве, порой из богатого жизненного опыта, знали несколько иностранных языков (от 3 до 5, лишь у единиц, как правило, выпускниц комвузов, отмечалось слабое владение языками), разбирались в мировой литературе. Впрочем, иного и не требовалось: профессиональных, специализированных курсов женщины в ИКП не читали, а востребованность в преподавателях иностранного языка была настолько острой, что им прощались не только «чуждое» социальное происхождение, но и политическая индифферентность.

Социальное происхождение женщин-преподавательниц, действительно, было крайне неоднородным. Так, преподаватели М.Г. Мотовилова (Аграрный ИКП), Н.И. Татарина-Алексеева и С.А. Генгросс (ИКП истории), Е.А. Мяснова (ИКП экономики); доценты Н.М. Василевская и Т.Р. Левицкая, и.о. профессора Л.К. Булгакова, профессор В.В. Потоцкая (ИКП мирового хозяйства и мировой политики) происходили из дворян; доцент Ленинградского объединенного ИКП Л.П. Винокурова была дочерью морского офицера, имевшего личное дворянство; преподаватель ИКП мирового хозяйства и мировой политики О.Н. Лепешкина происходила из семьи почетных граждан, а доцент ИКП литературы Е.Н. Михайлова значилась в списках как «дочь служителя культа, в настоящее время счетовода в колхозе». Из почетных граждан происходила и преподавательница немецкого языка в ИКП философии Н.М. Довнар-Запольская, дочь известного историка. Несколько преподавательниц происходили из мещан и крестьян; большая группа скрывалась под категорией «из служащих». Были и другие, порой экзотичные, случаи: так, преподавательница ИКП литературы М.А. Мизигано была дочерью итальянских чернорабочих, преподавательницы ИКП истории Ф.Д. Мэллони-Киселева – дочерью ирландского фермера, а Катаяма Ясу – дочерью профессионального революционера. Из рабочих происходила только преподавательница объединенного Ленинградского ИКП Т.К. Ухмылова – это единственный встретившийся нам случай «благонадежного» социального происхождения.

Результаты обследования этнического состава женских преподавательских кадров ИКП оказались не вполне ожидаемы. Уверенные лидирующие позиции в ИКП занимали преподавательницы-еврейки, второе место – русские, третье – немки. Как мы уже отмечали, многочисленной была группа иностранок – кроме немок, в нее входили француженки, японка, итальянка, австриячка, латышка и др. Истории

их судеб фиксируют скупые автобиографии и заполненные анкеты. Так, в анкете Марии Августовны Уэн указано, что родилась она в Париже, в 1874 г., там же училась в Ecole Normale и на Педагогических курсах, в Москву же переехала в 1905 г. – преподавала французский язык в учебных учреждениях, в 1918–1923 гг. была научным сотрудником Публичной библиотеки им. Ленина, с 1923 – лектором французского языка во 2-м МГУ, МИНЯ и пр., в 1925 г. ей удалось съездить во Францию к родным – побывав в Париже и Тулузе, она вернулась в СССР [2. Л. 62–62 об.]. Другие иностранки указывали, что приехали в Россию в самом начале 1920-х гг. [3. Л. 10; 2. Л. 64].

Последний вопрос, который мы поставили в данном исследовании, был вопрос о политической благонадежности преподавательниц ИКП. Мы анализировали такой индикатор как членство в партии ВКП(б), принадлежность к другим политическим партиям и наличие взысканий по политическим причинам. Было установлено, что на 1 января 1938 г. в партии ВКП(б) состояло всего 12 преподавательниц, среди них – занимавшая пост заместителя директора по учебной части О.Е. Губарева (партстаж с 1919 г.), доценты ИКП литературы О.С. Войтинская (партстаж с 1928 г.) и Е.Н. Михайлова (партстаж с 1920 г.), и.о. доцента ИКП философии Р.Я. Рахмилевич (с 1919), несколько преподавательниц в объединенном Ленинградском ИКП – А.М. Володарская (с 1920), С.М. Коптиевская (с 1920), А.А. Скрябина (с 1919), Е.А. Соколова (с 1925), Т.К. Ухмылова (с 1920). Несколько преподавательниц были членами иностранных компартий: преподаватель М.А. Мизиано состояла в Итальянской компартии (с 1921), и.о. доцента Д.Ф. Фридендер и преподаватель С.Ф. Доброницкая – в Немецкой компартии (с 1927). Все остальные преподавательницы (более 70%) были беспартийными.

Из альтернативных партий было указано членство в Бунд до 1917 г. и.о. профессора Аграрного ИКП Е.Ф. Браунштейн.

Взысканиям по политическим причинам логично подвергались только преподавательницы, состоявшие в партии ВКП(б). Из 12 фамилий нам встретились указания на 3 взыскания: в отношении доцента ИКП литературы Е.Н. Михайловой (она исключена из партии, а позднее восстановлена с формулировкой «за материальную связь с семьей отца» – бывшего священника), преподавателей объединенного Ленинградского ИКП С.Ф. Доброницкой (была исключена из партии «за то, что не противопоставляет себя как член партии мужу, имеющему связь с чуждыми элементами») и Т.К. Ухмыловой (получила выговор за «допущение меньшевистских идеалов и переверзевищины в программу по истории литературы»). Других случаев взысканий выявлено не было.



Итак, проведенное исследование качественного и количественного состава преподавательниц ИКП (в разрезах по возрастному, национальному, квалификационному, партийному признакам, дисциплинарному и статусному распределению) отражает яркую и неоднозначную картину работы образовательной институции и функционирования локального преподавательского сообщества в 1930-е гг. Она позволяет скорректировать многие историографические суждения – о поляризации «старых» и «новых» институций в раннесоветский период (она не прослеживается); о политически и социально однородном составе преподавателей советской высшей школы (он таковым не являлся); о статусных позициях и сфере дисциплинарной востребованности «ученых дам». Институт красной профессуры в этом отношении предстает не ангажированной идеологической институцией, а всего лишь одним из возможных мест работы преподавательниц, где оказались востребованы не их лояльность власти, а прежде всего знания, умения и навыки, нередко полученные еще до 1917 г.

#### **Литература, источники, примечания**

1. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 2401.
2. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 753.
3. ГАРФ. Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 1169.
4. *Покровский М.Н.* Речь на десятилетии Института красной профессуры // Памяти Покровского. М.: Партиздат, 1932. С. 53–74.

### **Женщины-ученые медицинского факультета Новороссийского университета (Одесского медицинского института)**

*К.К. Васильев*

Медицинский факультет Новороссийского факультета (МФ НУ) был открыт в 1900 г., а в 1920 г. был выделен в отдельный вуз, который до 1994 г. назывался Одесским медицинским институтом (ОМИ). С 1994 г. последний стал Одесским медицинским университетом (ОМУ) и с 2010 г. – Одесским национальным медицинским университетом (ОНМедУ).

Цель данного сообщения – дать портреты первых женщин-ученых в названном вузе, тех из них, которые стали докторами медицины или докторами медицинских наук до 1941 г., а также проследить тен-

денцию в изменении доли профессоров-женщин в этом вузе. При этом историческими источниками для нас будут как опубликованные, так и архивные. Последние вводятся в научный оборот впервые.

В 1913 г. впервые женщина защитила диссертацию на МФ НУ. Это была Мария Бальтазаровна Станишевская (1871–1937). Она родилась 12 (24) июня 1871 г. в Алешках Таврической губ. (ныне в Херсонской обл.) в семье потомственного дворянина. Первоначальное образование получила дома, а среднее в Одесском им. императора Николая I институте благородных девиц, окончив его в 1887 г. с большой серебряной медалью. Решив стать врачом, она поехала во Францию, где в 1894–1899 гг. училась в университете г. Нанси.

В 1899 г. М.Б. Станишевская вернулась в Одессу. Ей, как имеющей иностранный диплом, для получения права врачебной практики в России предстояло подтвердить его, а для этого надо было сдать государственные (выпускные) экзамены в одном из вузов Российской империи. Чувствуя недостаточную практическую подготовку, она решила поработать в больнице фельдшерницей и одновременно готовиться к университетскому экзамену. Для этого в том же 1899 г. она выдержала при Одесской врачебной управе экзамен на звание фельдшерницы и поступила на службу в качестве фельдшерницы в Одесскую старую городскую больницу (ОСГБ).

В следующем году М.Б. Станишевская подверглась испытанию в государственной испытательной комиссии при Московском университете и получила звание «лекаря с отличием» и после этого снова стала работала в ОСГБ, но уже в качестве врача.

Одновременно на кафедре патологической анатомии НУ она занималась научной работой. Заведующий кафедрой профессор Дмитрий Павлович Кишенский (1858–1933) предложил ей диссертационную тему: «Патологоанатомические изменения костного мозга при инфекционных болезнях (оспа, брюшной и сыпной тиф, холера и чума)». Работая под руководством профессора Кишенского, она подготовила докторскую диссертацию, успешная защита которой состоялась на МФ НУ 28 апреля /11 мая 1913 г. [1].

В следующем году доктор медицины Станишевская получила приват-доцентуру в НУ, а с образованием в 1921 г. кафедры инфекционных болезней в ОМИ (зав. проф. В.К. Стефанский, 1867–1949) она стала доцентом этой кафедры. В 1927 г. проф. Станишевская организовала и возглавила кафедру инфекционных болезней в Днепропетровском медицинском институте (ныне академия). Она руководила этой

кафедрой до своей кончины 5 мая 1937 г. М.Б. Станишевская – автор научных работ, посвященных предохранительным прививкам против брюшного тифа, изучению дифтерии, кори, сибирской язвы [2].

В мае 1917 г. на МФ НУ была защищена вторая докторская диссертация женщиной. Евгения Евстафьевна Маловичко (1882–1962; урожденная Новик) стала доктором медицины. Тема ее диссертационной работы: «К вопросу о взаимоотношении надпочечников и щитовидных желез» [3].

Она родилась 19 апреля (1 мая) 1882 г. в Кишиневе. Ее отец – Евстафий Фадеевич Новик (1855–до 1935), окончивший Петербургскую духовную академию в 1881 г. со степенью кандидата богословия и в этом же году назначенный учителем в Кишиневское духовное училище. Мать – Софья Адамовна (1860–до 1935; венчание 12/24.07.1881 г.).

Евгения Евстафьевна окончила Бердянскую женскую гимназию с золотой медалью. После этого – с 1902 г. – она получала высшее образование в Петербургском женском медицинском институте (ПЖМИ). В 1910 г. сдала государственные экзамены и работала в гистологической лаборатории этого же вуза у проф. А.С. Догеля (1852–1922), а в 1911–1912 гг. была участковым сельским врачом в Надыме Томской губ. (ныне в Тюменской обл.). Из автобиографии 1920-х годов: в 1904–1912 гг. состояла в партии меньшевиков; в Петербурге вышла замуж; так как мужа выслали в Надым, поехала к нему. В 1911 г. родилась дочь Анна Ивановна, а в 1913 г. – сын Владимир Иванович. В послужном списке 1925 г. отмечено: национальность – русская; замужем, но с мужем «разошлась».

С 1912 г. Е.Е. Маловичко в Одессе, где ее отец, уже возведенный в сан протоиерея, был настоятелем домово́й церкви св. Александры Одесской 4-й мужской гимназии и в этой же гимназии был законоучителем. Здесь она заняла должность интерна Валиховского приюта ОСГБ, а в 1913–1917 гг. была ординатором этой больницы. Одновременно, с 9/22 ноября 1913 г. она прозектор кафедры гистологии Одесских высших женских медицинских курсов (ОВЖМК) и состояла в этой должности по 1920 г., когда эти курсы были слиты с МФ НУ. Кафедру гистологии на МФ НУ возглавлял профессор Александр Федорович Маньковский (1868–1946) и он же заведовал кафедрой гистологии на ОВЖМК.

Работая в университетской гистологической лаборатории проф. Маньковского, Евгения Евстахиевна под руководством последнего подготовила диссертацию. 25 мая/7 июня 1917 г. в публичном заседа-

нии МФ НУ Е.Е. Маловичко успешно защитила свою докторскую диссертацию. В 1920–1933 гг. Маловичко на кафедре гистологии в ОМИ последовательно занимала должности – помощник прозектора, старший ассистент, доцент. Одновременно, в 1931–1936 гг. она заведующая кафедрой гистологии в Одесском производственном медицинском институте, первоначально в звании доцента, а с 1934 г. – профессора. Наконец, в 1937–1962 гг. проф. Маловичко – заведующая кафедрой гистологии в Ижевском медицинском институте (ныне академия).

Научные труды ее посвящены гистологии и эмбриологии эндокринной системы (надпочечники, щитовидная железа, эпифиз). Показала раннее наступление гормональной активности эндокринных желез у плода. Изучала гистологию раневого процесса и предложила метод гистологического контроля его в условиях применения различных бальзамических повязок. Профессор автор «Руководства к практическим занятиям по гистологии» (Ижевск, 1938. – Часть 1; 1939. – Часть 2), включающего в себя не только рекомендации к практическим занятиям для студентов, но и описание ряда методов гистотехники и гистохимии.

Третьей и последней женщиной – доктором медицины НУ стала Анна Адамовна Красуская (1854–1941). Она родилась в Тобольске. В 1880 г. окончила Высшие женские курсы при Медико-хирургической академии в Петербурге. С 1886 г. по 1914 г. вела теоретический и практический курс физического образования на педагогических курсах Фребеля. Одновременно с 1893 г. работала в Петербургской биологической лаборатории. Кроме того, с 1897 по 1900 г. она прозектор кафедры анатомии ПЖМИ. С 1916 г. в Одессе, где преподавала нормальную анатомию в НУ в качестве помощника прозектора [4]. 6 (19) октября 1917 г. на заседании Совета МФ НУ заведующий кафедрой нормальной анатомии проф. Н.К. Лысенков (1865–1941) предложил признать А.А. Красускую доктором медицины по совокупности ее научных трудов, то есть доктором медицины *honoris causa*. Совет МФ НУ признал ее достойной степени доктора медицины *honoris causa* и представил в совет НУ, который также проголосовал за присуждение ей искомой степени [5].

В 1921 г. она по-прежнему в Одессе, где служит «вторым преподавателем нормальной анатомии – готовит препараты для музея и читает лекции по отдельным курсам» [6], но уже в том же году возвращается в Петроград. В городе на Неве она заведовала анатомическим отделением в Научном институте имени П.Ф. Лесгафта (ранее Петербургская биологическая лаборатория) по 1934 г. Одновременно – в 1921–1927 гг. – она работала в Государственном институте физическо-

го образования имени П.Ф. Лесгафта (ныне Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта), где возглавляла две кафедры: анатомии и физического образования.

Проф. Красуская развивала функциональное направление в морфологической науке. Установила, что мышцы обладают высокоразвитой способностью перестраиваться – изменять свою внутреннюю структуру (вес, объем, длину волокон) под влиянием изменений условий статики и динамики. В исследованиях по изучению механизма дыхания, ею были уточнены функции дыхательных мышц, указаны приемы дыхательной гимнастики, направленные на улучшение дыхания. Внесла вклад в изучение особенностей кровоснабжения органов человека и млекопитающих животных (печень, почки, железы с внутренней секрецией). В частности, ею установлены различные типы ветвлений артерий и вен внутри почек. Она подтвердила наличие непосредственных анастомозов между артериями и венами в системе дугообразных сосудов почек, разработала методы коррозионной инъекции органов. Скончалась проф. Красуская 9 декабря 1941 г. в Ленинграде.

Цецилия Александровна Левина (1904–1978) защитила диссертацию на степень доктора медицинских наук в 1939 г., став следующей – четвертой – женщиной в одесском вузе, удостоенной высшей ученой степени [7].

Она родилась 15/28 марта 1904 г. в Одессе в еврейской семье. Ее отец, Александр Львович Левин (1876–1952), хоть и был родом из села Вороньков Переяславского уезда Полтавской губ. (ныне в Бориспольском районе Киевской обл.; в этом селе прошло раннее детство еврейского писателя Шолом-Алейхема [1859–1916]), но значился «Молодечненским мещанином» (г. Молодечно Виленской губ., а теперь в Минской обл.), «счетный работник» (так она написала в своей автобиографии 1953 г.). Мать – Евгения Яковлевна Левина (1877–1949; урожденная Рабинович) родилась в Гомеле, мещанка, была домашней хозяйкой. В 1901 г. родители поселились в Одессе. В семье был и сын – Яков Левин (1909–?), который получил высшее медицинское образование, был членом КПСС, полковником медицинской службы, после Великой Отечественной войны служил старшим преподавателем военной кафедры Ташкентского медицинского института.

В автобиографии 1953 г. Ц.А. Левина отметила: «До моего рождения выехали в Америку брат матери и сестра отца. Переписки ни с ними, ни с кем-либо другими, живущими за границей, ни я, ни члены

моей семьи не имели и не имеем». В 1920 г. Цецилия Левина окончила Холмскую женскую гимназию, которая была эвакуирована в годы Первой мировой войны в Одессу. В 1920 г. поступила и в 1925 г. окончила ОМИ и осталась в этом вузе работать, где в 1926–1929 гг. прошла аспирантуру под руководством проф. Д.М. Лаврова (1867–1928). С 1934 г. по июль 1941 г. читала курс диагностики внутренних болезней в качестве доцента. Одновременно – в 1931–1935 гг. – она заведовала кафедрой диагностики внутренних болезней Всеукраинского медико-аналитического института (в должности доцента). В 1934 г. была утверждена в звании доцента, в 1935 г. в ученой степени кандидата медицинских наук, а в 1939 г. после защиты диссертации – в ученой степени доктора медицинских наук. Член КПСС с 1939 г.

В 1941–1944 гг. Ц.А. Левина в эвакуации: в 1941 г. заведующая кафедрой факультетской терапии Сталинградского медицинского института (ныне Волгоградский медицинский университет), в 1942–1943 гг. – профессор госпитальной терапии, а в 1943–1945 гг. заведующая кафедрой 2-й госпитальной терапии Ташкентского медицинского института (ныне академия). В 1943 г. удостоена звания профессора. Была консультантом Сталинградских и Ташкентского эвакогоспиталей. Вернувшись из эвакуации, с 1945 по 1974 гг. она возглавляла терапевтические кафедры в ОМИ. Заслуженный деятель науки Укр. ССР (1964 г.).

Основными направлениями научных исследований проф. Левиной были – патогенез, клиника, лечение и профилактика сердечно-сосудистых заболеваний. Изучала взаимосвязи функциональной патологии системы крови с функциональной патологией сердца, роль нервной системы в патогенезе гипертонической и коронарной болезней, а также эффективность новых гипотензивных и спазмолитических лекарственных средств. Она автор монографий: «Материалы к изучению образования и разрушения эритроцитов при сердечно-сосудистой недостаточности» (Одесса, 1940) и «Профилактическая терапия гипертонической болезни и стенокардии» (Киев, 1970).

Ее первым мужем был Алексей Захарьевич Коздоба (1902–1941), из украинских крестьян, член ВКП(б) с 1926 г., заведующий кафедрой хирургии в ОМИ. Погиб в море на санитарном транспорте «Армения» 7.11.1941 г. Второй муж – Александр Ефимович Григорашенко (1900–?) родился в семье украинского крестьянина, участник Великой Отечественной войны, с 1948 по 1955 гг. в звании доцента заведовал кафедрой эпидемиологии Одесского института усовершенствования врачей. Ц.А. Левина имела двух детей: сына Леонида Коздобу (род. 1932 г.) и дочь Ольгу Коздобу (род. 1942 г.).

Проф. Левина скончалась в Одессе 13 марта 1978 г.

В 1900–1920 гг. на МФ НУ все профессора были мужчины. В 1920–1941 гг. в ОМИ – преемнике МФ НУ – также нет профессор-женщин. И это несмотря на то, что ряд профессоров МФ НУ в годы гражданской войны вынуждены были эмигрировать, а значит, ряд кафедр на факультете оказались вакантными. Но эти свободные кафедры тут же были заняты приват-доцентами мужчинами. Поэтому М.Б. Станишевская вынуждена была переехать из Одессы в Днепропетровск, где не была так сильна конкуренция. Е.Е. Маловичко уезжает в Ижевск, где был открыт медицинский вуз, а А.А. Красуская возвратилась в Петроград. Только Ц.А. Левина после Великой Отечественной войны возглавила кафедру в ОМИ, став первой женщиной-профессором в этом вузе.

С 1944 г. (год освобождения Одессы) по 1991 г. в ОМИ работало 166 профессоров. Из них женщин-профессоров было 20, что составляет 12%. В постсоветский период: 1991–2015 гг. – в ОМИ (ОМУ; ОНМедУ), по нашим подсчетам, было 170 профессоров. Из них профессор-женщин – 51, то есть 30%. Как видим, абсолютное число профессоров в эти два периода приблизительно одинаково – 166 и 170; а доля женщин-профессоров во втором случае более чем в два раза больше – 12% и 30% соответственно. Таким образом, доля женщин-профессоров среди всех профессоров в медицинском вузе увеличивается и можно предположить, что и в ближайшее время она будет увеличиваться. (В скобках отметим, что среди студентов-медиков более 50% девушки).

## Литература, источники, примечания

1. *Станишевская М.Б.* Curriculum vitae // Государственный архив Одесской области (ГА ОО). Ф. 45. Оп. 18. Д. 465. Л. 9; 9 об.
2. *Васильев К.К.* Доктор медицины Новороссийского университета М.Б. Станишевская – первая заведующая кафедрой инфекционных болезней в Днепропетровске // Актуальные проблемы инфекционной патологии. Днепропетровск, 1993. С. 78.
3. Личное дело Е.Е. Маловичко в архиве Одесского национального медицинского института.
4. ГА ОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1805. Л. 11.
5. ГА ОО. Ф. 45. Оп. 18. Д. 610. Л. 170–176.
6. ГА ОО. Ф. Р-2147. Оп. 1. Д. 18а. Л. 102–102 об.
7. Личное дело Ц.А. Левиной в архиве Одесского национального медицинского института.



## Профессор Женевского университета Лина Штерн (1878–1968) и реалии советской физиологической науки

*А.А. Сточик, С.П. Глянецев*

Получив высшее медицинское образование в Швейцарии и сделав блестящую научную карьеру в Женевском университете, ученый с мировым именем, одна из создателей учения о гемато-энцефалическом барьере Л.С. Штерн в 1925 г. в возрасте 47 лет по идейным соображениям приехала в СССР, где прошла не менее блестящий путь от профессора до действительного члена АН СССР, одного из лидеров советской физиологии и физиологической (биологической) химии. И хотя реалии советской физиологической науки оказались не столь радужными, какими они виделись ей из-за границы, ни политические репрессии, ни наветы коллег-физиологов «павловского толка» не сломили сильную женщину, оставшуюся в истории российской физиологии крупным ученым, одним из основателей АМН СССР. В работе использованы как доступные источники [2, 3, 4], так и впервые введенные нами в научный оборот материалы Научного архива РАМН [1].

Лина Соломоновна Штерн родилась 26 августа 1878 г. в Курляндской губернии (ныне Латвия) в городе Либава (ныне Лиепая) в зажиточной многодетной семье, говорившей на немецком, но дети изучали французский, английский и итальянский. Старшая дочь, Лина, с юношеских лет отличалась волевым характером, была искренней и правдивой, преклонялась перед людьми, способными к самопожертвованию ради правды и свободы. Среди ее идеалов была знаменитая революционерка Софья Перовская [2]. Получив среднее образование в Либаве, Лина Штерн предприняла несколько попыток получить высшее образование в России, но неудачно, поэтому приняла решение учиться в Швейцарии [1].

В 1898 г. Лина Штерн поступила на медицинский факультет Женевского университета, где параллельно учебе подрабатывала на кафедре физиологии, которой руководил ученик С. Barnard, J.-M. de Charcot и А. Vulpian, невропатолог по специальности, профессор J.-L. Prévost (1838–1927). В 1902 г., будучи студенткой, она выступила с докладом на Съезде швейцарских естествоиспытателей и в том же году опубликовала свою первую научную работу о внутренней секреции почек – «Исследование так называемой внутренней секреции

почек». В 1903 г. в возрасте 27 лет она защитила докторскую диссертацию «К вопросу о физиологии сокращения мочеточников», которая была удостоена премии Женевского университета. С 1906 по 1917 г. Л.С. Штерн читала приват-доцентский курс в этом университете по физиологической химии, а в 1917 г. в возрасте 39 лет возглавила «специально для нее созданную» кафедру физиологической химии, став, таким образом, первой в истории Женевского университета женщиной-профессором и заведующей кафедрой [4]. В эти годы она работала совместно с F. Battelli, также – учеником J.-L. Prévost, возглавившим после его смерти кафедру физиологии Женевского университета, она изучала окислительно-восстановительные процессы в тканях. Несмотря на сложные взаимоотношения, их научному тандему удалось сделать несколько фундаментальных открытий. Их работы по тканевому дыханию получили мировую известность. И Л.С. Штерн и F. Battelli обнаружили новый класс ферментов – дегидрогеназы, установили взаимопревращение яблочной и фумаровой кислот с появлением лимонной, положив тем самым начало изучению биохимического цикла трикарбоновых кислот, известного сегодня как «цикл Кребса» [2]. Приоритетной научной заслугой Л.С. Штерн является также ее участие в разработке учения о гемато-энцефалическом барьере (ГЭБ). Выступая 21 апреля 1921 г. на заседании Женевского медицинского общества, она первая в мире предложила назвать «этот гипотетический механизм, пропускающий одни вещества и замедляющий или останавливающий проникновение других веществ, гемато-энцефалическим барьером» [6].

Во время жизни и работы в Женеве Л.С. Штерн тесно общалась с известными деятелями науки и была вхожа в их семьи. Многие из них, с ее слов, повлияли на формирование ее научного мышления. Среди них – физиолог J.-L. Prévost, невролог O. Vogt, микробиолог A. Cristhie, психолог E. Clapereda, невролог K.H. фон Монаков и другие [2]. Она была также дружна и с некоторыми политическими эмигрантами из России, в частности, с А.Н. Бахом<sup>1</sup>. Именно по его приглашению в 1925 г. она приехала в СССР, оставив, с ее слов, «без всякого сожаления прекрасные материальные условия жизни и работы в Женевском университете». Ведь, хотя Л.С. Штерн и не принимала участия в политике, «однако империалистическая война и ее последствия», как писа-

---

1) Бах А.Н. (1857–1946) – советский биохимик, директор Института биохимии АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, академик АН СССР, основоположник отечественной биохимии.

ла она в своей автобиографии, «заставили меня задуматься, вызывая протест против существующего капиталистического строя и совершенно естественно увеличивая симпатию к революционному движению, которое в то время так широко развивалось в тогдашней России <...>. Я чувствовала, была даже уверена, что именно тут создается новый строй, новое общество, которое защитит мир от повторения той ужасной войны и той несправедливости, которая меня так глубоко возмутила» [1].

С 1925 по 1948 г. Л.С. Штерн возглавляла кафедру нормальной физиологии 2-го МГУ (с 1930 г. – МГМИ). Одновременно с 1926 по 1930 г. она заведовала созданным ею отделом физиологии и биохимии Медико-биологического института (дир. – проф. В.Ф. Зеленин), а в 1929 г. возглавила организованный по ее ходатайству НИИ физиологии Наркомпроса РСФСР (впоследствии – Институт физиологии АН СССР). В 1926 г. параллельно она организовала и возглавила биохимический отдел в Институте инфекционных болезней имени И.И. Мечникова [1]. В 1930 г. Л.С. Штерн организовала отдел возрастной физиологии в Центральном НИИ охраны материнства и младенчества, которым заведовала до 1935 г., а в 1933 г. организовала и возглавила отдел общей физиологии физиологического сектора ВИЭМ, впоследствии реорганизованный в отдел биологической химии ВИЭМ, которым руководила до 1938 года. Уже из этого перечня созданных ею и одновременно возглавляемых подразделений, а также многолетнего руководства кафедрой медицинского вуза видно, насколько она была охвачена не только научной, но и организационной деятельностью.

В 1934 г. Л.С. Штерн стала первой советской женщиной-ученой, получившей звание Заслуженного деятеля науки РСФСР. Под ее руководством были разработаны: метод электроимпульсной терапии при фибрилляции желудочков сердца и метод субокципитального введения лекарственных и биологически активных веществ в спинномозговую жидкость, который стали применять для лечения туберкулезного менингита, столбняка, острого токсикоза беременных и пр. В 1930-е гг. она также занималась изучением гемостаза, нейрогуморальных механизмов регуляции функций сна и бодрствования, вопросами старения и долголетия [3]. А разработанная ею в Институте физиологии АН СССР методика лечения травматического шока введением фосфорнокислого калия в большую цистерну головного мозга нашла свое применение на фронте во время Великой Отечественной войны.

В 1939 г. академики А.А. Ухтомский и А.Н. Бах рекомендовали Л.С. Штерн для избрания в действительные члены АН СССР [2]. Так Л.С. Штерн стала «трижды первой»: на этот раз – первой в СССР женщиной-академиком. К тому времени она уже была членом ВКП(б) (с 1938 г.), членом Центрального совета ВАРНИТСО, Президиума Всесоюзного и заместителем председателя Московского общества физиологов, УМС Наркомздрава СССР, а также различных европейских научных обществ.

Эмигрировав в СССР, Л.С. Штерн не потеряла связи со своими зарубежными коллегами и практически ежегодно выезжала в заграничные командировки для участия в работе международных научных форумов, где пропагандировала достижения советских ученых и освещала роль женщины в советской науке.

В 1943 г. за работы по ГЭБ она стала лауреатом Сталинской премии, пожертвовав ее денежную составляющую на строительство санитарного самолета [2], в 1944 г. была награждена орденом Трудового Красного Знамени «за заслуги в области физиологии и биохимии», а в 1945 г. – орденом Красной Звезды и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [3].

14 ноября 1944 г. Л.С. Штерн вошла в состав первых 60 действительных членов-учредителей АМН СССР по специальности «биохимия». Особый интерес представляет разработанный ею метод непосредственного воздействия на нервные центры головного мозга различными химическими веществами, который оказался эффективным при лечении столбняка, туберкулезного менингита, некоторых форм энцефалитов. Так, в 1946 г., благодаря ее методу субокципитального введения стрептомицина детям, страдавшим туберкулезным менингитом, считавшимся неизлечимым заболеванием, порядка 70% больных поправились.

Казалось бы, ее блестящей научной карьере ничего повредить не должно, но в 1948–1949 гг. последовали аресты наиболее влиятельных и активных членов так называемого Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), среди которых оказалась и имевшая многочисленные контакты с заграницей и говорившая на русском с немецким акцентом курляндская еврейка Л.С. Штерн [5]. Вначале ей отказали в поездке на Съезд швейцарского общества естествоиспытателей, членом которого она была. Затем приказом АМН СССР она была снята с поста директора Института физиологии АМН СССР<sup>2</sup> [1], после чего у Президиума АМН СССР возникло желание обсудить труды академика Л.С. Штерн,

---

2) В июне 1948 г. Институт физиологии АН был передан в АМН СССР.

и не столько их научную значимость, сколько их соответствие реалиям советской физиологической науки.

5 октября 1948 г. состоялось объединенное заседание медико-биологического отделения АМН СССР и Московского общества физиологов под председательством И.П. Разенкова. На повестке дня стояла «критика научной концепции академика Л.С. Штерн». Выступавший с основным докладом А.Д. Берштейн назвал выводы Л.С. Штерн о функциях ГЭБ примитивными и несостоятельными, В.А. Неговский обвинил ее в низкопоклонстве перед Западом, мотивируя свои обвинения тем, что в сборнике «Проблемы биологии и медицины», выпущенном в 1935 г. под редакцией Л.С. Штерн, из 690 страниц 600 напечатаны на немецком и французском языках [2]. Бывшие фронтовые хирурги В.И. Попов и И.М. Поповьян высказались критически по поводу изобретенного Л.С. Штерн метода лечения травматического шока, заявив, что он является ненадежным и работает только в комплексе с другими лечебными средствами. С критикой некоторых научных положений Л.С. Штерн выступили также И.В. Давыдовский, Э.А. Астрахан и др.

Но были и те, кто смело выступил в защиту академика Л.С. Штерн от большей частью необоснованных нападков. Например, А.Е. Браунштейн<sup>3</sup>, отстаивавший ее до конца и не подписавший позорной резолюции, составленной А.Д. Берштейном и начальником отдела кадров АМН СССР Г.Н. Зиловым, в которой были «развенчаны» научные достижения Л.С. Штерн. Но «особое мнение» крупного ученого не помогло. 28 января 1949 г. Л.С. Штерн была арестована и заключена во внутреннюю тюрьму МГБ СССР на Лубянке, где провела под следствием 3 года и 5 месяцев. В то время Л.С. Штерн было уже 70 лет, но следователи с особой жестокостью издевались над ней, требовали «признаться во всем» и выдать своего «хозяина». На что Лина Соломоновна со свойственной ей иронией отвечала, что она «терпеть не может хозяев, по этой причине и не выходила замуж» [2]. Ничего не добившись, администрация тюрьмы пошла навстречу заключенной и предоставила ей бумагу и чернила. В тюрьме Л.С. Штерн написала трактат «О раке», в котором изложила практические предложения по диагностике и лечению рака.

---

3) Браунштейн А.Е. (1902–1986) – советский биохимик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Сталинской премий, академик АН (1964) и АМН (1945) СССР; в 1936–1960 гг. – зав. лабораториями в ВИЭМ в Институте биологической и медицинской химии АМН СССР; в 1952 г. выдвигался на Нобелевскую премию.

Суд по «делу ЕАК» открылся 8 мая 1952 года [5]. Дело рассматривала Военная коллегия Верховного Суда СССР. 18 июля 1952 г. все обвиняемые (13 человек) были приговорены к расстрелу, и только Лину Штерн решили «изолировать, но сохранить», приговорив к 3 с половиной годам заключения в ИТЛ с последующей 5-летней ссылкой. Ссылку Л.С. Штерн отбывала в Казахстане, после чего по амнистии в мае 1953 г. вернулась в Москву. Ей дали возможность возглавить лабораторию Института биофизики АН СССР, где она продолжила изучать функцию ГЭБ при лучевом поражении [2].

22 ноября 1955 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор в отношении членов ЕАК из-за отсутствия в их действиях состава преступления. Л.С. Штерн была восстановлена в звании академика АН СССР, а в 1958 г. полностью реабилитирована [5]. В 1960 г. Женевский университет присудил своей бывшей выпускнице звание своего Почетного доктора *honoris causa*. Лина Соломоновна Штерн умерла 7 марта 1968 г. на 90-м году жизни. Ее преданный ученик Г.И. Косицкий проводил ее словами: «Погасла яркая звезда, столь долго озарявшая небосклон советской и мировой физиологии» [2].

### **Литература, источники, примечания**

1. Личное дело действительного члена АМН СССР Штерн Лины Соломоновны // Научный архив РАМН. Ф. 1. Оп. 8/2. Д. 105.
2. Малкин В.Б. Трудные годы Лины Штерн. // [Электронный ресурс]: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page & num=1396>.
3. Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. Т. 27. М., 1986. С 489–490.
4. Бабаева Л. Лина Штерн – первая женщина профессор Женевского университета (Lina Stern – premier femme professeure de l’Universite de Geneve) // Наша Газета (Женева). 31 октября 2012 г. [Электронный ресурс]: <http://nashgazeta.ch/news/14385-0>.
5. Дело Еврейского антифашистского комитета // [Электронный ресурс]: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело\\_Еврейского\\_антифашистского\\_комитета](https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Еврейского_антифашистского_комитета).
6. Гемато-энцефалический барьер // [Электронный ресурс]: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Гемато\\_Энцефалический\\_барьер](https://ru.wikipedia.org/wiki/Гемато_Энцефалический_барьер).

## Призвание В.В. Заорской-Александровой (1882–1972)

*Ю.В. Бельчич*

Одна из ведущих специалистов России и СССР в области экономической географии, доктор экономических наук, профессор Вера Вячеславовна Заорская-Александрова родилась 18 августа 1882 г. в семье сельского врача Владимирской губернии. Женскую гимназию окончила в 1898 г. в Муроме. Через 4 года семья переехала в Ташкент, куда отец был назначен старшим врачом на строящейся в то время Оренбурго-Ташкентской железной дороге. Осенью 1903 г. Вера Заорская приехала в С.-Петербург и поступила на педагогическое отделение Женских курсов физического образования профессора П.Ф. Лесгафта. Слушательницы изучали не только литературу, педагогику, гимнастику, фехтование, теорию движения и языки, но и алгебру, тригонометрию, аналитическую геометрию [1. Л. 4; 6–13]. За активное участие в забастовке учебных заведений в 1905 г. курсы были закрыты. Начало XX века оказалось революционным и в системе женского высшего образования России: женщины получили право и возможность выбирать профессии и реализовывать свои способности в науке наравне с мужчинами. П.Ф. Лесгафт добился разрешения открыть новое учебное заведение с обучением для женщин и мужчин, естественно-историческим и социальным отделениями под названием «Вольная высшая школа».

После его окончания в 1907 г. В. Заорская решает получить высшее экономическое образование в С.-Петербургском Политехническом институте императора Петра Великого, который одним из первых вузов России в 1906 г. начал принимать женщин в качестве вольнослушательниц «на платной основе» [1. Л. 1–5]. В первый год женщин, как и мужчин, принимали без экзаменов по аттестатам, но уже в 1907 г. для них были введены экзамены по математике и физике, которые были зачтены В. Заорской с «курсов Лесгафта».

Политехнический институт был основным «рассадником высокопрофессиональных кадров для государственной службы и финансов» [2]. Это был вуз нового типа: академическая учебная работа сочеталась с научно-исследовательской. На первом месте в учебной программе стояли экономические дисциплины (теория политэкономии, история экономических учений, история хозяйственного быта, кредит и банки, кооперация, статистика и финансы); обширный круг юридичес-



С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ  
БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

БОЛЬШАЯ ВЕЩШАЯ  
ШКОЛА.

*Иван* 1906 г.  
*№ 146*

Ангальцев прот., 22.

## Свидѣтельство.

Дано слушателю *Ивану* Вольной Вещшой

Школы

*Витян Веласовича*  
*Зарина*  
срокомъ по 25 Августа 1907 года.



Завѣдующій Школой: *Аур. Рибелле*

Помощникъ завѣдующаго: *М. П. Косов*

™ ХИЖОСТЬ ПЕЧАТИ 6460

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

ких наук, а также курсы основных естественных и технических наук (история, химия, физика), счетных наук, иностранных языков; много времени уделялось практическим занятиям, где студенты постигали основы экономики различных отраслей промышленности [З. С. 32]. В лекциях подчеркивалась связь экономического образования в России с необходимостью обеспечения экономической самостоятельности страны, обращалось внимание на коренную близость технических и экономических наук ввиду того, что предмет их изучения один и тот



РГАЭ

же – хозяйственная деятельность. От студентов требовалось изучение в подлинниках работ зарубежных классиков экономической науки [4. С. 241–247]. На экономическом отделении работали известные профессора: А.А. Чупров (статистика), П.Б. Струве, М.В. Бернацкий, А.П. Посников (политическая экономия), В.Э. Ден (экономическая география), И.И. Иванюков (история народного хозяйства), Н.И. Карев (история), М.М. Ковалевский (государственное право) и др.

За годы учебы Вера Заорская проявила себя как вдумчивая, «способная к наукам» слушательница. В 1912 г. она стала одной из первых выпускниц, получивших высшее экономическое образование в этом престижном вузе, и была направлена Отделом земельных улучшений Министерства земледелия на работу в Среднюю Азию. В качестве главного экономиста она руководила группой «изысканий по устройству водохранилищ в бассейне р. Сыр-Дарьи». Возглавлял работу экспедиции крупный инженер, один из первых гидротехников Средней

Азии И.Г. Александров (1875–1936) [5. Л. 1–7; 6. Л. 1–2]. Их служебные отношения переросли в семейные [в 1915 г.].

В период 1912–1917 гг. В.В. Заорская выполнила ряд крупных и значимых научных исследований в области промышленности, ирригации и энергетики районов Средней Азии. По окончании изыскательских работ, при ее авторском участии, в 1915 г. выпла книга «Промышленные заведения Туркестанского края» (56 п. л.), после издания которой она продолжила исследования по Ташкентскому району и Юго-Восточной Фергане.

В начале 1918 г. работы в верховьях реки Сыр-Дарьи были прекращены. Вскоре она представила Ученому совету родного Института свое научное исследование по экономике и энергетике Средней Азии, за которое, «в соответствии с уставом Института», получила степень магистра. Тема изучения и развития экономического потенциала республик Средней Азии долгие годы будет превалировать в их с И.Г. Александровым научной и служебной деятельности.

Еще в 1910 г. она принимала участие в двух переписях населения и предметов городского обложения в С.Петербурге. Опыт в этом вопросе оказался востребованным в 1918 г. Ее пригласили в экономический отдел Наркомтруда, который занимался в это время переписью населения Петрограда. Работой руководил С.Г. Струмилин. В этом же году Вера Вячеславовна переезжает в Москву по месту работы И.Г. Александрова в Комитете Госсооружений. Высокий уровень профессионализма позволял ей сочетать разноплановую служебную работу с научной. Она работает в Бюро по организации в Средней Азии Туркестанского университета, занимается подбором кадров преподавателей, литературы, разработкой смет, учебных планов и т. д. Председателем Бюро был И.Г. Александров (1919 г.). Они вместе готовят к изданию очерки «Ташкентский район» и «Проект орошения Юго-Восточной Ферганы».

В феврале 1920 г. начинается разработка гигантского научного проекта советской власти – Государственного плана электрификации РСФСР (ГОЭЛРО) [7. Л. 2]. Работа велась по инициативе и при участии В.И. Ленина, руководил Г.М. Кржижановский. Над планом работала «широкая комиссия» из 200 «спецов» с опытом экономических и технических исследований, которым предстояло дать экономическое обоснование 8 крупным административно-хозяйственным районам страны. Для работ по Туркестанскому району пригласили В.В. Заорскую-Александрову [8. С. 20–24]. Она собирала материалы, готовила

сводки экономических данных, составляла общую записку «Электрификация Туркестанского края». Делать прогнозы, устанавливать перспективы хозяйственного развития страны на 10–15 лет приходилось «в холодной и голодной Москве». Работа в основном была надомной, так как пользоваться приходилось «личными материалами и частными библиотеками, стараясь «выжать» все, что можно из собственного, еще дореволюционного, опыта экономических, экономико-географических или технических исследований» [9. С. 21]. Более всего «...очень боялись ошибиться в расчетах, представить положение не таким, каким оно есть и может быть, но мы отлично знали, что условия так изменились, что ни с чем прежним их нельзя сравнить, что никакие прежние рамки не применимы», – вспоминала Вера Вячеславовна [10. Л. 5]. Целый ряд идей по Плану ГОЭЛРО получил свое дальнейшее развитие и осуществление, в том числе по строительству метрополитена в Ленинграде и Москве, вопрос о «разложении атома и использовании его в мирных целях». Часть выполненной ею работы вошла в текст первого издания Плана ГОЭЛРО, которое было выпущено в декабре 1920 г. к VIII съезду Советов.

В апреле 1921 г. при СТО РСФСР была организована Государственная общеплановая комиссия – Госплан, который продолжил работы по ГОЭЛРО под руководством Г.М. Кржижановского. В.В. Заорскую-Александрову пригласили в качестве члена-сотрудника. В этом звании она длительное время оставалась первой и единственной женщиной в мужском коллективе специалистов. Сначала она работала в Подкомиссии районирования по Средней Азии, Центрально-промышленному и Южно-горнопромышленному районам. Это был сложный период первых работ по экономическому районированию страны. Как теоретик и один из основателей советской районной школы экономической географии, Подкомиссией руководил И.Г. Александров. После выделения района Средней Азии в особую секцию, Вере Вячеславовне выпало заниматься разработкой «общего плана по всей Туркестанской Республике» (Декретом ВЦИК в апреле 1921 г. Туркестанская АССР была создана в составе РСФСР). В Туркестанской секции уже Госплана СССР (1923–1930) ей пришлось заниматься вопросами развития промышленности, подготовкой ряда статей, обзоров по проблемам индустриализации, перспективам развития текстильной промышленности в этом регионе.

В конце 1930 г. она переходит в Институт промышленно-экономических исследований ВСНХ для подготовки общего атласа про-



1-я Областная конференция по изучению производительных сил  
Центрального Промышленного района Госплана. 02–11 февраля 1924 г.  
Москва, 2-й ряд снизу, 4-я слева член-сотрудник Госплана  
В.В. Заорская-Александрова. (РГАЭ)

мышленности СССР, занимается вопросами использования энергетических ресурсов Поволжья, Ленинградского и Северного административно-хозяйственных районов, Казахстана. В это же время во Всесоюзном НИИ энергетики и электрификации выполнила работы по темам: «Энерго-экономический анализ положения Самарской гидроцентрали в схеме реконструкции Верхней Волги», «Уральский район, как общий комплекс, связанный с энергетической системой».

Три года спустя работает по проблемам энергетического хозяйства «Большой Волги», Урала, Северного Кавказа и Закавказья в Энергетическом институте АН СССР под руководством Г.М. Кржижановского.

В 1935 г. ее переводят в Совет по изучению производительных сил АН СССР (СОПС), где она занималась планированием и организацией экспедиций, проводимых по всей стране, составлением их программ, работала в технико-экономической группе по минерально-сырьевым ресурсам Поволжья и Средней Азии и др. Вместе с коллекти-

вом АН СССР с августа 1941 г. по апрель 1943 г. была эвакуирована в г. Казань, где продолжила изучение минерально-сырьевой базы районов Поволжья и Прикамья, в том числе Марийской, Мордовской, Чувашской и Татарской АССР. Составила более 30 экономических записок и обзоров. Разработку «Поволжской тематики» продолжит и после эвакуации в Москву [11. Л. 1].

С 1946 г. Вера Вячеславовна в основном занимается многоплановыми проблемами работы Арало-Каспийской экспедиции АН СССР: разработкой общей программы по вопросам промышленности и транспорта, природных ресурсов, строительства и т.д. в связи с новыми запросами к орошению и освоению пустынных районов Узбекской и Таджикской республик; организацией научных конференций в регионе.

Научно-исследовательскую работу успешно сочетала с преподавательской в крупных учебных заведениях: Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова (1931–1932), МГУ (1933–1934), Плановой академии им. В.М. Молотова (1935–1940), Промышленно-экономическом институте им. Г.К. Орджоникидзе (1943), где читала курсы лекций по экономической географии, классификации производства, промышленной статистике и т.д.

«За выдающиеся заслуги в изучении экономики Среднеазиатских республик Союза» и по совокупности выполненных работ за 23 года научной деятельности В.В. Заорской-Александровой в 1935 г. была присвоена ученая степень доктора экономических наук, а в 1939 г. – звание профессора по кафедре экономической географии [12. Л. 1–2].

Указами Президиума Верховного Совета СССР была награждена орденом «Знак Почета» в связи с 200-летием АН СССР (1945), в 1946 г. – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945», Почетной грамотой АН СССР и т.д.

После выхода на пенсию в 1949 г. она продолжала работать: участвовала в издании «Трудов ГОЭЛРО», сборника «Сделаем Россию электрической», консультировала молодых ученых-экономистов и экономико-географов, в качестве официального оппонента выступала на защитах диссертаций. Она находила время и для общественной работы. Была одним из старейших членов Всесоюзного географического общества, Общества старейших энергетиков, Бюро географической секции Дома ученых, возглавляла московскую группу выпускников экономического факультета СПб. Политехнического института.

Вера Вячеславовна ушла из жизни 9 августа 1972 г., не дожив до 90-летия лишь 10 дней. Похоронена в Москве на Донском кладбище.



В.В. Заорская-Александрова [1962].  
Фото из семейного архива Заорских

Известно, что основной задачей обучения в С.-Петербургском Политехническом институте ставилось «создание просвещенного государственного человека». Талантливая выпускница этого института В.В. Заорская эту задачу воплотила всей своей жизнью. Ей удалось выбрать свой путь в профессии и науке, реализовать свои знания в разработке и осуществлении первого в мировой истории плана «мечтаний, небывалых начинаний» – ГОЭЛРО, и до конца жизни с полной отдачей служить своему призванию [13. Л. 1–2]. У многочисленных коллег и сослуживцев она пользовалась неизменным уважением и большим научным авторитетом [14. Л. 1–7].

Личный фонд № 9456 В.В. Заорской-Александровой нахо-

дится на хранении в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). Разные группы и виды документов дают представление о ее многогранной научно-исследовательской, служебной, педагогической, общественной деятельности. Сохранились яркие воспоминания о встречах, сотрудничестве с известными коллегами-учеными, государственными деятелями: И.Г. Александровым, М.И. Боголеповым, Г.М. Кржижановским, В.И. Лениным, П.Ф. Лесгафтом, Г.Н. Черданцевым и др., а также воспоминания, стихотворения о Плане ГОЭЛРО. Интересна подборка научных работ академика АН СССР И.Г. Александрова.

В целом документы фонда позволяют восстановить картину ее жизни и деятельности за 1906–1972 гг.



## Литература, источники, примечания

1. Российский Государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9456. Оп. 1. Д. 3.
2. См.: *Струве П.Б.* 25-летие СПб. Политехнического института императора Петра Великого. Речь, произнесенная 2/15 октября 1927 г. // Политехник. 1992. 17 ноября.
3. См.: *Петров Е.Н.* Очерк истории Экономического факультета Политехнического института за 25 лет // Известия Экономического факультета [Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина]. 1928. Вып. 1 (XXV).
4. *Струмилин С.Г.* Из пережитого. 1887–1917 гг. М.: Госполитиздат, 1957. С. 241–247.
5. РГАЭ. Ф. 9456. Оп. 1. Д. 125.
6. РГАЭ. Оп. 2. Д. 82.
7. РГАЭ. Оп. 2. Д. 15.
8. *Заорская-Александрова В.В.* Как создавался ГОЭЛРО // Химия и жизнь. 1970. № 4. С. 20–24.
9. *Заорская-Александрова В.В.* Как создавался ГОЭЛРО // Химия и жизнь. № 4. 1970. С. 21.
10. РГАЭ. Ф. 9456. Оп. 2. Д. 13.
11. РГАЭ. Ф. 9456. Оп. 1. Д. 5.
12. РГАЭ. Ф. 9456. Оп. 1. Д. 4.
13. РГАЭ. Ф. 9456. Оп. 1. Д. 137.
14. РГАЭ. Ф. 9456. Оп. 2. Д. 97.

## Член-корреспондент АН СССР, профессор О.Н. Подвысоцкая (1884–1958) – одна из двух женщин, первых действительных членов АМН СССР

*А.А. Сточик, С.П. Глянецв*

Известно, что среди 60 членов-основателей АМН СССР были всего две женщины – О.Н. Подвысоцкая и Л.С. Штерн, выдержавших серьезную конкуренцию с элитой мужских представителей советской медицинской науки. Известно также несколько опубликованных научных биографий О.Н. Подвысоцкой [1, 2, 3, 6], однако биографии ученой, основанной на документах ее личного дела, хранящегося в Научном архиве РАМН, в литературе нет. Наша работа отчасти восполняет

этот пробел отечественной историографии, вводя в научный оборот некоторые неизвестные ранее сведения из этого архива.

Ольга Николаевна Подвысоцкая родилась 30 ноября 1884 г. в Сибири в г. Енисейске в семье учителя средней школы. Окончив в 1903 г. женскую гимназию в Новгороде с серебряной медалью, она начала работать сельской учительницей в селе Волок Новгородской губернии Боровинского уезда. Но, с ее слов: «стремление к дальнейшему образованию заставило оставить преподавательскую работу, заняться изучением латинского языка и по сдаче экзамена в мужской гимназии» [4] в 1904 г. в возрасте 20 лет О.Н. Подвысоцкая поступила в Петербургский женский медицинский институт (ЖМИ; ныне – Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова), откуда в 1909 г. была отчислена за участие в студенческих волнениях, но вскоре ее восстановили для завершения обучения. На 5 курсе Ольга проявила интерес к дерматовенерологии и устроилась работать в Калининскую больницу «для женщин, больных сифилисом» – первую и старейшую в России дерматовенерологическую клинику, служившую базой ЖМИ для преподавания кожных и венерических заболеваний [4]. В течение многих лет в этой больнице работал и преподавал основоположник венерологии и сифилидологии в России, профессор Санкт-Петербургской Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии, тайный советник В.А. Тарновский (1837–1906), создавший крупную научно-практическую школу в области дерматовенерологии.

Окончив институт в 1911 г. со званием лекаря с отличием, О.Н. Подвысоцкая была направлена врачом в Самарское земство, где участвовала в ликвидации холерной эпидемии. В 1912 г. ей предложили должность лаборанта без содержания на кафедре кожных и венерических болезней с клиникой ЖМИ, в стенах которой началась ее педагогическая и научная деятельность. Ее учителем стал ученик В.А. Тарновского, профессор С.Я. Кульнев (1858–1926), заведовавший этой кафедрой с 1903 по 1924 г. [7]. Одновременно в 1891–1925 гг. С.Я. Кульнев работал главным врачом Калининской больницы, с 1922 по 1925 гг. носившей имя В.М. Тарновского.

В 1914 г. О.Н. Подвысоцкая сдала экзамены и приступила к работе над докторской диссертацией на тему «Дерматомикозы и их возбудители», которую защитила в 1921 г. Ее карьера на кафедре у С.Я. Кульнева складывалась успешно: в 1916 г. она получила должность младшего ассистента, в 1919 г. – старшего, а в 1925 г., после прочтения

пробных лекций, была избрана приват-доцентом созданного на базе ЖМИ 1-го Ленинградского медицинского института. В 1927 г. она получила звание профессора и возглавила кафедру кожных и венерических болезней Государственного института усовершенствования врачей (ГИДУВ) в Ленинграде. Одновременно она вела курс дерматологии в 1-м ЛМИ и руководила городским люпозорием<sup>1</sup>, одним из организаторов которого являлась.

Отдавая должное организаторским способностям Ольги Николаевны, отметим, что полученное под люпозорий запущенное здание ей удалось превратить в образцовое научно-лечебно-профилактическое учреждение. А кафедра кожных и венерических болезней ГИДУВа, находившаяся в то время в крайне плачевном состоянии, благодаря ее усилиям приобрела все необходимое оборудование для педагогической, научной и лечебной работы и значительно расширила свои площади, переехав в Калининскую больницу имени В.М. Тарновского, ставшую ее новой базой [4].

В 1925–1926 гг. при участии О.Н. Подвысоцкой эта больница была преобразована в Ленинградский дермато-венерологический институт, научным руководителем которого в 1930 г. она стала. В 1933–1934 гг. клиника кафедры дерматовенерологии 1-го ЛМИ вошла в состав отдела патофизиологии ВИЭМ (зав. – проф. А.Д. Сперанский), где под руководством О.Н. Подвысоцкой стали проводиться исследования по тематике ВИЭМ [2].

С 1938 по 1941 г. О.Н. Подвысоцкая заведовала кафедрой дерматовенерологии 1-го ЛМИ им. И.П. Павлова, где создала собственную научную школу (Горбовицкий, Мер, Мартинкевич, Кашкин и др.) [4]. В 1941 г., находясь вместе с кожной клиникой ВИЭМ в эвакуации в Казани, она занимала должность профессора и заведовала кафедрой Казанского ГМИ, после чего (с 1943 по 1944 г.) заведовала кафедрой 1-го ММИ, где продолжила комплексные исследования совместно с сотрудниками отдела патофизиологии ВИЭМ во главе с профессором А.Д. Сперанским [2]. Осенью 1944 г., после ее утверждения действительным членом АМН СССР, она вернулась на кафедру дерматовенерологии 1-го ЛМИ им. И.П. Павлова, которую возглавляла до конца жизни.

Основные научные работы О.Н. Подвысоцкой посвящены трем направлениям дерматологии: грибковым заболеваниям кожи, кожно-

---

1) Люпозорий (от лат. lupus – волк) – учреждение для лечения больных туберкулезной волчанкой и другими туберкулезными поражениями кожи. Существовали в СССР с 1921 по 1950 гг.

му туберкулезу, реактивности кожи [3]. В 1930-х гг. выходит в свет серия ее работ, посвященных хромобластомикозу<sup>2</sup>. Одна из первых в мировой дерматологии О.Н. Подвысоцкая дала исчерпывающее описание клинической картины онихомикозов<sup>3</sup>, открыла особую форму эпидермофитии стоп, названную впоследствии в ее честь «острой трихофитией<sup>4</sup> Подвысоцкой» [6]. Под ее руководством и при непосредственном участии были получены новейшие данные о патогенезе, этиологии и клинике поверхностных бластомикозов<sup>5</sup> и туберкулеза кожи. Одна из первых в стране Ольга Николаевна описала особенности клинического течения туберкулеза кожи у детей и особую раннюю инфильтративную форму туберкулезной волчанки. Внедренный ею в широкую практику хирургический метод лечения некоторых форм туберкулеза кожи до сих пор успешно применяется в Санкт-Петербургском люпозории [5].

В годы работы в ВИЭМ Ольга Николаевна приняла активное участие в разработке теории А.Д. Сперанского о нервной трофике в медицине. Как следует из документов, большая часть ее деятельности «была направлена на разрешение проблемы нервной трофики в ее отношении к коже при физиологических и патологических состояниях организма» [2].

«Работая совместно с патофизиологами, мною было создано новое направление в области дерматологии – функциональное, – сообщила она в своей автобиографии, – причем вначале встретилась необходимость разработать методы функционального изучения кожной патологии <...> в результате чего создавалась новая школа функциональной патологии кожи. Она является совершенно новой оригинальной и впервые в комплексном виде представленной у нас в Союзе» [4]. Таким образом, методологической основой школы О.Н. Подвысоцкой стало патофизиологическое направление дерматологии. Она также является создателем отечественной медицинской микологии и первой научно-практической школы советских микологов.

---

2) Хромобластомикоз (хромомикоз, болезнь Педрозо, веррукозный дерматит) – хроническое грибковое гранулематозное заболевание кожи и подкожной клетчатки обычно нижних конечностей (Электронный ресурс: <http://medumver.com/Medical/Microbiology/761.html>).

3) Онихомикоз – грибковое поражение ногтей.

4) Трихофития (стригуций лишай, «парша») – дерматомикоз, вызванный определенным видом грибов – трихофитом.

5) Бластомикоз – заболевание, вызванное грибом бластомицетом; клинически напоминает туберкулез; О.Н. Подвысоцкая внесла вклад в дифференциальную диагностику этих заболеваний.

В 1939 г. ее избрали членом-корреспондентом АН СССР по отделению математических и естественных наук.

Всю свою жизнь Ольга Николаевна занималась активной государственной и общественной деятельностью. С 1938 г. она являлась заместителем председателя комиссии Ученого медицинского совета НКЗ СССР при отделе борьбы с кожными и венерическими заболеваниями, членом Пленума ЦК «Медсантруд», членом Пленума ВЦСПС, депутатом Ленгорсовета. В 1936 г. «за постановку педагогической и научной работы» на кафедре ГИДУВа она была награждена орденом «Знак Почета», а в 1944 г. отмечена второй правительственной наградой – орденом Трудового Красного Знамени [4].

В 1944 г., когда проводилась активная подготовительная работа по созданию Академии медицинских наук СССР, проходил тщательный отбор кандидатов в первые действительные члены-учредители Академии. Нами установлено, что, начиная с февраля 1944 г., списки кандидатов неоднократно пересматривались, численный состав академиком менялся, в результате из 90 кандидатов в нем осталось 60 человек. В состав кандидатов из 90 человек входили 2 дерматовенеролога – О.Н. Подвысоцкая и П.В. Кожевников. Однако в окончательный список от 14 ноября 1944 г. вошла одна О.Н. Подвысоцкая<sup>6</sup>.

На базе своей академической группы АМН СССР О.Н. Подвысоцкая создала лабораторию патофизиологии кожи, а в 1945 г. по результатам научных исследований она была вторично награждена орденом «Знак Почета». В том же году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР ей было присвоено звание Заслуженного деятеля науки РСФСР, а в 1946 г. она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и была избрана депутатом Верховного Совета СССР, в котором работала до 1950 года. Она также возглавляла Всесоюзное и Ленинградское Общества дерматовенерологов и многие годы являлась членом Ленинградского областного отделения Комитета защиты мира [4].

За свою творческую жизнь Ольга Николаевна Подвысоцкая опубликовала порядка 100 научных трудов, включая 5 монографий, была редактором журнала «Вестник дерматологии», ответственным редактором 3-томного первого отечественного руководства по дерматологии и венерологии, редактором отдела «Дерматология и венерология» 2-го издания БМЭ [6].

---

6) П.В. Кожевников был избран в АМН СССР членом-корреспондентом в 1946 г.

Член-корреспондент АН СССР, академик АМН СССР, профессор О.Н. Подвысоцкая вошла в историю отечественной медицины не только как один из формальных и неформальных лидеров советской дерматовенерологии, но и как одна из двух женщин (вместе с Л.С. Штерн) – членов-учредителей АМН СССР, что свидетельствует о ее весомом вкладе в развитие отечественной науки в целом, и медицинской науки и практики в России, в частности.

### **Литература, источники, примечания**

1. *Гитман С.М., Рабен А.С.* Ольга Николаевна Подвысоцкая (1884–1958) // Вестник АМН СССР. 1959. № 2: С. 94–96.
2. *Сточик А.А., Кряжева С.С.* Подвысоцкая О.Н. – первый академик – дерматолог с момента создания АМН СССР // Российский журнал кожных и венерических болезней. 2016. № 19 (4). С. 253–254.
3. Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд. Т. 20. М., 1983. С. 47.
4. Личное дело действительного члена АМН СССР Подвысоцкой Ольги Николаевны // Научный архив РАМН. Ф. 9120. Оп. 1. Д. 185.
5. *Прохоренков В.И., Белова-Рахимова Л.В., Гузей Т.Н.* Отечественная дерматология на рубеже 1940–1949 гг. // Вестник дерматологии. 2013. № 3. С. 120–125.
6. *Штейнлухт Л.А.* Профессор О.Н. Подвысоцкая и ее роль в развитии советской дерматологии // Вестник дерматологии. 1974. № 1. С. 45–47.
7. *Соколовский Е.В.* Кафедра дерматовенерологии с клиникой // 100 лет СПб. ГМУ им. академика И.П. Павлова. СПб., 1997. С. 133–141.

## **Выдающийся ученый и талантливый педагог (памяти Г.И. Поплавской)**

*И.Д. Сукачева, И.С. Антонова*

Генриетта Ипполитовна Поплавская (1885–1956) – первая в России женщина-ботаник, в область основных интересов которой входили геоботаника и экология растений. Ее исследования растительности России начались в начале XX века. Они проходили как в центральной России, так и в труднодоступных, далеких районах Сибири, Кавказа, Крыма и тундры Хибин.

Первыми научными работами Г.И. были опубликованные в 1907 г. результаты палеоботанических исследований четвертичных отложений в Рязанской губернии [1] и исследований в 1908 г. сооб-



Г.И. Поплавская, 1911, Забайкалье (Личный архив семьи Сукачевых)

ществ луговой растительности в Псковской губернии. Учет производился по новой для того времени фитоценологической методике точного количественного учета травостоя, позже получившей повсеместное распространение [2].

В 1909–1913 гг. Г.И. участвовала (совместно с В.Н. Сукачевым) в экспедициях, организованных Переселенческим Управлением в удаленные степные районы Восточного Забайкалья, Южную Якутию, Селенгинскую Даурию и в бассейны Амура и Верхней Ангары. Эти малонаселенные территории, расположенные на границе с Китаем, даже в настоящее время не имеют хорошей дорожной сети, кроме Транссибирской магистрали. В экспедиции по Селенгинской Даурии Г.И. принимала участие уже как начальник ботанического отряда. Результатом этих исследований явились работы по степной и предгорьцовой растительности Забайкалья [3, 4, 5, 6]. Для таких малодоступных мест это были первые геоботанические описания с фитоценологическим анализом растительности, и хотя с тех пор прошло более 100 лет, эти исследования не потеряли своего значения, особенно работа «На северной



окраине Селенгинской Даурии» [7]. В 1914 и 1915 гг. совместно с В.Н. Сукачевым Г.И. Поплавская участвовала в экспедициях, организованных Академией Наук и Русским Географическим обществом на северо-восточном побережье Байкала в районе будущего Баргузинского заповедника. В последующие годы Г.И. изучала растительность Крыма, Кавказа, Хибинских гор и северной части Казахстана. Особенно интересны многолетние ботанические исследования в Сибири и в Крымском Государственном заповеднике.

В своих исследованиях растительности Сибири Г.И. обратила внимание научной общественности на исследования польских ученых, сосланных в Сибирь царским правительством после восстания 1863 г. Жизнеописанию и научному вкладу ссыльных (А. Чекановского, И. Черского, Б. Дыбовского, В. Годлевского и др.) в изучении флоры, фауны, геологии и палеонтологии Забайкалья, Бурятии, бассейна реки Амур и особенно озера Байкал посвящены специальные работы Г.И. Поплавской [8, 9].

Все флористические и систематические работы Г.И. Поплавская проводила в неразрывной связи с геоботаническими исследованиями. Особенно интересна в этом отношении работа о формообразовании у растений под влиянием своеобразного эколого-географического режима на гольцах Восточной Сибири [3]. Аналогичную экологическую направленность также имеет работа, посвященная влиянию Байкала на прибрежную растительность [10]. Впервые сказано о его охлаждающем влиянии на береговую флору в течение длительного геологического периода. С одной стороны, было доказано, что оно приводит к стабильным изменениям общего характера растительности по берегам, сближая ее состав с составом высокогорного пояса. С другой стороны, выяснилось, что в заметном количестве появляются новые формы и сохраняются формы эндемичные. Следовательно, по мнению Г.И., на побережье Байкала появляется, скорее всего, особый центр молодого прогрессивного эндемизма.

Этими работами Г.И. было положено начало изучению экотипов растений, что внесло значительный вклад в представление о внутривидовых систематических делениях. Г.И. рассматривала три разные тенденции формирования экотипов – климатических, эдафических и биотических. К последним относятся ценотипы, связанные с определенными растительными группировками. Эти представления вошли и в ее учебник по экологии растений.

Изучение степной растительности Г.И. Поплавская проводила в различных регионах России. Например, в 1923 и 1924 гг. в известном степном заповеднике Аскания-Нова и в причерноморских степях Украины. Ею был проведен подробный анализ фитоценотической структуры цельного степного покрова и рассмотрены статистические закономерности в структуре степных ассоциаций [11]. Подтвердилась гипотеза Г.И. о выработке различий между микроассоциациями, где особую роль играет конкуренция главнейших создателей ассоциаций – растений эдификаторов, то есть функциональных доминантов. «Ею сделана первая попытка классификации компонентов растительного покрова по их роли в сообществах растений (система фитоцено-типов). Это позволило успешно обсуждать вопросы взаимоотношений между растениями» [12].

Многие годы Г.И. изучала горную часть Крыма, которой она занималась с 1924 по 1934 гг. Особое внимание при этом уделялось буковым лесам [13], крымским березнякам и растительности Чатырдага [14]. Ее работы впервые дали представление о фитоценологии крымских буковых лесов, их высотном распределении, о верхнем пределе бука в Крыму. В эти годы Г.И. была научным сотрудником Крымского Государственного заповедника и в течение всех лет проводила активные геоботанические исследования. В результате были написаны сводные работы о растительности горного Крыма [15, 16, 17], в которых «дана общая схема вертикальной поясности и впервые обстоятельно описаны главнейшие группы растительных ассоциаций» [18]. Кроме того, получены новые данные, доказывающие естественное безлесье Крымской Яйлы. «Ею описано несколько новых для науки видов растений, предложено рассматривать крымский бук как отдельный вид, экспериментально изучались экотипы растений, выяс-



Г.И. Поплавская,  
начало 30-х годов, Ленинград  
(Личный архив семьи Сукачевых)

нялись закономерности состава, строения и распределения растительных сообществ» [19].

«Работы Г.И. по экологии растений и фитоценологии Крымских гор являются до настоящего времени отправными при всех ботанических исследованиях этого района и образцовыми при исследованиях других регионов» [12].

Помимо геоботанических, Г.И. вела и чисто экологические исследования. Изучались связи анатомо-морфологических особенностей некоторых растений и их географического распространения. Подобные работы проводились как в экспедициях, так и на специальных стационарах. Например, изучался водный режим арктических (Хибинских) и высокогорных (Кавказских) растений [20, 21]. В результате впервые были получены совершенно новые интересные данные. В том числе при изучении устьичного аппарата, осмотического давления, транспирации и ряда других экологических особенностей горно-тундровых и альпийских растений. После войны Г.И. Поплавская, будучи сотрудником Института Леса АН СССР, занималась изучением экологии лесных мезофитов для выяснения их роли в строении лесного фитоценоза. Эти исследования велись в окрестностях Москвы, в Московской области и близ г. Серпухова в Приокско-Террасном заповеднике, а также в Таллермановском опытном лесничестве Воронежской области. Был получен новый материал по содержанию воды в листьях лесных травянистых растений, выявивший целый ряд новых особенностей в экологии лесных мезофитов [22].

Еще одной областью интересов Г.И. была палеоботаника, вернее, изучение растительных остатков, сохранившихся исключительно в четвертичных отложениях. Она изучала их, как уже говорилось, в Рязанской губернии в 1907 г. [1] и в Свердловске во время эвакуации (1942–1944 гг.). По приезду она сразу же включилась в работу экспедиции Уральского Геологического управления по изучению сапропелей, занимаясь пыльцевым анализом.

Помимо полевых и лабораторных исследований, начиная с 1911 г. Г.И. Поплавская вела большую педагогическую работу. Вначале на Стебутовских высших сельскохозяйственных курсах (г. Петербург), затем в Сельскохозяйственном Университете (г. Ленинград), в Ленинградском и Московском университетах.

Как педагог она отличалась умением сочетать преподавание с исследовательской работой в области экологии растений, использовать при подготовке лекций данные собственных исследований, привле-

кать студентов к участию в научной работе. Впервые преподавание экологии растений стало сопровождаться лабораторными экспериментальными работами учащихся. Под руководством Генриетты Ипполитовны были организованы студенческие экспедиции для экологического изучения растений в природных условиях (в горах Кавказа, Хибин и др.) с применением новых точных эколого-физиологических и морфологических методов. Важную и особенно трудную работу она выполняла в связи с подготовкой студентов заочного отделения в Ленинградском Университете в 30-х годах. Г.И., как и другие преподаватели, читала им лекции по вечерам, проводила практические занятия и практикумы. Вероятно, благодаря этому, многие студенты биологического отделения пошли на кафедру геоботаники, которую возглавлял В.Н. Сукачев. Лекции Г.И. были интересны и насыщены фактами из экспедиций по Якутии, Прибайкалью, Ангаре и в Нерчинских степях, где она участвовала вместе с В.Н. Сукачевым. Доброжелательное и внимательное отношение, любовь и доброта Г.И. запоминались студентам на всю жизнь.

Чтение курса по экологии растений позволило Г.И. проработать и систематизировать собственные наблюдения и литературные данные и опубликовать первый отечественный учебник «Экология растений» [23], вышедший вторым изданием в 1948 г. [24]. Вопросы экологии излагаются в геоботаническом аспекте, а сама книга служит как бы введением в общую геоботанику. «Учебник замечателен массой наблюдений и опытов автора, знакомящих с основными положениями экологии на примерах из нашей природы, рассмотренных с применением точных методов» [12].

Почти 50 лет посвятила Г.И. научной деятельности, она стала первой женщиной, «избравшей геоботанику своей специальностью в годы, когда только-только начали применяться более точные методы изучения растительного покрова. Именно Г.И. была в числе тех ботаников энтузиастов, которые во многом способствовали распространению новых методов и дальнейшему их развитию» [18].

За время всех экспедиционных исследований Генриеттой Ипполитовной Поплавской и другими сотрудниками ее полевых отрядов были собраны богатейшие гербарии. Сибирские материалы и дублиеты Крымского гербария находятся в Ботаническом институте РАН (г. С.-Петербург) и в Институте Леса СО РАН (г. Красноярск). К сожалению, основной Крымский гербарий был уничтожен немцами во время войны. Экологические материалы сборов 1930–1940 гг. хранятся в ЛГУ и МГУ (кафедра биогеографии).

Одной из последних работ Г.И. был перевод с польского языка учебника «Основы общей географии растений» ботаника В. Шафера [25]. Этот труд внес большой вклад в отечественную географию растений, фитоценологию и биогеографию.

По совокупности научных работ Г.И. Поплавской была в 1935 г. присуждена сразу научная степень доктора биологических наук по специальности ботаника, а в 1945 г. – ученое звание профессора.

Г.И. была членом Ленинградского общества естествоиспытателей при ЛГУ, Московского общества испытателей природы при МГУ (МОИП), Всесоюзного Ботанического общества и Всесоюзного Географического общества (с 1916 г.).

Скончалась Г.И. Поплавская после тяжелой болезни 18 августа 1956 г.

Первая женщина-геоботаник – Г.И. Поплавская в начале XX века посвятила себя исследованию труднодоступных районов России. Верховом на лошади, часто только с проводником, она прошла, собирая растения, сотни километров. Не только прошла, но и вдумчиво проанализировала закономерности возникновения растительных сообществ и их эволюцию.

Многие работы Г.И. Поплавской неразрывно связаны с идеями ее учителя В.Н. Сукачева. Ряд его научных начинаний осуществлялся при творческом сотрудничестве с Генриеттой Ипполитовной, внимательным и преданным его другом, работавшим всегда с большим увлечением. Она не представляла своей жизни без научного труда по специальности, избранной ею еще в ранней юности.

Как человек, Г.И. Поплавская отличалась редкой скромностью, добротой и непритязательностью.

Ее имя останется в истории ботаники не только увековеченное в печатных работах и в собранных материалах, но и в названиях новых видов растений, найденных ее учениками на Кавказе и в Забайкалье.

## **Литература, источники, примечания**

1. *Поплавская Г.И.* Фито-палеонтологический состав Песочинского торфяника // Почвоведение. 1907. № 9. С. 139–147.
2. Материалы к изучению луговой растительности Псковской губернии // Ботанический журн., изд. Отд. бот. СПб. Общ. естествоиспыт. 1908. № 4–5. С. 89–123. (Тр. СПб. Общ. естествоиспыт. Т. 37. Вып. 3).
3. *Поплавская Г.И.* Материалы по изучению растительности северо-восточной части Забайкальской области. Бот. исследов. 1910. // Труды Амурской экспедиции. 1912. Т. 16. Вып. 2. С. 1–63.

4. *Поплавская Г.И.* Бассейн реки Верхней Ангары. Южные открытые склоны // Предварительный отчет об организации и исполнении работ по исследованию почв Азиатской России в 1912 году. СПб., 1913. С. 180–193.
5. *Поплавская Г.И., Сукачев В.Н.* Ботаническое исследование северного побережья Байкала в 1914 г. // Известия АН. 1914. Сер. 6. Т. 8. № 17. С. 1309–1328.
6. *Поплавская Г.И.* Исследования в Верхнеудинском уезде Забайкальской обл. // Предварительный отчет о ботанических исследованиях в Сибири и в Туркестане в 1913 г. Пг., 1914. С. 79–99.
7. *Поплавская Г.И.* На северной окраине Селенгинской Даурии. (Ботанико-географический очерк) // Труды Ботанического музея Академии наук. 1916. Т. 15. С. 1–119.
8. *Поплавская Г.И.* Вклад поляков в дело изучения Байкала // Землеведение. 1915. Кн. 3. С. 72–95.
9. *Udzia ł polaków w badaniach Bajkalu // Przegląd geograficzny.* Warszawa, 1922. № 3. С. 105–125.
10. *Поплавская Г.И.* К вопросу о влиянии озера Байкал на окружающую его растительность // Известия Академии наук. 1916. Сер. 6. Т. 8. № 2. С. 133–142.
11. *Поплавская Г.И.* Опыт фитосоциологического анализа растительности целинной заповедной степи Аскания-Нова // Журнал Русского ботанического общества. 1924. № 9. С. 125–146.
12. *Антонова И.С.* Генриетта Ипполитовна Поплавская (1885–1956) // Развитие геоботаники: история и современность: Материалы Всеросс. конф., посвященной 80-летию каф. геоботаники и экологии растений СПб. (Ленинградского) Универ. 2011. С. 12–13.
13. *Поплавская Г.И.* К вопросу о характеристике верхней границы бука в Крыму // Журнал Русского ботанического общества. 1925. Т. 10. № 1–2. С. 105–120.
14. *Поплавская Г.И.* К растительности Чатырдага // Журнал Русского ботанического общества. 1930. Т. 15. № 1–2. С. 93–137.
15. *Поплавская Г.И.* Крымский государственный заповедник по охране природы // Природа. 1927. № 2. С. 109–116.
16. *Поплавская Г.И., Сукачев В.Н.* Растительность Крымского государственного заповедника // Крымский государственный заповедник, его природа, история и значение. М., 1927. С. 66–86.
17. *Поплавская Г.И.* Растительность Горного Крыма // Труды Ботанического института АН СССР. 1948. Сер. 3. Геоботаника. Вып. 5. С. 7–88.
18. *Лавренко Е.М., Сочава В.Б.* Памяти Генриетты Ипполитовны Поплавской // Ботанический журнал. 1957. Т. 12. № 7. С. 115–121.
19. *Шенников А.П.* Памяти профессора Г.И. Поплавской-Сукачевой // Вестник Ленинградского университета. 1957. № 3. С. 143–144.

20. Поплавская Г.И. О распределении устьиц у растений // Доклады АН СССР. 1949. Нов. сер. 66. № 5. С. 949–952.
21. Поплавская Г.И. О содержании воды в листьях некоторых растений Хибинской тундры // Доклады АН СССР. 1952. Нов. сер. 85. № 5. С. 1165–1168.
22. Поплавская Г.И. О дневном содержании воды в листьях некоторых растений дубовых лесов и солонцовых полян в Теллермановском опытном лесничестве // Академику В.Н. Сукачеву к 75-летию со дня рождения. М.; Л., 1956. С. 431–441.
23. Поплавская Г.И. Краткий курс экологии растений. Л., 1937. 298 с.
24. Поплавская Г.И. Экология растений. 2-е изд. М., 1948. 295 с.
25. Шафер В. Основы общей географии растений / Пер. с польск. Г.И. Поплавской. М.: Изд. иностр. лит., 1956. 380 с.

## Евгения Николаевна Иванова: жизненный путь женщины-почвоведа на переломе эпох

*А.В. Собисевич, В.А. Снытко*

В истории отечественного почвоведения личность Евгении Николаевны Ивановой (1889–1973) занимает особое место. В 1935 г. она стала первой женщиной-профессором по специальности почвоведение. В 1972 г. была награждена Золотой медалью имени В.В. Докучаева, также став первой женщиной, удостоенной этой высокой награды. С 1954 г. по 1971 гг. была руководителем отдела географии, генезиса, картографии и классификации почв Почвенного института им. В.В. Докучаева, который как раз был показателем тем, что в его стенах работало большое количество женщин-руководителей подразделений. Жизненный путь Е.Н. Ивановой подробно описан в воспоминаниях ее учеников, однако документы из Архива Российской академии наук позволяют дополнить эти сведения.

Евгения Николаевна родилась 12 декабря 1889 г. в Санкт-Петербурге. Ее отец служил в Конюшенном ведомстве губернским секретарем и в 1896 г. вышел в отставку. В 1908 г. Е.Н. Иванова окончила женскую гимназию принцессы Ольденбургской в Санкт-Петербурге, а в 1912 г. физико-математический факультет женского педагогического института. Выйдя в отставку, отец Е.Н. Ивановой получал 25 рублей в месяц, по всей видимости, денег его семье не хватало, поэтому детям рано пришлось начать работать. С 1906 по 1913 гг. Е.Н. Иванова давала частные уроки, занимаясь с малоуспевающими детьми. В 1913 г. ее отец умер, поэтому мать взяли на иждивение дети (в семье было четы-



ре брата). Сама же Евгения Николаевна в это время работала школьным учителем естествознания и географии [1].

В своей биографии она отмечала, что не принимала участия в революционном движении и не состояла в политических партиях. Никто из ее родственников не служил в войсках и учреждениях белых правительств. Временной репрессии подвергся ее средний брат Анатолий Григорьевич Прокурин, который с августа 1922 г. по март 1923 г. был под арестом, а затем освобожден и служил артиллеристом в Красной Армии. Сама же Е.Н. Иванова вопреки своей воле работала в учреждениях, подконтрольных белому правительству. Весной 1918 г. она выехала из Петрограда в составе Оренбургской почвенной экспедиции, а когда экспедиция достигла места своей работы, то там сменилась власть. С весны до начала осени Е.Н. Иванова проработала в Оренбургском Губернском Земотделе, который взял в свой штат сотрудников экспедиции. Из-за того, что в экспедиции она была временным сотрудником, после окончания полевого сезона в сентябре 1918 г. ей пришлось



Е.Н. Иванова (слева) во время полевой экскурсии в 1914 г. (Архив РАН)

работать школьным учителем, ожидая восстановления в Оренбурге осенью 1919 г. советской власти для возвращения в Петроград [1].

С 1920 г. Е.Н. Иванова начала работать в Почвенном отделении Комиссии по изучению естественных производительных сил, которая в 1925 г. была преобразована в отдельный Почвенный институт. По мнению С.А. Сычевой, автора биографического справочника «Женщины-почвоведы», значительные научные успехи Е.Н. Ивановой, Н.Н. Сушкиной (Поповой) и З.Ю. Шокальской как раз были обусловлены тем, что они начали работать в области почвоведения сразу после революции, тогда как более значимый приход женщин в эту отрасль происходил с начала 1930-х гг. [2].

В 1922 г. Е.Н. Иванова закончила обучение на Отделении физической географии Географического института в Ленинграде, получив, таким образом, квалификацию ученого-почвоведа. В 1923 г. по поручению Выставочного комитета Всесоюзной выставки она проводила сбор почвенных монолитов и уточнение почвенных карт на территории Западной Сибири. Затем под руководством профессора Сергея Семеновича Неуструева (1873–1928) изучала почвы на юге Советской России: в 1924 г. на Кавказе (территория Моздокской и Малокабардинских степей), в 1925 г. в Каракалпакии (территория в районе дельты р. Аму-Дарья). В 1926–1927 гг. Е.Н. Иванова возглавляла исследовательские партии в Казахских экспедициях АН СССР, а в 1928 г. осуществляла самостоятельное руководство почвенной экспедицией на территории Узбекистана [1].

Большое внимание Евгения Николаевна уделяла преподавательской работе. С 1922 по 1928 г. была ассистентом при кафедре географии почв Географического института, который позднее был присоединен к Ленинградскому государственному университету. В 1928 г. ей было присвоено звание доцента кафедры географии почв, а в 1935 г. – профессора. Слушателями ее курса химии почв были студенты, ставшие впоследствии крупными почвоведо-географами – Иннокентий Петрович Герасимов (1905–1985) и Николай Николаевич Розов (1909–1986). После окончания учебы они совместно с Е.Н. Ивановой руководили почвенными отрядами, разрабатывали вопросы общей классификации почв и систематики почв степной зоны.

В 1930 г. Е.Н. Иванова на три года оставила преподавательскую работу для участия в Кундымской соляной экспедиции Академии наук, которая во многом определила ее научный интерес к проблеме засоленности почв. В 1934–1935 гг. проводила исследования на терри-

тории Туркмении, где изучала природные свойства такыров (засоленных пустынных почв) и проводила опыты по их мелиорации. В 1936 г. Е.Н. Иванова вместе с геоботаником Евгением Михайловичем Лавренко (1900–1987) приняла участие в работах почвенно-ботанического отряда Центрально-Казахстанской комплексной экспедиции АН СССР, где проводились исследования почв и растительности вдоль строящейся железной дороги Жарык – Джебказган [3].

В Казахстане Е.Н. Иванова работала вместе с почвоведом Еленой Всеволодовной Лобовой (1902–2000), женой И.П. Герасимова. Вместе они занимались разработкой систематики почв, что заложило основу их многолетних дружеских отношений. В архиве Российской академии наук хранятся фотографии совместного отдыха в санатории г. Кисловодска Е.Н. Ивановой, Е.В. Лобовой и ее дочери Маши (ныне профессор географического факультета МГУ Мария Иннокентьевна Гарасимова) в 1950 г. [4].

В 1936 г. Е.Н. Ивановой по совокупности научных работ была присуждена ученая степень кандидата сельскохозяйственных наук. В 1939 г. она обобщила собранный материал по засоленным почвам, который был представлен в виде текста докторской диссертации по теме «Генезис и эволюция засоленных почв в связи с географическими



Почвоведы Е.В. Лобова (слева) и Е.Н. Иванова (справа) в г. Кисловодске, 1950 г.  
(Архив РАН)

условиями». Защита прошла успешно, и Евгении Николаевне была присвоена степень доктора сельскохозяйственных наук. Научная значимость первой докторской диссертации женщины-почвоведа была отмечена в 1943 г. директором Почвенного института АН СССР Леонидом Ивановичем Прасоловым (1875–1954) в статье, посвященной достижениям советского почвоведения в довоенный период. Ценность работы объяснялась тем, что в начале 1940-х гг. женщины редко защищали докторские диссертации, сказывались трудности военного времени и их поздний приход в науку [2].

Яркими были исследования Евгении Николаевны на Севере. С 1934 г. она стала руководителем почвенного отряда, направленного для изучения Хибинского массива, а затем возглавила биологический отдел Кольской базы АН СССР. В 1935 г. – руководила почвенным отрядом Карело-Мурманской экспедиции, который должен был в тяжелых условиях провести исследование почв на территории Средней Карелии [5]. В 1937 г. она была назначена на должность консультанта почвенной группы Кольской базы АН СССР и находясь на этой должности, исследовала процесс тундрового глеевого почвообразования и роли мерзлотных процессов в формировании почвенного профиля, что позволило разработать первую в мировом почвоведении систематику тундровых почв. Проводилось с учениками также систематическое описание почв равнин Кольского полуострова, при котором особое внимание уделялось исследованию болотных почв [6].

После войны Е.Н. Иванова работала по совместительству в секторе почвоведения Кольской базы (с 1949 г. Кольский филиал) АН СССР, которым руководила ее ученица – Ольга Афанасьевна Полынцева (1906–1951). Ранее с 1933 по 1938 г. она работала вместе с Е.Н. Ивановой в экспедициях в Кулундинской степи, в Центральном Казахстане и на Кольском полуострове. О.А. Полынцева внесла значительный вклад в изучение механизмов образования арктических и тундровых почв, но прожила очень короткую жизнь. В 1951 г. на должности начальника сектора ее заменила Ия Васильевна Забоева [2].

Поводя итог научной деятельности Евгении Николаевны, можно отметить, что ее вклад в исследование почв практически на всей территории Советского Союза основывался, прежде всего, на личном участии в полевых исследованиях и скрупулезной обработке полученных материалов в лабораторных условиях. Интересно также и то, что она трудилась в таком «мужском направлении» почвоведения как генезис и география почв. Одним из последних длительных полевых исследо-



Е.Н. Иванова (в центре) с почвоведом О.А. Польшинцевой и В.Г. Зольниковым, Кольский филиал АН СССР, 1950 г. (Архив РАН)

ваний, в которых принимала участие Е.Н. Иванова, стала Прикаспийская экспедиция Почвенного института в 1951 г. Просматривая экспедиционные фотографии, можно отметить, что она принимала деятельное участие во всех аспектах экспедиционно-полевой работы, от изучения почвенных профилей и обработки полученных образцов. Вместе с участвовавшими в экспедиции женщинами – готовила пищу и чинила одежду для мужчин, занятых в тяжелых работах по созданию почвенных профилей [7].

Среди женщин-ученых в отечественном почвоведении есть сопоставимая с Е.Н. Ивановой фигура – Мария Альфредовна Глазовская (1912–2000). Интересно то, что имея разницу в возрасте в почти четверть века, они обе защищали свои кандидатские работы практически в одно время: Е.Н. Иванова в 1936 г., а М.А. Глазовская в 1937 г. Однако Евгения Николаевна в эти годы была уже опытным ученым-практиком и ее кандидатская работа по факту была предпосылкой к скорой защите докторской диссертации. Защита же докторских работ имела разницу в 13 лет (в 1952 г. М.А. Глазовская защитила докторскую работу по теме «Внутренний Тянь-Шань как горная страна Центральной

Азии»)), что объясняется как наступившим сложным временем военных лет, так и необходимостью молодого ученого пройти путь становления [8]. В 1972 г. Е.Н. Иванова и в 1990 г. М.А. Глазовская были награждены Золотой медалью имени В.В. Докучаева, больше ни одна женщина не удостоивалась этой награды.

Приход Евгении Николаевны в науку был связан со временем великих потрясений. Во время Гражданской войны она с коллегами-почвоведомы продолжала работу, находясь на территории, подконтрольной «белому движению». Февральская и Октябрьская революции сняли для нее и других женщин ограничения по получению высшего образования, чем она воспользовалась, став университетским преподавателем и почвоведом-ученым. С началом Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации, она уделила внимание почвам Северо-Европейской и Западно-Сибирской частей СССР, что создало предпосылки для разработки ею принципов классификации почв на территории всего СССР. В исследование этого вопроса она внесла наиболее весомый свой вклад. Однако наибольшими были ее заслуги в подготовке новых почвоведов. Коллеги отмечали, что она *«обладает незаурядным педагогическим талантом и не жалеет времени и сил на эту ответственную работу. Она всегда окружена молодыми учеными и учениками. Многие ее воспитанники стали самостоятельными работниками-кандидатами наук, а некоторые докторами и профессорами»* [9]. В силу различных причин Евгении Николаевне так и не удалось создать семью, поэтому ее многочисленные ученики были для нее в какой-то мере как собственные дети.

## Литература, источники, примечания

1. «Автобиографии и анкеты Е.Н. Ивановой (1934 г. – 1951 г.)» // Архив РАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 67.
2. Сычева С.А. Женщины-почвоведы: Биографический справочник о российских и советских исследователях почв. М.: НИИ-Природа, 2003. 440 с.
3. Успанов У.У. Вместе с Евгенией Николаевной Ивановой // Почвоведение. 1990. № 1. С. 13–15.
4. «Иванова Е.Н. в Кисловодске» // Архив РАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 133.
5. Шушкевич М.М., Копосов Н.А. Почвы Средней Карелии // Экспедиция Академии наук СССР 1935 г.: Сб. научно-популярных ст. и очерков. М.; Л., 1937. С. 78–84.
6. Караваяева Н.А. Жизненный и творческий путь Евгении Николаевны Ивановой // Почвоведение. 1990. № 1. С. 6–12.

7. «Иванова Е.Н. с сотрудниками Почвенного института в экспедиции в Прикаспии» // Архив РАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 134.
8. *Снытко В.А., Тишков А.А.* Путь в науку: воспоминания Марии Альфредовны Глазовской // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2014. № 6. С. 155–156.
9. «К 75-летию Евгении Николаевны Ивановой (1965 г.)» // Архив РАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 77.

## Дочь братства – Анна Дмитриевна Шаховская (1889–1959)

*Г.П. Аксенов*

Поколение Анны Дмитриевны Шаховской – второе от выдающихся людей периода расцвета российской истории. Ее отец – князь Дмитрий Шаховской, один из инициаторов идейного и этического союза интеллигентов, выпускников Петербургского университета 1883–1885 гг. Вокруг него и его друзей Владимира Вернадского, педагога Федора Ольденбурга сложился тесный кружок людей, поставивший своими целями собственное нравственное развитие, общественную активность («отдать долг народу»), мирную перестройку государственного строя на началах конституционности. В этот кружок, который они под влиянием проповеди Льва Толстого подняли до высокого звания *братства*, входили еще брат Федора Ольденбурга, будущий академик Сергей Ольденбург, историки Александр Корнилов и Иван Гревс, другие интеллигенты [1]. И что необычно и ценно – все их жены разделяли убеждения мужей. Возник крепкий союз семей, прообраз будущего общества единомышленников [2. С. 32–48].

Все они заняли видное место в земском просвещении, поставив целью всеобщее начальное образование в России. Через эту деятельность они стали известны всей активной и мирной оппозиции России. В период кризиса самодержавия они образовали «Союз Освобождения», ставший костяком кадетской партии. Вернадский и Шаховской участвовали в знаменитом Втором съезде земских деятелей 6–9 ноября 1904 г., ставшем по сути момента учредительным собранием страны, потому что их резолюция о введении свободы осуществилась в апреле 1906 г., когда Россия превратилась в конституционную монархию. И естественно, в 1917 г. Вернадский, Шаховской и Сергей Ольденбург входили во Временное правительство.





Дети Д.И. Шаховского (слева направо): Илья, Наталия и Анна. 1916 г.  
(Личный архив Шик-Шаховских)

Их деятельность гражданская, политическая, выработка позиций по вечным вопросам бытия, их отношение к существующим проблемам страны и общества – не могли не отразиться на следующем поколении. Дети Шаховского и Вернадского образовали такой же идейный круг. В него входили дочери Шаховского Анна и Наталия, сын Вернадского Георгий, его университетские друзья Павел Флоренский и Михаил Шик. Интересно, что юноши, как когда-то Федор Ольденбург и Дмитрий Шаховской, тоже совершили свое паломничество в Ясную Поляну к Льву Толстому. И так же как предыдущее поколение, поставив превыше всего науку, образование и просвещение народа, они продолжили труды отцов, вернее сказать, включились в них. Благо что к тому времени женское образование стало в России вполне доступным.

Анна Шаховская (1889–1959) получила хорошее образование не только в гимназии, но и на Высших женских курсах в Москве, естественное отделение которых она окончила в 1912 г. До революции она работала в школах, а после прихода большевиков она вместе с семьей оказывается в г. Дмитрове. Почему? Да потому что Дмитрий Иванович Шаховской из соображений ответственности за страну не ушел в эмиграцию, как и все члены братства. И сразу после переворота, как все титулованные дворяне, оказался на положении «лишенца». Их причис-

лили к классовым врагам, они были лишены гражданских прав, им было запрещено жить в столицах. В 1918 г. Шаховской был арестован и судим по сфабрикованному делу «Тактического центра», провел некоторое время в тюрьме. А его семья выслана «за 101 километр» от столицы.

Князь Шаховской, как неумный общественный организатор, нашел свои способы сопротивления новой власти. Понимая, что прямая борьба с большевиками невозможна ввиду особой их свирепости, он избрал (кроме занятия наукой) две области легального и мирного сопротивления: кооперация и краеведение. Он надеялся, что кооперативные союзы станут независимыми от власти хозяйственными организациями и, в конце концов, вследствие их самостоятельного характера вырастут в политическую силу. Но власть это тоже сообразила и уже в конце гражданской войны начала превращать кооперацию в сферу государственного управления, чего вскоре и достигла.

Дольше продержалась вторая сфера сопротивления, в которую кроме Шаховского включились многие члены *братства*. Они возглавили краеведческое движение, которое в 20-е гг. превратилось в широкое движение по всей стране. Шаховской стал идеологом этого движения, академик Сергей Ольденбург возглавил образованное в Академии наук Центральное бюро краеведения, а профессор Иван Гревс написал множество руководств работ по данной теме. Повсюду городская интеллигенция создавала музеи, общества защиты памятников, храмов, еще сохранившихся усадеб, даже кладбищ с их памятниками. В 1930 г. и эта попытка образованного класса сохранить преемственность со старой жизнью была грубо пресечена властью. Общества закрывались, в том числе и Центральное бюро краеведения (профессор Гревс и его ученик Н.П. Анциферов ненадолго были арестованы), в Академии было инспирировано «дело историков».

Анна Дмитриевна и ее сестра Наталия полностью вложились в дело отца. В 1918 г. Анна стала заведующей скромным музеем Дмитровского края. Первоначально он был образован как подразделение Дмитровского союза кооператоров, а затем – краеведческого общества. Она лично проводила экскурсии, собирала образцы природных феноменов. Современный исследователь краеведческого движения пишет, что, несмотря на трудности лета 1918 г., Анне Дмитриевне «тем не менее, удалось собрать коллекцию местной флоры, причем наиболее разработан был отдел болот. В то время (1918–1921 гг.) в Дмитрове жил известный ученый и революционер князь П.А. Кропот-

кин. Выступая перед учителями 30 августа 1918 г., он сказал: «Третьего дня я осматривал зачаточный музей в нашем Дмитрове и радовался, видя, как разумно отнеслись к своему делу три молодые сотрудницы музея – геолог, ботаник и зоолог, в какой интересной и поучительной форме они сумели представить собранный ими материал» [3. С. 12].

Анна Дмитриевна как раз возглавляла ботанический отдел, а в 1919 г. стала директором музея. Но не надолго. В ноябре 1920 г. она была арестована по надуманному обвинению в «антисоветской пропаганде» и помещена в Бутырскую тюрьму. Несколько месяцев продолжалось следствие, и в мае 1921 г. она вышла на свободу. В Дмитровский музей она больше не вернулась, так как ее близкие – мать Анна Николаевна Шаховская и сестра Наталья (вышедшая замуж за священника Михаила Шика) переехали в Сергиев (так после революции некоторое время назывался Сергиев Посад). Но ее связь с Дмитровом не прервалась. Она ходила туда пешком (30 км) и продолжала работу над описанием окрестностей города.

Вскоре результаты ее труда были опубликованы в замечательной книжке [4]. Она издана солидным тиражом (1000 экз.) как пособие для учителей, с которыми Анна Дмитриевна общалась постоянно. Уездный съезд работников просвещения принял решение преподавать естественные дисциплины на основе изучения своего края и потому, как писала она в предисловии, очерк написан в помощь учителю. В книжке описаны геоморфология и гидрология края, лежащего на водоразделе притоков Волги и Оки, рассказано о геологическом прошлом местности, о полезных ископаемых, климате, почвах, растительности и животном мире. К тексту приложены карта края, геологические разрезы и полный список встречающихся растений с их латинскими наименованиями.

Такую же работу Анна Шаховская вела и в Сергиеве. Она преподавала в местном техникуме и проводила экскурсии на местности, исследовала геологические отложения и собирала коллекции для музея. В эти годы выходят ее статьи в книгах о природных ресурсах края [5]. В серии популярных брошюр в помощь учителю она описала некоторые виды полезных ископаемых и ландшафтов [6]. Все эти брошюры, как и книжка о природе Дмитровского края, написаны прекрасным, выразительным языком, а научность сочеталась с доступным для неспециалистов изложением.

Но органы не оставляли Шаховскую своими заботами. 15 мая 1928 г. она снова была арестована и в июне приговорена к 3 годам административной высылки. И, несмотря на освобождение в результате

хлопот отца и политического Красного Креста Е.П. Пешковой, она переехала сначала в Ростов Великий, а в 1920 г. в Москву к отцу. Через знакомых в сфере наук о Земле она работала по специальности – в Мосгеолтресте и ездила в Дмитров, продолжая сотрудничество с работниками музея.

Анна Дмитриевна была глубоко верующей христианкой. По вполне понятным причинам никаких прямых сведений об этой стороне не существует, но, судя по поздним косвенным указаниям, во время начавшейся «культурной революции», то есть разгрома церкви, она ушла в подпольную, так называемую катакомбную православную церковь. Более того, бывшая княжна приняла обет безбрачия и стала монахиней в миру. Вероятно, она получала помощь и утешение от своего зятя, священника Михаила Шика, а также от жившего в 20-е гг. в Сергиевом Посаде о. Павла Флоренского, пока его не арестовали. И даже когда во время войны было возвращено патриаршество, катакомбные общины не подчинились официальной иерархии. Они называли себя «непоминающими», то есть не творившими, как положено, молитву за священноначалие, пошедшее на сделку с большевиками.

Это был ее личный тайный фронт сопротивления безбожной власти.

Последний раз и снова ненадолго Анна Дмитриевна была арестована в 1934 г. Но с ее переездом в Москву начинается новый период жизни, под опекой В.И. Вернадского. Он давно уже помогал множеству «бывших», а в особенности своим *братьям*, Д.И. Шаховскому и И.Г. Гревсу. И когда его личный секретарь Е.П. Супрунова в ноябре 1937 г. была арестована, он начинает хлопоты по устройству на это место Ани, как он ее называл. Сразу же он столкнулся с упорным сопротивлением. Ее не хотели оформлять под предлогом княжеского происхождения, а фактически из-за трусости академических «кадров». Дело тянулось несколько месяцев, пока благодаря помощи Президента АН В.Л. Комарова сдвинулось с мертвой точки. «Утверждена должность референта для меня», – записывает Вернадский в дневнике 3 апреля 1938 г. [7. С. 277]. Правда, это была преждевременная радость, из-за протеста партийной организации «бывшая княжна» была оформлена еще позднее. С этого времени, однако, Вернадский сообщает о регулярной работе с ней.

Конечно, этот вариант был наилучшим для них обоих. Вернадскому в это время 75 лет, а объем его работы был необъятный. Несмотря на возраст, Вернадский не только не ослабил темпов работы, а теперь, после того как у него появился такой компетентный помощник,



В.И. Вернадский и А.Д. Шаховская в Боровом. 1941 г. (Архив РАН)

его продуктивность увеличилась. Анна Дмитриевна взяла на себя огромную переписку ученого с русскими и заграничными корреспондентами, она печатала под диктовку на машинке и правила корректуры выходящих из печати работ.

Правда, в эти дни лета 1938 г. они потеряли Дмитрия Ивановича Шаховского. 78-летний историк, тоже активно работавший над пушкинской эпохой (его дед был декабристом) и творческим наследием Чаадаева, был арестован по сфабрикованному обвинению. Вернадский предпринял беспрецедентные, но безуспешные хлопоты для его спасения. В апреле 1938 г. он был тайно осужден и расстрелян. Правда, никто об этом не узнал. Вернадскому только в 1940 г. сообщили, что Шаховской умер «в дальних лагерях» [8. С. 318].

В первые недели войны Академия наук эвакуировалась на восток. Вернадский в числе престарелых академиков и членов их семей отправлялся в Казахстан, на курорт Боровое. Разумеется, Анна Дмитриевна поехала с ним. Здесь, в относительно хороших условиях, жизнь и работа их шла с наивозможной регулярностью. Вернадский и всегда отличался самодисциплиной, но в Боровом его производительность благодаря референту резко увеличилась. Лаборатория его – БИОГЕЛ – уехала в Казань под руководством А.П. Виноградова, Президиум Академии находился в Свердловске, поэтому отпадали поездки и заседа-

ния в многочисленных комиссиях и комитетах. Поэтому за два с лишним года в Боровом им создано много произведений, в том числе большая книга «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» и небольшой, но исключительно важный теоретический трактат «О состояниях пространства в геологических явлениях Земли. На фоне роста науки XX столетия». Он вел очень обширные и ценнейшие теперь дневники и они пестрят записями о работе с Аней.

Из этих двух книг только вторая, меньшая по объему, была закончена, и Вернадский даже сдал ее в академическое издательство. Но в оставшиеся 18 месяцев его жизни она не была опубликована из-за политики цензурных органов [9. С. 272–278].

По возвращении в Москву (август 1943 г.) они продолжали работать над «Химическим строением» – главной книгой Вернадского. В ней описан наш участок мироздания совершенно на новом методологическом уровне, с точки зрения концепции космичности жизни. Работа продолжалась буквально до самого последнего дня, текст книги оборван на полуфразе. Наступил же последний день 25 декабря 1944 г., когда у Вернадского случился инсульт, частичная парализация. 6 января его не стало. Все эти дни Анна Дмитриевна неотлучно была при нем. Она описала эти последние дни в письме в Америку к дочери Вернадского Нине Владимировне: «...накануне смерти он взял мою руку и что-то говорил, говорил, как будто даже повторял, т<ак> к<ак> интонации как-то повторялись. Что он хотел сказать, нельзя было понять, но я это приняла как прощание. Эти последние дни были какие-то совершенно особенные по своей значительности и в то же время простоте. Дух жил какой-то своей жизнью, он был недоступен для обычного общения через слова, но он был все время в единении с каким-то потоком духа – с Богом, как бы он его ни понимал. А мы еще не могли вступить в эту область, мы только видели его сосредоточенное значительное лицо, которое как-то менялось, то успокаивалось, то было полно беспокойства, тревоги, искания чего-то. Временами лицо было так прекрасно, как лицо вдохновенного пророка. Что он видел? Какие образы перед ним проходили? Где была граница между бредом и действительностью? Что он познал за эти 13 дней? Знаю только одно, что это было нужно. Что это были дни не бесплодных страданий, а восполняли как-то искания всей его жизни, довершали что-то в его жизни недоделанное» [10. Прим. 49].

Эти слова много говорят не только о Вернадском, но и о самой Анне Дмитриевне, о ее религиозности и духовности. В некоторой степени они оказались пророческими, потому что всю оставшуюся жизнь

она посвятила Владимиру Ивановичу, продолжала свою работу с истовым пониманием своего долга. Это было служение памяти *братства*.

После смерти академика было принято решение о создании его Кабинета-Музея. Он был запроектирован в здании строившегося Института геохимии и аналитической химии Академии наук, техническое задание на который сам Вернадский успел написать и направить в Президиум Академии. В план строившегося на Воробьевых горах здания института, которому теперь было присвоено его имя, включили комнату, в точности повторяющую домашний кабинет ученого. И естественно, все устройство Музея, все обмеры, вся техническая работа и переезд легли на плечи Анны Дмитриевны. Кабинет-Музей был открыт в мае 1953 г. Она стала первым хранителем Кабинета-Музея в годы его становления и продолжала им оставаться до формального выхода на пенсию в 1957 г. Она первая составила его описание [11].

Одновременно она работала над громадным по объему архивом Вернадского, который надо было собрать и сдать в Архив РАН.

Ну и конечно, она продолжала работать над рукописями ученого, которые надлежало еще опубликовать. Она переводила статьи Вернадского, которые были опубликованы во Франции, вела переписку с детьми Вернадского и работу с его наследием. Анна Дмитриевна участвовала в издании первого собрания сочинений Вернадского, вышедшем с 1954 по 1960 гг.

Но своей главной работой она считала «книгу жизни», как называл ее сам Владимир Иванович. Поскольку книга писалась в основном в Боровом, где Вернадский не имел под руками литературы, все ссылки и весь справочный аппарат теперь составляла Анна Дмитриевна. Она привлекла к этой работе последнего ученика Вернадского Кирилла Павловича Флоренского, и до своего уже теперь последнего дня работала над текстом. Так что вышедший впервые грандиозный труд явился памятником ее самоотверженности и компетентности. Книга вышла уже после ее смерти (1959) [12]. И конечно, она продолжала изучать творческую жизнь своего учителя. Этот труд опубликован был значительно позже, в год 125-летия со дня рождения ученого [13].

## **Литература, источники, примечания**

1. Аксенов Г.П. Л.Н. Толстой и Братство В.И. Вернадского // Л.Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника: Материалы Международного Толстовского форума, посвященного 100-летию со дня смерти Л.Н. Толстого. Ч. 2. М., 2011. С. 137–145.



2. *Аксенов Г.П.* Вернадский. / 3-е изд. Глава шестая «Без братства мы погибли...». М.: Молодая гвардия, 2015. 526 с. (Серия ЖЗЛ).
3. *Смирнова Т.В.* Князь Д.И. Шаховской и краеведческое движение в Подмосковье в 1920-е годы // [Электронный ресурс]: URL: file: C:/Users/%D0%B0%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BD/Pictures/ kraeved\_shahovskoi %20(1).pdf.
4. *Шаховская А.Д.* Природа Дмитровского края: Краткий краеведный очерк. М., 1923. 95 с.
5. *Иванова Н.А., Шаховская А.Д.* Природа Сергиевского уезда // Сергиевский уезд Московской губернии: Статистико-экономический очерк. Сергиев, 1925. 416 с. (С приложением плана г. Сергиева и карты Сергиевского уезда); Хотьковская волость Московской губернии / Природоведческая часть текста и общее редактирование А.Д. Шаховской. М.: МОНО. 1926; *Шаховская А.Д.* К картографии речной сети Сергиевского уезда. М.: Общество изучения Московской губернии, 1927; *Немкова А.Г., Шаховская А.Д.* Пресноводные отложения извести в возвышенной части Дмитровского района // Геология и полезные ископаемые Дмитровского края. Вып. 1. Труды Музея Дмитровского края, вып. 7. 1932. С. 133–174; *Гоббе Л.А., Шаховская А.Д.* Разработки гравийно-валунных строительных материалов в окрестностях г. Дмитрова за последние годы // Геология и полезные ископаемые Дмитровского края. Вып. 1. Труды Музея Дмитровского края, вып. 7. 1932. С. 187–190.
6. *Шаховская А.Д.* Торф и его добывание. М., 1929. 32 с.; *Она же.* Лес. М., 1929. 51 с.; *Она же.* Река и озеро. М., 1929. 42 с.; *Она же.* Море и его обитатели. М., 1929. 52 с.
7. *Вернадский В.И.* Дневники 1935–1941 в двух книгах. Кн. 1. 1935–1938. М.: Наука, 2006. 444 с.
8. *Шаховской Д.И.* Письма о братстве // Публикация Ф.Ф. Перченка, А.Б. Рогинского, М.Ю. Сорокиной // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб.: Феникс, 1992. С. 174–318.
9. Историю напечатания книги «О состояниях...» см.: *Аксенов Г.П.* В.И. Вернадский о природе времени и пространства. Изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД, 2016.
10. *Вернадская Н.В.* Скорбные дни Рождества 1944–1945 года. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.arran.ru/?q=ru/vernad5>.
11. *Шаховская А.Д.* Кабинет-музей В.И. Вернадского. М.: АН СССР, 1959. 50 с.
12. *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / Отв. ред. В.И. Баранов. Подготовили к печати А.Д. Шаховская, К.П. Флоренский, В.С. Неаполитанская, Ю.П. Трусов. М.: Наука, 1965. 374 с.
13. *Шаховская А.Д.* [Хроника большой жизни]: Главнейшие биографические даты (Материалы для биографии академика В.И. Вернадского) // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 15. М.: Молодая гвардия, 1988. С. 33–85.

## Зинаида Виссарионовна Ермольева (1898–1974). Успех и потери женщины-ученого

*Т.А. Курсанова*

Из всех достижений научно-технического прогресса наибольшее значение для сохранения здоровья людей и увеличения продолжительности их жизни имеет, несомненно, открытие антибиотиков и в первую очередь пенициллина. Среди видных ученых нашей страны, внесших большой вклад в развитие этой области медицины, одно из ведущих мест по праву принадлежит создателю первого отечественного антибиотика, выдающемуся микробиологу, талантливому организатору здравоохранения, известному общественному деятелю, замечательному педагогу, академику АМН СССР, Заслуженному деятелю науки РСФСР, лауреату Государственной премии СССР Зинаиде Виссарионовне Ермольевой. Наряду с другими учеными она стояла у истоков медицинской бактериохимии и изучения антибиотиков в нашей стране.

З.В. Ермольева родилась 24 октября 1898 г. в семье казака на хуторе Фролов Донской губернии. После окончания гимназии в Новочеркасске поступила на медицинский факультет Северо-Кавказского университета в Ростове-на-Дону (1917–1921). Исследовательской работой Зинаида Виссарионовна начала заниматься еще в студенческие годы. Ее первые учителя глубоко заинтересовали юную слушательницу микробиологией, которой она посвятила всю жизнь. В ее научной деятельности можно выделить три основных направления: 1. Изучение, диагностика и профилактика холеры. 2. Выделение и изучение антибактериального вещества природного происхождения. 3. Создание первого отечественного пенициллина, становление науки об антибиотиках.

Свой трудовой путь Ермольева начала в качестве ассистента кафедры микробиологии упомянутого университета и одновременно заведующего бактериологическим отделением Северо-Кавказского бактериологического института. В 1923 г. в журнале «Юго-Восточный вестник здравоохранения» была опубликована ее первая статья «К биологии холерного вибриона по материалу эпидемии за 1922 г. в Ростове-на-Дону», выводы которой не утратили своего значения до наших дней. В 20-х годах ею публикуются также результаты исследований о диастатическом ферменте холерных и холероподобных вибрионов; об их холероустойчивости; о желчи как факторе, способствующем биохимической и биологической изменчивости вибрионов. На основании

глубоких, всесторонних исследований морфологии и биологии холерных и холероподобных вибрионов З.В. Ермольева предложила новый метод дифференциальной диагностики этих микроорганизмов. Чтобы доказать роль неагглютинирующихся вибрионов в этиологии кишечных заболеваний, Зинаида Виссарионовна решила провести опасный для жизни эксперимент. После нейтрализации желудочного сока содой она приняла 1,5 млрд. микробных тел неагглютинирующихся вибрионов [1].

А в 1925 г. она переезжает в Москву и возглавляет отдел биохимии микробов в Биохимическом институте им. А.Н. Баха в Москве (этот отдел в 1934 г. вошел в состав Всесоюзного института экспериментальной меди-

цины). Ермольева и ее команда работают над изучением микробов, в том числе тех самых холерных вибрионов. Главной целью экспериментов Ермольевой и ее коллег была вакцина, которая могла бы защитить население от смертоносной эпидемии. Бактерии, вызывающие холеру, проверялись на устойчивость ко многим веществам. После длительных и трудоемких испытаний Зинаида Виссарионовна доказала, что для профилактики населения достаточно хлорировать воду. Результаты ее научных работ легли в основу новых санитарных норм, которые скоро стали обязательными для всей страны. Исследовательница обнаружила новый подвид этого микроорганизма. Патоген отличался от сородичей тем, что мог светиться в кромешной темноте. Когда международная научная общественность познакомилась с результатами работы Ермольевой, было решено назвать этот вид ее именем.

Биография Ермольевой была полна опасными командировками. В 1939 г. началась эпидемия холеры в Афганистане. Советские власти начали организацию профилактических мер, чтобы зараза не попала в среднеазиатские социалистические республики. В Ташкент была отправлена рабочая группа, которую возглавила Ермольева. Дети и взрослые, жители крупных городов и далеких аулов – все были под



Зинаида Виссарионовна Ермольева  
в лаборатории. 1920-е гг.  
(Фото Р.А. Чауриной;  
Биология. 2000. № 19)

угрозой заражения. Им помог препарат, разработанный Ермольевой. В Узбекистане была опробована новая система тестирования на наличие вируса в организме. Работая в институте Ташкента, Зинаида Виссарионовна, кроме всего прочего, получила новый препарат, объединивший вакцины сразу от нескольких видов заболеваний. Лекарство боролось с холерой, дифтерией и тифом.

Особенно большую роль результаты исследований Зинаиды Виссарионовны сыграли в период Великой Отечественной войны в осажденном Сталинграде. Холера была занесена в Сталинград немецкой армией и угрожала нашим войскам распространением по путям эвакуации. В связи с этим по заданию Наркомздрава СССР Ермольева вылетела в Сталинград, где работала в составе группы, созданной с целью проведения противохолерных мероприятий. Наряду с санитарно-гигиеническими мероприятиями решено было проводить профилактику среди населения всего города и находившихся там войск единственным тогда средством профилактики – холерным бактериофагом, полученным в лаборатории З.В. Ермольевой и уже опробованным ею при заносе холеры в 1941 г. в регионы на границе с Афганистаном. В это время она разработала ускоренный метод бактериологической диагностики холеры, позволявший получить предварительный ответ через 5–6 часов, и метод групповых посевов, который дал возможность увеличить пропускную способность бактериологических лабораторий в 5–6 раз. В 1942 г. вышла в свет монография З.В. Ермольевой «Холера», в которой подведены итоги почти 20-летнего изучения холерного вибриона. В этой монографии были даны новые методы лабораторной диагностики, лечения и профилактики холеры.

Значительную часть своей научной работы Зинаида Виссарионовна посвятила выделению и изучению веществ, оказывающих антибактериальное действие. Еще в 1909 г. Павел Лашенков открыл вещество лизоцим. Ученый нашел его в курином яйце и обнаружил, что оно может приостанавливать распространение микробов. Позже лизоцим нашли в человеческих железах и тканях. Однако все эти открытия не нашли практического применения. Вещество под названием «лизоцим» было выделено З.В. Ермольевой совместно с И.С. Буяновской еще в 1929 г. Исследованием вещества вместе со своими учениками занялась Ермольева. Авторству Ермольевой принадлежит технология выделения лизоцима. Более того, она первой смогла концентрировать его, чтобы успешно использовать на практике в медицине. Определив химическую природу вещества, исследовательница смогла обнару-

жить лизоцим в различных сельскохозяйственных культурах – хрене, редьке и т.д. Это открытие объяснило эффективность различных народных средств от болезней и заболеваний. Лизоцим был предметом исследований Ермольевой на протяжении всей ее жизни, начиная с 30-х годов. В 1970-м ее лаборатории удалось синтезировать это вещество в кристаллическом виде. После этого лизоцим начали использовать в офтальмологии, хирургии, педиатрии и других областях. Другое применение лизоцим нашел в пищевой и сельскохозяйственной промышленности. Его стали использовать в качестве консерванта для некоторых скоропортящихся продуктов, например, икры.

Более 30 лет жизни (1942–1974) Зинаида Виссарионовна посвятила изучению антибиотиков. Этот период связан с достижениями в нашей стране в области антибиотиков и других биологически активных веществ природного происхождения. В этой области ей принадлежит приоритет открывателя, ее работы по этой проблеме имели огромное значение для клинической медицины. Имя З.В. Ермольевой неразрывно связано с созданием первого отечественного пенициллина, становлением науки об антибиотиках, с их широким применением в нашей стране. Большое число раненых в первом периоде Великой Отечественной войны требовало интенсивной разработки и немедленного введения в медицинскую практику высокоэффективных препаратов для борьбы с раневой инфекцией. Именно в это время (1942) З.В. Ермольевой и ее сотрудниками во Всесоюзном институте эпидемиологии и микробиологии был найден активный продуцент пенициллина и выделен первый отечественный пенициллин – крустозин. Уже в 1943 г. лаборатория начала готовить пенициллин для клинических испытаний. Работая практически круглосуточно, в чрезвычайно трудных условиях военных лет, З.В. Ермольева и ее ученики Т.И. Балезина, Л.М. Левитов, В.А. Северин, А.П. Уразова, Ф.Ф. Цуриков, М.И. Жилабо получали, испытывали на активность, стерильность и безвредность и отправляли в клиники драгоценный препарат.

Первые испытания проводились хирургами нескольких клиник Москвы под руководством проф. И.Г. Руфанова, но в основном в Яузской больнице, где размещался эвакогоспиталь. Именно здесь, в Яузской больнице, пенициллин, созданный под руководством Зинаиды Виссарионовны, получил всеобщее признание. В начале 1944 г. здесь было проведено сравнение эффективности отечественного и английского пенициллинов, которые привез один из его создателей, знаменитый Г. Флори из Оксфорда. Лечение проводили в двух группах



З.В. Ермольева и сэр Говард Флори. 1944 г.  
(Фото Р.А. Чауриной; Биология. 2000. № 19)

раненых с сепсисом, находившихся в одинаково тяжелом состоянии. И хотя отечественный пенициллин – крустозин был менее очищен и его применяли в меньших дозах, эффект лечения был не хуже, чем при применении английского препарата. Флори, симпатизировавший женщине-ученой, звал ее «Госпожа Пенициллин». Но услышав, что коллеги называют Ермольеву «ханум» (из-за нескольких лет, проработанных в Азии), переименовал в «Пенициллин-ханум».

В составе бригады, возглавляемой главным хирургом Советской Армии Н.Н. Бурденко, З.В. Ермольева выезжала на 1-й Прибалтийский фронт, где отечественный пенициллин был успешно применен для предупреждения осложнений при тяжелых ранениях. При непосредственном участии З.В. Ермольевой уже в конце 1944 г. на базе фабрики эндокринных препаратов в Москве был открыт экспериментальный цех, который начал выпуск жидкого концентрированного пенициллина. Так, в годы Великой Отечественной войны начался путь отечественного пенициллина, созданного Зинаидой Виссарионовной Ермольевой. Многогранный опыт работы по этой проблеме был обобщен ею в известной монографии [2]. Позже под руководством З.В. Ермольевой были созданы и внедрены в производство многие новые антибиотики и их лекарственные формы, в том числе стрептомицин, тет-

рациклин. Следует подчеркнуть, что Зинаида Виссарионовна всегда активно участвовала в организации промышленного производства антибиотиков в нашей стране.

В 1960 г. группа ученых, возглавляемая З.В. Ермольевой, впервые в нашей стране получила противовирусный препарат интерферон. Этот препарат был применен впервые для лечения тяжелой формы гриппа в 1962 г. и как профилактическое средство. Препарат применяется и в настоящее время для профилактики гриппа и других острых респираторных вирусных инфекций, а также для лечения ряда вирусных заболеваний в глазной и кожной практике.

После войны Зинаида Ермольева стала представлять Советский Союз во Всемирной организации здравоохранения. Выбор пал на нее не случайно. Она отлично знала языки, а количество ее заслуг перед отечественной медициной было выдающимся. В 1956 году эпидемиолог возглавила Комитет ВОЗ по антибиотикам. На этом посту Зинаида Ермольева оставалась до конца жизни.

С 1945 по 1947 г. З.В. Ермольева – директор Института биологической профилактики инфекций. В 1947 г. на базе этого института был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт пенициллина (в последующем Всесоюзный научно-исследовательский институт антибиотиков), в котором она заведовала отделом экспериментальной



З.В. Ермольева. 60-е гг. (Фото из АИФ 12.03.2017)



терапии. Одновременно с 1952 г. и до конца жизни Зинаида Виссарионовна возглавляла кафедру микробиологии и лабораторию новых антибиотиков

Перу З.В. Ермольевой принадлежит более 500 научных работ, в том числе 6 монографий. Заслуживают особого упоминания такие работы, как «О лизоциме» (1933, совместно с другими), «О бактериофаге и его применении» (1939), «Холера» (1942), «Пенициллин» (1946), «Пути развития рациональной антибиотикотерапии» (1957), «Антибиотики, интерферон, бактериальные полисахариды» (1971) и др.

Ермольева была членом международных комиссий, редакций, обществ, представляющих исследования по антибиотикам и бактериологии. На Родине ее заслуги были отмечены членством в АМН СССР, многими высокими наградами и Государственной премией. Она сделалась известной на всю страну благодаря Вениамину Каверину. Писатель использовал биографию Зинаиды Виссарионовны в качестве прототипа истории жизни главной героини своего романа «Открытая книга». Итак: девочка из небогатой провинциальной семьи получает в 1917 г. право получить высшее образование и возможность реализовать полученные знания в выбранной области. Она достигает головокружительного успеха в науке, создаст научную школу, подготовит учеников. И это все ей дала советская власть. Но эта же власть отняла у нее женское счастье.

Первым мужем Ермольевой, ее самой большой любовью, был Лев Александрович Зильбер, крупнейший советский эпидемиолог, трижды арестованный в годы сталинских репрессий. Брак был недолгим. Вторым мужем Ермольевой стал микробиолог Алексей Александрович Захаров.

В 1937 г. Зильбер был арестован по обвинению в злонамеренном распространении вирусных инфекций. В это же время арестован и Захаров. Ермольева, используя свое имя, пыталась помочь обоим, бесстрашно обращаясь в самые высокие инстанции. Захаров по одним сведениям был расстрелян в 1938 г., по другим – умер в тюремной больнице в 1940 г. Зильбер до 1944 г. находился в заключении. Ермольева делает своим союзником главного хирурга армии Н.Н. Бурденко, который подписывает письмо, направленное в Кремль. В результате Зильбер выходит на свободу. Вот такая противоречивая судьба: одно дает, другое забирает [3].

З.В. Ермольева умерла 2 декабря 1974 г., проводя очередную конференцию.

## Литература, источники, примечания

1. *Ермольева З.В.* Холера. М.: Медгиз, 1942. С. 22.
2. *Ермольева З.В.* Пенициллин. М.: Медгиз, 1946. 157 с.
3. [Электронный ресурс]: <http://fb.ru/article/242126/zinaida-vissarionovna-ermoleva-biogr-afiya-i-foto>

## «Работать и без докторского звания недурно» (Татьяна Алексеевна Добролюбова)

*С.К. Пухонто*

Татьяна Алексеевна Добролюбова (25(12)01 1891–24.07.1972) известна как крупнейший палеонтолог – теоретик, специалист по палеозойским кораллам, как одна из первых женщин – геологов и палеонтологов «черновской группы», созданной профессором Московского Императорского университета Александром Александровичем Черновым. С ее именем связан целый этап в изучении природных богатств Северного Урала и территории Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции. Т.А. Добролюбова – первооткрыватель месторождений полезных ископаемых. Но все-таки значительную часть своей жизни Татьяна Алексеевна посвятила палеонтологии и, в основном, изучению верхнепалеозойских кораллов, проработав в Палеонтологическом институте РАН 29 лет – с 1 июля 1936 г. по 1 июня 1965 г. Она занималась описанием каменноугольных и пермских кораллов, изучала не только систематику, но и онтофилогению и формообразование, направление и темпы эволюции кораллов, их связь со средой обитания. Ею опубликовано 39 работ, в том числе 6 монографий. 9 работ остались в рукописи. Первые 12 работ были тесно связаны с геологической съемкой и стратиграфией, составлением геологических карт на эту обширную территорию, остальные – палеонтологические, и начиная с 1935 г., все они посвящены ругозам карбона и перми Урала, Русской платформы и Кузбасса. Уже первая публикация, связанная с изучением колониальных кораллов RUGOSA Подмосковского бассейна, опубликованная в 1935 г. [1], показала их важное стратиграфическое значение и значение для познания жизни бассейна. Эта работа содержит исчерпывающий материал по монографическому изучению распространенных и руководящих видов. Массивные колониальные ругозы, появляющиеся здесь во множестве, указывают на мячковский горизонт среднего карбона. На основании полученных данных уже в этом же

году был издан «Определитель колониальных кораллов RUGOSA среднего карбона Подмосковского бассейна» [2], содержащий результаты монографической обработки важнейших таксонов, что использовалось для полевых и буровых работ и как руководство для вузов и втузов по специальным курсам палеозоологии. Позднее (1948) в Трудях Палеонтологического института АН СССР Т.А. Добролюбовой был опубликован фундаментальный труд, посвященный стратиграфическому распределению и эволюции кораллов ругоза среднего и верхнего карбона Подмосковского бассейна, появлению которого предшествовали многолетние исследования [3]. В этой работе был установлен систематический состав коралловой фауны, выявлено ее распространение в разных горизонтах карбона бассейна, изменение в вертикальном направлении и причины таких изменений. В дальнейшем предметом ее исследований стали и другие типы кораллов.

Работа была главным делом Татьяны Алексеевны, «... ее жизнью, сущностью бытия и большой радостью. Ей она отдавала все свое время и силы. В работе она отличалась тонкой наблюдательностью, настойчивостью, умением отделять главное от второстепенного, чувством нового. Тщательно собрать факты, установить связь между ними, понять закономерность развития организмов – вот кредо Татьяны Алексеевны» (из воспоминаний Н.В. Калашникова) [4. С. 12]. «... Т.А. не делала разницы между любимым и нелюбимым делом, она одинаково выполняла любую необходимую работу, включая техническую, но настоящее удовольствие и удовлетворение ей доставляла работа мысли, труд творческий...», – так отзывался о Добролюбовой патриарх советской геологии академик Дмитрий Васильевич Наливкин, хорошо ее знавший [5]. Эти качества были заложены в детстве и получили свое развитие на естественном отделении физико-математического факультета Московских Высших женских курсов (1909–1915 гг.).

Татьяна Алексеевна Добролюбова родилась 25 (12) января 1891 г. в г. Лукоянов Нижегородской губернии. Родители происходили из духовенства: отец – Алексей Алексеевич (1856–1904), юрист, судебный следователь Нижегородского окружного суда, окончил юридический факультет Варшавского университета; мать – Анна Николаевна (урожденная Декапольская) (1859–?) – окончила в 1871 г. приходское женское училище и в течение 1881–1885 гг. продолжала обучение на фельдшера-акушерку в Петербурге. В 1885 г. вышла замуж за А.А. Добролюбова и в дальнейшем занималась воспитанием детей и домашним хозяйством. Детей в семье было трое.

В 1901 г. Татьяна Алексеевна поступила в Нижегородскую 2-ю женскую гимназию, которую окончила в 1909 г. и получила звание домашней учительницы по русскому языку и математике. В этом же году семья переехала в Москву. Поселились они в небольшом 2,5-этажном старом доме на берегу р. Москвы. Семья, состоявшая из мамы, брата и няни, жила на верхнем этаже в трех небольших комнатах. Доброжелательность, трудолюбие, редкая доброта, высокая принципиальность, сильная воля – такими качествами обладала Татьяна Алексеевна благодаря своей семье. В этой квартире Татьяна Алексеевна прожила 62 года – с 19 лет.

По приезде в Москву Татьяна решила поступать на историко-филологический факультет Московских Высших женских курсов и стать юристом, как ее брат, который уже учился в университете на юридическом факультете. Однако, попав в канцелярию курсов, передумала и поступила на естественное отделение физико-математического факультета, которое окончила в 1915 г. с дипломом первой степени. По окончании учебы 3,5 года преподавала в гимназии Кропоткиной географию и природоведение. Как человек любознательный и энергичный, она в качестве туриста в 1911 г. на два месяца ездила в Италию, а в 1914 г. – в Финляндию, где на лодке путешествовала по шхерам. Летом 1918 г. Татьяна решила побывать в Сибири. Доехала только до Красноярска. Шла гражданская война, которая помешала вернуться в Москву. Она вынуждена была остаться в Минусинске, устроилась там на работу в гимназию, где преподавала арифметику, русский и французский языки. Здесь у нее проснулся интерес к геологии, возникший с гимназических времен во время экскурсии по Крыму, когда она впервые увидела настоящие горы и загорелась желанием узнать, как они образуются. В окрестностях Минусинска Татьяна Алексеевна осмотрела каменноугольные копи и впервые познакомилась с остатками фауны.

В Москву путешественница вернулась только весной 1919 г. и устроилась на работу научным сотрудником в музей-склад теневых картин и кинолент, проработав на этой должности до 1924 г. Но в это время она уже занималась преподаванием и геологической съемкой [5. С. 126]. В октябре 1920 г. Т.А. Добролюбова была оставлена при II Московском университете для подготовки к преподаванию при кафедре геологии, которой руководила В.А. Варсанофьева, а с 1922 г. по 1930 г. была ассистентом этой кафедры. Так она попала в группу профессора А.А. Чернова, состоящую из выпускниц Московских Высших женских курсов и специализировавшуюся в области геологии. С курсистками этой группы она познакомилась еще во время учебы, когда слушала лекции по

геологическим дисциплинам. Вместе с В.А. Варсанюфьевой начала изучать подмосковные известняки. А в 1921 г. она впервые поехала в Печорский край в составе экспедиции А.А. Чернова.

В 1921 г. в Москве была создана Северная научно-промысловая экспедиция, ставшая потом Институтом по изучению Севера (Арктический институт). Нужно было обследовать Тиманский кряж, западный склон Полярного и Приполярного (тогда Северного) Урала и территорию между этими структурами. Это были области, перспективные для поисков месторождений полезных ископаемых. Возглавить эту работу предложили Александру Александровичу Чернову. К изучению Европейского севера России он привлек своих учениц по Московским Высшим женским курсам – В.А. Варсанюфьеву, М.И. Шульгу-Нестеренко, Е.Д. Сошкину, Д.М. Раузер-Черноусову и, конечно, Т.А. Добролюбову. Помимо «черновского монастыря», в работе участвовали Н.Н. Иорданский, Е.А. Шебарова, Н.В. Литвинович и некоторые другие. И с этого года он и его ученицы почти 10 лет исследовали Северный Урал, Тиман, Пай-Хой, бассейн Среднего и Верхнего течения р. Печора. За период с 1921 по 1932 гг. этой группе удалось исследовать реки Печора, Адзъва, Косью, Уса, Большая и Малая Кожва, Большая Сыня, Кожым, Щугор, Ильч, Подчерем, Большая Инта, Вуктыл и др. и составить десятиверстные геологические и геоморфологические карты трех листов – 122, 123, 124. Были открыты месторождения угля, горючих сланцев, асфальтитов, золота, пьезокварца, железистых и марганцевых руд и собран огромный палеонтологический материал, который лег в основу многих монографий палеонтологов, в том числе и учениц А.А. Чернова [6].

Т.А. Добролюбова внесла большой вклад в изучение Печорского края: ею впервые была создана стратиграфическая схема верхнепалеозойских отложений, что явилось значительным событием для европейского Севера; впервые была изучена тектоника Северного Приуралья и на правом берегу Средней Печоры были выделены три крупные антиклинальные структуры, одна из которых – Вуктыльская – наиболее перспективная для поисков каменных углей, нефти и газа. В дальнейшем здесь были открыты Вуктыльское газоконденсатное месторождение и Вуктыльское месторождение каменного угля. В проведенных экспедициях Татьяна Алексеевна сформировалась как геолог и палеонтолог, занимаясь определением верхнепалеозойских кораллов, став впоследствии крупнейшим специалистом по изучению этой группы животных не только в нашей стране, но и за рубежом.

После окончания работ на Уральском Севере, она с 1931 г. по 1934 г. работала палеонтологом в нефтяных организациях – в Тресте «Восток-нефть», в Нефтяном геологоразведочном институте и в «ГЕОМИН» (позже ВИМС). Вместе с ней изучением органических остатков занимались и другие курсистки: Е.Д. Сошкина, Д.М. Раузер-Черноусова и ученица Добролюбовой – Н.В. Кабакович, ее бессменный помощник и друг. И вся эта компания плюс Т.Г. Сарычева и Е.И. Иванова стараниями академика А.А. Борисяка в 1936 г. была переведена в Палеозоологический институт, позднее переименованный в Палеонтологический институт АН СССР, который стал центром палеонтологических исследований в России. К этому времени Татьяна Алексеевна зарекомендовала себя не только как выдающийся геолог, но и как серьезный палеонтолог, опубликовав несколько работ о колониальных кораллах ругоза среднего карбона Подмосковского бассейна. И в 1938 г. Ученый совет МГРИ присуждает ей без защиты диссертации ученую степень кандидата геолого-минералогических наук. В дальнейшем ею были выполнены большие работы по систематике палеозойских кораллов и закономерностям их развития, что было опубликовано в капитальном труде «Основы палеонтологии» [7], где дано описание нескольких отрядов и подотрядов четырехлучевых кораллов. Детально изучив ругозы карбона и их онтогенез, она сделала попытку выяснить закономерности их формообразования: «... в одних случаях, когда ругозы переживали быструю эволюцию, их онтогенез усложнялся. В других – при медленной эволюции – он был простым, почти неизменным» [7. С. 288]. Академик А.А. Борисяк призывал Т.А. Добролюбову готовить работу к защите докторской диссертации, но сама она этого не хотела. В письме к нему она писала: «Относительно докторской диссертации говорить не стоит. Мне не хочется тратить время на нее, и так его много пропало. Работается и без докторского звания недурно. Для правильной оценки работы даже полезнее быть не доктором. То, что делает доктор, меньше критикуется, чем то, что делает небольшой рядовой работник, а критика для моей работы необходима» [5. С. 129].

Научные достижения Татьяны Алексеевны были высоко оценены научным сообществом и государством. В 1953 г. она была награждена Орденом Ленина и медалями: «За оборону Москвы» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». И это были заслуженные награды. Во время Великой Отечественной войны Палеонтологический институт был эвакуирован из Москвы в Алма-Ату. Отправлялись самые ценные коллекции. Однако много палеонтологи-

ческих экспонатов осталось в Палеонтологическом музее. «Институт был приведен в состояние, годное для длительного хранения, и 29 ноября институт, а 1 декабря – Музей в присутствии комиссии Академии наук были переданы на хранение уполномоченному ПИН АН СССР в Москве Т.А. Добролюбовой». Еще оставались в Москве Н.В. Кабакович и три пожарника, которые в очень трудных военных условиях обеспечивали полную сохранность научного материала и имущества [8. С. 11].

Татьяна Алексеевна до самой своей кончины занималась научно-исследовательской работой, продолжая изучать ископаемые кораллы, часто «на общественных началах». Она всегда была несколько замкнутым человеком и общественной деятельностью не увлекалась, но и не избегала ее. Она была членом Московского общества испытателей природы с 1969 г. и членом Всесоюзного палеонтологического общества. Ее характеризовали как исключительно скромную, немногословную, но очень внимательную и ответственную женщину. Она руководила своими учениками, которые работали не только в ПИНе, но и в других научных и производственных организациях. Она никогда не прерывала связи с геологами и палеонтологами Печорского края, безвозмездно определяя коллекции ископаемых органических остатков и давая консультации. Одним из молодых палеонтологов был Н.В. Калашников из Института геологии Коми НЦ УрО РАН, который на основании дневников Т.А. Добролюбовой, переданных ему Н.В. Кабакович, достаточно полно охарактеризовал трудный путь Татьяны Алексеевны в первые годы ее становления как геолога и палеонтолога, что нашло отражение в его книге [4].

Скончалась Татьяна Алексеевна Добролюбова 24 июля 1972 г. в Москве после долгой тяжелой болезни и похоронена на Даниловском кладбище в могиле матери и брата.

## **Литература, источники, примечания**

1. *Добролюбова Т.А.* Колониальные кораллы RUGOSA среднего карбона Подмосковского бассейна // Объединенное научно-техническое издательство НКТП СССР. М.; Л., 1935. 65 с. (Тр. ВИМС).
2. *Добролюбова Т.А.* Определитель колониальных кораллов RUGOSA среднего карбона Подмосковского бассейна // Объединенное научно-техническое издательство НКТП СССР. М.; Л., 1935. 29 с. (ГГГ ГУ НКТП СССР, ВИМС).



3. *Добролюбова Т.А.* Стратиграфическое распределение и эволюция кораллов RUGOSA среднего и верхнего карбона Подмосковского бассейна // Труды ПИН АН СССР. Т. XI, Вып. 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 71 с.
4. *Калашиников Н.В.* Геологические исследования Т.А. Добролюбовой в Печорском крае (1921–1931 гг.). Екатеринбург: УрО РАН, 2002. 100 с.
5. *Наливкин Д.В.* Наши первые женщины-геологи. Л.: Наука, 1979. С. 121–132.
6. *Пухонто С.К.* Геологи европейского севера России: научные школы А.А. Чернова и К.Г. Войновского-Кригера // История наук о Земле. Сб. статей. Вып. 3. М.: ИИЕТ РАН, 2009. С. 55–62.
7. Основы палеонтологии – «Губки, археоциаты, кишечнополостные, черви». М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 286–345.
8. *Бодылевская И.Н.* Академик А.А. Борисяк и Палеонтологический институт в годы войны 1941–1945 гг. М.: ПИН РАН, 2008. С. 11.

## Три судьбы

*Г.Н. Яковлева, Б.Ф. Богатиков*

«Возродится Россия, не может Россия  
не возродиться. Не может Россия  
существовать без науки, не может;  
причем, в России есть очень много  
талантливых людей».

*В.В. Черная (Чичагова)*

Современные историки науки в большинстве своем рассматривают женские исследования в любых научных дисциплинах как часть «женской истории». Очевидно, что в последние годы постепенно происходит возвращение имен женщин в историю химии. За рубежом история вклада женщин в развитие отдельных наук с их основания уже во многом написана. Имеется целый ряд энциклопедических изданий, посвященных этой проблематике. «Возвращение» женщин в химическую науку и промышленность выразилось в появлении даже целых глав в разделах учебников [1].

С другой стороны, на протяжении многих веков женщины как социальная группа занимали в обществе, в котором доминировали мужские ценности, подчиненное положение. В России положение женщин в обществе начало меняться, пожалуй, во времена царствования Петра I. В частности, именно в это время появились первые проекты женских образовательных учреждений. При Елизавете были созданы пер-

вые частные женские пансионы, организованные иностранцами. С момента создания в XVIII в. первого в России университета Сенатом был издан «указ о допуске женщин» (1757) в это учебное заведение. Известно, например, что женщины присутствовали на лекциях по физике.

Царствование Екатерины II ознаменовано разработкой новой просветительской концепции государства, важнейшей составляющей которого было начало систематического образования женщин. В эти годы создается Воспитательное общество благородных девиц и открывается Смольный институт, с 1784 г. возрождается традиция чтения академиками публичных лекций в области естествознания, на которых могли присутствовать и дамы. Такие перемены в образовательной политике давали свои плоды: в России появляется значительное количество женщин-писательниц, женщин-переводчиц художественной и научной иностранной литературы.

И только в конце XIX века происходит перелом в общественном осознании так называемого женского вопроса. Женщины начинают активно посещать лекции в университетах в качестве вольнослушательниц. Наконец, в 1870–1890-х годах начинают появляться публичные курсы для женщин. А в 1900 году указом его императорского величества в Москве открываются Московские высшие женские курсы (МВЖК), которые наряду с «бестужевскими» курсами в Петербурге

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ.  
Высших Женских Курсов, г. Москва.



явились по сути первым высшим учебным заведением в России для женщин. МВЖК имели в своем составе три факультета: историко-философский, медицинский и физико-математический, в недрах которого с самого начала образовалась сильная химическая секция. В 1908 году на Б. Царицынской улице близ Девичьего поля было построено здание физико-химического института МВЖК. После революции в 1918 году МВЖК преобразованы во 2-й Московский государственный университет, а в 1931 году химико-фармацевтическое отделение 2-го МГУ преобразовано в Московский институт тонкой химической технологии (с 1940 г. МИТХТ им. М.В. Ломоносова).

В данной статье предпринята попытка проследить судьбу трех выпускниц МИТХТ, начиная со времен МВЖК, которые по праву составили гордость и славу нашего Отечества.

**Ольга Николаевна Цубербиллер** – выпускница МИТХТ (МВЖК), выдающийся ученый-математик, педагог, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Путь в науку был нелегок, однако ценой огромных усилий О.Н. Цубербиллер стала ученым-математиком, выдающейся женщиной-профессором, заслуженным педагогом, которой принадлежит известнейший задачник по аналитической геометрии [2].

Ольга Николаевна Цубербиллер (девичья фамилия Губонина) родилась 7 сентября 1885 г. в Москве. О семье Ольги Николаевны известно немного. Отец, Н.П. Губонин, из крепостных крестьян, получил дворянство за свои заслуги в развитии образования в Российской империи, умер рано, в 1918 году. Мать, Н.К. Губонина всю свою жизнь посвятила детям и домашнему хозяйству, до конца жизни находясь на иждивении дочери [3]. В 1907 году Ольга Николаевна Губонина, выходит замуж за Владимира Владимировича Цубербиллера, товарища председателя Московского окружного суда. Но семейное счастье длилось недолго. В 1910 году О.Н. Цубербиллер становится вдовой.

Свое образование будущий математик начала в московской гимназии Арсеньевой, где в 1903 году окончила 8 классов. Тяга к знаниям (возможно, полученная по наследству от отца) подтолкнула



Прив.-доц.  
О.Н. Цубербиллер

Ольгу к поступлению на Московские высшие женские курсы – единственный вид учебных заведений, где в Российской империи женщине было возможно получить высшее образование. Итак, обучаясь на физико-математическом факультете МВЖК с 1903 по 1908 год, по окончании Ольга Николаевна получила диплом I степени. Сегодня это означало бы «окончить с красным дипломом». В Центральном государственном архиве г. Москвы хранятся подлинные документы, принадлежавшие О.Н. Цубербиллер. В дипломе МВЖК и предметной («зачетной») книжке № 444, выданных Ольге Губониной (Цубербиллер), отметки – только «5» по всем предметам. Это свидетельствует о незаурядных способностях, непомерном трудолюбии и любви будущего математика к естественным наукам. На МВЖК она изучала такие предметы, как алгебра, геометрия, тригонометрия, аналитическая геометрия, физика, химия и др. Кроме того, Ольга Николаевна владела тремя иностранными языками: немецким, французским, немного английским.

В то время путь женщин к высшему образованию, а тем более в науку, был нелегко и тернист. Ольга Цубербиллер училась на МВЖК в первые годы их существования, и тем более ценными для нас оказываются ее воспоминания об этом учебном заведении. Вот что она рассказала в своей статье «Курсистки», опубликованной в журнале «Советское студенчество» за 1949 год [4]. В год курсистка платила 100 рублей за обучение – в дореволюционной России сумма огромная. Это было по силам не каждой семье, а день уплаты становился для курсистки драмой, ведь за неуплату исключали с курсов. Бывали даже случаи, когда девушка кончала жизнь самоубийством, если не могла собрать необходимой суммы. Питались студентки МВЖК скудно: обед в студенческой столовой стоил 20 копеек, и не многие курсистки могли себе его позволить, поэтому обходились дешевым стаканом чая и маленьким кусочком хлеба. В первые годы после открытия у курсов не было ни помещений для занятий, ни библиотеки – студенты и преподаватели ютились по съемным квартирам и арендованным помещениям. И даже такие суровые условия обучения не смогли помешать будущему математику овладеть всеми премудростями увлекательнейшей из наук и стать знаменитым ученым и педагогом своего времени.

Любимым преподавателем Ольги Николаевны на курсах был выдающийся математик Болеслав Корнелиевич Млодзеевский. Будучи курсисткой, с 1908 года она оказывала помощь Б.К. Млодзеевскому и читала лекции по математическим дисциплинам. В первый год, когда женщины в Российской империи были допущены к государственным

экзаменам, в 1913-м, О.Н. Цубербиллер держала экзамен в Государственной испытательной комиссии при Московском университете. Она представила сочинение «О некоторых топологических свойствах замкнутых поверхностей». Сейчас это было бы равноценно защите кандидатской диссертации. А тогда Ольга Николаевна получила диплом первой степени и право преподавать. Помимо чтения лекций в университете, она активно занималась научной деятельностью. Состояла сразу в двух уважаемых в Москве математических кружках. С 1907 г. по 1917 г. она являлась организатором и бессменным председателем математического кружка выпускниц МВЖК. О.Н. Цубербиллер являлась также членом и секретарем знаменитого Московского математического кружка, вплоть до 1923 года. В этот кружок, по воспоминаниям современников, было крайне тяжело попасть – только по протекции двух действующих членов этого кружка. Его членами были виднейшие математики того времени, такие, как К.А. Андреев, В.В. Бобынин, А.В. Васильев, А.К. Власов, А.Ф. Гатлих, Д.Ф. Егоров, Б.К. Млодзеевский, А.И. Некрасов, И.А. Флеров и др. После революции 1917 года Ольга Николаевна не прекратила свою научную и педагогическую деятельность. В 1919 году она работала на физико-математическом факультете МГУ вплоть до 1930 года. Там кроме своего основного предмета – аналитической геометрии – она руководила семинарами по дифференциальной и проективной геометрии. Одновременно Ольга Николаевна работала доцентом и во II МГУ на вновь организованном химико-фармацевтическом факультете: читала курсы по высшей математике, а с 1922 по 1930 год – на педагогическом факультете.

Ольга Николаевна была чрезвычайно трудоспособной и сильной личностью, посвящавшей работе большую часть своего времени. И в 1927 году профессор О.Н. Цубербиллер становится первой женщиной – заведующей кафедрой математики на химическом факультете II МГУ. Она продолжала исполнять обязанности заведующего кафедрой высшей математики и после реорганизации II МГУ уже в Институте тонкой химической технологии вплоть до выхода на пенсию в 1965 году.

Учащиеся любили и уважали ее за силу воли и за прекрасные отношения со студентами. При объединении всех Московских химико-технических институтов в 1930 г. Ольга Николаевна была назначена председателем Объединенных математических кафедр Единого московского химико-технологического института (ЕМХТИ). Можно только удивляться, как она находила дополнительно время в сутках для выполнения всей своей работы, при этом оставалась одним из люби-

мейших преподавателей. Она находила время для проведения консультаций и дополнительных занятий для студентов, для выпускников, аспирантов и даже для преподавателей других кафедр, руководила студенческими кружками.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на трудности, не погас пыл преподавательской и научной работы Ольги Николаевны Цубербиллер. Она проводила активную педагогическую и научно-методическую работу. А в 1942 году стала заведовать еще и кафедрой теоретической механики в МИТХТ. Она управляла параллельно сразу двумя кафедрами и заставляла их работать просто в «убойном» режиме.

Будучи старейшим преподавателем МИТХТ в 1965 году, в возрасте 80 лет, Ольга Николаевна вышла на пенсию. Профессора О.Н. Цубербиллер провожали на пенсию с уважением и почетом. Один лишь факт: после ее ухода портрет Ольги Николаевны висел на парадном месте на кафедре более 30 лет. За годы работы в МИТХТ она была премирована как лучший работник более 50 раз. За свои выдающиеся заслуги в научной и педагогической деятельности О.Н. Цубербиллер была удостоена высших государственных наград СССР – ордена Ленина (1953), ордена «Знак Почета» (1944), награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946), а также звания Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР (1958). За более чем полувековую преподавательскую деятельность профессор О.Н. Цубербиллер написала более 30 книг, учебных пособий и других научных работ. Ее классический задачник по аналитической геометрии выдержал более 30 переизданий (!). Этот главный труд в жизни Ольги Николаевны был переведен на несколько иностранных языков, в том числе на чешский, китайский, польский и немецкий.



Жизнь и научная деятельность химика **Наталии Сергеевны Домбровской** являет собой хрестоматийный пример трудного пути ученого в советскую эпоху: «через тернии репрессий к звездам науки» [2].

Наталия Сергеевна Домбровская родилась 21 февраля 1896 года в далеком провинциальном городе Андижане в Средней Азии в дворянской семье потомственных офицеров. Дед, Владимир Домбровский,

был участником Крымской войны и героем обороны Севастополя. Отец – Сергей Владимирович, также нес службу в рядах императорской армии, а на момент рождения дочери занимал должность местного уездного участкового пристава. В семье, помимо Наталии, было еще двое детей – старший брат Борис и сестра Ольга [5].

В 1905 году Наталия Сергеевна поступает во Владивостокскую женскую гимназию имени цесаревича Алексея. Она была прилежной ученицей с отличным поведением, и в учебе ей сопутствовал успех – гимназию Наташа закончила с серебряной медалью.

После окончания 7 классов гимназии Н.С. Домбровская подает прошение на имя директора Московских высших женских курсов (МВЖК) о зачислении ее на естественное отделение. Уже тогда у Наташи проявился особый интерес к естественным наукам. Она успешно поступила на выбранное отделение и уехала из Владивостока в Москву.

Наталия была образцовой курсисткой, получая высшие оценки. Воспитанием и образованием будущего выдающегося химика Н.С. Домбровская во многом обязана таким выдающимся ученым и профессорам как А.Н. Реформатский, С.С. Наметкин и С.Г. Крапивин, которые вели на МВЖК университетский курс химии. Именно они помогли Наталии Сергеевне развить талант и постичь азы этой увлекательной науки.

После двух лет обучения для Наталии Сергеевны наступили трудные времена – с 1914 года из-за финансовых трудностей семья не может в срок оплачивать обучение. Приходится часто просить об отсрочке и освобождении от платы за обучение. В 1916 году заболевает мама, Наталия Леопольдовна, и чтобы навещать ее, Наташа берет отпуска и все чаще пропускает учебу. В ноябре 1917 года, не закончив курсы (по программе предстояло учиться еще 2 года, она не завершила курс и не держала экзамены по таким важным профильным предметам, как органическая химия и минералогия), Наташа по семейным обстоя-



Н.С. Домбровская



вам возвращается домой. А в 1920-м году ее постигает очередной удар – умирает отец. Но Наталия Сергеевна не сдалась. В 1921 году она закончила Государственный Владивостокский Политехнический институт, сдав все экзамены, и тем самым завершила курс высшего образования. Кроме того, в октябре 1922 г. она получает в этом университете должность кандидат-доцента на кафедре физической химии. Одновременно Домбровская преподает химию во Владивостокской объединенной женской гимназии. Она также посылает запрос в Москву во 2-й Московский государственный университет (бывшие МВЖК) с целью получить диплом МВЖК, предоставив свои результаты из Владивостокского института, где она полностью завершила программу курсов. В 1924 году решением ректора 2-го МГУ ей выдается диплом о высшем образовании.

Начало научно-исследовательской деятельности Н.С. Домбровской приходится на 1925 год, когда она переезжает в Ленинград и становится научным сотрудником Лаборатории общей химии Химического института АН СССР под руководством академика Н.С. Курнакова. Уже через 2 года Наталия Сергеевна защищает кандидатскую диссертацию. Минералы и тесно связанные с ними соли стали главным объектом изучения в исследовательской деятельности Н.С. Домбровской. Работая в лаборатории, она познакомилась со своим будущим мужем Андреем Бергманом, который занимался схожими проблемами в химии. В 1929 году выходит их совместная статья в журнале Русского физико-химического общества «Об обменном разложении в отсутствии растворителя». В том же году у них рождается сын Георгий. Профессиональная и личная жизнь стали налаживаться, но безжалостная полоса репрессий 1930-х годов затронула и семью Домбровских, прервав научную деятельность Наталии Сергеевны.

Рубежом в жизни Н.С. Домбровской стал 1937 год – она тоже попадает в жернова по устранению неблагонадежных кадров. Летом 1937 г. Н.С. Домбровская встречается с братом Борисом, заведующим кафедрой общей геологии Новочеркасского Индустриального института. В это время проходила проверка в геологической лаборатории, где ученый хранил опытные образцы. Однако хранение минералов признается «антисоветским»: ископаемые хранились обернутыми в газеты, на которых присутствовали портреты и фотографии государственных деятелей и партийного руководства. Дальнейшая судьба Бориса Домбровского была определена ст. 58 УК РСФСР – «измена Родине, подстрекательство», что означало только одно – расстрел. Отголоском

летней встречи с братом явился стук в дверь квартиры Наталии Сергеевны работников НКВД 23 сентября 1937 года. По воспоминаниям сына Наталии Сергеевны Г.А. Бергмана: «при задержании, присутствовавшие свидетели были людьми с опытом, подсказали маме взять теплые вещи и шубу, которые ей оченьгодились. Так мама была увезена в неизвестном направлении и, вестей о ней не было полтора года» [6]. Приговор от 1938 г. был приведен в исполнение: мерой наказания стало лишение свободы на 10 лет с правом переписки с последующей высылкой в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛag) в Соликамск, исторически известный по добыче калийной руды. Инициатором разработки калийных месторождений в Соликамске был некогда научный руководитель Домбровской – Николай Семенович Курнаков. Весной 1941-го начат пересмотр ее дела. В итоге: высылка из Москвы на 5 лет и преподавательская деятельность в фабрично-заводском училище (ФЗУ). Новый дом, обретенный Н.С. Домбровской в городе Александрове, стал временным убежищем до конца периода исполнения наказания.

Год 1946 – год возвращения в науку. Благодаря знакомству с Н.С. Курнаковым появляется возможность вести научную деятельность в стенах Института общей и неорганической химии АН СССР (ИОНХ). Работая там в течение двух лет, она изучала проблематику солей Карабугазского залива. Но довести исследования до логического конца не



Баракы ИТЛага, Соликамск

удается: Н.С. Домбровскую увольняют из института без объяснения причин. Это было отголоском лагерного прошлого, поставившего клеймо, отвращающее от человека, дающего поводы усомниться не только в благонадежности, но и в компетентности.

Случайно узнав о наборе специалистов в новую химико-аналитическую лабораторию при Институте химического машиностроения (НИИХИММАШ), Наталия Сергеевна пишет обращение директору института с просьбой принять ее, а также прошение о личной встрече. Академик Николай Антонович Доллежал с большим пониманием относится к ее просьбе. Вероятно, сказалось то, что в 30-е годы сам Н.А. Доллежал имел опыт пребывания под следствием. Так Н.С. Домбровская получает должность заведующего лабораторией, где и проработает бессменно в течение 32 лет. Через 4 года после вступления в должность она защитит докторскую диссертацию на тему «Безводные солевые многокомпонентные системы».

На примере Н.С. Домбровской, выпускницы МВЖК–МИТХТ, можно видеть, как тернист бывает путь к свету науки. Но, как бы ни был силен человек, он не сможет преодолеть тяготы жизни без помощи ближних. В истории Н.С. Домбровской такими ближними оказались не только семья и родные, но и светила той самой науки – академики Н.С. Курнаков и Н.А. Доллежал.

**Варвара Васильевна Черная (Чичагова)** – выпускница МИТХТ им. М.В. Ломоносова 1939 года, доктор химических наук, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, организатор отечественной латексной промышленности, с 1994 по 1999 гг. – игуменья Московского Новодевичьего монастыря [2].

Варвара Васильевна Черная (Чичагова) родилась 30 июля (12 августа по н. с.) 1914 года в Санкт-Петербурге в семье надворного советника, чиновника Финляндского Статссекретариата Василия Августовича фон-Резона. Ее мать, Леонида Леонидовна, была дочерью Леонида Михайловича Чичагова, принадлежавшего к одному из старейших российских дворянских родов.<sup>1</sup> Отца Варя не помнила, так как в год ее рождения он ушел на фронт Первой мировой войны и не вернулся,

---

1) *Леонид Михайлович Чичагов – офицер-артиллерист, участник русско-турецкой войны, впоследствии Митрополит Серафим – иерарх Русской Православной Церкви, подготовивший канонизацию старца Серафима Саровского, принял мученическую кончину в 1937 году на Бутовском полигоне в Москве. В 1997 году причислен к Лику Святых Русской Православной Церкви.*

пропал без вести. Мать, оставшаяся одна с двумя маленькими дочками Леонидой и Варварой, работала фельдшером в лазарете имени государыни Марии Федоровны. Детство маленькой Вари не было безмятежным и веселым. Революция 1917 года застала их в Петрограде. Леонида Леонидовна, бросив все, переехала в Москву к своему отцу архиепископу Серафиму (Чичагову). Он отправил дочь с внучками в Александровский монастырь недалеко от города Кимры, где Леонида Леонидовна стала работать в земской больнице. «В 1924 году мать уволили за религиозные убеждения, и мне пришлось в эти годы в какой-то степени добывать хлеб для нашей семьи», – напишет позже в своих воспоминаниях Варвара Васильевна [7].



В.В. Черная

После окончания семилетней школы в Новом Иерусалиме, прочившись 3 года в нефтехимическом техникуме, Варвара Резон поступает в Институт тонкой химической технологии. Главным образом по причине, что там было вечернее отделение, на котором платили стипендию. Это давало возможность совмещать учебу с работой лаборанта в Военно-химической Академии. В 1939 году Варя Резон окончила институт по специальности «Технология резины» и получила место инженера на знаменитом московском заводе «Каучук». Она не чуралась никакой работы на производстве, изучив до тонкостей специфику труда рабочего, мастера, бригадира, начальника цеха, технолога завода.

В 1941 году с началом Великой Отечественной войны завод целиком был демонтирован и эвакуирован в Свердловск. Варвара Васильевна еще оставалась в Москве. А в последних числах декабря 1941 года пришел приказ восстановить завод – нужны резиновые детали для танков, машин, авиации. Восстанавливать! Но как? Основного оборудования и документации нет, рецептуру резиновых смесей приходилось восстанавливать по памяти. Сама Варенька была мала и худа (при малом росте весила около 50 кг). Никто не мог поверить, что она справится с важным правительственным заданием – завод в то время выпускал изделия для военных нужд, для авиационной, автомобильной про-

мышленности, инженерное имущество – аэростатные заграждения, понтоны, спасательные лодки и прочее [6]. Инженерно-технических работников оставалось всего пятеро, и им пришлось заново создавать производство в пустых цехах эвакуированного завода. Как и многие работники тыла, они находились на казарменном положении: жили на заводе в течение 4-х лет, спали по 2–3 часа в сутки. Домой приходила раз в неделю на несколько часов. Задание государственной важности было выполнено. С 1942 года Варвара Резон – заместитель главного инженера завода. После войны Варвара Васильевна вышла замуж за Николая Валентиновича Черного – известного искусствоведа, знатока фарфора. Опыт инженера и организатора производства как нельзя лучше пригодились Варваре Васильевне в дальнейшем при реализации в промышленности результатов научных разработок и при руководстве большими коллективами научных работников и инженеров.

В те годы отрезанная от источников натурального каучука, расположенных в основном в Бразилии и в Индонезии, страна должна была решить проблему производства резины, особенно необходимой для военной промышленности. Проекты получения каучука из растений-каучуконосов провалились. Усилия советских ученых сосредоточились на разработке синтетической резины. Именно в этой области и проработала всю свою «академическую» жизнь В.В. Черная. Она разработала технологию получения особо тонкой мягкой резины. Тогда это было новое слово в химической промышленности. Она участвовала в создании материалов для изготовления средств защиты космонавтов и других специалистов, работающих в условиях излучений, опасных для здоровья, разрабатывала элементы скафандра и перчаток для космонавтов. С 1946 года Варвара Васильевна целиком отдается научной деятельности. В аспирантуру попала не сразу, с третьего захода и на заочное отделение. На базе завода «Каучук» был организован Научно-исследовательский институт резиновой промышленности (НИИРП). В стенах этого института небольшая группа сотрудников во главе с В.В. Черной начала исследовательские работы в совершенно новой для отечественной промышленности области – технологии изготовления резиновых изделий из латексов (водных дисперсий полимеров). В 1951 году В.В. Черная защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата химических наук на тему латексных технологий для изготовления деталей к скафандрам космонавтов. Через 6 лет постановлением Правительства СССР ранее существовавший НИИ натурального каучука реорганизуется в Научно-исследова-

тельский институт резиновых и латексных изделий – «НИИР», в котором организуется латексная лаборатория. В лаборатории НИИРа под руководством В.В. Черной был проведен комплекс физико-химических, технологических и конструкторских работ, позволивших: совместно с промышленностью синтетического каучука создать отечественные синтетические латексы взамен импортных и, тем самым, решить проблему сырьевой базы производства резиновых изделий; разработать технологические процессы производства высотных радио-зондовых оболочек с высотой подъема 30–35 км; организовать производство различных видов резиновых защитных перчаток специального назначения (кислото-щелочестойких, маслобензостойких, диэлектрических, хирургических и для работы с ракетным топливом и др.), комплектующих изделий для костюмов космонавтов и летчиков; изделий медицинского назначения (зонды, катетеры, трубки и др.), антикоррозийных покрытий, уплотнительных паст, пенорезин. Можно без преувеличения сказать, что результаты работ, выполненных под руководством и при непосредственном участии В.В. Черной, позволили создать отечественную промышленность резиновых изделий из латексов. В специализированных цехах на 12 промышленных предприятиях было организовано производство различных латексных изделий: Казанский завод резино-технических изделий (РТИ), Волжский завод РТИ «Латекс» (г. Волжский), Армавирский завод, завод РТИ в г. Калининске Саратовской области, Бобруйский завод РТИ и др.

После защиты докторской диссертации в 1969 году на Ученом совете МИТХТ В.В. Черная становится профессором. С 1966 по 1982 год Варвара Васильевна – заместитель директора НИИР по научной работе. В 1975 году ей присвоено звание Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР. В течение двух лет она исполняла обязанности Директора НИИР и занималась строительством высотного корпуса института.

На счету у Варвары Васильевны более 150 печатных трудов, 36 авторских свидетельств СССР на изобретения. Заслуги В.В. Черной в развитии отечественной химической науки и промышленности получили высокую оценку: ей присуждена Государственная премия СССР и премия Совета Министров СССР, присвоено почетное звание «Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР». Она удостоена высоких правительственных наград – Ордена Трудового Красного Знамени, Ордена Октябрьской Революции и награждена 8 медалями.

Кончина мужа в 1983 году, ее внезапность произвела на Варвару Васильевну неизгладимое впечатление и заставила задуматься о своей



дальнейшей жизни. Испытание благополучием, славой и мирскими почестями Варвара Васильевна достойно выдержала именно потому, что в ее душе с раннего детства горела неугасимая лампада православной веры. Размышляя о своей жизни после кончины мужа, Варвара Васильевна занимается судьбой своего деда – Митрополита Серафима (Чичагова): поисками места захоронения, вопросом реабилитации, разыскивает, издает и переиздает его богословские, философские, военно-исторические, медицинские труды и музыкальные произведения.

И уже в почтенном возрасте, когда, как правило, человек стремится к заслуженному покою и отдыху от жизненных трудов, Варвара Васильевна Черная была призвана совершить едва ли не самый трудный жизненный подвиг – подвиг смирения и деятельного служения Церкви. Приняв монашеский постриг с именем Серафима в 80 лет, она ста-



Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II  
и игумня Серафима



новится игуменией одного из старейших монастырей Москвы, культурного и исторического, как сейчас говорят, «объекта». Восстановление Новодевичьего монастыря в то время требовало человека государственного ума, высокой культуры, имеющего родовое духовное наследие. Отныне и навеки с именем игумении Серафимы связано возобновление монашеской жизни в стенах древнейшей московской обители. Благодаря ее усилиям за 5 лет в обители введен монастырский устав, ежевечерне совершаются крестные ходы внутри стен монастыря, организован монашеский хор, воссоздано внутреннее убранство храма святителя Амвросия Медиоланского, с помощью благодетелей обустроен келейный корпус и большая трапезная, отреставрирован снаружи и внутри Успенский собор, возрождено рукоделие (ковроткачество, ремонт и пошив церковных облачений), созданы иконописная и золотошвейная мастерские [8]. За усердные труды по возрождению монашеской жизни в Новодевичьем монастыре, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II удостоил игумению Серафиму награждения Крестом с украшениями в 1997 году и Орденом святой равноапостольной великой княгини Ольги II степени в 1999 году ко дню 85-летия [8]. 16 декабря 1999 года на 86-м году жизни матушка Серафима скончалась и была погребена в ограде Успенского храма Новодевичьего монастыря в Москве.

Удивительная судьба! Варенька Резон – Варвара Васильевна Черная (Чичагова) – игумения Серафима – прожила по человеческим меркам долгую жизнь, исполненную непрестанных трудов на благо нашего Отечества.

Выпускники МИТХТ всегда отличались не только глубокой теоретической подготовкой, но и обширными знаниями в области химической науки и технологии. Высокая гражданственность выпускниц института позволяла им занимать высокие позиции в общественной, культурной и духовной жизни государства. Отраднo видеть как в современном мире меняется роль женщины в обществе, исчезает определенная дискриминация в выдвижении их на руководящие посты. Женщины могут проявлять себя более ярко во всех сферах общественной деятельности. И в нашем рассказе-воспоминании о трех замечательных женщинах – выпускницах МИТХТ разных лет – как мозаика складываются цельные образы выдающихся ученых со сложной, порой драматической судьбой. Они способны служить достойным примером для наших современников и потомков.

## Литература, источники, примечания

1. Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание / Отв. ред. академик В.В. Лунин. М.: Янус-К, 2013. 440 с.
2. «Выпускницы МИТХТ – гордость и слава России»: Сб. ст. из серии «Хроники МИТХТ». Вып. 2. По материалам докладов на секции «История МИТХТ» 1-й научно-технической конференции Московского технологического университета. Московский технологический университет (МИРЭА), 2016. 50 с.
3. Личное дело Цубербиллер О.Н. // Музей истории МИТХТ. Ф. 2. Оп. 25. Д. 185. Л. 3.
4. *Цубербиллер О.Н.* Курсистки // Советское студенчество. 1949. № 3. С. 30–31.
5. Личное дело Н.С. Домбровской / ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 9924.
6. Интервью с Г.А. Бергманом, сыном Н.С. Домбровской, 2014 г.
7. *Яковлева Г.Н.* Жизнь и служение В.В. Черной-Чичаговой (игумении Серафимы) // Вестник МИТХТ. Серия «Социально-гуманитарные науки и экология». 2014. Т. 2. С. 3–10.
8. Памяти игумении Серафимы (Черной) // Московские епархиальные ведомости. 2000. № 2–3. С. 39–42.

**Глава 4**  
**В эру юридического**  
**равенства: женщины-ученые,**  
**родившиеся в СССР**

## Портреты женщин-ученых на фоне эпохи

*Е.А. Володарская, Т.В. Разина*

Изображение женщин различными художественными средствами на протяжении веков преследовало цель разгадать тайну, которая их окружает. Полотна художников разных эпох запечатлели женщину, но ее имидж часто не совпадал с реальностью и никогда не принадлежал самой женщине. То это была муза, дарующая вдохновение и обожание. То это был объект сексуального притяжения и плотского удовольствия. Можно говорить о метафоричности имиджа женщины в ее иконографическом воплощении.

В древности в эпоху палеолита фигурки женщин, сделанные из камня или слоновой кости, имели круглую форму с непропорционально крупными частями тела. Это нужно было для олицетворения в женщине плодородия и изобилия, богатства в семье.

Позднее на стенах пещер древнего Египта найдены рисунки танцующих женщин с тонкими, красивыми фигурами. Рисунки женщин свидетельствуют о наличии социальных представлений того времени о ее основной функции – продолжения рода. Поэтому появляются элементы внешней привлекательности. В Древней Греции женщины становятся героинями многих мифов, наделяются чертами богинь, нимф, русалок, выполняющих важные социальные функции в обществе. Женские образы широко представлены в пантеоне богов Олимпа. Олицетворяя победу, женщина символизирует мужественную женственность. Например, Ника.

В живописных изображениях женщин древности можно встретить картины, где главные героини занимаются торговлей, владеют рабами, осуществляют гадания, занимаются пророчествами. В эпоху Возрождения женщина становится символом непорочности, чистоты, искупления грехов. Ярким символом имиджа женщины того времени выступает Мадонна, отражающая великий материнский образ. Почитание этой женщины как проявления непорочности и женственности увеличивает разрыв в представлениях о мужчине и женщине.

Далее портретная живопись включает не только связь женского образа с религиозными сюжетами, но и символизирует светскую жизнь. Появляются изображения природы, животных, членов семьи. Женщина изображается для усиления чувства прекрасного, притягательного, интимного. Художественные школы XVIII–XIX вв. отходят

от канонов идеализации женского изображения. Усиливается реализм выразительно-художественных средств в изображении женского тела.

Начиная с середины XX в. образ женщины активно стал использоваться в рекламе. В послевоенный период женщина символизирует домашний очаг, мирную семейную жизнь, благополучие, достаток. Героини рекламных роликов продвигают новые продукты, услуги, но в стенах дома, воспитания детей, создания уюта.

Сексуальная революция 1960–1970-х гг. символизирует женскую эмансипацию, равенство полов, самореализацию не только в домашнем хозяйстве и хорошем образовании подрастающего поколения. Женщины начинают отвоевывать ранее только мужские сферы социума, такие как политика. Женщина раскрепощается, выходит из дома, при этом сама вправе свободно распоряжаться своим телом. Реклама фиксирует эти изменения в социальных представлениях о женщине. Теперь сама женщина принимает решения о новых покупках и предлагает делать так, как она. Хотя до этого женщина в рекламе демонстрировала продукты просто как манекен, привлекая внимание к конкурентным преимуществам демонстрируемого изделия.

Позднее женщина показана в основном как профессионал, супер-женщина, успешная во всех направлениях самореализации. Реклама показывает бунтарский дух и смелость, самостоятельность, самодостаточность женщины.

На рубеже XX–XXI веков имидж женщины в иконографической фиксации отражает потребность в спокойствии, стабильности, предсказуемости жизни. Акцент в изображении женщины вновь возвращается к описанию ее красоты, женственности, сексуальности. Рекламные ролики по большей части предназначены для мужчин, в связи с чем подчеркивается красота, притягательность женского тела, эротичность в использовании рекламируемого товара.

В последнее время образ женщины в художественном творчестве становится очень многоликим. Нет единого идеального понимания женской привлекательности. Девиз современного рекламного имиджа: «Всякая женщина прекрасна, в каждой есть своя изюминка». На экранах появляются молодые и старые, блондинки и брюнетки, полные и худые. Вообще, нормальные, обычные наши современницы.

Интересно проследить, каким образом отражены в художественном творчестве женские образы эпохи социалистического реализма, характерного как для исторического отрезка времени, так и для самостоятельного направления в живописи. В качестве примера были выбраны женщины-ученые.

Анализ образа женщины-ученого в фильмах показывает динамику содержательного компонента имиджа, что не может не коррелировать с изменениями социальной ситуации функционирования науки, переменами в социальных настроениях. Художественные фильмы «Весна» (40-е гг.) или «Девять дней одного года» (60-е гг.) сняты в исторические периоды значительного внимания и государственной поддержки научного сообщества, приоритетности развития науки в нашей стране. В фильме «Весна» одна из героинь Л. Орловой, женщина-ученый, имеет характерную внешность, манеру говорить, одежду, макияж. Этот образ сдержан, строг, серьезен. Он противопоставлен второму персонажу Л. Орловой – ветреной артистке.

Фильм «Девять дней одного года» повествует об ученых-физиках. Главную женскую роль сыграла Т. Лаврова. Актриса создает образ умной, не дающей волю эмоциям женщины, хорошего друга, надежного коллеги-товарища. Имидж ученого вызывает уважение, понимание, поддержку. Образ женщины-врача, отображаемый в современном телевизионном сериале «Интерны», совсем иной. Нам представляют женщину взбалмошную, нелепую, нерешительную, неумелую, мысли которой не заняты профессией. Подобный сценарный замысел вполне укладывается в современную ситуацию снижения роли науки в обществе.

Советская живопись достаточно полно и точно воссоздает не только содержательную сторону деятельности отечественной науки, но и эмоционально-оценочные параметры общественного мнения. Это делает анализ художественных произведений мощным инструментом психологического исследования социально-психологических аспектов бытия науки как в прошедшие эпохи, так и в наши дни.

Женщина-исследователь предстает на полотнах в качестве обобщенного образа науки в целом, ученого, без конкретизации, кто именно изображен (рис. 1, 2).

Можно сказать, что таким образом советская живопись следует канонам, заложенным еще в античности и средневековье, когда именно женщина (как муза) олицетворяла, символизировала различные научные направления [1. С. 67].

На полотнах художников середины XX века в СССР женщина-ученый изображается достаточно часто и, как правило, не теряет черт женственности (длинные волосы, красивая прическа, юбка, позволяющая наблюдать ноги).



Рис. 1. В.М. Петров-Маслаков.  
«Ученые. Заповедное Беломорье»



Рис. 2. Мозаика на фасаде  
Института биологии КНЦ  
УрО РАН, г. Сыктывкар

В целом для эпохи соцреализма 60–70-х гг. XX века в изображении науки и ученых характерен переход от изображения отдельных ученых (портретов), которых очень много в работах таких выдающихся российских художников конца XIX – начала XX века как И.Е. Репин, И.Н. Крамской, Н.Н. Ге, М.В. Нестеров, И.Э. Грабарь к изображениям неких обобщенных образов ученых. Картины становятся все более абстрактными, многофигурными и все чаще демонстрируют зрителю не конкретных ученых, а образ ученого, образ науки. Безусловно, портреты также имеют место, но это, как правило, портреты ученых-мужчин. Редким исключением в этом ряду являются портреты конкретных женщин-ученых (рис. 4).

При этом на большинстве изображений женщина занимает подчиненное положение, в то время как центральное отводится ученому-мужчине. На многих полотнах советских художников женщина (безусловно, красивая и привлекательная) часто выполняет роль вспомогательного персонала (рис. 5).

В то же время функции мониторинга, контроля отведены мужчине (рис. 6).





Рис. 3. Изображение женского облика науки



Рис. 4. Б.В. Корнеев.  
«Первооткрыватель якутских алмазов  
Л.А. Попугаева»

Мужчина-ученый выступает на большинстве изображений как руководящий, проверяющий работу, оценивающий ее (рис. 7).

Женщины в основном занимают низшие ступеньки научной иерархии – лаборанты. Зрителя в этих картинах привлекает, в первую очередь, приятный внешний облик героинь, а не содержание их важной и нужной деятельности (рис. 8).

Данный эффект подчеркивается «безымянностью» моделей, а также минимизацией присутствия на подобном рода работах символов научной деятельности женщины-ученого (рис. 9).

Таким образом, художник в женщине-ученом видит, в первую очередь, женщину как носителя определенного биологического пола и половых признаков, а лишь потом – как представителя профессии. Все это указывает на гендерное неравенство в науке, закрепленное выразительными средствами.



Рис. 5. В.И. Рыжих. «Поиск»



Рис. 6. И.Н. Воробьева. «На Шелковском витаминном заводе. Разлив сиропа шиповника»



Рис. 7. Ю.В. Гусев. (Россия, 1928). «Биохимики»



Рис. 8. А.Н. Самохвалов.  
«В лаборатории»



Рис. 9. В.Т. Ни.  
«Лаборант завода»

В советской живописи ученый, мыслитель ассоциировался, прежде всего, с мужчиной. Женщина же олицетворяла науку в целом. Тем самым формировалось общественное мнение о науке и ее роли в обществе.

В целом для эпохи соцреализма 60–70-х гг. XX века в изображении науки и ученых характерен переход от изображения отдельных ученых-личностей к изображениям обобщенных, деперсонализированных образов ученых. Картины демонстрируют ряд научных отраслей и направлений, но на них присутствуют только мужчины. Справедливости ради нужно отметить, что и в реальности в перечисленных научных отраслях до сих пор преобладают ученые-мужчины и художники, по-видимому, только объективно отражали реальность. Однако такие типично «женские» научные отрасли, как филология, педагогика, психология, не нашли отражения на полотнах художников того периода.

В целом, можно говорить о проявлении гендерного неравенства в науке в отечественной живописи социалистического реализма середины XX в., который выражается в акцентировании половых, а не профессиональных характеристик женщины, низком профессиональном и статусном уровне в научной иерархии, ее подчиненном положении по сравнению с мужчиной.

По результатам современных исследований, женщины-преподаватели в вузе и на кафедре в основном занимаются рутинной методической работой, а мужчины творческой, научной [2]. Выше оцениваются профессиональные качества мужчины-преподавателя [3]. В анализе гендерного неравенства в науке отмечается, что в нашей стране довольно широко распространены формы материальной дискриминации женщин: у них меньше зарплаты, они не могут претендовать на зарубежные командировки, техническое оснащение их рабочих мест в целом хуже, чем у мужчин [4].

Согласно последним статистическим исследованиям, доля женщин в высшем образовании России последовательно снижается с повышением административной или научной позиции [5]. Женщине (даже если она доктор наук) сложнее создать научную школу, поскольку «... в качестве научного руководителя аспиранты и докторанты реже выбирают женщин, предпочитая научных руководителей-мужчин» [6. С. 107].

Проблематика гендерного неравенства в науке продолжает оставаться актуальной и сегодня. Хотя иконографическая фиксация современных женщин-ученых требует отдельного исследования.

Итак, изобразительно-выразительные средства, в частности живопись, являются важными источниками для объективного анализа как имиджа науки в целом, так и имиджа ученого, знаковая составляющая которого является отражением исторических социокультурных условий функционирования науки и может служить свидетельством эпохи.

Анализ живописных произведений близок по диагностическим принципам и механизмам к исследованию результатов, полученных проективными рисуночными методиками, хотя, безусловно, должен учитывать иные цели и задачи живописи, уровень художественного мастерства художника, степень свободы его творчества как в выборе выразительных средств, так и в выборе темы.

Живопись довольно точно схватывала суть происходящих событий. Соцреализм был призван максимально полно и точно отражать действительность. Хотя, безусловно, момент приукрашивания, ретуширования присутствовал. События и люди на картинах были представлены не только так, как они есть, но и так, как хотелось бы, чтобы было. В этом смысле можно говорить о сближении текущего и желаемого видов имиджа ученых.

### **Литература, источники, примечания**

1. *Lindgren U.* 1992, *Die Artes liberales in Antike und Mittelalter: bildungs- und wissenschaftsgeschichtliche Entwicklungslinien*, Institut für Geschichte der Naturwissenschaften. München, 1992. 189 p.
2. *Ефлова М.Ю.* Женщина в образовании и науке: Сборник материалов по итогам научно-практической интернет-конференции «Профессиональная карьера женщин и вызовы времени» 1–31 мая 2007 г. / Под ред. М.Ю. Ефловой, В.В. Фурсовой // [Электронный ресурс]: [www.ostu.ru/prometea/article/eflova\\_fursova/eflova\\_fursova.doc](http://www.ostu.ru/prometea/article/eflova_fursova/eflova_fursova.doc). (Дата обращения: 04.02.2017).
3. *Остапенко А.Б.* Статусно-ролевые позиции преподавателей вузов, как проявление гендерной асимметрии профессиональной деятельности: Дис. ... канд. социологических наук. Хабаровск, 2011. 190 с.
4. *Винокурова Н.А.* Женщины в науке и образовании: гендерное равенство, гендерное неравенство: Сб. трудов XVI Международной конференции «Математика. Компьютер. Образование». В 2 т. / Под ред. Г.Ю. Ризниченко. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2009. Т. 1. С. 299–311.
5. *Шереги Ф.Э., Стриханов М.Н.* Наука в России: социологический анализ. М.: ЦСП, 2006. 456 с.
6. Женщины и мужчины России. 2012: Статистический сб. / Под ред. К.Э. Лайкам и др. М.: Росстат, 2012. 299 с.

## Основные этапы феминизации белорусской науки: исторический аспект

А.П. Соловей

При исследовании гендерной структуры научных кадров особое место занимают вопросы, касающиеся численности, квалификационного уровня женщин-исследователей. Специфика научного труда, а также особенности социального уклада определяют место и роль женщины в науке. Включение женщин в научную деятельность стало важным показателем их эмансипации, а активное участие женщин в научно-исследовательской деятельности расширяет социальную базу воспроизводства научных кадров, вместе с тем усиливая кадровый потенциал науки, научный потенциал общества в целом.

Стоит отметить, что при рассмотрении феминизации науки как социального процесса, который поддается измерению и оценке, особое место занимает история и определенный процесс развития (генезис) данного феномена. Важно понимать, что процесс феминизации белорусской науки начинается с советского периода истории Беларуси и развивается в рамках трех «волн» феминизации советской науки, обусловленных конкретными социальными обстоятельствами.

*Первая волна феминизации* была порождена новой социальной ситуацией 1917 г., когда в начале 20-х гг. были приняты законодательные акты, которые уравнивали права мужчин и женщин в получении образования и выборе профессии. В результате Октябрьской революции женщинам были предоставлены равные права с мужчинами. На законодательном уровне в Конституции СССР было закреплено равенство женщин с мужчинами в получении образования и профессиональной подготовке, в выборе профессии в соответствии с призванием и способностями, в вознаграждении за труд в соответствии с его количеством и качеством, в продвижении по работе. Вовлечению женщин в интеллектуальные виды деятельности способствовала необходимость государства поднять научно-технический потенциал общества. Подтверждением реальных прав женщин является широкое вовлечение их в сферу научно-исследовательской деятельности. К примеру, до Октябрьской революции в России женщины-ученые составляли около 10% всех научных работников страны. Следует отметить, что рост числа женщин научных работников после революции происходит интенсивнее, чем рост числа научных работников мужчин. В связи с этим



удельный вес женщины в советской науке все время повышался. Об этом процессе свидетельствуют следующие данные: «по отношению к общей массе научных работников, начавших научную деятельность до 1918 г., женщины составили 11,1%; до 1923 г. – 15,7%; до 1926 г. – 18%, а на 1 октября 1928 г. женщины составили 18,3%» [1]. После революции численность женщин-ученых в стране стала возрастать намного быстрее, чем численность мужчин-научных работников. Так, с 1918 по 1929 гг. численность женщин увеличилась в пять раз, а с 1929 по 1936 гг. – более чем в два раза. При этом численность мужчин-научных работников возросла в два и полтора раза [1].

Отсутствие дискриминации по признаку пола в этот период и наличие определенных привилегий (дополнительные льготы при поступлении в вузы и выборе профессии) открыли дорогу женщинам в науку, причем им не пришлось преодолевать сопротивление со стороны государства и общества. Все это повлияло на самосознание женщин-ученых, которые не поддерживали западные феминистские движения. Это объясняется и тем, что в западных странах в определенные периоды наблюдалось снижение численности женщин в науке, в то время как в Советском Союзе процесс феминизации науки был поступательным.

Наиболее высокий приток женщин в науку был характерен для второй половины 40–50-х гг. Очевидно, это было связано с демографическими последствиями войны, что потребовало резкого притока людей в связи с возобновлением деятельности научных учреждений. В 1950 г. из общего количества аспирантов АН БССР женщины превысили 30%, а в высших учебных заведениях – 57,7% [2. С. 52]. На рубеже 60-х гг. среди 6840 научных работников было 2583 женщины, что составляет 37,8% [3. С. 35].

Данные о темпах роста численности научных кадров СССР показывают постоянное возрастание доли женщин среди научных работников с 1929 по 1950 гг. В 50-х – начале 60-х гг. наблюдается определенная стабилизация, а с середины 60-х годов наблюдается тенденция роста женщин в составе научных кадров.

*Вторая волна феминизации* берет начало с середины 60-х годов и совпадает с экстенсивным ростом науки. В это время отмечается стремительное увеличение числа женщин в мировой науке, что связано с подъемом феминистского движения и ростом образовательного уровня женщин. Не составляет исключение и советская наука, где прошла ускоренная феминизация науки. Социальное равноправие женщин, га-



рантирующее равные с мужчинами возможности получения образования и выбора сферы трудовой деятельности, расценивалось как одно из базовых преимуществ социализма. Значительное влияние на феминизацию науки в эти годы оказал высокий темп роста общей численности научных работников. Возросла доля женщин среди студентов вузов – с 43% в 1960 г. до 50% в 1975 г., что позволило обеспечить высокий темп набора кадров, принимаемых на работу, в пользу женщин. И уже к середине 70-х годов доля женщин в численности научных кадров СССР достигла 40%. В большинстве союзных республик, в том числе в БССР, процесс феминизации стабилизировался (среди кандидатов наук на уровне 28% и среди докторов наук около 14%). Общая численность научных работников в БССР с 1960 по 1987 гг. увеличилась в 6,8 раза, женщин же – в 7 раз (с 2583 чел. в 1960 г. до 18568 чел. в 1987 г.). К концу 80-х гг. среди научной интеллигенции женщины составляли около 42% [4. С. 41].

В этот период массовый приход женщин в науку объясняется ускоренным формированием разветвленной сети новых исследовательских учреждений, для которых требовалось огромное количество специалистов с высшим образованием. По сравнению с 1950 г. численность женщин–научных работников в 1976 г. увеличилась в 8,4 раза, в то время как общая численность научных кадров в СССР за этот период возросла в 7,7 раза [5. С. 141]. Особо стоит отметить тот факт, что женщины в СССР были широко представлены в технических исследованиях. Так, в 1940 г. женщины составляли 15% среди инженеров, а в 1966 г. их доля увеличилась до 31% [6. С. 133].

Однако в середине 70-х гг. финансирование науки резко уменьшилось и экстенсивное развитие прекратилось, что привело к торможению продвижения молодых ученых в должности и относительному понижению оплаты труда. В связи с этим престиж и общественная значимость науки стали падать, что повлекло за собой уменьшение притока мужчин в науку, тем самым усиливая процесс феминизации.

В конце 1988 г. в СССР численность женщин среди научных работников превышала 609,4 тыс., то есть составляла примерно 40% всех научных работников страны [7. С. 87]. Примечателен тот факт, что женщины участвовали не только в гуманитарных и медико-биологических науках, как было раньше, но и во всех основных направлениях наук: естественных, технических, общественных. Стоит отметить, что женщины участвовали также во всех основных типах научных учреждений, проектно-конструкторских организациях и промышленности.

Большинство женщин-ученых было сосредоточено в научных учреждениях (57%) и вузах (33%). Среди сотрудников АН СССР женщины составляли примерно 44%, академий наук союзных республик 39% [6. С. 133]. Значительное число женщин занято в химических, медицинских, педагогических и биологических науках. Также женщин работало больше, чем мужчин, во многих научных учреждениях легкой и пищевой промышленности. К примеру, в Ботаническом институте АН СССР среди научных сотрудников доля женщин составляла 71%, а в Институте высокомолекулярных соединений АН СССР – 63%. При этом отметим, что среди физиков и астрономов академических институтов женщин было в 2–3 раза меньше [7. С. 87].

*Третья волна феминизации* связана с кризисом науки, обусловленным общим социально-экономическим кризисом 90-х гг., который вызвал резкое падение финансирования научной сферы и уровня заработной платы научных работников. Данная ситуация вынудила многих ученых искать новые возможности для продолжения своей исследовательской деятельности и для повышения уровня дохода. Это привело к выбору одного из вариантов: «сохранить профессию, но сменить страну, или остаться на родине, но сменить профессию». Для этого периода характерна как внешняя, так и внутренняя «утечка умов». Научные лидеры и молодые ученые-мужчины составляют основную часть научных эмигрантов. Для мужчин характерен также и переход в более высокооплачиваемые и перспективные сферы деятельности. Что касается женщин, то для них характерен невысокий уровень как профессиональной, так и территориальной мобильности. Женщины остаются на своих рабочих местах, довольствуясь минимальной заработной платой и небольшой загруженностью в научно-исследовательских институтах. Массовый характер этого процесса в отсутствие факторов, сдерживающих феминизацию, действительно приводит к увеличению доли женщин в науке. И к 1995 г. в Беларуси уже было 14384 женщин-исследователей, что составило 53,5% от общего числа занятых научными исследованиями и разработками [8].

Анализируя квалификационный уровень женщин-ученых БССР в рамках трех волн феминизации советской науки, следует отметить, что число научных работников с учеными степенями и званиями постоянно росло. Число женщин-докторов наук выросло с 17 в 1960 г. до 118 человек в 1987 г., а кандидатов наук – с 520 до 3955, то есть на 101 и 3435 человек соответственно. Максимальный рост женщин-кандида-

тов и докторов наук приходится на конец 1975 г. и составляет 30% и 11% соответственно [9].

Следует отметить, что большинство женщин-ученых было сосредоточено в научных учреждениях (55%) и вузах (32%). Среди сотрудников АН БССР они составляли около 38%. Что касается отраслей знания, в которых работали женщины, то в физико-математических науках их удельный вес был значительно ниже, чем в биологических, медицинских, химических и педагогических. К примеру, в системе АН БССР в науках о живой материи женщины составляли 62,0%, а в физико-математических – 43,0%. Доля женщин-ученых в институтах физиологии, общей и неорганической химии, а также в Центральном ботаническом саду составила 70,0%. Однако в таких организациях, как Институт проблем надежности и долговечности машин, Институт прикладной физики и Институт физики женщины составляли всего 31,0%, 32,0% и 33,0% научных сотрудников соответственно [10. С. 51].

Также следует обратить внимание на то, что существовали различия по полу и внутри должностной иерархии. Больше всего женщин было среди младших научных сотрудников, более 30% – среди старших научных сотрудников, меньше всего – среди научно-руководящих кадров. Только одна женщина находилась в составе действительных членов АН БССР и четыре были избраны членами-корреспондентами [10. С. 52].

Таким образом, можно сделать вывод, что феминизация белорусской науки на первом этапе отражает меры государственной политики в области гендерного равенства. Второй этап можно условно разделить на две стадии, так как внутри него в разные временные периоды были разные причины феминизации. Первая была связана с ростом научно-исследовательских учреждений и проектов. Вторая – с падением престижа науки, что способствовало процессу феминизации. На третьем этапе феминизация была вызвана кризисом науки, что повлекло за собой массовый уход мужчин из научно-исследовательской сферы и закреплением женщин.

### **Литература, источники, примечания**

1. *Тайцлин И.С.* Научные кадры РСФСР // Научное слово. 1929. № 10. С. 11–20.
2. *Корзенко Г.В.* Подготовка научных кадров в Беларуси. Взгляд сквозь годы. Мн.: Бел. изд. Тов-во «Хата», 1998. 168 с.
3. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1987 г.: Стат. ежегодник / Госкомстат БССР. Мн.: Беларусь, 1988. 296 с.

4. Научный потенциал республики / *В.Г. Василега, В.Г. Гринченко, В.Ф. Ермаков и др.*; Под ред. Г.А. Несветайлова. Мн.: Навука і тэхніка, 1991. 176 с.
5. Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. 710 с.
6. Научные кадры в социалистическом обществе: структура и динамика. М., 1979. С. 178.
7. Научные кадры СССР: динамика и структура. М., 1991. 284 с.
8. Наука Республики Беларусь 1996: Стат. сб. Мн.: БелИСА, 1997. 101 с.
9. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1982 г.: Стат. ежегодник / Госкомстат БССР. Мн.: Беларусь, 1983. 296 с.
10. *Корзенко Г.В.* Научная интеллигенция Белоруссии в 1944–1990 гг. (подготовка, рост, структура). Мн., 1995. 74 с.

## **Заведующая сейсмической станцией Екатеринбурга Зинаида Григорьевна Вейс-Ксенофонтова**

*Л.С. Чепкунас*

Еще в глубокой древности явления землетрясений волновали умы человечества и пробуждали интерес к изучению этих грозных явлений природы. В историческое время люди не раз были свидетелями проявления сейсмической деятельности на поверхности Земли в виде сильных землетрясений, связанных с человеческими жертвами и большими убытками, нанесенными народному хозяйству.

В течение 1901–1902 годов заканчивается организация сейсмостанций 1 разряда в Тифлисе, Ташкенте, Иркутске и Москве. В 1902 году сейсмические наблюдения начинают проводиться в Москве (Межевой институт), Павловске, Шемахе, Батуми. Уже в 1900 году Постоянная центральная сейсмологическая комиссия (ПЦСК) добивается кредита на организацию и содержание сейсмических станций в Тифлисе, Иркутске и Ташкенте. Было признано целесообразным организовать сейсмостанции 2 разряда, оснастив их приборами Боша, – семь станций на Кавказе и подобные в Сибири и Туркестане. В 1903 году в Ереване, Боржоми, Алалкалаках, Баку, Балахаках, Красноводске, Красноярске, Кабажске и Чите начинают наблюдения станции 2 разряда.

В 1904 году Сейсмическая комиссия вошла в состав Международной сейсмологической ассоциации. Представителем России в постоянную Комиссию Международной сейсмологической ассоциации был избран профессор Юрьевского университета Г.В. Левицкий.



Рис. 1. Заведующая сейсмической станцией «Екатеринбург» Зинаида Григорьевна Вейс-Ксенофонтова. Работала с 1 августа 1913 года по 31 июля 1955 года

В 1905 году открывается сейсмостанция в Дербенте. В 1906 году – в Верном и Екатеринбурге. В 1908 году – в Зурнабе.

В январе 1905 года на заседании ПЩСК по предложению подкомиссии, которую возглавлял Б.Б. Голицын, намечено устройство новых постоянных сейсмических станций 2 разряда, в том числе и сейсмостанции в Екатеринбурге, которую планировалось оборудовать при магнитно-метеорологической обсерватории. Абельс – директор Екатеринбургской обсерватории с 1885 по 1926 год, доложил, что в зданиях обсерватории не имеется свободного помещения для сейсмической станции. Поэтому он предлагал построить для сейсмостанции особый домик площадью 3,5×4,5 саженьей. Было постановлено из кредита комиссии ассигновать единовременно 1000 рублей на постройку павильона для сейсмостанции 2 разряда при Екатеринбургской обсерватории.

8 декабря 1906 года доложен рапорт Г.Ф. Абельса об окончании постройки павильона для сейсмографов и их установке. Сейсмограф пущен в ход 24 сентября 1906 года, и 11 октября отмечено им первое землетрясение. Таким образом, днем основания Екатеринбургской сейсмической станции следует считать 7 октября (24 сентября)



Рис. 2. Здание сейсмической станции, Екатеринбург, 1906 г.

1906 года. Координаты сейсмической станции «Екатеринбург» – «Свердловск»  $56^{\circ}49'38''$  N  $60^{\circ}38'14''$  E, высота над уровнем моря 277,303 метра (рис. 2).

Б.Б. Голицын сообщил директору обсерватории Г.Ф. Абельсу, что заведовать сейсмической станцией назначается женщина. Тот ответил: «Конечно, ничего не имея против того, чтобы к нам на службу была назначена барышня, все-таки позволю себе, во избежание разочарования и недоразумений в будущем, обратить внимание Зинаиды Григорьевны на некоторые трудности здешней службы, которые она, может быть, не предполагает. Эти трудности вытекают из того, что наша обсерватория находится на окраине города, что при ней нет квартир для служащих. Нет подходящих квартир и по соседству с обсерваторией ближе чем на расстоянии одной версты. А дороги, особенно весной и осенью, очень грязны, а зимой снег глубокий. Бывает, что и мужчинам трудно пробираться в обсерваторию, даже при дневном освещении. Еще я должен обратить внимание на то, что идти в обсерваторию в темное время не совершенно безопасно: полицейских постов нет. Наши наблюдатели подвергались нападению со стороны хулиганов. Если Зинаида Григорьевна, несмотря на все это, решится к нам ехать, мне, конечно, будет очень

приятно». Но Зинаида Григорьевна не испугалась этих предостережений и приехала в Екатеринбург. Как вспоминала З.Г. через много лет, она, уроженка Средней России, приехав в Екатеринбург, была поражена захудалостью этого уездного городка бывшей Пермской губернии. Буквально единицами насчитывались культурные учреждения. Грязные немощеные улицы города тускло освещались керосиновыми фонарями. (В настоящее время Екатеринбург – центр Свердловской области с полутора миллионным населением, а сейсмическая станция находится в центральной части города).

Недоверчиво встречена была Зинаида Григорьевна администрацией обсерватории, так как она была первой женщиной-научным работником в составе обсерватории.

Зинаида Григорьевна Архарова, впоследствии Вейс-Ксенофонтова, приехала в Екатеринбург 1 августа 1913 г., назначенная ПЦСК заведующей Екатеринбургской сейсмической станцией (рис. 4). З.Г. Архарова в 1913 г. закончила полный курс физико-математического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов. Ей была доверена установка сейсмических приборов Голицына в Екатеринбурге. Подготовку к самостоятельной работе она получила от самого академика Б.Б. Голицына, а также его ассистента, организатора и первого директора Сейсмологического института Академии наук, члена-корреспондента П.М. Никифорова. Для установки сейсмометров системы Голицына потребовалось построить специальное подвальное помещение. Здание станции второго разряда было переоборудовано для установки гальванометров и регистриров. Построено подвальное помещение, где в коренных породах (серпентинитах) был высечен обширный постамент для установки сейсмометров. Оно прекрасно сохранилось до сего времени и служит тем же целям. Электричества в домике не было, он отапливался голландской печью.

Приехав на работу, Зинаида Григорьевна обнаружила, что здание подвала имело плохое покрытие, на полу стояла вода. По распоряжению Г.Ф. Абельса покрытие подвала было засыпано для утепления землей со щебенкой, а крыша над внутренней камерой была затянута брезентом, углы которого свешивались в подставленные дождемеры. В первый же год работы по предложению Б.Б. Голицына покрытие из земли и щебня было сброшено, крыша заасфальтирована, а кругом вырыты дренажные каналы. Работы по организации сейсмостанции были выполнены в срок.



4 октября 1913 г. Закончены работы по организации сейсмической станции. 4 октября 1913 г. записана и обработана первая сейсмограмма. С этого момента начал регулярно выходить в печатном виде еженедельный бюллетень станции 1 разряда «Екатеринбург». Установка приборов непосредственно на массиве коренных пород обеспечила чистоту и четкость записи сейсмических событий. Станция стала записывать в год до 1300 землетрясений и более.

17 августа 1914 г. Произошло чрезвычайно редкое на Урале событие: весь Средний Урал вздрогнул от собственного местного землетрясения. Падали дымовые трубы, в стенах домов образовались трещины. Землетрясение сопровождалось подземным гулом, оно отнесено к разряду тектонических, интенсивность сотрясений оценена в 6–7 баллов. Очаг землетрясения определен в районе Билимбаевского завода в 50 км к западу от Екатеринбурга. 21 февраля 1970 года произошло ощутимое местное землетрясение с эпицентром в 50 км к юго-западу от г. Серова. Интенсивность землетрясения 5–6 баллов. За годы работы станции на Урале произошло еще много землетрясений как тектонического, так и карстового происхождения, а также горных ударов. Данные о них опубликованы в изданном в Москве в 1977 году «Новом каталоге сильных землетрясений на территории СССР с древних времен до 1975 г.».



Рис. 3. З.Г. Вейс-Ксенофонтова и Ю.Э. Вейс регулируют сейсмографы СТ в аппаратном подвале

Июль 1919 г. На Урале закончилась гражданская война, станции удалось встать на местный бюджет и снова наладить работу. Ацетиленовый фонарь был заменен электрическим.

Персонал станции увеличен до трех человек вместо одного. Вновь начали работать сейсмографы системы Голицына. Пришел с фронта сын Зинаиды Григорьевны Юрий Эвальдович Вейс, который стал ей хорошим помощником, поступив на работу на сейсмостанцию на должность вычислителя (рис. 3). Он проработал на станции до дня своей смерти в апреле 1983 г.

В годы Великой Отечественной войны сейсмостанция работала без перерыва. Время было очень трудное. Нужно отдать должное заведующей сейсмостанцией З.Г. Вейс-Ксенофонтовой, благодаря энергии и энтузиазму которой сейсмостанция работала и в гражданскую, и в Великую Отечественную войну. Ее труд был по достоинству оценен. Ей было присвоено звание кандидата физико-математических наук без защиты диссертации, она была переведена на должность старшего научного сотрудника. Также она была награждена орденами Ленина и Знак Почета. Проработала на станции З.Г. Вейс-Ксенофонтова с 1913 года по 1955 год.

В 1925 году наше государство отмечало знаменательный юбилей – 200-летие Академии Наук.



Рис. 4. Инга Константиновна Силина, зав. станцией «Свердловск» (ранее «Екатеринбург») с 1955 по 1999 гг. Фото 2004 г.

К этой дате был выпущен специальный номер журнала «Огонек», полностью посвященный 200-летию Академии Наук СССР. Заведующая сейсмостанцией «Свердловск» З.Г. Вейс-Ксенофонтова была приглашена на празднование 200-летия Академии Наук СССР, которое происходило с 5 по 10 сентября 1925 года в г. Ленинграде и с 11 по 14 сентября в Москве.

Была подготовлена обширная программа. Кроме торжественных заседаний в Ленинграде и в Москве было несколько посещений театров, музеев и памятников культуры, посещений Кремля, встречи с А.В. Луначарским и многое другое.

После ухода на пенсию З.Г. Вейс-Ксенофонтовой, которая проработала на станции с 1913 по 1955 гг. и умерла в 1962 г., заведующей станцией назначена И.К. Силина, тогда только что окончившая геофизический факультет Свердловского горного института им. В.В. Вахрушева и прошедшая стажировку на сейсмической станции «Москва» в течение месяца.

## **Мария Васильевна Кленова – основатель российской морской геологии**

*Н.В. Сидельникова*

Архив Российской академии наук – одно из наиболее ценных и крупнейших архивных учреждений нашей страны, на хранении в котором находятся уникальные документы, рассказывающие о жизни и научной деятельности ученых с мировым именем. Среди личных фондов ученых в Архиве Российской академии наук имеются фонды женщин-ученых. В их числе представлен фонд океанографа, доктора геолого-минералогических наук (1937), профессора, Заслуженного деятеля науки РСФСР (1969) Марии Васильевны Кленовой, который поступил в Архив АН СССР из Архива и Кабинета геологических исследований Института океанологии им. П. Ширшова АН СССР в 1977–1982 гг. Документы фонда представлены научными трудами, инструкциями, методическими разработками по изучению геологии морей и другими документами о деятельности ученой, перепиской, а также в отдельном разделе фонда отложились биографические документы: это различные удостоверения, дипломы, аттестаты и свидетельства об учебе М.В. Кленовой, есть небольшое количество фотодокументов.

Мария Васильевна Кленова родилась 31 (13) августа 1898 г. в Иркутске в семье рабочего, Василия Дмитриевича Кленова, и фельдшера, Раисы Наумовны Кленовой. Окончила гимназию в Екатеринбурге. В 1915 г. М.В. Кленова приехала в Москву и поступила на курсы по уходу за больными и ранеными воинами при Обществе русских врачей. В 1916 г. она состояла слушательницей медицинского отделения Московских высших женских курсов, занималась практикой оспопрививания в Московском воспитательном доме. Затем вернулась в Екатеринбург, в 1918 г. окончила курсы машинисток и стенографистов, а также курсы массажисток в Школе фельдшерниц, которой руководила ее мать. В 1918/19 учебном году поступила на медицинский факультет Томского университета.

Все эти годы учебы М.В. Кленова зарабатывала частными уроками, работала младшим библиотекарем городской библиотеки г. Екатеринбурга, была лектором в фельдшерской школе, в Политотделе 3-й Армии, в Губвоенкомате, в 48 батальоне войск ГПК, заведовала информационным отделом Союза металлистов г. Екатеринбурга, была инструктором культурно-просветительского отдела Томского союза кооперативов, курьером Уральского областного экономического совета в г. Екатеринбурге.

В 1924 г. М.В. Кленова окончила Московский государственный университет по специальности «минералогия», одновременно с учебой в МГУ М.В. Кленова была преподавателем школы рабочей молодежи имени Русакова.

В 1926 г. закончила аспирантуру при кафедре минералогии МГУ, где занималась под руководством профессора Я.В. Самойлова, а после его смерти в 1925 г. у академика В.И. Вернадского. Она занималась научно-исследовательской работой по изучению современных морских отложений. Кандидатская диссертация М.В. Кленовой называлась «К литологии Баренцева моря» (1926). В течение нескольких лет она занималась разработкой методики, вопросами стандартизации методов, разработкой номенклатуры и классификации осадков. В результате проведения этих работ была создана база для составления грунтовых карт. С 1930 г. ею были начаты работы по грунтовой съемке морей СССР и составлению грунтовых карт, которые были необходимы для рыбного промысла, Военно-Морского Флота, строительства береговых сооружений, поисков полезных ископаемых. Для проведения этих работ М.В. Кленовой были организованы 9 лабораторий на всех морях Советского Союза и центральная лаборатория в городе Москве, кото-

рую с 1 января 1930 г. возглавила М.В. Кленова. В послевоенный период часть лабораторий была закрыта, но остались лаборатории в городах Мурманске, Архангельске, Астрахани, Баку, на Черном море и частично во Владивостоке и Ленинграде. Лаборатории оказались в разных ведомствах, но сохранили связь с Московской лабораторией геологии моря. Эти лаборатории проводили грунтовые съемки морей Советского Союза по разработанной М.В. Кленовой методике и литолого-морфологическую съемку берегов.

В феврале 1924 г. М.В. Кленова поступила на работу в Морской плавучий научный институт (Плавморин) в качестве сверхштатного сотрудника, затем – научного сотрудника 2-го и 1-го разрядов, заместителя директора по административно-хозяйственной части. Она находилась в этом институте до начала Великой Отечественной войны.

В 1925–1931 гг. М.В. Кленова участвовала в ряде полярных экспедиций на первом советском научно-исследовательском судне – парусно-паровой шхуне «Персей» – к берегам Новой Земли, к острову Шпицберген, в Карском, Белом, Баренцевом, Гренландском морях.

Впервые женщина возглавила морскую научную экспедицию. В последующие шесть лет она приняла участие в десяти плаваниях в полярных морях в качестве геолога экспедиции.

В 1928 г. Кленова спускалась на дно Черного моря в аппарате для исследования морского дна – прообразе современного батискафа. Это был первый спуск под воду для непосредственного наблюдения за работой приборов для взятия грунта.

С 1930 г. М.В. Кленова заведовала лабораторией Геологии моря Плавморина, переименованного впоследствии в Государственный океанографический институт, а затем вошедшего в состав Всесоюзного института рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО). Лаборатория геологии моря М.В. Кленовой находилась в Институте до начала Великой Отечественной войны 1941 г.

Участница многих морских экспедиций на Каспий, в Арктику (Новая Земля, Шпицберген, Земля Франца-Иосифа), М.В. Кленова принимала участие и в Первой антарктической экспедиции. Она проводила исследования осадочных океанических пород. В 1948 г. выпустила первое руководство «Геология моря». Заслуженно считается основателем российской морской геологии.

В 1932 г. М.В. Кленова плавала в Баренцевом море на боте «Книпович». Во время этого исследовательского рейса впервые был поднят государственный флаг СССР на крайнем северо-западном острове оте-

чественной Арктики – о. Виктория, и обойдена с севера Земля Франца-Иосифа. В 1933 г. Мария Васильевна возглавила морскую экспедицию на судне «Книпович».

В 1936 г. Кленовой была организована аэро съемка дельты Волги, для чего была создана специальная экспедиция Главрыбвода, в которой работала под ее руководством геологическая партия, составившая к 1941 г. литолого-морфологическую почвенную карту и карту растительности на базе аэрофотосъемочных работ. Эти карты были изданы в сборнике «Геология дельты Волги» в 1951 г.

В работе по составлению грунтовых карт еще перед войной Кленовой были выявлены основные закономерности распределения осадков по дну в зависимости от его механического состава, в связи с рельефом и гидродинамическими условиями отложения. Была разработана новая классификация осадков мирового океана, единая для мелководных участков и для больших глубин, основанная на представлении о едином процессе осадкообразования. Были разработаны и представления об унаследованности рельефа моря в связи с его прежней геологической историей и выдвинуты идеи исторической океанографии, которые позднее были положены в основу исследования подводного склона Апшеронского полуострова и прибрежной полосы Азербайджана, проводившиеся в 1945–1947 гг. Азербайджанской нефтяной экспедицией СОПСа (Совета по изучению производительных сил) АН СССР.

В 1937 г. М.В. Кленова была утверждена в звании профессора в области геологии моря и постановлением Высшей Аттестационной Комиссии от 11 мая 1937 г. ей была присвоена ученая степень доктора геолого-минералогических наук без защиты диссертации. На основе своих исследований она разработала методику составления грунтовых карт морей. По этой методике и под руководством М.В. Кленовой было составлено свыше 150 грунтовых карт для Баренцева, Белого, Каспийского и других морей.

В 1938–1939 гг. по предложению кафедры физической географии МГУ ею был написан общий курс «Геология моря» как учебное пособие для вузов. В этой книге были впервые очерчены контуры новой науки, которая должна была ввести в хозяйственный обиход человека минеральные богатства 5/7 земной поверхности. Книга не была издана из-за начавшейся войны.

С начала войны лаборатория геологии моря, руководимая Кленовой, объявила себя мобилизованной и полностью переключилась на составление карт для Военно-Морского Флота. За годы Великой Оте-

чественной войны под руководством М.В. Кленовой было составлено около 200 специальных карт и атласов для Военно-Морского Флота. Она неоднократно выезжала на Северный и Черноморский флоты, где работала над составлением пособий, читала лекции подводникам. За работу в военное время в 1943 г. М.В. Кленову наградили орденом Трудового Красного Знамени.

В 1945–1953 гг. М.В. Кленова приняла активное участие в подготовке и издании уникального Морского атласа. В эти годы она работала на Каспийском море. По докладу экспедиции, возглавляемой М.В. Кленовой, было принято первое решение об освоении знаменитого морского месторождения нефти «Нефтяные камни».

Благодаря работам Кленовой была создана стройная и практически применимая непосредственно для целей навигации система построения грунтовых карт, на основании которой составлены карты грунтов всех морей Советского Союза и других морей. Практическая ценность этой системы хорошо характеризуется тем фактом, что положенная в ее основу классификация грунтов принята для всех советских морских карт. В редакции Морского атласа было создано отделение геологии моря, где велись работы по составлению мировой картотеки грунтовых точек и мировой карты грунтов.

В 1949 г. морской отряд, руководимый М.В. Кленовой, был переименован в Морскую геологическую экспедицию и передан в Институт геологических наук (ИГН) АН СССР. До 1955 г. М.В. Кленова являлась начальником этой экспедиции и одновременно была научным руководителем группы геологии шельфа и старшим научным сотрудником Института. В 1955 г. вместе с переданной экспедицией и группой М.В. Кленова перешла в Институт океанологии АН СССР на должность научного сотрудника. С 1967 г. и до конца жизни она возглавляла кабинет морских геологических исследований Института океанологии АН СССР.

В 1965 г. М.В. Кленовой и двум ее сотрудникам (В.Ф. Соловьеву и Н.С. Скорняковой) была присуждена премия АН СССР им. академика И.М. Губкина как ведущим авторам за монографию «Геологическое строение подводного склона Каспийского моря». В 1969 г. Кленова была удостоена почетного звания Заслуженного деятеля науки РСФСР. Она была награждена орденами Трудового Красного Знамени [1943], Ленина ([1943], 1951) и «Знак Почета» (1975); медалями «В память 800-летия Москвы» (1948), «Двадцать лет Победы в Великой



Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1966), «За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970) и др.

В составе морских экспедиционных отрядов М.В. Кленова продолжила работу в Охотском море, у берегов Антарктиды, побывала с исследованиями на дрейфующей станции СП-4, неоднократно плавала в Атлантике (1959–1963 гг.). В 1968 г., в год своего 70-летия, она вышла в море на новом научно-исследовательском судне «Академик Курчатов», а в 1972 г. пошла в плавание на научно-исследовательском судне «Витязь», «ветеране» исследовательского флота.

Кленовой было написано более 250 научных работ. Особое место среди них занимает «Геология моря», которая была опубликована в 1948 г. Книга вышла не только в качестве учебного пособия для гражданских вузов, но и как пособие для курсантов-гидрографов военно-морских училищ и слушателей военно-морских академий. Геология моря как новая наука разрабатывалась как самостоятельная научная дисциплина, имеющая свои методы исследования, свои проблемы, свое практическое применение.

Всю свою жизнь Кленова посвятила геологии моря, которая благодаря именно ее трудам развилась в самостоятельную дисциплину. В ее трудах были оформлены основные положения геологии моря как новой науки, изучающей осадки и строение морского дна в тесной связи с общегеологическим строением и развитием всей Земли. Кленова создала целую школу специалистов по геологии моря, среди которых есть доктора и кандидаты наук.

Именем М.В. Кленовой названы горы на побережье Русской гавани на Новой Земле, где она проводила научные исследования. В ее память также названа океанская впадина, открытая гидрографической экспедицией Северного флота в 1981–1983 гг.

Мария Васильевна Кленова умерла в Москве 6 августа 1976 г.

В заключение хочу сказать о том, что деятельность Архива РАН по сохранению документов по истории науки и обеспечению широкого круга исследователей науки ретроспективной информацией вносит огромный вклад в развитие отечественной исторической науки, в формирование информационной и источниковой базы истории науки.

## **Литература, источники, примечания**

1. Архив РАН. Ф. 1758. Оп. 1. Д. 216, 217, 218.
2. Архив РАН. Ф. 411. Оп. 58. Д. 2917.
3. Архив РАН. Ф. 411. Оп. 30. Д. 510.

## Выдающийся минералог XX века – Екатерина Владимировна Рожкова (к 120-летию со дня рождения)

*И.Г. Печенкин*

Екатерина Владимировна Рожкова – выдающийся специалист в области минералогии, литологии и методики минералогических исследований – родилась в г. Москве 31 декабря 1897 г. (13.01.1898) в купеческой семье. С ранних лет она отличалась поразительной тягой к знаниям. Окончив в 1914 г. I-ю московскую женскую гимназию с золотой медалью, была принята в число слушательниц Московских высших женских курсов естественного отделения физико-математического факультета. В 1918 г. Е.В. Рожкова успешно сдала выпускной экзамен Государственной испытательной комиссии.

Становление Екатерины Владимировны как специалиста совпало с коренными преобразованиями отечественной науки. Появляются новые государственные научно-исследовательские институты, основным направлением работ которых становится решение прикладных задач [1. С. 5–6]. Е.В. Рожкова начинает изучение методов технического анализа при Московском Городском народном университете им. А.Л. Шанявского под руководством профессора Н.И. Червякова (1918), являясь сотрудницей Государственной стекольно-керамической станции (позднее Научно-исследовательский силикатный институт), совершенствовалась в методах кристаллографических и минералогических исследований у профессора А.А. Капинского (1919–1921). Одновременно Е.В. Рожкова преподает в Московском высшем техническом училище (МВТУ), на рабочем факультете Ломоносовского института, в Комиссаровском техническом училище.

Переломным моментом в профессиональном росте Екатерины Владимировны стало знакомство и впоследствии совместные исследования, начатые в МВТУ, с академиком А.Д. Архангельским и в Минералогическом институте I-го МГУ с профессором Я.В. Самойловым. В 1923 г. она перешла на работу (сначала по совместительству), в Институт прикладной минералогии (ИПМ), где активно включилась в разноплановые исследования, имеющие важнейшее прикладное значение. Термин «прикладная минералогия» был предложен в 1924 г. профессором Н.М. Федоровским, возглавлявшим ИПМ, для обозначения нового направления в науке. По его идее, прикладная минералогия свя-

зывает науку с производством и перекидывает мост между теоретическим изучением минералов и практическим их использованием [2. С. 3]. В кратчайшие сроки ИПМ занял ведущее место в области изучения свойств ценных для промышленности минералов и разработки методов их исследования. Екатерина Владимировна возглавила лабораторию института, ведущую эти работы.



Екатерина Владимировна Рожкова  
в лаборатории Института прикладной  
минералогии (ИПМ), 1930-е гг.  
(Архив ВИМСа)

Одним из направлений исследований в начальный период ее научной деятельности стало изучение под руководством Я.В. Самойлова кремневых осадочных пород – опок и диатомитов Поволжья, Центральной России, а позднее и Донецкого бассейна [3]. Затем уже самостоятельно она изучала осадочные кремневые породы СССР. Книга Е.В. Рожковой по месторождениям осадочных кремневых отложений Советского Союза – наиболее полное и глубокое исследование в данной области, а разработанная ею их генетическая классификация долгое время не утрачивала своей актуальности [4]. Результаты изучения месторождений осадочных кремневых пород послужили материалом для создания на их базе новой в СССР термоизоляционной промышленности. Всестороннее изучение этого сырья позволило широко использовать его и в других отраслях промышленности (лакокрасочная, крахмалопаточная и др.).

Много работ Е.В. Рожковой посвящены вопросу распространения редких и рассеянных элементов в осадочных породах и методам их определения. С 1924 г. она занималась исследованием медистых песчаников Донецкого бассейна, а с 1926 г. изучала Керченские железные руды с точки зрения распространения в них ванадия и мышьяка [5]. Руководил исследованиями В.А. Зильберминц, заменивший рано ушедшего из жизни Я.В. Самойлова. Были выделены отдельные мулды, обогащенные этими элементами [6]. Е.В. Рожковой совместно с Е.В. Копченовой разработана методика экспрессного метода определения хрома, никеля, кобальта и др. элементов в рудах. Долгое время

она широко применялась в аналитической практике заводских и научно-исследовательских лабораторий [7, 8].

В 1930-е гг. Екатерина Владимировна проводит разноплановые исследования.

В Московском нефтяном институте им. И.М. Губкина, в возглавляемой ею геохимической группе изучаются вопросы корреляции нефтеносных свит и пластов по редким для осадочных пород элементам, обычно присутствующим в малых количествах (V, Mo, Ni, Co и др.). Результаты представлены в 1932 г. на совещании по осадочным породам [9].

В конце 1931 г. Е.В. Рожкова взяла на себя организацию, а позднее и руководство лабораторией по изучению шлихов при отделе сырья Института редких элементов. Она обладала опытом работ по шлиховому анализу, полученным в процессе обследования и разведки россыпей монацита на Южном Урале [10]. Использование зарубежного опыта при методических разработках позволило адаптировать их и внедрить в практику работ отечественных шлиховых лабораторий.

В 1930 г. в системе Комакадемии организуется Институт генезиса минералов и горных пород (с 1932 г. Институт геологии и минералогии – ГЕОМИН). В него перешли многие сотрудники ИПМ – академик Н.Д. Архангельский, Ф.И. Абрамов, Э.М. Зборовский, Е.В. Копченова, Е.В. Рожкова, Ф.И. Сыромятников и др. [11]. В 1934 г. ГЕОМИН слит с ИПМ в единый Институт геологии и минералогии, преобразованный в 1935 г. во Всесоюзный научно-исследовательский институт минерального сырья, существующий и поныне (ВИМС). В 1932 г. Е.В. Рожкова назначается в ГЕОМИНе главой двух лабораторий – сравнительной литологии и минералогической. Под ее руководством создается химико-аналитическая лаборатория. Она становится заместителем А.Д. Архангельского в геохимическом секторе института.

Исключительное значение имеют работы Е.В. Рожковой по изучению бокситовых месторождений. Эти исследования были начаты в 1932 г. под непосредственным руководством академика А.Д. Архангельского. В стране практически отсутствовала алюминиевая промышленность. В течение 1932–1935 гг. Екатерина Владимировна принимала самое деятельное участие в организации геолого-поисковых работ на бокситы в различных районах Советского Союза, лично выполняя детальные исследования их минералогического состава. Принимая самое активное участие в разработке новой осадочной теории образования бокситов, выдвинутой А.Д. Архангельским, Е.В. Рожкова провела ряд экспериментальных работ по воспроизведению природного про-

цесса бокситообразования. Ею было доказано огромное значение концентрации водородных ионов и окислительно-восстановительного потенциала природных морских и континентальных бассейнов в процессе формирования алюмо-железистых месторождений и экспериментальным путем изучены условия образования бобовых и оолитовых структур [12].

На основе центрифужной методики изучения дисперсных рудообразующих минералов бокситовых руд Е.В. Рожковой установлены свойства отдельных минеральных компонентов бокситов и создана их химико-минералогическая классификация [13]. Под ее руководством был изучен минералогический состав боксита почти всех известных в то время бокситовых месторождений СССР. Результаты исследований, а также новые методы изучения бокситового сырья внедрены в практику промышленности и работы исследовательских институтов [14]. В итоге в ВИМСе впервые в мире была создана «минералогия бокситов» и дана стройная генетическая концепция для алюминиевых руд (А.Д. Архангельский, Е.В. Рожкова).

В годы Великой Отечественной войны Е.В. Рожкова возглавила Уральскую бокситовую лабораторию ВИМСа, сыгравшую важную роль в совершенствовании производства металла для оборонной промышленности. В 1941 году в г. Каменск-Уральском ею создается лаборатория, в которой выполнялись работы по изучению уральских бокситовых месторождений. Важные исследования, способствовавшие повышению эффективности глиноземного производства, были проведены сотрудниками ВИМСа. Изучив вещественный состав бокситов Североуральского бокситового района и вариации соотношений основных минералов в сырье, используемом Уральским алюминиевым комбинатом, они установили причину низких показателей переработки бокситов. Предложенная новая



Екатерина Владимировна Рожкова – руководитель минералогической лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья (ВИМС), 1967 г. (Архив ВИМСа)

технологическая схема подготовки руд значительно повысила выход товарного продукта [15. С. 33–34]. Большую работу Екатерина Владимировна провела по организации лабораторной службы для горно-металлургического комбината в г. Серове на Урале. Надеждинский металлургический завод в 1941–1945 гг. стал важнейшим поставщиком высококачественного металла для нужд обороны страны.

В июле 1944 г. Е.В. Рожкова успешно защищает докторскую диссертацию «Промышленные бокситы Северного и Южного Урала», а в декабре утверждается ВАКом и в звании профессора.

В 1947 г. Е.В. Рожкова создает в ВИМСе образцовую минералогическую лабораторию (1950–1980-е гг. являлась ведущей в СССР), способную разрешить сложнейшие проблемы по изучению вещественного состава минерального сырья. В ней применялись новейшие методы исследования, разрабатываемые в институте. В эти годы Екатерина Владимировна руководит созданием новых методов и аппаратуры для фракционирования и сепарации дисперсных минералов на основе центрифугирования, использования электропроводности и диэлектрических свойств и др. Предлагаются передовые методики изучения горных пород, руд и минералов [16, 17]. ВИМС явился инициатором качественного коренного перевооружения минералогических лабораторий геологической службы страны.

Особую остроту в годы войны приобрела проблема урана. В 1942–1943 гг. стали известны успехи зарубежных ученых в области физики и химии атомного ядра и получения возможностей реализации проектов использования энергии урана в военных целях. Созданный в августе 1943 г., по Распоряжению Государственного Комитета Обороны в ВИМСе урановый сектор стал колыбелью нескольких поколений специалистов, работавших по урановой проблеме и в большой степени способствовавших ее решению.

Вернувшись в Москву, в эту работу активно включилась и Е.В. Рожкова. На первом этапе она изучала минералогию уранового оруденения Кривого Рога (1947), диктионемовых сланцев в Прибалтике (1947–1948). Позднее (1952–1958) выясняла роль сорбционных процессов в образовании осадочных месторождений урана [18], условия его перехода в донные отложения при слиянии пресных вод с морскими (1959). После открытия эпигенетического уранового месторождения Учкудук Екатерина Владимировна сосредоточилась на организации комплексных исследований вещественного состава и генезиса этого типа руд. Возглавляемая ею группа на основе моделирования природ-

ных процессов рудообразования изучала физико-химические условия переноса и отложения урана (1964), установила роль бактериальных процессов в миграции и накоплении рудных компонентов на геохимических барьерах [19]. В 1960–1970-е гг. Е.В. Рожкова активно занималась развитием методической базы минералогических исследований радиоактивных руд и организацией лабораторной службы в экспедициях, работавших по поискам и разведке урановых месторождений.

Велики заслуги Е.В. Рожковой в подготовке научных кадров. Она основала свою научную школу прикладной минералогии, многие из ее учеников стали известными учеными. Вся научно-исследовательская деятельность Екатерины Владимировны была направлена на решение крупных и актуальных задач по освоению отечественных минерально-сырьевых ресурсов.

### **Литература, источники, примечания**

1. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сб. документов. Л.: Наука, 1968. 418 с.
2. *Федоровский Н.М.* Опыт прикладной минералогии (Применение минералов в различных отраслях промышленности и сельском хозяйстве). Л.: Науч. хим.-тех. изд-во, 1924. 178 с.
3. *Самойлов Я.В., Рожкова Е.В.* Отложения кремнезема органогенного происхождения (кремнеземистые биолиты – силикобиолиты) // Тр. Института Прикладной Минералогии и Металлургии. Вып. 18. М.: Научно-технический отдел ВСНХ, 1925. С. 3–57.
4. *Рожкова Е.В., Воронков Б.С.* Очерк месторождений трепела и диатомита СССР // Тр. научно-исследовательского института геологии и минералогии. Вып. 8. Москва; Грозный; Ленинград; Новосибирск: ОНТИ НКТП СССР. Государственное научно-техническое горно-геолого-нефтяное изд-во, 1934. 142 с.
5. *Аликберов В.М., Луговская И.Г., Печенкин И.Г., Тигунов Л.П.* Вклад ВИМСа в исследование керченских железных руд // Разведка и охрана недр. 2015. № 2. С. 3–11.
6. *Зильберминц В.А., Рожкова Е.В.* Распространение ванадия, мышьяка и марганца в керченских железных рудах // Минеральное сырье и его переработка. 1928. № 5. С. 323–332.
7. *Рожкова Е.В.* Колориметрический метод определения ванадия в железных рудах и горных породах // Минеральное сырье и его переработка. 1928. № 5. С. 341–344.
8. *Рожкова Е.В., Копченова Е.В.* Определение малых количеств мышьяка в горных породах // Минеральное сырье и его переработка. 1928. № 5. С. 344–347.



9. Рожкова Е.В. К вопросу о полевых исследованиях нефтегазоносных свит // Бюллетень ГИНИ. 1932. № 3. С. 7–12.
10. Рожкова Е.В. О распространении монацита в районе рек Санарка и Каменка (Южный Урал) // Минеральное сырье. 1930. № 5. С. 678–683.
11. Федоровский Н.М., Перкин Д.Е. Институт геологии и минералогии (ГЕОМИН) // Минеральное сырье. 1934. № 9. С. 1–3.
12. Рожкова Е.В., Соболева М.В. Экспериментальное изучение условий образования бобовых железо-алюминиевых руд // Бокситы: Сб. Т. 1. Ч. 2. Месторождения бокситов, приуроченные к мезозойским отложениям / Под ред. акад. А.Д. Архангельского. М.; Л.: ОНТИ. Глав. ред. геол.-развед. и геодезич. лит.-ры (Труды ВИМС. Вып. 111). 1936. С. 145–204.
13. Рожкова Е.В., Соловьев Н.В. Минералогия и условия образования бобовых железо-алюминиевых руд // Бокситы: Сб. Т. 1. Ч. 2. Месторождения бокситов, приуроченные к мезозойским отложениям / Под ред. акад. А.Д. Архангельского. М.; Л.: ОНТИ. Глав. ред. геол.-развед. и геодезич. лит.-ры (Труды ВИМС. Вып. 111). 1936. С. 205–222.
14. Архангельский А.Д., Рожкова Е.В. Месторождения бокситов в СССР // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 37–51.
15. ВИМС–LXXV / Гл. ред. А.Н. Еремеев. М.: Недра, 1993. 334 с.
16. Современные методы минералогического исследования горных пород, руд и минералов / Под ред. Е.В. Рожковой. М.: Госгеолтехиздат, 1957. 264 с.
17. Современные методы минералогического исследования: В 2 т. / Под ред. Е.В. Рожковой. М.: Недра, 1969. Т. 1. 280 с.; Т. 2. 317 с.
18. Рожкова Е.В., Разумная Е.Г., Серебрякова М.Б., Щербак О.В. Роль сорбции в концентрации урана в осадочных породах // Тр. 2-й Междунар. конф. по мирному использованию атомной энергии. Т. 3. М.: Госатомиздат, 1959. С. 13–33.
19. Рожкова Е.В., Кузнецова Э.Г., Васильева Э.Г. Влияние бактериального процесса на образование эпигенетических, сульфидных и других минералов в осадочных толщах // Литология и полезные ископаемые. 1965. № 4. С. 6–17.

## Вклад Е.А. Галкиной в развитие отечественного болотоведения

*Л.В. Копенкина*

В 2017 году исполняется 120 лет со дня рождения выдающегося геоботаника и болотоведа Екатерины Алексеевны Галкиной (1897–1993). Она сыграла большую роль в разработке и применении аэровизуальных наблюдений и материалов аэрофотосъемки для геоботанических исследований.

Галкина начала применять аэрометоды при изучении болот с 1935 года, когда участвовала в работах Карельской лесоавиационной экспедиции Ленинградского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института сельскохозяйственной и лесной авиации [1].

В начале 1930-х гг. в составе геоботанического отряда Карело-Мурманской экспедиции Ботанического института АН СССР Е.А. Галкина исследовала Уросозерский болотный массив для сельскохозяйственной мелиорации. Именно этот объект был выбран для отработки методики аэровизуального исследования болот. Сопоставление данных аэроснимков с данными наземных



Е.А. Галкина, 1947 г.  
(Фото из архива музея Истории торфяного дела ТвГТУ)

исследований позволило по-новому оценить природу болотных массивов, пути их развития. Первые результаты были опубликованы в 1937 г. в книге «Применение самолета в геоботанических исследованиях».

В годы Великой Отечественной войны (1941–1943) Галкина вместе с другими сотрудниками Ботанического института имени В.Л. Комарова АН СССР осталась работать в осажденном Ленинграде и выполняла научные исследования по теме «Болотные ландшафты и методы их классификации» [2, 3]. Галкина руководила дешифрированием болотных аэроснимков и составлением по ним типологических болотных карт.

На заседании комитета Ленинградского областного совета депутатов трудящихся 14 июня 1945 г. Галкина выступила с докладом «Об использовании материалов аэрофотосъемки при производстве изысканий торфяных месторождений и заболоченных земель». По материалам аэрофотосъемки были выявлены торфяники Ленинградской области.

В 1945 г. Народный комиссариат земледелия РСФСР принял решение, что метод исследования торфяных месторождений при помощи аэрофотосъемки может быть применен в торфоразведочных работах, проводимых Главным управлением торфяного фонда при Наркомземе РСФСР. Проверка степени точности и рентабельности метода была выполнена на территории Вологодской и Архангельской областей в 1946–1947 гг. Работу по типологическому дешифрированию осуществила Е.А. Галкина [4, 5].



Экспедиция Е.А. Галкиной (крайняя слева). Карелия, дер. Шуезеро, 1954 г.  
(Фото из личного архива семьи Копенкиных)



Экспедиция Е.А. Галкиной (третья справа). Карелия, дер. Шуезеро, 1954 г.  
(Фото из личного архива семьи Копенкиных)

В 1949–1956 гг. Галкина работала в отделе болотоведения Карельского филиала АН СССР, где использовала аэрофотоснимки для типизации и картографирования болотных массивов. Под ее руководством в эти годы были составлены уникальные крупномасштабные ландшафтно-геоботанические карты (планшеты) болот Карелии методом дешифрирования аэрофотоснимков в сочетании с наземными исследованиями [6–8].

За разработку аэроназемного метода исследования болот Екатерина Алексеевна Галкина получила Государственную премию в 1949 г.

Большую часть жизни Е.А. Галкина проработала в Ботаническом институте РАН в Санкт-Петербурге. Галкина является автором около 100 научных работ, опубликованных как в России, так и за рубежом.

### **Литература, источники, примечания**

1. *Галкина Е.А.* Применение аэрометодов в исследовании болот и дальнейшие пути их усовершенствования // Доклады комиссии аэросъемки и фотограмметрии. Л., 1967. С. 48–65.
2. *Галкина Е.А.* Использование материалов аэрофотосъемки для выяснения свойств болотных массивов // Материалы по дешифрированию аэроснимков: Сб. / Комиссия по применению аэросъемки при Геолого-географическом отделении АН СССР. Свердловск, 1942.
3. *Галкина Е.А.* Болотные ландшафты и принципы их классификации // Сб. науч. тр. Ботанического института АН СССР, выполненных в Ленинграде за три года Великой Отечественной войны (1941–1943). Л., 1946. С. 139–156.
4. *Галкина Е.А.* Применение аэросъемки при изучении болотных массивов // Труды Второго Всесоюзного географического съезда. 1948. Т. II.
5. *Галкина Е.А.* Пути использования аэрофотосъемки в болотоведении // Ботанический журнал. 1953. Т. 38. № 6.
6. *Галкина Е.А.* Болотные ландшафты Карелии и принципы их классификации // Торфяные болота Карелии: Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск: Карелия, 1959. Вып. 15. С. 3–48.
7. *Галкина Е.А.* Особенности картирования растительного покрова болотных массивов (с применением материалов аэрофотосъемки) // Вопросы картографии растительности. М.; Л.: АН СССР, 1962.
8. *Галкина Е.А.* Методы использования аэрофотоснимков для типизации и картирования болотных массивов // Болота и заболоченные земли Карелии. Петрозаводск, 1964. С. 5–24.

## Н.А. Базилевская как историк науки (к 20-летию со дня кончины)

*Е.М. Сенченкова*

О Нине Александровне Базилевской (1902–1997) – известном ботанике, специалисте по цветоводству, географии и интродукции растений, профессоре МГУ (с 1953), Конакрийского политехнического института (Гвинея, 1967–1975) и Гаванского университета (Куба, 1976–1978), существуют некоторые публикации и иные материалы

[1–4]. Однако ни в одном из этих источников нет никаких упоминаний о ее научных изысканиях в области истории науки и, прежде всего, по истории ботаники. Ныне, в год 20-летия со дня кончины этой незаурядной женщины, следует вспомнить ее заслуги и на этом поприще ее многогранной научной деятельности.

Впервые я встретила с Н.А. Базилевской в 1957 г., будучи аспиранткой Института истории естествознания и техники (ИИЕТ), когда она появилась в нашем секторе истории биологии в качестве старшего научного сотрудника по совместительству с основной работой в МГУ. Стройная, интеллигентная, с доброжелательной улыбкой, общительная женщина сразу распо-



Нина Александровна Базилевская (1902–1997), директор Ботанического сада МГУ с 1952 по 1964 г.

ложила к себе всех сотрудников сектора. Наиболее тесные контакты связывали ее с уже опытным историком ботаники Антониной Алексеевной Щербаковой (1907–1986) – автором первой монографии «История ботаники в России до 60-х гг. XIX века (додарвиновский период)» (1979 г.). Их связывала уже начатая ими совместно работа в этом направлении, о которой будет сказано ниже. Именно А.А. Щербакова стала инициатором привлечения Нины Александровны к работе в ИИЕТ, и именно во многом благодаря ей я впервые узнала о сотрудни-

честве Н.А. Базилевской с Н.И. Вавиловым в ВИРе и трудных годах, пережитых его соратниками под напором лысенковщины. С приходом же в ИИЕТ доктор биологических наук профессор Н.А. Базилевская представила 8 марта 1957 г. следующую автобиографию:

«Родилась в 1902 г. в г. Москве в семье служащего. С 1906 г. переехала с семьей в Ленинград. В 1918 г. весной окончила среднюю школу и осенью поступила в Политехнический институт, но так как материальное положение семьи было тяжелое, учиться не смогла и начала работать в ботаническом саду (ныне Ботанический институт АН СССР).

Осенью 1919 г. поступила в Ленинградский университет на биологический факультет. Училась и все время продолжала служить в Ботаническом саду. Окончила университет в 1924 г.

В Ботаническом саду вела научную работу по географии и систематике растений, выезжала в экспедиции для обследования флоры различных областей СССР, преимущественно Средней Азии. С 1926 г. зачислена в штат Всесоюзного института растениеводства, где работала до 1941 г. сперва по совместительству с Ботаническим садом, а с 1930 г. – по основной службе. Принимала участие в 12 экспедициях по Туркменской, Таджикской, Казахской, Узбекской и Киргизской республикам в качестве научного сотрудника, а затем – начальника.

С 1931 по 1937 гг. по совместительству выполняла обязанности зам[естителя] директора по научной части Всесоюзной станции по опийному маку.

В 1935 г. получила степень кандидата наук без защиты диссертации по совокупности работ, а в 1936 г. защитила диссертацию на степень доктора биологических наук. Утверждена в степени в январе 1937 г.

В Институте растениеводства проработала до 1941 г. Все это время, помимо экспедиционных работ и руководства опийной станцией, заведовала секциями сои, эфирно-масличных культур, каучуконосов и с 1937 г. – секцией цветоводства. С 1-го февраля 1941 г. работа по цветоводству в Институте растениеводства была прекращена, секция ликвидирована, и все ее научные материалы и коллекции переданы в Московский ботанический сад Академии наук СССР. Я была переведена в Москву на должность заведующего отделом декоративных растений Московского ботанического сада Академии наук.

С началом войны, помимо своих прямых обязанностей, работала по темам, связанным с обороной. В конце октября 1941 г. была эвакуи-

рована с Ботаническим садом в Ашхабад, где работала по заданиям Среднеазиатского военного округа.

После возвращения в Москву, в мае 1943 г. возобновила работу в качестве заведующего отделом Ботанического сада.

В 1945 г. Московский Ботанический сад был ликвидирован и я переведена в лабораторию эволюционной экологии растений, которая сперва была самостоятельной при Президиуме Академии наук, а потом вошла в состав Института леса.

В этой лаборатории я проработала до марта 1950 г., когда была приглашена академиком А.Н. Несмеяновым в Московский государственный университет для работы по организации и строительству нового Ботанического сада на Ленинских горах. С 1953 г. утверждена в должности директора Ботанического сада и в звании профессора МГУ.

В настоящее время работаю директором Ботанического сада университета. За научную работу была награждена в 1945 г. орденом «Знак Почета» и в 1946 г. – медалью «За доблестный труд во время войны».

Имею свыше 60 печатных и рукописных научных работ. Являюсь членом Московского общества испытателей природы, где руковожу секцией цветоводства, и председателем экспертной комиссии ВСХВ». [5. Л. 14–16].

Следует иметь в виду, что, вступая официально на стезю истории науки, Базилевская уже имела опыт работы в данном направлении. К тому времени уже многие ее публикации о различных растениях или связанных с ними проблемах обычно сопровождались историческим экскурсом, а порой это были, по существу, историко-научные очерки. В их числе можно назвать такие очерки, как «Происхождение и распространение видов рода Биехария» (Журнал Русского Ботанического общества. 1926. № 11), «О развитии цветочного хозяйства г. Москвы» (Городское хозяйство Москвы. 1946. № 3), «Старейшее научное учреждение МГУ» (Вестник Высшей школы. 1955. № 2) и другие.

Солидным вступительным взносом в копилку историков биологии ИИЕТ стал большой очерк Нины Александровны «Из истории декоративного садоводства и цветоводства в России», изданный в «Трудах» Института (1956. Т. 24. Вып. 5. С. 107–150). В ходе работы над этим обстоятельным очерком она приняла предложение А.А. Щербаковой участвовать в создании учебного пособия, содержащего сведения о научных биографиях наиболее известных русских ботаников, в том числе и тех, кто ранее попал в опалу со стороны лысенковцев.



Уже за неполный первый год своей работы в ИИЕТ с марта 1957 г. Н.А. Базилевская проявила себя разносторонним профессионалом в истории науки. По заданию сектора и руководства института ею были отрецензированы и подготовлены к печати многие рукописи. Это были «Очерки по истории ботаники» А.И. Купцова, сообщение К.Ф. Калмыкова «Исследование физиологии раздражимости растений в русской науке второй половины XIX в.», Л.П. Бреславец «История вопроса о происхождении хлоропластов» и два очерка Г.И. Дохман об истоках фитоценологии в агрономии и лесоводстве. Ряд статей были связаны с творчеством Н.Н. Кауфмана, И. Радожицкого и М.В. Рытова, авторами которых были соответственно А.А. Щербакова, В.Г. Хржановский и С.И. Зеликина.

Кроме того, ею были сделаны замечания по рукописям книги И.И. Назаренко, посвященной жизни и творчеству М.И. Афонина, статей И.Г. Бейлина «Из истории ботаники» и К.И. Мейер о М.И. Голеникине, а также о И.Н. Горожанкине и его школе. Были учтены ее замечания и по материалам, связанным с историей ботаники и почвоведения, для книги «История естествознания в России», которую готовил Институт. Замечания к статье Н.А. Фигуровского и О.А. Яковлевой о лекарственных растениях, использовавшихся в России XVI в., были столь обильны, что Базилевской пришлось самой дополнить этот текст на десяток страниц. Ее заключение на рукопись В.Г. Хржановского «Михаил Григорьевич Попов» затем способствовало публикации этой книги (1963). Иногда рецензировались и зарубежные работы.

Несмотря на большую загруженность редакционной и рецензионной работой, Нина Александровна продолжила свою работу по написанию статей для сборника «Выдающиеся отечественные ботаники», который был издан в конце 1957 г. (М.: Учпедгиз. 441 с.) и стал учебным пособием для школьников и студентов. В нем были напечатаны десять ее очерков, в том числе о Н.И. Вавилове, А.Я. Гордягине, В.В. Докучаеве, Б.А. Келлере, В.Л. Комарове, С.И. Коржинском, С.П. Костычеве, А.Н. Криштофовиче, П.Н. Крылове и Д.Н. Прянишникове.

Следует заметить, что статья о Н.И. Вавилове была написана и включена в сборник в последнюю очередь, вероятно, из опасения ее возможного исключения из книги. Она стала первой публикацией после реабилитации Н.И. Вавилова (1955), к тому же ее выход счастливо совпал с его 70-летием со дня рождения. В следующем году Базилевской предложили написать еще одну большую статью о Н.И. Вавилове

для двухтомного «Биографического словаря деятелей естествознания и техники» (М.: Изд-во БСЭ, 1958. С.131–132).

Тогда же ею было подготовлено сочинение о творческой деятельности русского ботаника Б.М. Козо-Полянского, напечатанное вскоре в «Трудах» Института (1959), а в «Вопросах истории естествознания и техники» (1959) появилась статья «Ботанические работы А.М. Бутлерова», выполненная по просьбе историков химии. Одновременно она включилась в подготовку коллективного труда ИИЕТ по написанию «Истории естествознания в России», где должна была осветить историю ботаники в XX в.

Однако наиболее важной и первоочередной своей работой Базилевская считала углубленное изучение истории основополагающих ботанических проблем, сохраняющих актуальность на многие времена. В качестве такого исследования она избрала близкую ей тему о развитии теоретических воззрений по акклиматизации растений. О содержании этого планового исследования на три года (1958–1960) объемом 12 печатных листов можно судить по аннотации автора, приложенной к соответствующей заявке:

«Работа посвящена истории развития теоретических воззрений в области одного из наиболее глубоких разделов ботаники – исторической географии растений. Теоретические работы по истории расселения растений и формирования флор тесно связаны не только с ботанической географией, но также и с сопредельными дисциплинами, особенно с фитопаалеонтологией и исторической геологией, касающейся происхождения современных континентов. Развитие этих отраслей науки играло решающую роль в создании теорий исторической географии растений и должно быть затронуто в работе. В книге, охватывающей развитие исторической географии растений в России и в западноевропейских странах, начиная с зарождения этой науки, основное внимание будет уделено работам ботаников XIX и XX вв.» [5. Л. 39].

Согласно Базилевской, в первой половине 1958 г. она «занималась подбором литературы по исторической географии растений и по теории ареала. Теоретические работы по истории флор имеют два направления: ботаническое и геологическое. Ограничиться одними ботаническими теориями исторической географии не представляется возможным, так как работа в этом случае случится односторонняя. В связи с этим наряду с ботанической литературой пришлось коснуться палеоботанической и отчасти геологической (А. Вегенер). Во втором полугодии прорабатывалась литература по теории ареала и по истории

флор, относящаяся к XIX в. (Ф. Унгер, Ч. Дарвин, Дж. Гукер, А. Энглер, А. Гризебах, П. Гребнер и из русских исследователей А. Бекетов и И. Пачосский). Составлена вступительная и первые главы монографии («У истоков исторической географии» около 1 печ[атного] листа и «Теории исторической географии растений XIX в.» около 2,5 печ[атных] листов)» [5. Л. 31].

Между тем руководство Института предложило Базилевской временно прервать это исследование и сосредоточиться на изучении проблемы вида в трудах русских и советских ботаников. Причиной тому стало приближавшееся 100-летие выхода труда Ч. Дарвина «Происхождение видов» (1859) и все еще не стихавшая дискуссия между лысенковцами и генетиками по проблеме вида. Результат своей работы Нина Александровна доложила на заседании Московского общества испытателей природы, посвященном этому юбилею, а также на секции историков биологии Национального объединения историков науки и техники. Тогда же ее очерк «Проблема вида в трудах советских ботаников» был напечатан в «Анналах биологии» (М.: Изд-во МОИП, 1959. Т. 1. С. 125–154).

Завершив внеочередное задание, Базилевская вернулась к прерванному изучению истории теоретических исследований по расселению растений в новые районы конца XIX – начала XX в. В основном, первоисточником этой работы ей служила литература тех лет на разных языках по ботанической географии, палеоботанике и отчасти геологии с элементами исторической географии растений. В подлиннике изучены классические труды А. Энглера «Опыт истории растительного мира, особенно флористических областей с третичного периода» (1879), Кернера Марилауна «Жизнь растений» (1891), А. Гризебаха «География растений» (1874), ряд работ Дж. Гукара и другие труды XIX в. Из числа палеоботанических сочинений были проработаны книги Ф. Унгера «Опыт истории растительного мира» (1852) и Сьюорд «Ископаемые растения» (1896).

К сожалению, по решению ученого совета в октябре 1959 г. работа по этой теме опять была приостановлена. Тем не менее, на основе проработанных материалов в «Трудах» ИИЕТ появилась статья Н.А. Базилевской «Роль Франца Унгера в развитии исторической географии растений», а позже они были использованы ею в соавторстве с А.М. Мауринь в монографии «Интродукция растений: История и методы отбора исходного материала» (Рига, 1982. 103 с.).

Новой темой стала «Краткая история ботаники (от древнейших времен до наших дней)» с участием А.А. Щербаковой. Н.А. Базилевской было поручено составление очерков по истории ботаники в XX в. и отчасти по XIX в. Вышедший в конце 1960 г. запрет на работу научных сотрудников по совместительству позволил ей трудиться в ИИЕТ над новой темой лишь один год. За это время Нина Александровна подготовила главы по истории изучения систематики растений (1,5 авт. л.), цитологии (0,5 авт. л.), флористики (0,5 авт. л.), палеоботаники (1 п. л.), низших растений (1 авт. л.), экологии и фитоценологии (1 авт. л.), а также рукопись «Очерки о развитии ботаники в СССР за 1917–1950 гг.» (1,75 авт. л.).

Несмотря на прекращение работы в ИИЕТ, не прекратилось сотрудничество Н.А. Базилевской и А.А. Щербаковой по подготовке намеченной книги «Краткая история ботаники» (М.: Наука, 1968. 319 с.), которая была ими завершена и опубликована через восемь лет. Их третьим соавтором по написанию глав об истории физиологии растений стал киевский профессор И.П. Белоконь.

Помимо основных плановых тем, Базилевская выполнила в ИИЕТ ряд особых поручений. Так, по заданию Президиума АН СССР она участвовала в коллективной работе «История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и подготовила для II (1941–1942), III (1943) и IV (1944–1945) томов три очерка по истории биологических наук.

Нередко дирекция ИИЕТ поручала ей давать замечания и отзывы на различные рукописи, в частности – на ботаническую часть рукописи Ш. Моразе для издания ЮНЕСКО, на биобиблиографические очерки для БСЭ или на расшифровку названий растений и комментариев к ним для 1-го тома путевых дневников Мессершмидта, которые готовились к печати в Берлине Академией ГДР.

Не менее просьб было и от руководства сектора истории биологии, в основном связанных с редактированием и рецензированием рукописей коллег, и не всегда институтских. Таковыми были работы А.А. Щербаковой и И.П. Герасимова «История ботаники и ботанической географии в России» для «Истории естествознания в России», К.Ф. Калмыкова по физиологии растений для того же коллективного труда, и «Очерки по истории физиологии и биохимии растений» И.П. Белоконя для вышеупомянутой совместной книги по истории ботаники.

Иногда Н.А. Базилевской приходилось оценивать качество работ, далеких от ее специализации, например, давались поручения написать заключения о рукописях «Пособия для составления библиографий»

(объемом более 600 с.) или не менее объемной «Истории естествознания в России». Все они выполнялись ответственно и добросовестно в заданный срок. В этом мне самой довелось убеждаться не раз. Не будучи официально моим руководителем, Нина Александровна давала замечания по моим выступлениям на заседании сектора и на аспирантских конференциях, дала официальный отзыв на автореферат моей кандидатской диссертации, посвященной истории учения о фотосинтезе растений, и даже стала оппонентом при ее защите. Все то же можно сказать о наставничестве Н.А. Базилевской работы другой аспирантки сектора В.Н. Новиковой, чья диссертация была связана с историко-микробиологической тематикой [5. Л. 33].

Трудно перечислить все те доклады, которые Нина Александровна прочитала на различных научных заседаниях, в том числе и за рубежом, в основном по историко-ботанической тематике, за неполные четыре года работы в ИИЕТ. Как правило, затем они появлялись в печати. Некоторые из таких докладов уже были названы выше, немало из них было прочитано и в последующие годы, особенно в связи с юбилейными датами Н.И. Вавилова. Влияние Н.И. Вавилова на научную деятельность Н.А. Базилевской и ее отношение к нему и к его творчеству заслуживают особого освещения, как, впрочем, и оценка ее воспоминаний об этом человеке. Следовало бы также дать более полную библиографию трудов Н.А. Базилевской по истории науки, которая достаточно велика, несмотря на небольшой срок ее работы в качестве официального историка науки.

### **Литература, источники, примечания**

1. Базилевская Нина Александровна // *Литишиц С.Ю.* Русские ботаники: Биогр.-библиогр. словарь. М.: Изд-во МОИП, 1947. Т. 1. С. 104–105.
2. *Тамберг Т.Г.* Декоративные растения // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 1930. Т. 39. Вып. 1. С. 331–342.
3. *Вавилов Н.И.* Из эпистолярного наследия. 1929–1940 // Научное наследство. Т. 5. М.: Наука, 1987. С. 349, 392.
4. *Бахарева С.Н.* Нина Александровна Базилевская // Соратники Н.И. Вавилова: Исследователи генофонда растений. СПб., 1994. С. 34–41.
5. Личное дело Н.А. Базилевской // Научный Архив ИИЕТ РАН.

## Мария Шрайбер и Татьяна Гапон – первые женщины-хроматографисты

*Е.В. Рыбакова*

В данной статье изложены биографии двух ученых женщин, которые были первыми в хроматографии – Марии Семеновны Шрайбер и Татьяны Борисовны Гапон. Их судьбы в чем-то схожи: свои научные работы в хроматографии обе сделали, когда были аспирантками и работали под началом у выдающихся физико-химиков (Н.А. Измайлова и Е.Н. Гапона), обе в числе авторов новых хроматографических методов и об обеих практически нет биографических сведений.

Первой в мире женщиной, сделавшей открытие в хроматографии, является **Мария Семеновна Шрайбер (11.09.1904–1992)**, кандидат фармакологических наук, старший научный сотрудник Харьковского научно-исследовательского химико-фармацевтического института. Вместе с доктором химических наук Н.А. Измайловым они придумали новый метод, который впоследствии получил название тонкослойной хроматографии (ТСХ).

Отправной точкой всех хроматографических исследований, как известно, являются работы М.С. Цвета. С цветовским методом были знакомы множество ученых – в основном за рубежом. В 1930–1934 гг. П. Каррер (Швейцария), Л. Цехмейстер (Венгрия) и Р. Кун (Германия)

выступили с рядом сообщений о том, как при помощи этого метода они смогли получить в чистом виде каротин, витамин А и ряд близких им соединений. Отечественные ученые узнали о возможностях этого метода из обзорной статьи В. Стикса в «Успехах химии», переведенной на русский язык в 1936 году, и статьи Э. Ледерера в «Журнале общей химии» за 1936 г. [1, 2]. Примечательно, что в 1930–1931 гг. Ледерер и Кун по цветовскому методу разделили  $\alpha$ - и  $\beta$ -каротин. Ледерер, бежав от нацизма в СССР, работал с октября 1935 по декабрь 1937 г. в Институте витаминов (ВНИВИ) в Ленинграде, где хроматографически выделял



Мария Семеновна Шрайбер

витамин С из растительного сырья. В своих воспоминаниях он пишет, что осенью 1936 г. читал студентам курс о витаминах и гормонах и организовал практикум по хроматографии [3]. Особенно важен факт, что Нобелевские премии, врученные в 1937 г. П. Карреру и в 1938 г. Р. Куну были связаны с использованием хроматографического метода. Эти события и публикации не могли быть незамеченными таким выдающимся ученым, как Николай Аркадиевич Измайлов.

Круг научных интересов Н.А. Измайлова был настолько широк, что очень трудно выделить главное направление, но все же исследование адсорбционных процессов и путей их практического применения в 30-е годы было одним из основных. Его научная и педагогическая деятельность связана с Харьковским университетом (ХГУ) и Институтом экспериментальной фармации, в последнем он применял методы физико-химического анализа к различным фармацевтическим препаратам. Вполне вероятно, что публикации статей В. Стикса и Э. Ледерера в 1936 году подтолкнули его использовать цветовой метод у себя в лаборатории. В это время среди сотрудников Н.А. Измайлова числилась Мария Семеновна Шрайбер, которая проходила стажировку в Институте экспериментальной фармации. Она закончила в 1926 г. Винницкий химико-фармацевтический техникум по специальности фармацевт. Проработав несколько лет в аптеках, решила заниматься наукой и в 1933 году поступила в аспирантуру Харьковского фармацевтического института. Как она писала впоследствии, «работая в области фармацевтического анализа, мы обнаружили, что т<ак> н<азываемые> галеновые препараты (настойки, экстракты и др.) из-за отсутствия методов анализа не контролируются» [4]. Свой выбор Шрайбер и Измайлов остановили на цветовом методе, и с помощью колоночной хроматографии количественно разделяли и по люминесценции определяли ряд алкалоидов. Но колоночный метод их не устроил – разделение было длительным, требовался значительный расход материалов и для качественного экспресс-анализа он не годился. «В результате ряда экспериментов был разработан метод хроматографического адсорбционного анализа... в тонком слое адсорбента, при применении одной капли вещества» [4]. В итоге в 1938 году в журнале «Фармация» вышла статья Измайлова и Шрайбер, которая дала начало новому направлению в хроматографии [5]. В статье авторы ссылаются на Ледерера и Стикса, а также на другие публикации 1935–1937 гг. по использованию колоночной хроматографии, включая и работу их коллег из Харьковского политехнического института. В качестве одной из будущих



целей исследования в статье было указано: «детально разработать дальнейшее применение капельно-хроматографического анализа...» [4]. А идея была такова: «характер флуоресценции был до того ярок и специфичен для каждой настойки, что мы решили это свойство использовать для экспресс-анализа в условиях аптеки. Для этой цели мы скопировали полученные зоны на бумагу и раскрасили их. Эти красочные картины могли служить в качестве «шкал» для идентификации настоек... В дальнейшем предполагалось создание постоянных справочных пособий качественного определения галеновых препаратов с применением цветных фотографий...». Вскоре после выхода статьи Мария Семеновна защитила диссертацию по теме «Химическая и биологическая оценка ревеня, культивируемого в Украине» (1939) и получила степень кандидата фармацевтических наук. До 1941 года она продолжала работу по исследованиям галеновых препаратов.

После начала войны М.С. Шрайбер эвакуировалась вместе с институтом и опытным производством в г. Фрунзе, где работала в должности старшего научного сотрудника в фармако-аналитической лаборатории (1943–1945 гг.). Мария Семеновна с коллегами занималась разработкой и производством лекарственных препаратов для нужд фронта: Строфантин для инъекций, Витамин В из дрожжей, а также абсорбционной технологией получения опия с применением местной глины как сорбента, и помогала контрольно-аналитическим лабораториям Киргизской ССР. Во время войны Харьков был сильно разрушен, и требовались колоссальные усилия, чтобы восстановить лаборатории и продолжить научные работы. Тем не менее с 1945 года в ХНИХФИ начинается широкое изучение адсорбционных процессов с целью создания технологии выделения веществ из природных объектов. В частности, были разработаны методы выделения ряда алкалоидов из растительных экстрактов. С 1946 года институт перешел в ведение Министерства здравоохранения СССР и стал головным НИИ фармацевтической отрасли. Мария Семеновна работала в институте до 1975 г. и посвятила себя применению аналитических методов в фармакоанализе. Ею были разработаны 50 фармакопейных статей; 90 республиканских технических условий на препараты ХНИХФИ. Свой опыт и знания передавала своим ученикам В.В. Беликову и Н.Я. Царенко, которые успешно защитили кандидатские диссертации. В этих работах были продолжены исследования по применению бумажной, тонкослойной и колоночной хроматографии по контролю качества лекарственного расти-

тельного сырья и фитопрепаратов. Ее ценили коллеги за высокий профессионализм и энциклопедические знания.

Аналогично первым работам М.С. Цвета, новый метод никто из отечественных ученых не стал развивать – идею подхватили за рубежом. Уже в 1941 году со ссылкой на эту статью вышла работа В. Кроуве [4]. Широкою известностью открытию Измайлова и Шрайбер принесла монография Эгона Шталя [6], переведенная и изданная издательством «Мир» в 1965 году. В главе «История развития хроматографии в тонких слоях» он описывает результаты исследований Измайлова и Шрайбер, приводит ссылки на их последователя – Кроуве, далее видит развитие метода в появлении варианта хроматографии на бумаге в 1944 году А. Мартина с коллегами. Он отмечает, что к 1956 году вышло более 10 тысяч публикаций, но практически все авторы, попробовав, вновь забывали этот метод. По словам Э. Шталя, начав использовать ТСХ, он почувствовал возможности этого метода. В своей монографии он обобщил теорию метода ТСХ, аппаратуру и применение в химии природных соединений, фармакологии, клинической диагностике и других областях. Во втором издании, вышедшем в 1969 году, он дает краткие данные по авторам метода Измайлову и Шрайбер с перечислением их заслуг и основных работ, в тексте ссылаясь на их публикации и воспоминания Шрайбер.

В 1971 году в «Journal of Chromatography» вышла статья М.С. Шрайбер «The Beginnings of Tin-layer Chromatography». И профессор Шталь выслал ей свою монографию с надписью: «Проф. Измайлову и Шрайбер – пионерам метода тонкослойной хроматографии посвящаю мой труд» [7]. К сожалению, Н.А. Измайлов не дожил до этого дня, но заслуги М.С. Шрайбер никто не умалял. Мария Семеновна практически до конца своих дней приходила в ХНИХФИ. А в начале 80-х подарила свою научную библиотеку – сотни редких книг – Государственному научному центру лекарственных средств – преемнику ХНИХФИ. Мария Семеновна Шрайбер скончалась 29 августа 1992 г. Благодаря усилиям Виктора Григорьевича Березкина к столетию Измайлова и в канун 70-летия открытия метода ТСХ увидел свет сборник статей и биографических очерков «Измайлов и Шрайбер: открытие ТСХ» [7].

**Татьяну Борисовну Гапон (30.09.1918–1995)** можно назвать второй женщиной-хроматографистом. Хотя во многом она безусловно первая – ее кандидатская диссертация называлась «Хроматографический анализ катионов на пермутите», защита прошла в ноябре 1948 г. на Хи-



Татьяна Борисовна Гапон

мическом факультете МГУ и была первой диссертационной работой в нашей стране, полностью посвященной хроматографии. Т.Б. Гапон – сотрудница первой в стране Лаборатории хроматографии в Институте физической химии АН СССР, единственная из женщин член Комиссии по хроматографии при Академии Наук СССР и первая женщина-ученый, которая всю свою жизнь посвятила этому методу.

Ключевую роль в выборе хроматографии как главного дела ее жизни сыграл выдающийся физико-химик Евгений Никитич Гапон (1903–1950). Е.Н. Гапон являлся безусловно уникальной личностью.

Сделав стремительную научную карьеру в Харьковском университете, став в 26 лет там профессором, он в 1930 г. становится заведующим кафедрой физической химии Тимирязевской академии (ТСХА) и переезжает в Москву. Его научные исследования были очень разнообразны, но с 1932 года область его основных интересов – изучение закономерностей ионного обмена. Он вел разностороннюю научную работу и вовлекал в свои исследования студентов, аспирантов и знакомых ученых. Одним из таких аспирантов была Татьяна Борисовна Петрова, ставшая его женой и соавтором работ по ионообменной, а впоследствии и открытой ими осадочной хроматографии.

Татьяна Борисовна закончила химический факультет Саратовского университета в 1941 г. Работала инженером-химиком в Саратове, потом в 1944 г. переехала в Москву, стала ассистентом кафедры коллоидной химии Химического факультета МГУ. Затем с 1945 г. в должности ассистента кафедры физической и коллоидной химии Московского технического института рыбной промышленности и хозяйства имени А.И. Микояна вела педагогическую деятельность и занималась исследованиями в области ионообменной хроматографии. Уже в 1947 году вышла первая совместная статья Гапонов, всего за 1947–1949 год вышло 13 совместных работ, посвященных как практическим аспектам, так и разработке теории хроматографии. В одной из них Т.Б. Гапон предложила новый метод разделения – осадочную хроматографию. В 1949 году под редакцией Е.Н. Гапона был опубликован сборник статей «Хроматографический метод разделения ионов». Его

открывала совместная статья Гапонов «Хроматографический анализ М.С. Цвета и ионный обмен», в которой изложена история цветовского метода и первая классификация в хроматографии. Там представлен критический обзор состояния теории хроматографии, где Гапоны указывают на ошибки и неточности теоретических моделей ионного обмена зарубежных ученых, приводят выкладки вариантов уравнений изотермы обмена и уравнение изотермы ионного обмена Гапона, а также излагают значительный материал их совместных исследований.

Е.Н. Гапон положил много усилий на создание лаборатории по хроматографии в нашей стране. Под его руководством в ТСХА проводились исследования, работали сотрудники, но у Академии наук было желание создать лабораторию в своей структуре. И вот после писем, множества встреч и обсуждений в 1949 году было принято соответствующее решение, но тут случилось непоправимое – Евгений Никитич умер 10 февраля 1950 года от сердечного приступа. Лаборатория хроматографии в Институте физической химии АН СССР (ИФХ) начала работу в том же году, ее возглавил доктор химических наук, профессор Константин Васильевич Чмутов (1902–1979), а первым сотрудником стала Татьяна Борисовна. К.В. Чмутов, став зав. лабораторией, автоматически становился координатором всех работ в стране по хроматографии, но с учетом его занятости на основной работе и еще недостаточную вовлеченность в хроматографическую тематику, на плечи Татьяны Борисовны легли все научно-организационные вопросы. В должности младшего научного сотрудника она исполняла обязанности заместителя К.В. Чмутова и ученого секретаря Комиссии по хроматографии, в тот момент еще не созданной (ее создали в 1953 г.), составляла справки о структуре и профиле работ лаборатории, писала отчеты, организовывала конференции и продолжала научную работу в ионообменной хроматографии [8]. В 1950 году Т.Б. Гапон организовала первое совещание по хроматографии, за что была премирована из фонда Президиума АН СССР. Т.Б. Гапон подготовила и опубликовала в 1950–1953 годах последние совместные с мужем работы. В 1953 году вышла ее книга «Хроматография в биологии» в соавторстве с В.В. Рачинским, начинающаяся словами: «Посвящается светлой памяти нашего учителя профессора Евгения Никитича Гапона». Это был самый обстоятельный на тот момент труд по хроматографии, высоко оцененный научным сообществом.

Работая с 1955 года в должности старшего научного сотрудника института, Татьяна Борисовна руководила научной группой, которая

разработала новый вариант хроматографического метода – адсорбционно-комплексобразовательный, и он был внедрен в производство для тонкой очистки веществ. Она вела большую работу по научному и литературному редактированию сборников по хроматографии. Почти все время работы в ИФХ она являлась членом бюро Комиссии по хроматографии (затем Научного совета по хроматографии). Таким образом, с 1950-го до середины 70-х годов Татьяна Борисовна посвятила множество трудов развитию хроматографии в нашей стране. В общей сложности ею опубликовано 45 работ, одна монография, получено 3 авторских свидетельства. В мае 1972 года она была уволена по сокращению штатов. Последняя научная работа Т.Б. Гапон датируется 1972-м годом, а последняя публикация – рецензия на книгу Е.М. Сенченковой «Михаил Семенович Цвет» – 1976 годом. В конце жизни Татьяна Борисовна уехала за границу к дочери, где и скончалась (предположительно в 1995 г.).

Подводя итог, необходимо отметить, что главным у М.С. Шрайбер и Т.Б. Гапон на протяжении всей их жизни было бескорыстное служение науке, и обе они являются примером беззаветной преданности своему делу. Если говорить о методах, авторами которых они являются, то в силу своей простоты метод ТСХ до сих пор активно применяется в аналитической химии. Напротив, осадочная хроматография не получила бурного развития, но заняла достойное место в ряду хроматографических методов, а адсорбционно-комплексобразовательный метод нашел применение в промышленности. Наибольшее значение для государства имеют работы по ионообменной хроматографии, давшие толчок в разработке технологий очистки и концентрирования радиоактивных материалов, а также в технологии водоочистки, и безусловно послужившие отправной точкой развитию всех видов хроматографии в нашей стране. К аналитическому применению ионообменная хроматография пришла позже – в 70-х годах появился метод ионной хроматографии для анализа неорганических анионов и катионов.

Выражаю глубокую признательность в подготовке материала члену-корр. НАН Украины В.П. Георгиевскому, д. х. н. Н.О. Мчедлову-Петросяну, д. х. н. А.К. Буряку и д. х. н. Е.М. Сенченковой.

## **Литература, источники, примечания**

1. *Стикс В.* // Успехи химии. 1936. Т. 5. Вып. 1. С. 4.
2. *Ледерер Э.* Хроматографическая адсорбция и ее применение // ЖОХ. 1936. Т. 6. № 4. С. 499.

3. *Lederer Edgar*. Two years at the Vitamin Institute in Leningrad (1936–1937) // [Электронный ресурс]: <http://lyubarev.narod.ru/science/VNIVI/Lederer.htm>.
4. *Шрайбер М.С.* Открытие хроматографии в тонком слое // Успехи хроматографии. М.: Наука, 1972. С. 31–32.
5. *Измайлов Н.А., Шрайбер М.С.* Капельно-хроматографический метод анализа и его применение в фармации // Фармация. 1938. № 3. С. 1–7.
6. *Stahl E.* Dünnschicht-Chromatographie. Springer – Verlag, 1962.
7. *Березкин В.Г.* Измайлов и Шрайбер: открытие ТСХ. М.: Изд-во ГЕОС, 2007. 127 с.
8. *Сенченкова Е.М.* История Научного совета по хроматографии РАН // Теория и практика сорбционных процессов. 1999. Вып. 25. С. 8–20.

## Судьба Евгении Владимировны Гутновой в фонде Архива Российской академии наук

*М.Ю. Киселев*

Евгения Владимировна Гутнова (урожденная Цедербаум) родилась 11 апреля (по ст. ст. 29 марта) 1914 г. в Петербурге. Ее отцом был известный революционер-меньшевик, член РСДРП с 1901 г. Владимир Осипович (Иосифович) Цедербаум (революционный псевдоним – Левицкий; 1883–1938) – уроженец Петербурга, принадлежал к большой высокоинтеллигентной семье, многие члены которой сыграли значительную роль в русском революционном движении. После Октябрьской революции неоднократно арестовывался органами Советской власти; во время очередного следствия умер в тюрьме Уфы. Мать, Вера (Ревекка) Израильевна Вульфович, по мужу Цедербаум (1881–1957) – из небогатой еврейской семьи, в 1901–1902 гг. изучала языки в Париже и Берлине; в 1900-х гг. работала в социал-демократической организации в Екатеринославе, где и познакомилась с будущим мужем; в 1905 г. работала в меньшевистской организации в Петербурге; в 1917 г. принадлежала к меньшевикам-оборонцам в Петрограде.

Родными Е.В. Гутновой по линии отца (его братья и сестры) являлись такие, не требующие рекомендации деятели русской революции, как Юлий Осипович Цедербаум, революционный псевдоним – Лев Мартов (1873–1923) – сподвижник В.И. Ленина по созданию «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и многие годы его близкий друг; Сергей Осипович Цедербаум, революционный псевдоним – Ежов (1879–1939) – был левым меньшевиком; Лидия Осиповна Цедер-

баум, в замужестве Дан (1878–1963) – была вторым браком замужем за известным политическим деятелем, одним из лидеров и теоретиков меньшевизма Федором Ильичем Даном; Надежда Осиповна Цедербаум вышла замуж за известного революционера Сергея Николаевича Крашихфельда.

Детские годы Евгении прошли в Петербурге (Петрограде). В 1918 г. семья переехала в Москву и жила в большой квартире (из пяти комнат) дома в стиле «модерн» на Сивцевом Вражке вместе с семьей Софьи Лазаревны и Владимира Константиновича Иковых. В начале 1920 г. оба семейства переехали на новую квартиру – на Спиридоновку. Отец Евгении работал в Госплане, мать – в Комиссии по защите детей при Наркомпросе.

В детстве Евгения жила, в основном, с матерью, поскольку отец, В.И. Цедербаум-Левицкий после революционного переворота в октябре 1917 г. (которого он не принял) находился постоянно в тюрьмах и ссылках (впервые его арестовали по делу «Троцкистского центра» и судили в 1920 г.; затем были аресты и ссылки: Суздаль, Минусинск, Свердловск, Верхнеуральск, Уфа). Лишь изредка дочь и мать ездили навещать отца, находившегося в сибирских ссылках. Отец, не получив систематического высшего образования, тем не менее, был очень образованным и культурным человеком. В периоды их совместной жизни он рассказывал дочери об исторических событиях, о новых научных открытиях в биологии, медицине, астрономии, знакомил с биографиями великих людей. Когда судьба разлучала их (он был в очередной ссылке), «беседы продолжались в письмах». Он писал дочери почти каждый день, иногда раз в несколько дней. Инструктировал, что надо читать, что хорошо бы посмотреть в театре, спрашивал о жизни, учебе, друзьях. Несмотря на разлуку, связь между ними никогда не прерывалась. Отец обладал незаурядным литературным талантом и оставил несколько книг (написанных в тюрьме) [1]. Позже родители разошлись, и для тринадцатилетней девочки это стало еще одной тяжелой жизненной травмой.

Евгения Цедербаум в 8 лет поступила в первый класс московской школы № 24 (бывшая частная гимназия Виктора Саввича Нечаева) в Хлебном переулке. Весной 1928 г., окончив семилетку, Евгения поступила в школу-девятилетку (№ 4 Бауманского района), где профилирующими предметами были иностранные языки – немецкий и английский и которую она закончила весной 1930 г. После окончания школы Евгения хотела продолжать образование, ее привлекали гуманитарные



науки, но ее «громкая фамилия и испорченная анкета» не давали такой возможности. Она решила уехать в Свердловск, где тогда, отбывая очередную ссылку, жил ее отец уже с новой семьей, и он приглашал Евгению к себе в гости. В ноябре 1930 г. она вернулась в Москву.

Весной 1931 г. Е.В. Цедербаум устроилась на работу, на должность лаборанта в кабинет географии Московского областного комвуза, но она хотела учиться. В 1932 г. Е.В. Цедербаум сдала все экзамены в Институт иностранных языков, но не была принята; в 1933 г., от безысходности поступления в гуманитарный, она поступила в технический вуз, на заочное отделение. Чтобы не терять времени, она продолжила занятия английским и немецким языками частным порядком. В декабре 1933 г. Евгения Владимировна вышла замуж за осетинского художника Эльбруса Александровича Гутнова.

1 сентября 1934 г. Е.В. Гутнова поступила в МГУ. Она уже носила новую фамилию, но, тем не менее, в анкете в графе «родители» был записан ее отец. Помог решить проблему знакомый матери по революционной деятельности, в то время – секретарь ВЦИКа А.С. Енукидзе. Е.В. Гутнову зачислили в качестве «кандидата», то есть условно, с испытательным сроком – полгода. И лишь в январе 1935 г. она стала полноценной студенткой первого набора восстановленного исторического факультета МГУ. Общение с мэтрами советской исторической науки Е.А. Косминским, С.Д. Сказкиным, Б.Н. Граковым, В.М. Лавровским, В.В. Стоклицкой-Терешкович, М.В. Нечкиной, А.Д. Удальцовым, И.И. Минцом и другими учеными дало ей прекрасную школу научной работы и позволило стать профессионалом своего дела. Е.В. Гутнова окончила исторический факультет МГУ весной 1939 г. Дипломная работа о ремесленных цехах в Лондоне в XIII–XIV вв. была высоко оценена специалистами кафедры средних веков истфака МГУ, и Е.В. Гутнова была оставлена в аспирантуре кафедры – научным руководителем был Е.А. Косминский.

С 1941 г. Е.В. Гутнова находилась в эвакуации в Омске, но вскоре переехала в Томск. Работала учителем истории в школе, затем (с сентября 1942 г.) преподавала в Томском университете на кафедре средних веков историко-филологического факультета, а затем, одновременно, в Томском педагогическом институте. Она устроилась в университет по рекомендации доктора исторических наук, профессора исторического факультета МГУ А.И. Неусыхина (1898–1969). В Томске закончила написание кандидатской диссертации о британском публицисте, историке и философе Томасе Карлейле, защита состоялась 2 но-

ября 1942 г. на Общем совете Томского университета и прошла успешно. Е.В. Гутновой была присвоена ученая степень кандидата исторических наук. Летом 1943 г. она вернулась в Москву и поступила в докторантуру Института истории Академии наук СССР (1944–1947 гг.).

Одновременно Е.В. Гутнова стала работать по совместительству на кафедре истории средних веков МГУ: вела семинары со студентами, разрабатывала курс историографии средних веков, который впоследствии и читала. В 1965 г. подготовила спецкурс по истории крестьянской идеологии в Англии, который вызвал большой интерес студентов. В 1947–1971 гг. работала штатным преподавателем (с 1948 г. – доцентом, затем с 1958 г. – профессором) на кафедре истории средних веков исторического факультета МГУ.

После печально знаменитой идеологической кампании «борьбы с космополитизмом» (а фактически – антиеврейской кампании с последовавшими репрессиями ученых, особенно затронувшими историков-медиевистов), которая развернулась на истфаке МГУ в 1946–1947 гг., в 1949 г. Е.А. Косминский был вынужден уйти с заведования кафедрой средних веков. На этом посту его сменил историк, медиевист, аграрник, академик АН СССР (с 1958 г.) С.Д. Сказкин (1890–1973). Ввиду его большой загруженности во многих учреждениях, он просил Евгению Владимировну быть его постоянным заместителем. Она согласилась, и с 1949 по 1969 гг. фактически руководила работой кафедры. Но действительно возглавить кафедру Е.В. Гутновой так и не пришлось, поскольку для этой должности (в то время) требовалось быть членом КПСС, от чего она категорически отказывалась. В 1973 г., после смерти С.Д. Сказкина, заведующим кафедрой и ответственным редактором сборника «Средние века» стал специалист в области зарубежной медиевистики, историографии, методологии исторической науки А.И. Данилов (1916–1980); ему помогали Н.А. Хачатурян и Е.В. Гутнова.

Весной 1956 г. на кафедре средних веков истфака МГУ Е.В. Гутнова защитила диссертационное исследование на тему «Возникновение английского парламента», получив ученую степень доктора исторических наук (1957). После защиты диссертации работа была подготовлена к публикации в форме монографии [2]. Е.В. Гутнова с 1951 г. одновременно с преподаванием в МГУ сотрудничала по разным научным темам в Институте истории АН СССР.

В 1970 г. на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве Е.В. Гутнова сделала доклад по проблемам генезиса феодализма в Западной Европе. В центре его была проблема типологии генезиса

феодализма. Доклад имел большой резонанс: по нему в прениях выступили около трехсот ученых. Выступление на конгрессе и успех доклада сделали имя Е.В. Гутновой более известным и у нас в стране, и за рубежом. В 1971 г. Е.В. Гутнова ушла из МГУ на постоянную работу в Институт всеобщей истории АН СССР. Она работала сначала научным сотрудником, затем ведущим научным сотрудником (1971–1989); весной 1990 г. вышла на пенсию и в 1990–1992 гг. состояла консультантом в секторе истории средних веков. Е.В. Гутнова подготовила 2 докторов и более 12 кандидатов исторических наук.

Е.В. Гутнова была членом научных советов: «Закономерность развития истории общественно-экономической формации и переход от одной к другой», «История исторической науки» при Отделении исторических наук АН СССР; членом правления общества «СССР – Великобритания»; членом редколлегии сборников: «Средние века», «История и историки».

Е.В. Гутнова – автор воспоминаний, которые охватывают период 1917–1991 гг. [3]. Эти мемуары представляют собой целостный рассказ очевидца практически всех главнейших событий советской эпохи, осмысленный не только ее участником, но и историком, что делает данную книгу памятником прошедшему веку и своего рода его исследованием.

Фонд Е.В. Гутновой под № 2230 образован в Архиве РАН на основе документов, переданных 28 мая 2015 г. Дмитрием Алексеевичем Гутновым, внуком Евгении Владимировны. В настоящее время проводятся систематизация и научное описание документов. Отдельную часть документов составляют неопубликованные научные работы историка, посвященные средневековому английскому парламенту и основным этапам изучения западноевропейского города XIV–XV вв. Сохранились материалы, связанные с обсуждением и утверждением к печати учебного пособия Е.В. Гутновой «Историография истории средних веков» (1974 г.), отзывы профессора Е.А. Косминского о научной и производственной деятельности Евгении Владимировны за 1941–1946 гг. и на докторскую диссертацию М.А. Барга (1962 г.).

Особый массив документов составляет переписка Е.В. Гутновой. Ее первая часть представлена перепиской с академиком Е.А. Косминским, датируемой 1949–1959 гг., которая носит сугубо деловой характер. В письмах ведется диалог двух зрелых ученых по волнующим обоим научным проблемам, высказываются суждения относительно текущей научной жизни и прочее. Вторая часть переписки включает письма

ее мужа Э.А. Гутнова из Москвы в Томск, где она находилась в эвакуации, за период 1941–1943 гг. В отдельный массив выделена переписка с различными учеными, коллегами по работе, учениками: А.Д. Люблинской, Н.М. Дружининым, С.Д. Сказкиным, С.М. Стаммом, З.В. Удальцовой, Е.М. Штаерман, Н.А. Хачатурян, А.А. Сванидзе.

Среди документов особую ценность представляют фотографии самой Евгении Владимировны, ее семьи, родственников, коллег по научной работе. Сохранились фотографии как за дореволюционный период, так и за многолетнюю жизнь ученого. Большинство фотографий за послевоенный период имеют дату и место съемки, отдельные групповые снимки, начиная с 1950-х гг., содержат развернутую информацию об изображенных на них лицах. Сохранились документы личного характера Е.В. Гутновой: листки по учету кадров, автобиография, дипломы и аттестаты о присуждении ученых степеней и званий, справки с места работы, завещания за разные годы, свидетельство о смерти мужа. Особый интерес представляет рукописный шуточный договор о вступлении в брачный союз Евгении Владимировны с Э.А. Гутновым, датированный 1933 г. Сохранились записная книжка Е.В. Гутновой с ее стихами, почетные грамоты, дипломы, поздравительные адреса.

Несмотря на опубликованные воспоминания ученого, переданные в Архив РАН документы позволяют частично воссоздать образ советской женщины-историка на протяжении многих годов, ее надежды, стремления и невзгоды. Пройдя нелегкий жизненный путь, Е.В. Гутнова всегда оставалась преданной науке, до последних дней отдавала все силы на служение исторической науке, что позволило ей занять одно из ведущих мест среди специалистов по истории средних веков. После завершения научного описания документов фонд Е.В. Гутновой будет доступен для исследователей, интересующихся как историей науки, так и судьбами женщин-ученых.

### **Литература, источники, примечания**

1. *Левицкий В.И. (Цедербаум)*. За четверть века: революционные воспоминания 1892–1917 гг. Ч. 1. М.; Л., 1926; Ч. 2. 1927.
2. *Гутнова Е.В.* Возникновение английского парламента. М.: МГУ, 1960. 560 с.
3. *Гутнова Е.В.* Пережитое. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.

## Подвижница и хранительница: жизнь и судьба Валентины Сергеевны Неаполитанской (1907–1998)

*В.С. Чесноков, Е.П. Янин*

Валентина Сергеевна Неаполитанская (урожденная Фрязинова) родилась в Сергиевом Посаде – небольшом городке на северо-востоке Московского края, где расположена одна из самых почитаемых святынь России – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, вот уже семь веков являющаяся негласным духовным центром Русского Православия. Отец ее – Сергей Иванович Фрязинов (1879–1925) родился в г. Дмитрове в семье диакона [25]. В три года он остался сиротой, воспитывался в семье родного дяди Николая Александровича Покровского, в 1886–1894 гг. учился в Дмитровском духовном училище, затем (1894–1900 гг.) в известной Вифанской духовной семинарии в Сергиевом Посаде (среди ее выпускников такие крупные ученые, как А.И. Введенский, В.П. Виноградов, Д.Ф. Голубинский, П.И. Горский-Платонов, П.С. Казанский, Н.Ф. Каптерев, К.И. Невоструев, А.В. Советов, братья М.И. и С.И. Смирновы). В 1910 г. С.И. Фрязинов окончил Московскую духовную академию и защитил диссертацию на степень кандидата богословия. В 1903–1908 гг. он служит диаконом Богородице-Рождественского храма Александро-Мариинского дома призрения (г. Сергиев Посад), затем диаконом, священником (с 1910 г.) и настоятелем московского храма святой великомученицы Параскевы Пятницы (Замоскворечье, Пятницкая улица; церковь разобрана в 1934 г., ныне на ее месте находится наземный вестибюль станции метро «Новокузнецкая»); в 1917–1922 гг. – благочинный 1-го отделения Замоскворецкого сорока; в 1917–1918 гг. был членом Священного Собора Российской Православной Церкви. В 1917 г. Фрязинов часто выступал по церковно-общественным вопросам в газете «Московский церковный голос».

В 1921 г. о. Сергей открыл (в трехкомнатной квартире в Б. Овчинниковском пер.) приют при храме Параскевы Пятницы для детей из голодающего Поволжья и сам заведовал им. Между прочим, в феврале 1917 г. С.И. Фрязинов первым из духовенства Москвы приветствовал Февральскую революцию и даже отслужил молебствие в ее честь. В проповеди он сказал: «Пали оковы и засияла заря свободы!». Об этом, в частности, 4 марта 1917 г. написала московская газета «Раннее утро» [17]. Но дальнейшая судьба С.И. Фрязинова была типичной для мно-

гих священнослужителей того времени [7]. В августе 1918 г. он первый раз арестовывается ВЧК по подозрению в антисоветской деятельности, в период с 1918 по 1921 г. неоднократно сидел в тюрьмах ВЧК-ОГПУ по несколько месяцев (обвинения при аресте обычно не предъявлялись). 29 августа 1921 г. Фрязинов арестован в очередной раз, до середины сентября сидел в Лубянской тюрьме, до мая 1922 г. – в Бутырской тюрьме. 8 мая 1922 г. был приговорен к расстрелу Московским Революционным трибуналом по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей в г. Москве («дело 54-х» – 17 священнослужителей и 37 мирян). По ходатайству «прогрессивного духовенства» 18 мая 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление, сохранившее жизнь о. Сергию (Постановление Политбюро ЦК РКП (б) о смертном приговоре по делу московского духовенства и верующих), а затем 27 мая 1922 г. на заседании Президиума ВЦИК по делу «церковников» расстрел был заменен пятью годами исправительно-трудовой колонии. В мае 1922 – ноябре 1923 гг. о. Сергей отбывал срок в Сокольниковском исправдоме (тюрьме «Матросская тишина»). Освобожден досрочно. Много позже В.С. Неаполитанская вспоминала: «Начальником Сокольниковского Исправдома в то время был некий Степан Иванович Рогов, человек лет 45–50. <...> «Церковников» на первых порах расселили по разным камерам, однако Рогов вызвал к себе моего отца и сказал ему: – «Сейчас на 3-м этаже заканчивается ремонт двух камер на десять человек каждая. Составьте списки – кого вы туда возьмете. Я собираюсь вас всех церковников поселить там». Отец выяснил, что пока в Сокольниковский исправдом прибыли восемь человек участников «процесса 54-х», которые с готовностью согласились соединиться в одну из камер. <...> Так и жила эта добровольная коммуна из двадцати человек, заключенная в двух камерах. <...> Как-то зимой 1923 г. одному из членов Братства Святой Параскевы-Пятницы, организованного отцом в начале 1919-го года, пришла в голову счастливая мысль подготовить концерт и поехать с ним в Исправдом. Дирекция дома, в лице Степана Ивановича, отнеслась к этой идее положительно. <...> Приближались ноябрьские праздники 1923 года. В газетах появились сообщения об амнистиях. Выходило, что участники процесса 54-х под нее попадали. <...> Через несколько дней Степан Иванович вызвал отца к себе в кабинет и радостно сообщил: – «ну, Сергей Иванович, черт возьми, слава Богу! На Вас пришел документ!» Простились тепло, с рукопожатием. <...> Чтобы покончить с рассказом о Матросской Тишине, вспоминаю, будто бы до нас дошел слух, что Степан Ивано-

вич Рогов жестоко поплатился за свой гуманизм. Говорят, его расстреляли» [14]. В мае 1924 г. о. Сергей поддержал Патриарха Тихона в борьбе против создаваемой чекистами обновленческой «церкви». 16 июня 1925 г. С.И. Фрязинов, подорвавший здоровье в тюрьме, умер [15]. Есть сведения, что о. Сергей был полностью реабилитирован в сентябре 2004 г. [28]). В письме Г.В. Вернадскому от 9 декабря 1971 г. В.С. Неаполитанская, вспоминая своего «горячо любимого» отца, пишет: «Теперь в памяти остался только образ человека большой души, доброты и обаяния. Позднее к этому образу прибавился образ глубокоуважаемого мною Владимира Ивановича. Когда я их обоих вспоминаю, мне делается тепло и радостно» [10. С. 176].

Мать В.С. Неаполитанской – Екатерина Георгиевна Шилова (1884 г.р.?), будучи круглой сиротой, воспитывалась в Доме призрения [17], существовавшем при Троице-Сергиевской лавре с 1840 г. (содержался на средства Лавры и благотворителей). В конце XIX – начале XX в. он числился под высоким покровительством государыни императрицы Марии Федоровны, вдовы императора Александра III. Начальницей Дома призрения с 1862 г. была Е.С. Кроткова (1836–1906), истинная подвижница своего времени [11]. Дом призрения представлял комплекс богоугодных заведений: женский странноприимный дом, богадельня, больница, приют-училище для мальчиков, приют-училище для девочек, «графские номера», храм Рождества Богородицы, загородная лесная дача и храм Марии Магдалины. Кроме того, в Доме призрения располагались и образовательные учреждения: двухгодичный приют-училище для мальчиков, Филаретовское приют-училище для девочек, малолетних сирот, живущих здесь и приходящих обучаться.

В мае 1903 г. состоялась свадьба С.И. Фрязинова и Е.Г. Шиловой [17].

Ранние детские годы В.С. Неаполитанской прошли в среде московского православного духовенства. Известно, что православное духовенство к началу XX в. оставалось в Российской империи наиболее замкнутым, самым малочисленным и по-прежнему наиболее «служилым» сословием. Тем не менее оно было единственным образованным сословием, непосредственно связанным с народом. Именно духовенство на приходах помогало поддерживать «простым людям» нравственные идеалы и моральные нормы поведения [1]. С 1915 г. Валентина Сергеевна училась сначала в гимназии Львовой, а после событий 1917 г. – в 1-й школе 2-й ступени Замоскворецкого района, которую окончила в 1924 г. В то время 1-я школа 2-й ступени Замоскворецкого



района размещалась в главном доме Демидовской усадьбы, с 1882 г. принадлежавшего знаменитой Московской 6-й гимназии, которая существовала здесь до 1915 г., когда главный дом был занят госпиталем для душевнобольных воинов. Госпиталь «продержался» до 1917 года, а с 1918-го здесь снова размещалась гимназия, затем реорганизованная в указанную школу. С 1942 г. в этом здании стала располагаться Центральная библиотека по народному образованию при Наркомпросе (ныне ФГНУ «НПБ им. К.Д. Ушинского»). Напомним, что согласно Декрету ВЦИК от 16 октября 1918 г., так называемая единая школа разделялась на 2 ступени: 1-я для детей от 8-ми до 13-ти лет (5-летний курс) и 2-я – от 13-ти до 17-ти лет (4-летний курс). Среди предметов, входивших в курс школ 2-й ступени: география, биология с геологией, химия, физика, математика, обществоведение, русский язык и литература, иностранные языки (обычно немецкий), рисование и лепка, музыкальное образование, физическое воспитание, труд [22].

В 1925 г. Неаполитанская поступает учиться на «9-месячные курсы бухгалтерии и машинописи Паршина» (судя по всему, это «счетоводческие курсы при Мосгико (Московское губернское инвалидное объединение – В.Ч.), Арбат, 24, заведующий Илья Александрович Паршин» [6]). Ее мама, после смерти мужа, «стала шить для артели». В 1926 г. В.С. Неаполитанская устроилась на работу конторщицей в частное акционерное общество «Искусственная овчина», в котором проработала до 1930 г. (года ликвидации Общества). В 1929 г. Валентина Сергеевна вышла замуж за студента Института коммунального строительства Н.Г. Неаполитанского, который в 1930 г. окончил указанный Институт и стал работать ученым секретарем в Академии коммунального хозяйства. В том же году В.С. Неаполитанская поступила в Институт коммунального строительства, но смогла проучиться здесь всего два года (из-за болезни мужа – тяжелого психического расстройства). Сменив несколько мест работы, она в 1934 г. была принята старшим бухгалтером в СОПС АН СССР, где занималась финансовым планированием объединенных экспедиций академических институтов, что позволило ей познакомиться со многими научными сотрудниками различных академических организаций. Этому в немалой степени способствовал тот факт, что в 1934 г. Академия наук переехала из Ленинграда в Москву, в Замоскворечье. Здесь, в Пыжевском и Старомонетном переулках разместились различные академические организации: Геологический и Почвенный институты, Биогеохимическая лаборатория, СОПС АН СССР и др. Именно в это время В.С. Неаполитанская

знакомится с А.М. Симориним и А.А. Кирсановым – молодыми сотрудниками Биогеохимической лаборатории, которой руководил В.И. Вернадский. Много позже В.С. Неаполитанская вспоминала, что «увидела Владимира Ивановича на одном из собраний в Академии... Вижу, идет скромный благообразный седой старик, а... все расступаются перед ним. Думаю: Господи, что это за человек такой удивительный? Вернадский... «рыцарь без страха и упрека. Он ничего в жизни не боится», – еще и так о нем говорили» [12].

В 1937 г. В.С. Неаполитанская вышла замуж за Николая Александровича Штрейса (1910–1990) – известного геолога (ученика А.Д. Архангельского и Н.С. Шатского), профессора, доктора геолого-минералогических наук (степень присуждена, минуя кандидатскую), крупного специалиста по тектонике, биостратиграфии, геологии полезных ископаемых, геологии докембрия, окончившего в 1935 г. Московский геологоразведочный институт и с мая 1936 г. работавшего в Институте геологических наук АН СССР (ныне – ГИН РАН), с которым и связал всю свою дальнейшую профессиональную судьбу (здесь он в течение 30 лет заведовал лабораторией сравнительной тектоники и магматизма). По воспоминаниям коллег, знавших его, это был разносторонне одаренный человек: пронизательный естествоиспытатель, блестящий стилист («труды Н.А. Штрейса, написанные совершенным литературным языком, воспринимаются как произведения искусства»), превосходный оратор, знаток изящных искусств, прекрасный поэт (стихи свои он, судя по всему принципиально, никогда не печатал), большой знаток жизни и творчества замечательного русского поэта Д.В. Веневитинова [21, 23, 24, 27].

В 1941 г. В.С. Неаполитанская эвакуировалась вместе с семьей в Свердловск, куда была переведена Уральская экспедиция АН СССР, в которой работал ее муж. В 1943 г. Академия наук СССР возвратилась в Москву, и Неаполитанская стала работать старшим экономистом СОПС АН СССР. Лаборатория геохимических проблем им. В.И. Вернадского (так с 1943 г. стала называться Биогеохимическая лаборатория, переименованная в честь 80-летия ученого; о переименовании В.И. Вернадский, по его словам, узнал «post factum» [8. С. 3]) находилась в одном здании с СОПС АН СССР (Старомонетный пер., д. 35, Лаборатория геохимических проблем им. В.И. Вернадского располагалась на 3-м этаже). В марте 1944 г. В.С. Неаполитанская приняла предложение занять должность главного бухгалтера Лаборатории геохимических проблем и «даже имела счастье быть ему (В.И. Вернадско-

му. – В. Ч.) представленной А.П. Виноградовым» [10. С. 146]. «И вот, – рассказывает В.С. Неаполитанская, – я вхожу в кабинет Владимира Ивановича, ловлю на себе взгляд его синих, внимательных и словно испытующих, но очень добрых глаз, чувствую пожатие мягкой, но крепкой руки и уже больше не помню ничего, кроме ощущения радости. Впоследствии я не раз видела, как, проходя по коридору, он пожимал руку любому встреченному сотруднику, включая уборщицу» [16].

В.И. Вернадский скончался 6 января 1945 г. В распоряжении Президиума АН СССР от 24 сентября 1945 г. № 504 было записано: «Признать целесообразным организацию Кабинета-музея Владимира Ивановича Вернадского в новостроящемся здании Лаборатории геохимических проблем». Специальной группой сотрудников Лаборатории геохимических проблем под руководством профессора П.Н. Палея были составлены план и подробное описание домашнего кабинета для воссоздания будущего Кабинета-музея В.И. Вернадского [18, 19] (по плану реконструкции Москвы дом в Дурновском переулке, на Старом Арбате, близ Собачьей площадки, где жила семья Вернадских, подлежал сносу). В 1947 г. Лаборатория геохимических проблем была преобразована в Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского и в 1953 г. переехала в новое здание на Воробьевском шоссе (ныне ул. Косыгина, дом 19). При строительстве этого здания в его план была включена специальная комната, которая соответствовала по своим размерам, планировке окон и дверей личному кабинету В.И. Вернадского, расположенному в доме 2а в Дурновском переулке. Упомянутая выше группа сотрудников Института под руководством П.Н. Палея выполнила работы по воссозданию внешнего вида домашнего кабинета ученого [9, 19]. 20 мая 1953 г. в ГЕОХИ им. В.И. Вернадского АН СССР состоялось открытие Мемориального Кабинета-музея В.И. Вернадского, первым хранителем которого стала А.Д. Шаховская (1889–1959) – личный секретарь В.И. Вернадского [26]. В.С. Неаполитанская, будучи главным бухгалтером Института, уже тогда стала ей активно помогать, в том числе в подготовке для передачи в Архив АН СССР рукописей, писем и других материалов из богатейшего личного архива В.И. Вернадского. Любопытна история создания памятника В.И. Вернадскому на Новодевичьем кладбище. Денег на памятник нам не дадут, говорил директор ГЕОХИ академик А.П. Виноградов. Тогда А.Д. Шаховская и В.С. Неаполитанская обратились с просьбой к заместителю директора Д.И. Рябчикову подписать письмо о выделении денег на памятник. Письмо он подписал, и В.С. Неаполитанская

поехала к начальнику финансового отдела Президиума АН СССР П.Г. Шидловскому, который выделил 50 тыс. руб. Поиски скульптора привели А.Д. Шаховскую и В.С. Неаполитанскую к З.М. Виленскому, который согласился выполнить этот заказ. Открытие памятника на могиле В.И. Вернадского состоялось 24 марта 1953 г.

В 1954 г. В.С. Неаполитанская оставляет должность главного бухгалтера, становится референтом заместителя директора ГЕОХИ (проработав в этой должности вплоть до выхода на пенсию в 1962 г.) и активно включается в деятельность Кабинета-музея [20]. После смерти А.Д. Шаховской в 1959 г., вспоминала В.С. Неаполитанская, «А.П. Виноградов не захотел оставить меня работать в Музее вместо Анны Дмитриевны, считая, что я «занимаюсь излишним фетишизмом». Я вышла на пенсию и пошла (с 1964 г. – *В. Ч.*) работать в Архив АН СССР» [13. С. 28] (отметим, что Валентина Сергеевна работала в Архиве АН СССР на временной должности, причем, как тогда говорили, на общественных началах). Здесь она знакомится с известными ныне исследователями жизни и творчества В.И. Вернадского – И.И. Мочаловым, М.С. Бастраковой, Н.В. Филипповой. «В 1975 г. после смерти А.П. Виноградова я вернулась в Институт и стала снова работать в Кабинете-музее В.И. Вернадского» [13. С. 28], прослужив в этой должности (кстати, также на общественных началах) без малого 24 года (до 1998 г.).

Еще работая в ГЕОХИ (помогая А.Д. Шаховской в Кабинете-музее) и затем в Архиве АН СССР, Валентина Сергеевна погружается в исследование неопубликованных рукописей В.И. Вернадского, участвует в издании его трудов [18]. В частности, она помогала А.Д. Шаховской собрать и довести до печати 5-й том трудов В.И. Вернадского [2]. Затем, вспоминала Неаполитанская, «по предложению А.Д. Шаховской мы начали готовить к печати рукопись работы, которую сам Владимир Иванович называл «главной книгой своей жизни» – «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения»» [13. С. 28], первое издание которой вышло в свет в 1965 г. [4]. Можно с уверенностью сказать, что в последующие 30 лет В.С. Неаполитанская участвовала в подготовке к печати почти всех (особенно ранее не опубликованных и малоизвестных) научных трудов, эпистолярного и дневникового наследия В.И. Вернадского. Среди них: «Размышления натуралиста» в 2-х книгах – «Пространство и время в живой и неживой природе» (1975) и «Научная мысль как планетное явление» (1977), «Живое вещество» (1978), в 1979–1980 гг. – «Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым» (в 2-х томах), «Труды Биогеохимической лаборато-

рии», т. 16 (1980), «Избранные труды по истории науки» (1981, 1988), «Очерки геохимии» (1983), «Кристаллография. Избранные труды» (1988), «Труды по истории науки в России» (1988), «Биосфера и ноосфера» (1989), «Начало и вечность жизни» (1989) и др. В 1994 г. и 1997 г. НАН Украины выпустила (в 2-х книгах) в свет дневники В.И. Вернадского за 1917–1921 гг. Среди составителей была и В.С. Неаполитанская. В этих и многих других изданиях она расшифровывала рукописи, сверяла их с прижизненными редакциями, выполняла другую трудоемкую и кропотливую работу. Кроме того, В.С. Неаполитанской опубликовано (в том числе в публицистических и популярных журналах и сборниках) около 40 статей о личности и творчестве В.И. Вернадского, а также воспоминания о своем отце и о событиях «процесса 54-х».

В 1988 г. в серии «Человек. События. Время» издательство «Планета» выпустило в свет замечательный, богато иллюстрированный (в том числе редкими фотографиями Вернадского, его родственников, близких друзей, учеников и т. д.) и невероятно информативный фотоальбом «В.И. Вернадский», составителем которого была В.С. Неаполитанская [5]. Последней подготовленной ею работой стал альбом «Вернадский глазами художников», увидевший свет в 1998 г. К этому надо добавить, что с лекциями и рассказами о В.И. Вернадском она объездила много городов нашей страны (Ленинград, Киев, Полтава, Вильнюс, Алма-Ата, Ярославль, Иваново и др.). «Десятки людей, побывавших на ее вдохновенных экскурсиях в Кабинете-музее В.И. Вернадского в ГЕОХИ РАН, уходили с чувством прикосновения к реалиям давно ушедшего времени, или, как любила говорить Валентина Сергеевна – «Сейчас вы пришли в гости к Владимиру Ивановичу, представьте, что он встречает вас, вставая из-за рабочего стола...» [20. С. 783].

С 1967 г. у Валентины Сергеевны завязалась переписка с сыном Владимира Ивановича Георгием Вернадским (1887–1972), а с 1968 г. – с его дочерью Ниной Вернадской-Толль (1897–1976), жившими в США. В архиве В.С. Неаполитанской хранится 38 писем Г.В. Вернадского и 208 писем Н.В. Вернадской-Толль, в которых содержится немало интересных подробностей о различных житейских событиях, о необыкновенной атмосфере семьи Вернадских, о духовном мире их отца [3, 10]. 10 августа 1968 г. в письме к Георгию Вернадскому Валентина Сергеевна сообщает о своем желании подготовить книгу «В.И. Вернадский. Хронология жизни и творчества». «Основой для этой работы послужит замечательная картотека жизни Владимира

Ивановича, составленная Анной Дмитриевной (1230 карточек). Я полностью их выписками из работ и статей Владимира Ивановича, из писем и публикаций. Мне хочется, чтобы из этого подбора проступил живой Владимир Иванович, со всей его многогранностью, полный человечности и патриотизма. Я отдаю себе отчет, что, может быть, эта работа окажется мне не под силу. Но, во всяком случае, собранный мной материал может послужить для дальнейшего сбора материалов и разработки кому-то другому, более талантливому, способному и молодому» [10. С. 152]. К огромному сожалению, ей удалось подготовить лишь упомянутый выше замечательный фотоальбом, в котором раскрываются (словами и иллюстрациями) важнейшие вехи жизненного пути и творческих исканий В.И. Вернадского. Есть надежда, что кто-нибудь из нынешнего «более талантливого и способного молодого поколения» сможет завершить эту работу, начатую А.Д. Шаховской и продолженную В.С. Неаполитанской.

В одном из своих писем (31 августа 1967 г.) к Георгию Вернадскому Валентина Сергеевна пишет: «Разобраться во всем, подготовить к печати, отредактировать дело, конечно, сложное и кропотливое, но задача настолько прекрасная, что если удастся хоть немного продвинуться вперед, я и то буду счастлива» [10. С. 148]. В другом письме к Г.В. Вернадскому (10 марта 1971 г.) она отметит, что «в Архиве хранится много рукописей Владимира Ивановича, начатых и незавершенных. Все они даже в таком виде представляют громадный интерес. Я и мои товарищи по работе приводим их в порядок и понемногу готовим для издания. Надеемся, что в конце концов нам удастся опубликовать несколько томов этого замечательного наследия. Тогда и я буду считать, что моя жизнь не прошла даром» [10. С. 172].

Авторы настоящей публикации убеждены, что жизнь и бескорыстная подвижническая деятельность Валентины Сергеевны Неаполитанской в деле сохранения и популяризации творческого наследия академика Владимира Ивановича Вернадского, «нашего Вернадского», не прошли даром, и она, с этой точки зрения, безусловно, счастливый человек.

## **Литература, источники, примечания**

1. *Белоногова Ю.И.* Приходское духовенство Московской епархии в начале XX века и крестьянский мир: Автореф. дис... канд. истор. наук. М., 2006. 24 с.
2. *Вернадский В.И.* Избранные сочинения. Т. V. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 422 с.



4. *Вернадская-Толль Н.В.* Штрихи к портрету <Письма Н.В. Вернадской-Толль к В.С. Неаполитанской> // Прометей: Ист.-биогр. альманах. Т. 15. М.: Мол. гвардия, 1988. С. 120–131.
5. *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / Подготовили к печати: А.Д. Шаховская, К.П. Флоренский, В.С. Неаполитанская, Ю.П. Трусов. М.: Наука, 1965. 377 с.
6. В.И. Вернадский: Фотоальбом / Сост. В.С. Неаполитанская. Авторы текста: Г.П. Аксенов и В.С. Неаполитанская. М.: Планета, 1988. 240 с.
7. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1925 г. М.: Изд-во МКХ, 1925. 1982 с.
9. *Голубцов С.А.* Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922 гг. М.: Изд-во Православного братства Споручницы грешных, 1999. 192 с.
10. Записка, поданная президенту Академии наук академиком В.И. Вернадским // Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. М.: НИИ-Природа, 2011. С. 3–7.
13. *Ивановская И.Н., Неаполитанская В.С.* Кабинет-музей В.И. Вернадского. М.: Издательский дом «Ноосфера». 2000. 48 с.
14. Из переписки Г.В. Вернадского с В.С. Неаполитанской // Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. № 21. М.: НИИ-Природа, 2012. С. 146–178.
15. *Колганова С.* Сергиев Посад и семья Ивана Федоровича Тютчева // [Электронный ресурс]: <http://mayak-pushkino.ru/sergiev-posad-i-semya-ivana-fedorovicha-tyutcheva>.
18. *Неаполитанская В.С.* Наш Вернадский // Техника молодежи. № 3. 1988. С. 14–16.
19. *Неаполитанская В.С.* Воспоминания о Кирилле Павловиче Флоренском // Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. № 4. Л.: Наука, 1988. С. 28.
20. *Неаполитанская В.С.* О процессе церковников в 1922 г. (1994 г.) // [Электронный ресурс]: <http://notepad.memo.ru/2/3/47/neapolitanskaya-vs-o-processe-cerkovnikov-v-1922-ga>.
21. *Неаполитанская В.С.* Со святыми упокой // Открытая политика. 1997. № 2–3. С. 54–60.
22. *Неаполитанская В.С.* Вернадский глазами художников. М.: Издательский дом «Ноосфера», 1998. 48 с.
23. *Неаполитанская В.С.* Памяти замоскворецкого благочинного // Вестник Замоскворечья. Май–июнь 2006. № 10 (273). С. 4.
24. *Неаполитанская В.С.* Памяти Петра Николаевича Палея // Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. № 21. М.: НИИ-Природа, 2012. С. 186–187.



25. Неаполитанская В.С., Ивановская И.Н. В.И. Вернадский от кабинета до Кабинета-музея // РЭНСИТ. 2010. № 1–2. С. 181–186.
27. Памяти Валентины Сергеевны Неаполитанской // Геохимия. 1999. № 7. С. 783–784.
29. Петрушевский Б.А., Вартамян Г.С., Казьмина Л.Б., Макарычев Г.И., Маракушев А.А., Меннер В.В., Милановский Е.Е., Муратов М.В., Найдин Д.П., Пейве А.В., Пермякова А.И., Сороколетова С.П., Тихомиров С.В., Чернов В.И., Шиманский В.Н., Шлезингер А.Е., Яншин А.Л. К 70-летию Николая Александровича Штрейса // Бюллетень МОИП. Отд. геологический. 1979. Т. 55. № 6. С. 126–131.
31. Программы-минимум для единой трудовой школы 1-й и 2-й степени. Пг., 1923. 164 с.
32. Пуцаровский Ю.М. Среди геологов. Очерки об ученых. М.: ГЕОС, 1999. 170 с.
35. Соловьева Т. Перстень Веневитинова // С.-Петербургская панорама. 1992. № 12. С. 37–38.
36. Фрязинов Сергей Иванович, протоиерей, благочинный Замоскворечья // [Электронный ресурс]: <https://zamos.ru/dossier/f/4363>.
39. Шаховская А.Д. Кабинет-музей В.И. Вернадского. М.: Изд-во АН СССР. 1959. 51 с.
40. Штрейс Николай Александрович // [Электронный ресурс]: [http://www.moscow-tombs.ru/1990/shtreys\\_na.htm](http://www.moscow-tombs.ru/1990/shtreys_na.htm).
41. Списки жертв // [Электронный ресурс]: <http://lists.memo.ru/d34/f274.htm>.

## **Геоморфолог, карстовед, спелеолог, педагог Марианна Валентиновна Щербакова (1910–1991)**

*Р.С. Чалов*

Марианна Валентиновна Щербакова, кандидат географических наук, доцент, родилась в 1910 г. в г. Санкт-Петербурге, где ее мать, Татьяна Сергеевна Щербакова (по мужу, до развода с ним – Вязовова), только что закончила Высшие женские медицинские курсы. По материнской линии родословная Марианны Валентиновны уходит к декабристам Муравьевым и поэту, другу Пушкина Н.М. Языкову. Дед ее – Сергей Васильевич Щербаков – известный русский астроном, автор первого русского учебника по астрономии «Курс космогонии»; его именем в 80-е годы XX века была названа только что открытая малая планета Щербаковий. До 1906 г. он жил и преподавал в Нижнем Новгороде, где общался с М. Горьким и многими другими деятелями ни-



Марианна Валентиновна  
Щербакова, 1980-е годы  
(Личный архив автора)

жегородской культуры. Отец Марианны Валентиновны – Валентин Алексеевич Вязовов – из династии известных арзамасских купцов Вязововых, окончил Санкт-Петербургский технологический институт и впоследствии был известным специалистом в области легкой промышленности.

Детские годы Марианны Валентиновны прошли в деревне Костянка Арзамасского уезда Нижегородской губернии, где ее мать работала земским врачом, в Арзамасе и Нижнем Новгороде. В 20-е годы, после развода с мужем (поэтому при получении паспорта Марианна Валентиновна взяла девичью фамилию своей матери), мать с детьми (в том числе матерью автора

этой статьи) переезжает в г. Калугу, где в это время преподавал С.В. Щербаков (он был дружен с К.Э. Циолковским и в свое время помогал ему, а в годы жизни в Нижнем Новгороде состоял с ним в переписке). Здесь, в Калуге, она окончила школу и уехала в Москву поступать в вуз. Однако это произошло не сразу, т.к. «социальный ценз» поставил барьер и не допустил ее в высшую школу. Лишь хлопоты отца – В.А. Вязовова – позволили ей подать документы. И она их подала сразу в два вуза: в медицинский институт (по стопам матери) и на географическое отделение физико-математического факультета Московского государственного университета. Выбор был сделан в пользу последнего, куда ее тянули любовь к природе и, в какой-то мере, «астрономическая» наследственность.

Годы учебы в МГУ пришлось на то время, когда здесь преподавали А.А. Борзов и А.С. Барков, Б.Ф. Добрынин и И.С. Щукин, Н.Н. Баранский и И.А. Витвер. А среди сокурсников или студентами более старших или младших курсов были А.И. Спиридонов, Н.А. Гвоздецкий, Н.А. Солнцев, Н.В. Башенина, М.В. Карандеева, А.Е. Криволюцкий, Т.В. Звонкова, О.В. Порывкина, Н.В. Башенина и многие другие, составившие впоследствии цвет отечественной, в первую очередь – университетской, географии и с которыми Марианну Валентиновну всю жизнь связывала тесная дружба. Самыми близкими были Мария

Виссариановна Карандеева, Алексей Иванович Спиридонов и Ольга Васильевна Порывкина. С последней они вместе переехали в 1949 г. из Москвы в Киев, где стали работать в Киевском университете, но на разных кафедрах. А А.И. Спиридонов, Н.А. Гвоздецкий и ряд других профессоров МГУ организовали в начале 80-х годов мощную поддержку Марианне Валентиновне, когда в первый раз встал вопрос о том, что она должна уйти на пенсию. Второй раз, через 5 лет, такая поддержка уже не помогла.

Из своих университетских учителей Марианна Валентиновна особенно выделяла двух – Александра Александровича Борзова и Бориса Федоровича Добрынина. С последним она вместе много работала в экспедициях в 30-е годы на Кавказе, в Крыму; и он во многом определил ее геоморфологическое мировоззрение, направленность научных исследований и региональную привязанность их к Кавказу и Крыму. Вместе с ним у нее были первые научные публикации, посвященные морским террасам Крымского и Кавказского побережий. И уже после кончины Б.Ф. Добрынина, Марианна Валентиновна сохранила дружеские отношения с его женой и, приезжая в Москву, всегда с ней встречалась. Работа на Кавказе очень сблизила ее с грузинскими геоморфологами, и со многими из них у нее сохранялись контакты всю жизнь.

В предвоенные и послевоенные годы Марианна Валентиновна в основном работала в Москве, в географической редакции Учпедгиза. Как редактор, она выпустила ставшие классическими учебники Б.Ф. Добрынина, И.Н. Гладцина, Я.С. Эдельштейна, В.Г. Бондарчука, словари-справочники А.С. Баркова, М.Ф. Боднарского. Во время Великой Отечественной войны работала во фронтовых штабах на Северном Кавказе по обеспечению передвижения войск в условиях горного рельефа и использования карстовых полостей (пещер) в военных целях. За это Марианна Валентиновна была награждена медалью «За освобождение Кавказа». Это же во многом определило на многие годы увлеченность и глубокие исследования в области карстоведения и спелеологии. Результатом спелеологических работ явилась подготовка и успешная защита тогда «закрытой» кандидатской диссертации по пещерам Кавказа и Крыма.

Тогда же, во время войны, Марианна Валентиновна познакомилась и ряд лет работала вместе с академиком А.Е. Ферсманом, также оказавшим на нее огромное влияние. Вспоминая о нем, как и о Б.Ф. Добрынине, она говорила только в превосходной степени и как об ученых и педагогах, и как о людях. С А.Е. Ферсманом она много работала на Урале.

Эта встреча и общение, по-видимому, определили прекрасное знание геологии и, особенно, минералогии, любовь к камням. Поэтому она, будучи уже преподавателем Киевского университета, читала не только геоморфологические курсы, но и геологию, и у нее были прекрасная домашняя библиотека по минералогии и петрографии, наряду с геоморфологической и карстоведческой, и коллекция минералов.

1949 год – переезд в Киев и начало педагогической деятельности в Киевском университете. Сюда она была приглашена в 1948 г. профессором Петром Константиновичем Заморием, крупным украинским геоморфологом и палеогеографом, создававшим в то время кафедру геоморфологии. Учебные практики со студентами в Крыму, научные экспедиции в Крыму (здесь она впервые описала многие пещеры, ряд из которых стали объектами туристического посещения), на Западном Кавказе – в Краснодарском крае и Абхазии, в самой Украине, на территории которой она также исследовала многие пещеры в карстовых районах (Кривченскую и др.). И в то же время она была геоморфологом в широком понимании этой науки, ее интересовало все, что имело отношение к ней – от глобальных проблем до тех вопросов, которые,



М.В. Щербакова со студентами географического факультета Киевского университета на учебной практике в Крыму (Жарадаг), сидит в центре. 1954 г. (Личный архив автора)

казалось бы, были далеки от ее личных научных интересов – пещер, карста, рельефа гор и т.д. (морфология и динамика речных русел, эрозийные процессы на водосборах и т.д.). Она знала проблемы науки, интересовалась ими и могла о них квалифицированно судить.

На учебных практиках студентов географического факультета КГУ в Крыму Марианна Валентиновна увлекала рассказами о природе и рельефе Крыма, и они платили ей своей любовью, отзывами как о лучшем преподавателе. Она была Педагогом с большой буквы. Она умела заинтересовать, привлечь внимание студентов, а ведь это была общегеографическая практика, которую проходили и будущие геоморфологи, и гидрологи, и экономико-географы, студенты с разным потенциалом и уровнем подготовки. Будучи знаком со многими выпускниками географического факультета Киевского университета разных лет, вплоть до последних в ее университетской биографии, автор статьи слышал восторженные отзывы о доценте М.В. Щербаковой, о ее интересных лекциях, о ее методе общения со студентами. И это были и геоморфологи, и гидрологи, и картографы. Представляется, что именно 1949 год – приход Марианны Валентиновны в Киевский университет – открыл тот ее талант, который до этого (несмотря на уже имевшиеся заслуги и опыт) таился в ней самой. А став преподавателем в одном из крупнейших отечественных университетов, она, естественно, его проявила; вне зависимости от уровня общения с ней, каждому, по-моему, стало ясно, что она – «педагог от Бога». И сама она сохраняла в памяти всех, особенно тех, кто был студентом в годы ее педагогической деятельности. Об этом можно судить и по тому, что такое мнение высказывалось и тогда, когда, как говорят, «за язык никто не тянет». Именно в такой ситуации, а уж тем более спустя много лет после ухода Марианны Валентиновны из жизни, многие вспоминают о ней как о выдающемся Педагоге.

Итак – педагогический талант; вторая ее черта: это – полная самоотдача делу, которому она служила, работа. Трудно представить себе Марианну Валентиновну вне какой-либо деятельности, и свободного времени у нее просто не было. И с этим связана огромная работа по популяризации географических знаний, которую она вела по линии общества «Знание» (в то время оно называлось Обществом по распространению научных знаний): она читала научно-популярные лекции о природе и (уже по современной терминологии) природопользовании и геоэкологии и Крыма, и Украины, и общим проблемам. Она была постоянно занята подготовкой к этим лекциям, считая пропаганду и по-



М.В. Щербакова с сыном А.Е. Гавриловым (справа), известным архитектором (гл. архитектор моста через Даугаву в Риге, южного перехода через Днепр в Киеве) и племянником Р.С. Чаловым, автором статьи, в экспедиции на р. Лене близ устья Алдана (начальник экспедиции Р.С. Чалов) во время пребывания у сына в г. Якутске. 1969 г.

пуляризацию географических знаний своей второй, после преподавания, задачей. Она не представляла себе жизнь без работы. Поэтому, когда ее отправили на пенсию, она «потеряла себя». И хотя она была в окружении книг, материалов, накопленных за многие десятилетия, но – зачем они и кому они, если она сама уже не у дел? А общество «Знание» в эти перестроечные годы стало прогрессивно умирать, и востребованность ее здесь также кончилась. Она это переживала как трагедию. Вот и получилось: Педагог (с большой буквы), еще полный сил и возможностей, по установленному высокими чиновниками от науки и образования возрастному цензу был вынужден похоронить раньше времени свой педагогический и научный талант. И судьба Марианны Валентиновны, перешагнувшей через определенный возраст, к сожалению, достаточно типична...

Марианна Валентиновна вся отдавалась работе, была в ней вся – в науке, в педагогической деятельности, в популяризации научных знаний. Она трудилась на благо науки и образования. А что она имела? Прекрасную квартиру, которую получила в 1950 г. в центре Киева. До этого в Москве только квартировала. И всегда были материальные трудности. Когда она вынуждена была уйти на пенсию, находясь среди книг, она стала писать воспоминания, начиная со своего детства, о своем деде – С.В. Щербакове, о своем брате – известном химике в области галургии Владимире Валентиновиче Вязовове, работавшем в Ленинграде, людях, с которыми она встречалась и работала... Но можно ли прожить на пенсию? И Марианна Валентиновна вынуждена была пойти работать вахтером в какую-то ново- (русскую, украинскую) фирму (и это Педагог – Ученый!), в которой уважаемые «новые» хозяева жизни ей (потомку Муравьевых–Языковых) пренебрежительно «тыкали». С какой же горечью она об этом говорила... А вот что же она имела материально? Книги (их было много), камни, собранные в экспедициях с А.Е. Ферсманом.

В середине 80-х годов Марианна Валентиновна попала в больницу, и квартира на Крещатике оставалась некоторое время без постоянного присмотра. Забрались воры – а взять-то что? Книги для них – пустое, тем более научные и мировая литература; камни – в этом они ничего не понимали... По-видимому, в досаде на неудавшуюся добычу, сложили в большой комнате (с прекрасным паркетом) книги и устроили костер. Большого пожара в центре Киева не получилось. Вовремя увидели дым из форточки... Пропала часть книг, дневники и то, что было написано (рукописи, компьютеров в то время еще не было), пострадали мебель и паркет. Но ничего не взяли – не книги ведь брать с какими-то камнями...

Да, для кого-то она ничего не имела. Но Марианна Валентиновна имела главное – любовь и глубочайшее уважение, а теперь и память о себе у всех тех, кто с ней общался, встречался, учился, слушал ее лекции. И помимо прекрасных человеческих и профессиональных качеств она была удивительно красивой женщиной. Она обладала необыкновенным обаянием, которое привлекало к себе Людей. В ней все было прекрасно!



## Крупнейший российско-казахстанский почвовед-геохимик Ирина Анатольевна Ассинг (1919–1999)

*И.А. Горбунова, О.Г. Ерохина, Н.А. Алтынбекова*

Ирина Анатольевна Ассинг – одна из крупнейших женщин–почвоведов, внесшая неоценимый вклад в развитие почвоведения в Казахстане. Практически ровесница революции, в этапах своего жизненного пути она отразила всю историю советского периода. По воспитанию и образованию россиянка, по области научных исследований – казахстанка, она всю жизнь подвижнически была предана науке и Родине.

Ирина Анатольевна Ассинг родилась в г. Новгород-Северске Черниговской области в интеллигентной семье бывших дворян. Мать до Октябрьской революции закончила Санкт-Петербургскую консерваторию, отец окончил Московский университет, отделение естественных наук. В советское время родители работали педагогами, отец позже работал директором Новгород-Северского народного театра, совмещая с работой в местном краеведческом музее. После смерти отца в 1934 году И.А. Ассинг с матерью переехали в Сталинград, где она и закончила школу-десятилетку.

В 1937 году Ирина Анатольевна Ассинг поступила на геолого-почвенный факультет Ленинградского государственного университета, по специальности «почвоведение». После 4-го курса проходила практику в Ереване при Почвенном институте Армянского филиала АН СССР, где ее застала Великая Отечественная война. В годы войны она работала в тылу на строительных оборонных рубежах г. Сталинграда, в геолого-разведочной партии на калийном руднике в г. Соликамске [1].

В 1943 году, получив вызов из Ленинградского университета, эвакуированного в г. Саратов, И.А. Ассинг продолжает учебу, прерванную войной. В мае 1944 года возвращается с университетом в Ленинград и в октябре 1944 года блестяще его заканчивает. Еще в студенческие годы она заинтересовалась почвенным гумусом и училась у Людмилы Николаевны Александровой – выдающего специалиста в этой области. После окончания вуза ее оставляют в аспирантуре при кафедре почвоведения. Окончив полный курс аспирантуры у академика Б.Б. Полынова, основоположника нового научного направления «Геохимия ландшафтов», и защитив кандидатскую диссертацию в 1948 году «Начальные стадии выветривания и почвообразования на массив-

но-кристаллических породах», она получила ученую степень кандидата геолого-минералогических наук [1, 2].

Академик Б.Б. Польшов в отзыве на диссертацию И.А. Ассинг как руководитель дает блестящую оценку работы своей аспирантки. Рекомендую диссертацию к защите, он пишет: «Не предрешая исхода этого диспута, я со своей стороны нахожу, что выполнена работа отлично» [1].

Сразу после успешной защиты в 1948 г. И.А. Ассинг получает направление в Почвенный институт АН КазССР в г. Алма-Ату и зачисляется в отдел генезиса и географии почв в качестве младшего научного сотрудника и приступает к самостоятельной научной работе. Переезду в Казахстан способствовало и то, что научный руководитель Б.Б. Польшов был очень заинтересован в проведении почвенно-геохимических исследований аридных территорий. В Алма-Ате к тому времени уже работали ученики Б.Б. Польшова – М.А. Глазовская и В.М. Боровский, и Ирина Анатольевна сразу включилась в геохимическую тематику. Невозможно обойти вниманием и директора Института почвоведения АН КазССР того времени – У.У. Успанова – крупнейшего ученого, прекрасно знавшего территорию республики, организатора науки, который привлекал к работе инициативных и талантливых ученых. Этот «ленинградский десант» получал постоянную поддержку и внимание У.У. Успанова во всех научных начинаниях, их всех объединяла еще и крепкая дружба, которая продолжалась до конца жизни.

Б.Б. Польшова очень интересовал опыт исследований Ирины Анатольевны почвенного гумуса, и они провели совместное изучение вклада накипных лишайников в первичное почвообразование. Уже в результате первого полевого сезона по теме «Изучение первичных продуктов выветривания кислых интрузивных пород и почвообразования» в районе Северного Прибалхашья, Джекказганской и Карагандинской областях, И.А. Ассинг были изучены процессы окисления железоземных толщ Карсакпая и Джекказгана, биогеохимические явления при процессах выветривания и седиментации в пределах гранитных массивов Улу-Тау и Бектау-Ата, а также гор Ермен-Тау (1949).

По отзывам члена-корреспондента АН СССР А.Г. Вологодина, работа была проведена на самом высоком уровне, и в октябре 1948 г. И.А. Ассинг была утверждена на должность старшего научного сотрудника [1].

Дальнейшие научные исследования И.А. Ассинг были связаны с самыми различными регионами Казахстана и направлениями генети-



Сотрудники Института почвоведения АН КазССР (Алма-Ата) и М.А. Глазовская (МГУ) в Алма-Ате, 1972 г.  
Слева направо – А.И. Волков, директор Института В.М. Боровский, И.А. Ассинг, Е.М. Калмынкина, М.А. Глазовская, У.У. Успанов  
(Личный архив семьи Глазовских)

ческого почвоведения. Природный талант, прекрасное образование, неимоверное трудолюбие, независимость мышления при строгом следовании научной методологии, а главное, ненасытный интерес ко всему, что связано с процессами почвообразования, позволяли ей легко осваивать новые для нее области исследований.

Академик В.М. Боровский был восхищен многосторонностью таланта И.А. Ассинг: «Вопросы первичного почвообразования, окультуривания почв в условиях орошения, генезиса и географии почв, агропроизводственной характеристики и оценки почв, геохимии и минералогии почв, изучения органического вещества почв и зольного состава основных видов растительности и взаимосвязи с другими факторами почвообразования – вот круг ее интересов и работ. И во всех вопросах она проявляла высокую осведомленность, внося в их решение свой личный взгляд и вклад» [1].

И.А. Ассинг занималась исследованием орошаемых и пригодных под орошение почв предгорных равнин Заилийского Алатау. Была составлена почвенная карта масштаба 1:100 000 на регион обследования (1950 г.). Полученные материалы, переданные Алма-Атинскому Облсельхозуправлению, послужили основой для планирования и обеспечения продовольствием города в трудные послевоенные годы.

Начало 50-х годов ознаменовалось широкомасштабными почвенными исследованиями по выявлению пригодных к освоению целинных и залежных земель. Работы проводились по всей территории Республики, а их высокая научная значимость определялась тем, что это была не просто инвентаризация пахотнопригодных почв. По сути, эти исследования явили собой новый этап в становлении казахстанского почвоведения, предопределивший его дальнейшее развитие. Руководили работами крупные почвоведы, вставшие во главе экспедиционных партий (У.У. Успанов, Д.М. Стороженко, А.А. Соколов, С.И. Соколов, А.М. Петелина, С.П. Матусевич и др.), а почвенными отрядами руководили молодые выпускники российских и казахстанских вузов, воспитанные на традициях докучаевского почвоведения. Исследования сопровождались изучением условий почвообразования, уточнением границ широтных и вертикальных ландшафтных и почвенных зон, разработкой новых классификационных построений, обоснованием выделения новых таксономических почвенных единиц.

В рамках этих работ в пределах Алма-Атинской области И.А. Ассинг до 1954 г. руководила всеми почвенными и другими научно-производственными работами по обследованию земфондов, отбору целинных и залежных земель для нового сельскохозяйственного освоения, изучала особенности формирования и свойства почв, особое внимание уделяя взаимосвязи группового и фракционного состава гумуса с растительным покровом в широком диапазоне биоклиматических условий – от почв предгорных пустынь до высокогорных альпийских лугов, включая весь ряд почв в системе вертикальной зональности Северного Тянь-Шаня. Результаты этих обширных многолетних исследований были обобщены в серии монографий «Почвы Казахской ССР», сопровождаемых почвенными картами масштаба 1:300 000. Наряду с работами М.А. Глазовской результаты исследований И.А. Ассинг по биогеохимии и географии почв являются до настоящего времени основополагающими для данного региона

До конца 50-х годов И.А. Ассинг, в связи с бурным развитием земледелия в Алма-Атинской и Талды-Курганской областях, была занята крупно- и среднемасштабным почвенным картированием и обследованием земель сельхозназначения. Составлены почвенные карты Илийского, Каскеленского, Джамбулского и Алма-Атинского районов Алма-Атинской области (М 1:100 000), почвенная карта южных склонов Джунгарского Алатау (М 1:300 000), карта почвенных зон и районов Алма-Атинской области, орошаемых почв предгорных равнин Ал-

ма-Атинской области, зон свеклосеяния и даже отдельных колхозов (М 1:25 000). Период постоянной смены объектов, экспедиции, напряженный график сдачи материалов и, тем не менее – среди списка научных трудов: «О горно-лесных почвах Заилийского Алатау» (1954), «Почвенный покров южной части Казахстанской Джунгарии» (1956), «Почвы пустынной части предгорных равнин Северного Тянь-Шаня» (1957), «Особенности гумусообразования в горных почвах Северного Тянь-Шаня» (1960).

В 1960–1965 гг. в соответствии с тематическими планами Института почвоведения И.А. Ассинг работает в Джамбулской области. Темп работы не снижается, задания самые разнообразные – от почвенно-мелиоративного районирования предгорных равнин Киргизского хребта до характеристики орошаемых почв пустынно-степной предгорной зоны. При этом – составление почвенной карты Джамбулской области (М 1:300 000), работа над монографиями «Почвы Джамбулской области» и «Почвы Алма-Атинской области» в серии «Почвы Казахской ССР», и опять же – не для отчетов, для души – «Географические закономерности гумусообразования в горных почвах Юго-Восточного Казахстана» (1962), «Генезис почв предгорных равнин Северного Тянь-Шаня» (1964).

В 1966 г. И.А. Ассинг переходит в лабораторию геохимии и минералогии почв Института почвоведения АН КазССР и работает по теме «Геохимия и минералогия горных и предгорных почв Юго-Восточного Казахстана» (1966–1971 гг.). Результаты геохимических исследований этого периода, а также предыдущих лет исследований были обобщены в соавторстве с Н.А. Полузеровым в монографии «Почвенно-геохимические исследования в Казахстанской части Тянь-Шаня» (1973). Этот фундаментальный труд представляет собой первую (и на сегодняшний день последнюю, по объемности фактического материала и научных построений) попытку подойти с геохимических позиций к оценке почвообразовательного процесса в Юго-Восточном Казахстане, что позволяет более глубоко вскрыть генетическую природу почв. В монографии характеризуются, помимо природных закономерностей формирования почвенного покрова, состав, свойства и геохимические особенности основных типов почв вертикальных поясов по отдельным орографическим регионам (хребты Каратау, Кетмень и Киргизский и прилегающие предгорные равнины).

В 1970–1972 гг. И.А. Ассинг работала над темой «Геохимия бурых и светло-каштановых почв Центрального Казахстана», что еще с начального периода работы в Институте почвоведения ей было близко и безумно интересно, особенно в области изучения органического вещества почв и зависимости его фракционного состава от свойств почвообразующих пород. Аналогичные исследования были продолжены по теме «Геохимия и минералогия черноземных почв Северного Казахстана» (1972–1977 гг.).

В октябре 1977 г. И.А. Ассинг ушла на пенсию, но с марта 1978 года была отозвана «в связи с производственной необходимостью» в родную лабораторию, где и проработала до 1988 года [1].

Ирина Анатольевна была ярким явлением в казахстанском почвоведении – не обладая какими-то высокими званиями, она пользовалась авторитетом у всех сотрудников. Авторам этих строк неоднократно приходилось обращаться к ней за помощью, и всегда ею были предложены конструктивные советы, сделанные необыкновенно тактично и доброжелательно. Она очень помогла И.А. Горбуновой в выборе опорных почвенных разрезов для практики студентов Казахстанского государственного университета им. С.М. Кирова (ныне им. Аль-Фараби).

Эта маленькая хрупкая женщина обладала невероятной смелостью и мужеством. По словам М.А. Глазовской [3], когда крупнейший микробиолог Д.М. Новогрудский в 1951 г. оказался в опале и ожидал ареста, они вдвоем при свете луны тайно пробирались к его дому, чтобы навестить и попрощаться. При этом они видели, что их сопровождает «темный человек».

Ирина Анатольевна была и душой института – она очень неплохо играла на пианино и пела, и часто в ее небольшой квартирке собиралась компания сотрудников и устраивались музыкальные вечера.

И.А. Ассинг является автором 70 публикаций, в том числе 5 монографий, многочисленных карт. По современным меркам, возможно, это не слишком большой послужной список с учетом более чем 40-летнего стажа работы в Институте почвоведения, однако она не торопилась с опубликованием материалов, обдумывая и обосновывая свою точку зрения, и даже небольшие по объему печатного текста материалы всегда отражали нестандартный подход к решению вопросов, которые она сама же перед собой ставила, и имели несомненную научную неординарность.

## Литература, источники, примечания

1. Архивные материалы Казахского научно-исследовательского института почвоведения и агрохимии им. У.У. Успанова (г. Алматы, Республика Казахстан).
2. Почвоведы – исследователи природы Казахстана: Научно-биографический справочник. Алматы: Китап, 2007. 304 с.
3. Глазовская М.А. События моей жизни на фоне войн и революций. М.: АПР, 2013. 96 с.

## Лариса Попугаева: открытие века, удача геолога и жизненная катастрофа

*В.И. Оноприенко*

Открытие коренных месторождений алмазов в Якутии в середине XX века стало эпохальным событием не только в СССР, но и в мире, вполне соизмеримым с последовавшими вскоре запуском первого советского спутника Земли и полетом Ю.А. Гагарина.

Поисками алмазов в СССР занимались многие годы, сформировались коллективы квалифицированных специалистов. В сентябре 1946 г. Совет Министров СССР поставил перед геологоразведочными организациями страны задачу максимального усиления поисковых работ на алмазы с целью создания собственной минерально-сырьевой базы и ликвидации зависимости отечественной промышленности от иностранного рынка. В январе 1947 г. была образована Тунгусская экспедиция и определена ее структура. Техническим руководителем был назначен кандидат геолого-минералогических наук, доцент Иркутского университета М.М. Одинцов, впоследствии профессор, член-корреспондент АН СССР. Целевой задачей Тунгусской экспедиции являлась оценка перспектив алмазоносности севера Иркутской области и Тунгусского бассейна. 20 августа 1948 г. в бассейне р. Нижняя Тунгуска на участке «Синий хребетик» в долине р. Малая Ерема был найден первый алмаз весом около 15 мг. В 1949 г. Тунгусская экспедиция была переименована в Амакинскую геологоразведочную экспедицию, специализировавшуюся на поисках и разведке месторождений алмазов. Поисковые работы велись преимущественно в Западной Якутии. Кроме Амакинской экспедиции, поисками месторождений алмазов в Якутии занимались три геологические экспедиции Научно-исследовательского института геологии Арктики, Тунгусско-Ленская экспеди-



ция Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ), специальная Восточная экспедиция Северо-Западного геофизического треста, Михайловская экспедиция Всесоюзного аэрогеологического треста (ВАГТ). Открытие первого коренного месторождения якутских алмазов было сделано летом 1954 г. молодым геологом-минералогом Ларисой Попугаевой.

Лариса Анатольевна Гринцевич родилась в Калуге 3 сентября 1923 г., где у родственников, подальше от голодного и опасного Петрограда, перебивали смутное время гражданской войны ее мать Ольга Сергеевна и бабушка Августа Антоновна. Ее отец Анатолий Рафаилович Гринцевич был в самом водовороте революции. Вскоре семья возвратилась в Ленинград, Ольга Сергеевна поступила учиться в Инженерно-строительный институт, а отец по направлению партии уехал на Украину. По окончании учебы в 1935 г. Ольга Сергеевна с дочкой уехала к мужу, который в то время работал в Одессе секретарем обкома ВКП(б). Там в 1937 г. у них родилась вторая дочь Ирина. В том же 1937 г. последовал арест Анатолия Рафаиловича как «врага народа», вскоре он был расстрелян, семья узнала об этом спустя годы. Оставшись с двумя детьми в чужом городе без средств к существованию и без жилища, Ольга Сергеевна возвратилась к матери в Ленинград.

Несмотря на эту трагедию, юность Ларисы протекала вполне в нормах советского времени и образа жизни. Правда, в комсомол в школе ее не приняли: судьбу отца принимали в расчет.

Весной 1941 г. Лариса, способная и целеустремлённая, успешно закончила школу и поступила без экзаменов на геолого-почвенный факультет Ленинградского университета. С началом войны ее семья оказалась в эвакуации на Урале в г. Молотов (Пермь). Лариса была зачислена на геолого-почвенный факультет Молотовского университета и, как многие, работала в госпиталях, сдавала кровь для раненых, училась на курсах пулеметчиков. Весной 1942 г. ушла на фронт добровольцем. С апреля 1942 г. по июль 1945 г. Лариса прослужила младшим сержантом в должности заместителя командира зенитного орудия 89-й артиллерийской дивизии ПВО в Москве. В лютую стужу, в холодную и ветреную погоду долгие часы приходилось ей проводить на крыше домов, где находились артиллерийские установки, охранявшие небо Москвы от вражеских налетов [1]. На фронте в 1944 г. она вступила в ВКП(б). После демобилизации в 1945 г. Лариса возвратилась в Ленинград и решила продолжить учебу на геолого-почвенном факультете ЛГУ.



Лариса Попугаева в экспедиции в Якутии (Фото из семейного архива)

Лариса Гринцевич с первых дней университетской жизни училась с увлечением. На факультете активно работало студенческое научное общество. Лариса была председателем его минералогической секции, выступала с докладами и принимала участие во всех его заседаниях. В 1950 г. Л. Гринцевич получила диплом геолога-геохимика и была принята на работу во Всесоюзный геологический научно-исследовательский институт страны (ВСЕГЕИ) в только что созданную для геологического изучения Сибирской платформы и поисков алмазов Тунгусско-Ленскую экспедицию. Летом она работала в районе Нижней Тунгуски и познакомилась с опытным

минералогом Н.Н. Сарсадских, проводившей в Якутии тематические исследования, которая помогла ей сориентироваться в алмазной специфике. После перерыва в связи с замужеством Ларисы и рождением дочери Н.Н. Сарсадских взяла Ларису на летний сезон 1953 г. для минералогических исследований в районе среднего течения р. Мархи. В шлихах Л.А. Попугаева обнаружила более крупные, чем остальные, зерна черного рудного минерала, лилового и лилово-красного гранатов и маленький алмазик. В Ленинградском университете известный минералог А.А. Кухаренко, сравнив зерна якутских гранатов с пиропами из кимберлитов Южной Африки, установил их идентичность.

Важнейшим шагом в создании методики поиска месторождений алмазов было осознание того, что возможными источниками алмазов должны быть кимберлитовые трубки. Для этого надо было преодолеть устойчивый стереотип ассоциации месторождений с магматическими формациями «уральского типа», который господствовал еще с предвоенного времени. Отчеты 1948–1952 гг. геологов Амакинской экспедиции основывались на идее ассоциации алмазов с минералами траппов. Это влекло за собой признание основными поисковыми признаками присутствие в пробах таких минералов, как хромит и самородная платина. Идея признания источником алмазов кимберлитовых трубок вела к признанию ведущим поисковым признаком присутствие в шлиховых

пробах определенного комплекса минералов, в частности граната – пирропа. Пирропы, ассоциирующиеся с алмазоносными кимберлитами, составляют часть непрерывного ряда минералов: от железистых гранатов – альмандинов, связанных в основном с метаморфическими породами, до собственно кимберлитовых магнезиальных гранатов – пирропов. Открытие алмазных месторождений в Сибири стало возможным благодаря созданию так называемого пирропового метода поиска кимберлитов: «Разработка этого метода для условий Сибири и применение его на практике – очевидная заслуга минералогов Центральной экспедиции ВСЕГЕИ во главе с Н.Н. Сарсадских. Она отстояла этот метод в многолетней борьбе со сторонниками ассоциации алмазов с минералами траппов. С тех пор как Амакинка официально признала этот метод, открытие трубок стало во многом делом техники» [2].

В сезон 1954 г., напутствуемые Н.Н. Сарсадских, которая не могла выехать в поле в ожидании родов, Лариса Попугаева с лаборантом Федором Беликовым начали промывку шлихов на р. Далдын и ее притоках. Они следили за распределением минералов-спутников алмазов в пробах, взятых вдоль по течению ручьев, пока минералы не исчезли. Тогда они стали брать пробы на склоне и вышли на элювиальные, то есть практически не смещенные выходы разложенных выветриванием кимберлитов. Заслуга Ларисы состояла в том, что она не пропустила момент выхода из русла на склон и обратила внимание на голубую глину с россыпью пирропов. Это была первая найденная в Сибири кимберлитовая трубка, которая повлекла за собой открытие таких трубок по нескольку за сезон. Об этом писал академик В.С. Соболев, вклад которого в обоснование алмазоносности Западной Якутии весьма значителен: «Настоящий успех был достигнут тогда, когда обратились к старому классическому приему, распознав типичные спутники – кимберлитовые гранаты. И по гранатовой дорожке подошли (Н.Н. Сарсадских, Л.А. Попугаева) к первой якутской трубке, которой дали поэтическое название «Зарница». Как это часто бывает, после первой находки трубки открывались одна за другой. Н.В. Кинд уже осенью 1954 г. вплотную подошла к трубке Мир, первый образец с которой следующим летом был доставлен Ю.И. Хабардиным. В Далдынском районе В.Н. Щукиным была найдена трубка Удачная» [3. С. 9].

Чтобы проверить, продолжается ли эта порода с глубиной, было задано два шурфа до 80 см, и там был обнаружен кимберлит. Затем началась кропотливая работа по оконтуриванию кимберлитового тела. Трубка прорывала карбонатные и глинисто-карбонатные породы ниж-



Первооткрыватели первой кимберлитовой  
трубки в Якутии «Зарница»  
Лариса Попугаева и Федор Беликов  
(Фото из семейного архива)

него ордовика и верхнего кембрия. Размеры трубки достигали в диаметре 350 м. Л.А. Попугаева и Ф.А. Беликов поставили на этом месте заявочный столб, а под камнями в консервной банке оставили записку: «Впервые 21–22/8 1954. Эти остатки, видимо, очень богатого ильменитно-пиропового и, возможно, алмазного месторождения обнаружили работавшие в этом районе сотрудники партии № 26 ЦЭ Союзного треста № 2. Геолог Гринцевич-Попугаева Л.А. Лаборант Беликов Ф.А. Все содержимое этого разрушенного коренного месторождения, судя по наблюдениям, просело вглубь. Остатки от него ищите по обе стороны от места костра и шалаша в камнях. Виднее всего они на курумах».

Уверенности, однако, в том, что среди минералов во взятых

пробах присутствует алмаз, не было. И Лариса решила посетить ближайшую базу Яралинской экспедиции НИИГА, чтобы проверить это на рентгеновской установке. При исследовании в катодных лучах в тяжелой фракции найденной Ларисой породы были обнаружены несколько небольших кристалликов алмаза. Время показало, что эта находка привела к открытию всех коренных алмазных месторождений Сибири: богатых алмазами трубок Мир, Айхал, Удачная, Сытыканская и других, составивших славу алмазной промышленности России. Правда, трубка Зарница оказалась с трудной судьбой: ее разработка началась лишь в 2000 г.

Возвращение Ларисы Попугаевой на базу Амакинской экспедиции в Нюрбе переломило ее жизнь надвое. Руководство Амакинской экспедиции вымогало у нашедшей трубку Зарница Ларисы Попугаевой заявление о переходе в их экспедицию, датированное маем того же года, то есть *до* находки. В ход пошли аргументы о репрессированном

отце, ее шантажировали, пытались обвинить в незаконном вывозе алмазов. Лариса не выходила из состояния нервного срыва, проплакала все глаза. Она находилась фактически под домашним арестом, блокированная от ради и телеграфа. Атмосфера злорадства, издевательств сгущалась. Она плакала день и ночь, ходила опухшая от слез и с покрасневшим лицом, с дрожавшими руками и застывшим страданием в глазах [1].

Лариса держалась полтора месяца, но 15 ноября подписала заявление о своем переходе в Амакинскую экспедицию, датированное началом полевого сезона. Ее выпустили в Ленинград. Но уголовщина и фальсификации продолжались: прибыв будущим летом на Далдын, Лариса обнаружила, что поставленный ею заявочный столб перенесен с площади кимберлитовой трубки: так всесильное ведомство переписывало историю.

После увольнения из Амакинской экспедиции на работу во ВСЕГЕИ Л.А. Попугаеву не взяли. При поступлении в аспирантуру срезали на экзамене по минералогии. Активную роль здесь сыграла воинственная Н.Н. Сарсадских, обвинявшая Попугаеву в предательстве, считая, что переходом в Амакинку та сознательно хотела лишить Центральную экспедицию славы открытия. Диссертацию по докладу о результатах работ по поискам кимберлитов на Сибирской платформе Лариса смогла защитить лишь в 1970 г., находясь уже много лет вне геологии.

При представлении коллектива якутских геологов-алмазников на Ленинскую премию Л.А. Попугаева была включена в первый список, но выпала из посланного в Комитет. Это стало последней каплей, переполнившей чашу горестей талантливого человека. До конца дней она не желала продолжать разговоры об алмазной эпопее, не делала это даже с дочерью.

В 1957 г. в связи с 325-летием вступления Якутии в состав Российской Федерации Л.А. Попугаеву в числе других 350 человек наградили орденом Ленина, а Н.Н. Сарсадских – орденом Трудового Красного Знамени. В 1970 г. она была награждена почетным дипломом и знаком «Первооткрыватель месторождения».

В 1959 г. Л.А. Попугаева поступила на работу в Центральную научно-исследовательскую лабораторию камней-самоцветов при Ленгорисполкоме, а в 1960 г. стала ее заведующей. Ей было поручено провести «инвентаризацию» месторождений самоцветов СССР. Пришлось обследовать более 100 месторождений цветных камней. Руководствуясь интересами ювелирной промышленности, она смогла в 1965 г. по-

пасть на прием к Председателю Совмина А.Н. Косыгину, которому подробно обрисовала безрадостную картину использования российских самоцветов. Через год в Ленинграде был организован Научно-исследовательский институт «Ювелирпром». В нем Л.А. Попугаева проработала до своих последних дней. В начале 1970-х годов Лариса Попугаева подготовила к изданию «Атлас самоцветов СССР», оставшийся, однако, неопубликованным. Она внесла живую струю в клуб любителей минералов при Дворце культуры им. Ленсовета, приглашалась в качестве эксперта по ювелирно-поделочному камню в Эрмитаж и на таможенно.

Лариса Попугаева умерла на улице Ленинграда 19 сентября 1977 года от закупорки и разрыва аорты. Трагедия с открытием первой кимберлитовой трубки не прошла для нее даром.

Многое сделали для восстановления имени и подвига Л.А. Попугаевой журналист Рашит Юзмухаметов в ряде своих ярких публикаций [4, 5], а также геолог и писатель Эдуард Эрлих [6, 7].

Именем Ларисы Попугаевой назван алмаз весом в 29,4 карата, на Зарнице поставлен столб с текстом ее записки. Улицы в алмазных городах Удачном и Айхале носят ее имя.

В июле 2004 года, в ознаменование пятидесятилетия обнаружения Зарницы, на центральной площади города Удачного был открыт памятник Ларисе Попугаевой. Памятник – бронзовый, отлит в Санкт-Петербурге. Его автор – петербургский скульптор Валерий Барков. Ему удалось отразить волевое усилие, проявленное этой женщиной, совершившей свое открытие в результате упорного и целенаправленного труда. На рельефной стеле сзади фигуры Ларисы Попугаевой – она сама у костра рядом со своим рабочим Федором Беликовым; тайга, олени, крутая ступенчатая стенка карьера на кимберлитовой трубке и детали современного индустриального пейзажа тех мест: дороги, линия электропередачи. Постамент памятника изготовлен из красного гранита.

Питерские патриоты отмечают, что Лариса Попугаева – четвертая по счёту женщина Санкт-Петербурга, которой установлен полнофигурный памятник. Первые два принадлежат императрицам (Елизавете Петровне в городе Балтийске и Екатерине Второй на Невском проспекте), третий – Анне Ахматовой на улице Восстания [8].

Лариса Попугаева – знаковая личность, выразившая образ эпохи, требовавшей от искренних граждан великой страны полной отдачи и часто расплачивавшихся за свои жертвы жизнью и моральным ущербом.





Памятник Ларисе Попугаевой в городе Удачном, Якутия-Саха

### **Литература, источники, примечания**

1. Анастасенко Г.Ф. Открытие века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Вып. 3. 2006. С. 104–113.
2. Эрлих Э.Н. Открытие Зарницы – начало сибирских алмазов // Наука из первых рук. 2012. Вып. 6 (48). С. 88–95.
3. Соболев В.С. Избранные труды. Петрология верхней мантии и происхождение алмазов. Новосибирск: Наука, 1989. С. 9.
4. Юзмухаметов Р.Н. Геологи-первооткрыватели якутских алмазов. Якутск: Бичик, 2010. 128 с.
5. Юзмухаметов Р.Н. История открытия первого месторождения алмазов в России – кимберлитовой трубки «Зарница» (1950–1990-е гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). История. Вып. 43. С. 87–91.
6. Эрлих Э.Н. Найти месторождение // Звезда. 2006. № 12. С. 69–88.
7. Эрлих Э.Н. Месторождения и история. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2006. 176 с.
8. Трейвус Е.Б. Ларисе Попугаевой поставили памятник // Санкт-Петербургский университет. 2005. № 14–15 (3703–3704).



## Елена Ивановна Каменцева (1920–2004) и ее исследования в области вспомогательных исторических дисциплин

*Е.В. Пчелов*

Среди «второго» поколения преподавателей Московского Историко-архивного института (МГИАИ) было немало женщин-ученых. Работали они и на кафедре вспомогательных исторических дисциплин (с начала 1990-х гг. – источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин), одной из старейших институтских кафедр. Курс вспомогательных исторических дисциплин начал читаться в Институте 1 сентября 1938 г. Его основателем был выдающийся русский историк профессор Николай Владимирович Устюгов (1896–1963). Курс читался, что называется, с чистого листа, поскольку ранее подобного рода курсы преподавались лишь до революции в Московском и Петербургском Археологических институтах. А в 1939 г. перед началом нового учебного года в Институте была образована самостоятельная кафедра вспомогательных исторических дисциплин, первым заведующим которой стал профессор Александр Николаевич Сперанский (1891–1943). На кафедре трудились многие замечательные ученые и педагоги, в том числе и женщины – профессора Института Александра Тимофеевна Николаева (1908–1988), Ольга Михайловна Медушевская (1922–2007), доценты Ирина Александровна Миронова (1920–2001), Евгения Платоновна Маматова (1934–2004) и др. Одной из ярчайших сотрудниц кафедры была и Елена Ивановна Каменцева, признанный и ведущий специалист в области вспомогательных исторических дисциплин, о которой и пойдет речь в этой статье [1].

Однако в начале необходимо кратко остановиться на самом понятии «вспомогательные исторические дисциплины», чтобы можно было в полной мере оценить уникальность этого научного направления и масштаб деятельности Е.И. Каменцевой. Под наименованием «вспомогательные (или специальные) исторические дисциплины» традиционно понимается целый комплекс разнохарактерных исторических и шире гуманитарных наук, выполнявших (и выполняющих до сих пор) «вспомогательную» роль для исследователя-историка при изучении разнообразных исторических источников. Однако давно уже лишь этой функцией значение в.и.д. не исчерпывается. Объединенные лишь общностью своего происхождения, эти науки стали вполне само-

стоятельными областями научного знания, общенаучная роль которых становится все более и более ощутимой. В самом деле, эти науки занимаются исследованием фундаментальных явлений культуры, без которых невозможно себе представить ни повседневную жизнь, ни картину мира и условия бытия людей прошлого. Палеография и близкие к ней науки изучают внешние признаки письменных памятников – материал и орудия письма, системы знаков письменности и их графику, оформление рукописей, в том числе орнамент и миниатюры, иными словами, письменную культуру человечества в ее конкретных, материальных проявлениях. Для занятий в этой области специалист должен не только владеть навыками чтения текстов и атрибуции рукописей, но и разбираться в технологических принципах производства писчего материала, знать историю письменности и тех языков, на которых написаны тексты, разбираться в истории изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Историческая хронология изучает историю систем времячисления и помогает соотносить их между собой. Любой календарь есть продукт природных явлений и культуры, и для глубокого понимания истории календарей необходимы знания в области астрономии и математические навыки. Историческая метрология, занимающаяся исследованием истории систем измерений, еще теснее связана с науками технического и математического характера. Историческая география, изучающая географию прошлого и историю географического освоения Земли, немыслима без знания географии физической или экономической. Науки, исследующие знаковые системы, такие как геральдика, нумизматика, сфрагистика, фалеристика и др., обращены, прежде всего, к изобразительным и вещественным историческим источникам, для анализа которых необходимы знания семиотики, истории искусства, технических дисциплин и т.д. Иными словами, за аббревиатурой в.и.д. скрываются науки широкого плана, полидисциплинарного характера, служащие связующим звеном между гуманитарным и естественнонаучным знанием. И именно этой области было посвящено все научное творчество и педагогическое мастерство Е.И. Каменцевой.

Будущий историк, Елена Ивановна появилась на свет 2 октября 1920 г. в Симбирске, хотя сама происходила из старинной московской семьи. Гостей в доме Е.И. Каменцевой всегда «встречал» большой портрет деда – Ивана Ильича Барышева (1854–1911), сотрудника знаменитого книгоиздателя К.Т. Солдатенкова и довольно популярного в свое время писателя. Поскольку дом Солдатенкова, где жил Барышев, располагался на Мясницкой улице, то и литературным псевдонимом

Ивана Ильича был «Мясницкий» (впрочем, это не единственный его псевдоним, хотя и самый известный). О происхождении самого деда сохранились весьма туманные сведения. В фундаментальной энциклопедии «Русские писатели. 1800–1917 гг.», где есть статья о нем, сообщается, что на самом деле Иван Ильич был внебрачным сыном самого Солдатенкова [2. С. 194]. Елена Ивановна отвергала эту версию, казавшуюся ей маловероятной. По ее данным, предки Ивана Ильича были крепостными крестьянами помещиков Огаревых. Впрочем, как-то рассматривая семейные фотографии деда, Елена Ивановна заметила, что он мало похож на сына крепостных, но никаких более определенных свидетельств о происхождении Ивана Ильича не имеется. Во всяком случае, после окончания Московского коммерческого училища Барышев был принят на работу в контору издательства и довольно скоро стал главным помощником Кузьмы Терентьевича, заведующего денежными делами фирмы. Сам он приобрел известность юмористическими рассказами, сценками и стихами, обретя репутацию «московского Лейкина», как «талантливый бытописатель нравов московского купечества». Среди его веселых произведений такие, например, как «Женитьба замоскворецкого лавочника Архипа Семеновича Крутозубова», «Юмористическое путешествие Петра Ивановича Таракашкина и Ивана Петровича Букашкина», «Приключения Жоржа Бантикова и Сержа Кантимова» и многие другие. После 1917 г. они, естественно, не переиздавались. А сам Иван Ильич скончался в 1911 г. на пути с дачи в Москву, чтобы присутствовать на панихиде по случаю 25-летия со дня смерти А.Н. Островского. В течение нескольких лет Иван Ильич был казначеем Общества русских драматических писателей, и, как помощник Солдатенкова, многих известных писателей знал лично. У Елены Ивановны хранилась фотография Ивана Ильича вместе с И.З. Суриковым (это, кажется, чуть ли не единственная известная фотография поэта), а в ее библиотеке имелись книги Бальмонта, надписанные деду. Ясно, что высококультурные традиции семьи не могли не сказаться на воспитании и формировании самой Е.И. Каменцевой.

О своей семье в своих автобиографиях 1949 и 1953 гг., написанных для института в не самые лучшие годы советской истории, Елена Ивановна сообщает следующее: «Отец, до и после Революции инженер-путеец, был послан в город Симбирск на борьбу с разрухой в транспорте. Вскоре после моего рождения отец заболел и умер от тифа (он скончался 22 мая 1922 г.). Мать возвратилась в Москву и непрерывно работала до 1930 г. в Реввоенсовете и Арбитражной комиссии

при Совете Труда и Оборона, выполняя техническую, секретарскую работу. В 1926 г. она вторично вышла замуж за фотографа. Отец и мать происходят из среды трудовой интеллигенции» [см.: 3. С. 324–325, дальнейшие цитаты приводятся по этой публикации]. Особенно Елена Ивановна подчеркивала социальное происхождение отчима – «из крестьян-бедняков Смоленской губернии, с мальчиков с 1913 г. находился в учении у фотографа» в Москве, что было существенным в те годы, поскольку собственным рабоче-крестьянским происхождением Елена Ивановна «похвастаться» не могла (о родственниках по матери она, разумеется, не упоминает). Существенными были в анкетах и автобиографиях тех времен сведения и о ближайших родственниках. Е.И. Каменцева сообщает, что четыре сестры отчима в 1923 г. переехали в Москву и работают на производстве. При этом особо подчеркивается, что с 1923 г. они не имеют связи с деревней. Сложнее обстояло дело с родственниками со стороны отца. «Родственников отца не знаю. Мать после смерти отца с ними не встречалась. В 1930 г., правда, несколько раз бывал у нас брат отца, мой дядя А.Е. Каменцев и его жена Е.И. Каменцева. Оба работали педагогами и жили в Раменском по Казанской ж.д. После 1930 г. я их не видела и ничего не знаю о них». «Незнание» собственных родственников было, конечно, результатом целенаправленной политики советской власти по разрушению «старой» семьи и одновременно помогало потомкам не «подходящего» происхождения выживать в новых исторических условиях. В какой-то степени «лучше» в биографическом отношении обстояло дело с братьями матери. У нее было пять братьев. «В числе моих дядей: один – коммунист с 1918 г., занимал до самой смерти в 1938 г. крупные руководящие посты, умер на посту директора одного из Сталинградских заводов. Другой дядя всю Гражданскую войну находился в рядах Красной армии, защищая Республику от интервентов и белогвардейцев». Биография третьего дяди оказалась непростой: «в 1923 г. за связи с духовенством был сослан в Тобольск, возвратился в 1930 г. и все время работал. Долгое время работал органистом в крематории». Сведения о родителях и родственниках, что было характерно для того времени, занимают большую часть автобиографий. Я привел их для того, чтобы лишний раз можно было ощутить зловещий дух той тяжелой эпохи.

После окончания школы в 1938 г. Елена Ивановна по совету матери поступила в Историко-архивный институт. Первой лекцией, которую она услышала, была лекция по вспомогательным историческим дисциплинам, которую читал обладавший феноменальной памятью и

эрудицией Н.В. Устюгов. Как вспоминала сама Елена Ивановна, эта лекция определила все ее дальнейшие исследовательские интересы и профессиональную деятельность. С началом войны Николай Владимирович пошел добровольцем на фронт (он провел в действующей армии все военные годы), но поддерживал связь с Еленой Ивановной путем переписки. С огромной душевной теплотой Е.И. Каменцева рассказывала о том, как воевавший на фронте Устюгов писал остававшемуся в Москве заведующему кафедрой Сперанскому, беспокоясь за судьбу своей ученицы. Часть переписки с Николаем Владимировичем она опубликовала в 1988 г. [4].

В связи с условиями военного времени Е.И. Каменцева окончила институт по ускоренному курсу в 1942 г. и 15 марта того же года поступила в аспирантуру по кафедре вспомогательных исторических дисциплин (закончила аспирантуру в 1945 г.). 26 июля Елена Ивановна сдала первый кандидатский экзамен по истории и организации архивного дела, после чего на три месяца вместе с сотрудниками и студентами института была послана на лесозаготовки. Здесь ее напарником по распилке дров был будущий академик, а тогда заведующий кабинетом кафедры Лев Владимирович Черепнин (1905–1977). Научным руководителем Е.И. Каменцевой был основатель и первый заведующий кафедрой А.Н. Сперанский. Тема диссертации первоначально была утверждена как «Дипломатика актов Великого княжества Литовского», т.е. документов Литовской метрики. Вероятно, на выбор темы повлияли научные интересы руководителя, учившегося в свое время в Варшавском университете. Елена Ивановна предполагала сделать на кафедре доклад по теме диссертации – обзор научной литературы по истории Великого княжества Литовского, и составила библиографию. Однако смерть А.Н. Сперанского, скончавшегося прямо в здании института, где он жил, прервала эти занятия.

В дальнейшем Елена Ивановна сосредоточилась на сдаче других кандидатских экзаменов. О серьезности тогдашней подготовки аспирантов, к тому же в нелегких условиях военного времени, красноречиво свидетельствуют темы экзаменов. По отечественной истории (тогда она называлась «история СССР») сдавали три экзамена по трем периодам. По первому периоду (до XVIII в. включительно) Е.И. Каменцева выбрала для проработки три темы: «История монголов», «Организация прямого обложения в Московском государстве», «История земель литовских». Последняя тема перекликалась с первой темой предполагавшейся кандидатской диссертации, а вторая была близка следующей

теме диссертации, которую Елена Ивановна утвердила на заседании кафедры позднее. По истории монголов на заседании кафедры 14 апреля 1943 г. ею был прочитан отчетный доклад «Юань-чао би-ши «Сокровенное сказание» как источник по общественному строю монгол в XIII в.». Можно думать, что интерес к этому источнику был обусловлен его, ставшей классической, публикацией, осуществленной С.А. Козиным в 1941 г. Впоследствии Елена Ивановна использовала данные этого источника при разработке учебного курса и написании учебника по исторической хронологии, приводя соответствующие примеры из «Сокровенного сказания» в разделе о тюрко-монгольском календаре (соответствующие задачи были и на практических занятиях по хронологии). Экзамен по истории СССР до XVIII в. был сдан 28 августа 1943 г. По периоду отечественной истории XIX в. – 1917 г. Елена Ивановна подготовила две темы: «Внутренняя политика Александра I первых лет царствования (до 1812 г.)» и «Русско-японская война: ход военных действий на полях Манчжурии» (экзамен был сдан 22 января 1944 г.); по советскому периоду – одну тему: «Постановка и разрешение национального вопроса в период Гражданской войны» (экзамен сдан 7 февраля 1944 г.).

Экзамен по диалектическому и историческому материализму в 1943 г. не состоялся в связи с мобилизацией преподавателя тов. Шохора в действующую армию. 8 марта 1944 г. Елена Ивановна сделала доклад на семинаре по диалектическому и историческому материализму на тему «М.В. Ломоносов – русский философ XVIII в.». Как видим, и здесь она выбрала тему, отнюдь не близкую к актуальным в то время партийно-идеологическим вопросам. Очевидно, что она стремилась быть подальше от «научных» тем современности, и в гораздо большей степени тяготела к периоду «феодализма». 9 декабря 1944 г. экзамен по этому предмету был сдан с оценкой «посредственно», вопросы касались книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», диалектики в работах Чернышевского и выступления Сталина на XVIII съезде ВКП(б) о «некоторых вопросах теории». На экзаменационной ведомости стоят подписи принимавшего экзамен преподавателя С.И. Кузьмина и членов экзаменационной комиссии А.И. Гуковского и К.А. Попова (бывшего председателя Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака, которого студенты института в шутку называли «призрак коммунизма»).

Кроме того Елена Ивановна сдала и экзамен по иностранному языку, предварительно сделав на кафедре иностранных языков доклад по палеографии на немецком языке (вторым языком, которым она занималась в аспирантуре, был французский). Немецкий язык в те годы,



конечно же, воспринимался самым главным языком науки. Показательно, что аспиранты кафедры должны были также посещать научные заседания в Институте истории АН, что с самого начала их научной деятельности приобщало к академическому миру.

Одновременно, с апреля 1943 г. Елена Ивановна работала старшим лаборантом в кабинете кафедры, выполняла обязанности секретаря кафедры, а с 1944 г. вела и преподавательскую работу (сначала как почасовик, а с 1946 г. в штате). Занималась она также составлением сборника задач по хронологии, участвовала в составлении библиографии по вспомогательным историческим дисциплинам после 1917 г. Эти задачи (обобщение библиографии, написание новых учебных пособий) были поставлены перед кафедрой еще А.Н. Сперанским. В годы войны на кафедре появился эвакуированный из блокадного Ленинграда выдающийся геральдист (по сути, единственный геральдист-практик, оставшийся в СССР к тому времени и не прекративший занятий геральдикой) Владислав Крескентьевич Лукомский (1882–1946). Именно благодаря ему традиция русской геральдики в советский период не прервалась окончательно, и ее продолжателем выступила как раз кафедра вспомогательных исторических дисциплин, где прошли последние годы его творчества. Интерес к геральдике Елена Ивановна во многом приобрела благодаря знакомству с Лукомским, до революции служившим управляющим Гербовым отделением Департамента Герольдии Правительствующего Сената. Владиславу Крескентьевичу Е.И. Каменцева посвятила ряд работ и целый библиографический указатель, ставший достойным долгом памяти этого выдающегося ученого [5, 6].

После смерти А.Н. Сперанского научным руководителем Елены Ивановны был следующий заведующий кафедрой известный историк, ученик А.С. Лаппо-Данилевского Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959). Тема диссертации была изменена, теперь она звучала как «Порядные записи как источник по истории крестьянства в XVI–XVII вв.». Е.И. Каменцева работала как с опубликованными источниками, так и с архивными фондами ГАФКЭ (так тогда назывался РГАДА) – Вотчинной конторы по г. Пскову, книг Новгородской съезжей избы, Оружейной палаты, Угличского городского магистрата. Ею было собрано свыше 1000 документов XVI–XVII вв. по территориям Новгорода и Пскова, Замосковья, Поморья и восточных районов. Во многом тематика новой диссертации корреспондировалась с научными интересами Н.В. Устюгова, плодотворно занимавшегося вопросом социально-экономической истории русского Севера XVII века.



27 июня 1950 г. Е.И. Каменцева успешно защитила диссертацию «Новгородские порядные и ссудные записи, как источник по истории закрепощения крестьянства в XVII в.». Ее, уже третьим по счету, научным руководителем был тогда Николай Владимирович Устюгов (А.И. Андреев в 1949 г. в ходе кампании борьбы с «низкопоклонством» перед Западом был снят с заведования кафедрой и уехал в Ленинград, где благодаря С.И. Вавилову стал впоследствии сотрудником Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН). Оппонентами на защите диссертации выступили крупнейшие специалисты по истории допетровской Руси – член-корр. АН СССР М.Н. Тихомиров и проф. Л.В. Черепнин.

С конца 1940-х гг. Елена Ивановна преподавала на кафедре основной курс вспомогательных исторических дисциплин – ее педагогический стаж составил 60 лет (подобным рекордом из преподавателей кафедры могли «похвастаться» лишь С.О. Шмидт и О.М. Медушевская), и более полувека она отдала вспомогательным историческим дисциплинам, как одному из главных предметов кафедры. Во многом благодаря ей научная и педагогическая традиция в этой области не прервалась. Она увлеченно занималась тем, что долгое время считалось неактуальным, но без чего невозможно представить себе подлинную историческую науку. Курс Елены Ивановны включал в себя пять наук – палеографию, хронологию, метрологию, сфрагистику и геральдику, и в каждой из них Елена Ивановна была первоклассным специалистом. Так сложился этот «классический набор» вспомогательных (а на самом деле фундаментальных) исторических дисциплин, к которому потом прирастали и прирастают другие – разрабатываемые учениками и преемниками Елены Ивановны. Все поколения студентов Института 1950-х – 1990-х гг. слушали лекции Е.И. Каменцевой и все помнят их.

На кафедре Елена Ивановна прошла все ступени служебной лестницы. В 1976–1986 гг. она была ее заведующей. Докторская диссертация Е.И. Каменцевой была посвящена исторической метрологии и называлась «Русская историческая метрология конца XVII – первой половины XIX в. (Исследование по истории мер)» (1967, диссертация защищена в диссертационном совете Ленинградского отделения Института истории СССР, официальными оппонентами выступили д.и.н., проф. С.Н. Валк, д.и.н. А.Г. Маньков и д.и.н., проф. Л.В. Черепнин). В центре внимания автора находились системы мер и весов и организация поверочного дела в России в начальный период истории Российской империи. Елена Ивановна изучила деятельность различных мет-

рологических комиссий, рассмотрела проблемы введения метрической системы в России, детально проанализировала законодательные акты по метрологическим вопросам. Ей удалось выявить истоки отечественной метрологической системы, развенчать миф о не существовавшей в действительности реформе Петра Великого в области мер и весов, «вернуть из небытия» имена Р. Гайнама и Ч. Гаскойна, как разработчиков русской метрологии. Огромную роль в развитии исторической метрологии как науки и в преподавании ее в высшей школе сыграли превосходный учебник Елены Ивановны и Николая Владимировича Устюгова «Русская метрология» (М., 1965, второе издание – М., 1975) и ее собственное учебное пособие «Историческая метрология» (М., 1978).

Столь же значительным событием в научной жизни явилось и издание учебника Е.И. Каменцевой по другой важной исторической дисциплине – «Хронология» (М., 1967). В этом сжатом, емком, но чрезвычайно информативном учебнике-справочнике приведены сведения не только об истории систем времячисления в России, но и о календарях разных стран и культурных традиций, содержится множество ценных таблиц для практической работы – определения, проверки и перевода дат этих календарей, обобщен громадный, накопленный к тому времени потенциал в этой важнейшей научной области. Кроме того, Елена Ивановна активно занималась изучением календарной реформы, проведенной в Советской России в 1918 г., а также обратилась к анализу большой неопубликованной работы историка А.И. Юшкова (1866–1932), написанной в защиту «старого стиля» [7, 8]. Учебные пособия Е.И. Каменцевой по исторической метрологии и хронологии не потеряли своего значения до сих пор. Об этом, в частности, свидетельствует факт переиздания «Хронологии» в 2003 году (в новом, откорректированном варианте).

Огромный вклад внесла Е.И. Каменцева и в геральдику. Вслед за А.Б. Лакиером и другими учеными прошлого, она рассматривала русскую геральдику в единстве с другой исторической наукой – сфрагистикой (во многом такая «связка» позволяла вывести геральдику из-под «удара», ибо занятия «контрреволюционной» наукой тогда не приветствовались). В области сфрагистики внимание Елены Ивановны привлекли малоизученные типы печатей XVIII века из собрания отдела нумизматики Государственного Исторического музея [9]. В области геральдики ряд работ был посвящен ею истории сложения советских гербов и советской эмблематики, позднее также русской дворянской геральдике (обобщающая фундаментальная статья), истории москов-

ского герба и геральдической историографии [10, 11, 12, 13 и др.]. Совместно с Н.В. Устюговым она написала единственный в советской исторической литературе учебник по сфрагистике и геральдике – «Русская сфрагистика и геральдика», опубликованный двумя изданиями: в 1963 и 1974 годах. Нужно отметить, что в те годы, когда геральдика считалась чуть ли не «мертвой» наукой, кафедра вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ оставалась единственной структурой, где со дня основания преподавание этой науки никогда не прекращалось. Как крупнейший специалист по геральдике, Елена Ивановна входила в состав всех геральдических комиссий в нашей стране, начиная с конца 1980-х годов, в том числе Московской герольдии при мэре города и Геральдического совета при Президенте Российской Федерации (в 1999–2004 гг.). Отдельный учебник она посвятила истории вспомогательных исторических дисциплин (М., 1979), что также было научной новацией. В ее научном арсенале более десятка учебных программ для вузов по этим дисциплинам в целом (МГИАИ был головным вузом страны в этой области), а в качестве самостоятельных предметов она читала не только «Геральдику», но и отдельный курс «Нумизматики».

Три учебника, написанных Еленой Ивановной (два из которых совместно с Н.В. Устюговым), стали классическими для этих наук, без них невозможно сегодня представить себе работу историка, и они поистине являются азбукой нашей профессии. В области вспомогательных исторических дисциплин для подавляющего большинства специалистов Елена Ивановна выполнила роль, которая в начальной школе отводится первому учителю, а ее учебники в данном сравнении аналогичны школьному букварю. Написанные просто и понятно (Елена Ивановна всегда не без гордости отмечала, что их почти не правили редакторы издательства «Высшая школа») и в то же время на высоком научном уровне, обобщая громадный фактический материал в стройную систему научного знания, они привили интерес к истории через изучение столь интересных сюжетов и явлений очень и очень многим, и до сих пор не потеряли своего значения и актуальности.

Всегда отмечая, что специалистов по вспомогательным историческим дисциплинам мало, это «штучное производство», Елена Ивановна всегда стремилась, чтобы их становилось как можно больше. Она с готовностью поддерживала любые устремления в этом плане, руководила дипломными работами и диссертациями практически по всем возможным «вспомогательным», отдавала все свои силы и знания подготовке высококвалифицированных специалистов. К научной школе Е.И. Каменцевой принадлежали и принадлежат такие извест-

ные ученые, как И.В. Борисов в области геральдики, С.В. Зверев, Л.А. Заворотная – нумизматики, Т.В. Дианова, Э.В. Шульгина – палеографии, специалист в области декоративно-прикладного искусства Е.Я. Зотова; ученики Елены Ивановны, как например А.М. Пашков, ныне сами возглавляют кафедры региональных вузов. В той или иной степени учениками Елены Ивановны считают себя и многие другие выпускники и даже не выпускники Историко-архивного, не говоря уже о его преподавателях. В 1992 г. она организовала при кафедре научный семинар по геральдике, который объединил большинство московских специалистов в этой области и создал необходимое научное пространство для развития геральдических исследований. Дело, основанное Еленой Ивановной, успешно продолжается. Следует подчеркнуть, что Е.И. Каменцева считала необходимым объединение не только геральдистов, но и специалистов в области других исторических наук – фалеристики, нумизматики, генеалогии, вексиллологии и т.д. вокруг семинара и кафедры, как ведущих центров изучения и преподавания вспомогательных исторических дисциплин. Сами вспомогательные исторические дисциплины она мыслила всегда в едином пространстве взаимосвязей и очень широко, считая их объекты исследования важнейшими явлениями мировой культуры.

До последних дней Елена Ивановна сохраняла живой интерес к жизни и продолжала работать. Ее последняя статья, написанная летом 2004 г., увидела свет за полторы недели до ее смерти (Елена Ивановна скончалась 6 декабря 2004 г.). Она посвящена начальным годам истории кафедры – это ее воспоминания о рубеже 1930-х – 1940-х гг. [14]. Первая была опубликована в Трудах МГИАИ в далеком 1946 году [15].

### **Литература, источники, примечания**

1. Елена Ивановна Каменцева: Биобиблиографический указатель / Сост.: Е.В. Пчелов, Л.Н. Простоволосова. Серия «Ученые РГГУ». М.: РГГУ, 2006. 58 с.
2. *Гитович И.Е.* Мясницкий Иван Ильич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 194–196.
3. *Пчелов Е.В.* Е.И. Каменцева: начало научного пути // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII Международной научной конференции. М., 2010. С. 324–327.
4. *Каменцева Е.И.* Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории: Ученые и их труды: межвузовский сборник научных трудов / МГИАИ. М., 1988. С. 77–97.

5. *Каменцева Е.И.* Видимое благополучие и скрытый трагизм жизни В.К. Лукомского в годы советской власти // Гербовед. М., 1997. № 7 (19). С. 92–103.
6. *Каменцева Е.И., Наумов О.Н.* В.К. Лукомский. Жизнь и деятельность: Биобиблиографический указатель. М.: РГГУ, 1994. 72 с.
7. *Каменцева Е.И.* Декрет о введении в Советской России нового календаря // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Вып. 2. С. 159–165.
8. *Каменцева Е.И.* О неопубликованной книге А.И. Юшкова «В защиту юлианского календаря» // Отечественные архивы. М., 1996. № 5. С. 46–53.
9. *Каменцева Е.И.* Русские печати XV–XVIII вв. как исторический источник // Гербовед. М., 2004. № 4 (70). С. 9–23.
10. *Каменцева Е.И.* Печати и гербы в СССР: (лекция по сфрагистике для студентов МГИАИ). М.: МГИАИ, 1960. 26 с.
11. *Каменцева Е.И.* Основные проблемы советской эмблематики // Советские архивы. М., 1970. № 1. С. 35–40.
12. *Каменцева Е.И.* Российская дворянская геральдика: История, практика, методика, теория // Историческая генеалогия. Екатеринбург, 1995. № 5. С. 16–30.
13. *Каменцева Е.И.* История и символика герба Москвы // «Пагоня» в сэрцы – тваім і моім («Погоня» в сердце твоём и моём): зборнік. Мінск, 1995. С. 65–82.
14. *Каменцева Е.И.* Первые годы работы кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института // Гербовед. М., 2004. № 9 (75). С. 8–11.
15. *Каменцева Е.И.* Записные книги крепостям дьяка Дмитрия Алябьева // Труды МГИАИ. Т. 2 / Кафедра вспомогательных исторических дисциплин; Под ред. А.И. Андреева. М.: МГИАИ, 1946. С. 77–98.

## Зинаида Кузьминична Соколовская и история астрономии

*А.В. Кузьмин*

В 1950 году Зинаида Кузьминична окончила оптико-механический факультет Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. Прежде чем стать в 1953 году, аспирантом ИИЕТ АН СССР, Зинаида Кузьминична работала на московском заводе «Аэрогеоприбор», в должностях инженера, старшего инженера, старшего контрольного мастера. А впереди ждала история, – история той научно-технической области, которую Зинаида Кузьминична так успешно начала познавать на практике.



З.К. Соколовская

Так начали воплощаться главные научные интересы Зинаиды Кузьминичны – история практической астрономии, геодезии, приборостроения, метрологии.

В 1957 году, под руководством доктора технических наук Ф.Ф. Павлова, Зинаида Кузьминична защитила кандидатскую диссертацию: «Геодезия в России XIX – начала XX веков», главными героями которой стали служащие различных чинов и рангов механической мастерской при Главной астрономической обсерватории в Пулковке, Астрономической обсерватории Военно-топографического депо и Механической мастерской Главного Штаба Его Императорского Величества [1].

На основе находок, сделанных в архиве АН СССР, Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота, Центральном государственном военно-историческом архиве, Зинаидой Кузьминичной была реконструирована история деятельности Пулковской механической мастерской, – раскрыты малоизвестные страницы истории отечественного приборостроения. Благодаря этой работе у читателей появилась возможность узнать не только о приборостроении XIX века, но и выдающиеся имена – Уно Порты, Георга Константиновича Брауэра, Василия Федоровича Гербста, Генриха Андреевича Фрейберга-Кондратьева, не только обеспечивших самыми передовыми приборами Пулковскую и другие обсерватории, но способствовавших развитию приборостроения в сопредельных областях наук.

В это время рождается идея и собираются основные материалы книги о русском астрономе и геодезисте, германце по происхождению, но с 15 лет жившем в России, члене-корреспонденте (1822), ординарном академике (1832) Петербургской АН, Василии Яковлевиче Струве (1793–1864), изданной в 1964 году, в тогда еще совсем юной научно-биографической серии [2].

Следующие разделы исследования Зинаиды Кузьминичны посвящены большой роли российских военных геодезистов, – работе астро-



номической обсерватории Военно-топографического депо Главного штаба, самое плодотворное время действия которой пришлось на середину XIX века, и истории астрономо-геодезического приборостроения в Российской империи, непосредственно связанной с деятельностью механической мастерской при Военно-топографическом отделе Главного штаба.

Скрупулезное изучение «Записок Военно-топографического депо» (1837), составленных его директором, Ф.Ф. Шубертом (1789–1865), и материалов Главного штаба в Центральном государственном военно-историческом архиве открывало не только некогда почти забытые имена, но и плоды их творчества – создаваемые ими геодезические приборы и составленные с их помощью военные топографические карты.

Благодаря этим исследованиям мы знаем о жизни замечательных ученых XIX века: военных геодезистов Федора Федоровича Шуберта (1789–1865), К.И. Теннера, А.Н. Корфа, Э.А. Коверского, Д.Д. Геденова, А. Ващинина, поручика Лемма, Войнова, управляющего Квартирмейстерской частью П.М. Волконского, генерал-квартирмейстера П.К. Сухтелена, генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-адъютанта Нейгардта, академика Вишневого, начальника Военно-топографического депо И.Ф. Бларамберга, капитана Корпуса военных топографов Андреева, механиков Левина, О.Ф. Родлинова, Н.М. Храмцова, И. Юганова, В.А. Гауфмана и многих других, и, наконец, профессора астрономии и математики из Касселя, Корнелия Христиановича Рейссига (1781–1860). К.Х. Рейссигу, ставшему самым любимым героем, Зинаидой Кузьминичной в дальнейшем была посвящена отдельная публикация, в которой впервые была подробно освещена жизнь и творческая биография ученого, так много сделавшего для развития российской науки и образования [3].

В 1810 году К.Х. Рейссига пригласили на службу в Россию, поручив создать проект оптико-механической мастерской. Выполнение первого поручения оказалось успешным, и уже в начале 1811 года проект был утвержден. «Учинив присягу на вечное подданство России», К.Х. Рейссиг служил более 46 лет. В 1812 году (в период Отечественной войны) К.Х. Рейссиг был произведен в надворные советники, в 1823 году в статские, и в 1831 году – в действительные статские советники.

Кроме непосредственного участия в выполнении важных государственных заданий, связанных, в первую очередь, с уточнением координат и созданием геодезических карт, К.Х. Рейссиг успешно занимался усовершенствованием геодезических приборов, созданием ма-



тематических таблиц, изобретением сложных чертежных приспособлений и изданием книг с описанием этих изобретений, с подробными теоретическими пояснениями и руководствами по их использованию. Таким образом, увидели свет «Описание зеркальной линейки» (1812); «Новая мензула...» (1816); «Таблицы хорд...» (1817); «Алидада с зрительной трубой нового устройства, усовершенствованная и описанная Корнелием Рейссигом» (1823); «Зеркальный секстант и циркуль, определяющий углы посредством отражения, устроенные для облегчения действий при военных съемках коллежским советником и кавалером К. Рейссигом» (1820); «Отражающая буссоль и отражающий высотомер. Описанные Корнелием Рейссигом» (1823), и другие издания, публиковавшиеся и на русском, и на немецком языках.

В списке работ Рейссига есть и несколько забытый в наши дни атлас неба: «Созвездия, представленные на XXX таблицах, с описанием оных и руководством к удобному их отысканию на небе, составленным для учебных заведений и любителей астрогнозии, изданные К. Рейссигом...» (1829). Для краткости отметим только, что именно этот атлас утвердил современные русские наименования созвездий, которые мы используем сегодня, даже не задумываясь об их происхождении. Так что авторство канонического русского перевода имен созвездий, причем как исторических, исключенных в процессе реформы 1922–1928 годов, так и настоящих, мы вынуждены признать за нашим героем.

И еще: «Об изучении искусства рисования...» (1840). В 1839 году ко многим общественным обязанностям К. Рейссига добавилось попечительство созданной при Министерстве финансов особой рисовальной школы для вольноприходящих. Для учителей и учеников этой школы Рейссиг составил и опубликовал руководство с альбомом чертежей. Согласно положению о школе, написанному рукой Рейссига: «... молодые люди всякого звания должны приобретать в ней наивысшее по возможности образование вкуса и техническую способность выражать оный рисованием».

Педагогический талант Зинаиды Кузьминичны вместе с любовью к своим героям и путешествиям нашли воплощение в чтении лекций в Московском планетарии (по линии Всесоюзного общества «Знание»), а также во многих зарубежных странах (по линии Союза Советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами). Так состоялись первые творческие командировки – в Финляндию, Швецию, Норвегию, Данию, Австралию, Новую Зеландию, Перу, Колумбию, Португалию, Египет.

К этому времени относятся две пометки в форме восклицательных знаков, сделанные Зинаидой Кузьминичной в списке вышедшей в 1955 году, историко-астрономической литературы. Ими она выделила две публикации: Cousins Frank W. The Planetarium, its history, design and use // *Newnes Pract. Mech.* 1955. 22. № 3. P. 235–242 (Планетарий, его история, устройство и использование); и Michel Henri. Les ancktres du planetarium // *Ciel et Terre.* 1955. 71. № 3–4. P. 78–88 (Предки планетария).

Особый организаторский талант Зинаиды Кузьминичны проявился в работе в Международном комитете Николая Коперника (в связи с 500-летним юбилеем великого польского ученого). В Организационном комитете по подготовке и проведению 500-летнего юбилея Николая Коперника при Советском национальном объединении истории и философии естествознания и техники и Юбилейной комиссии Президиума АН СССР Зинаида Кузьминична была ученым секретарем. В 1974 году правительство Польской Народной Республики наградило Зинаиду Кузьминичну юбилейной медалью Н. Коперника и орденом Заслуги [4].

Параллельно с юбилеем Н. Коперника отмечалось более «скромное» 400-летие со дня рождения Иоганна Кеплера, в работе Комитета по подготовке Международного симпозиума, посвященного этому событию, Зинаида Кузьминична также участвовала.

В конце 1990-х гг. Зинаида Кузьминична вновь пишет об астрономических инструментах. На этот раз – об инструментах XV века – обсерватории Улугбека в Самарканде, в книге, созданной в соавторстве с Галиной Павловной Матвиевской, опубликованной также в научно-биографической серии [5].

Зинаида Кузьминична очень любила астрономию, ее героев и созданные когда-то ими астрономические приборы, и еще, еще больше – своих коллег – таких же самозабвенных соавторов-исследователей их творчества. Так часто вспоминала она о Юрии Александровиче Белом, о его книгах, и Тихо Браге [6]: *тоже был приборостроитель!*

## Литература, источники, примечания

1. *Новокишанова З.К.* Пулковские механики – создатели астрономических и геодезических инструментов // Историко-астрономические исследования. Вып. III. М.: Гос. изд. технико-теоретической лит., 1957. С. 485–516; *Новокишанова З.К.* Астрономическая обсерватория Военно-топографического депо Главного Штаба // Историко-астрономические исследования. Вып. IV. М.: Гос. изд-во. физ.-мат. лит., 1958. С. 491–497; *Новокишанова З.К.* Механическая мастерская Главного Штаба // Историко-астрономические исследования. Вып. VIII. М.: Гос-во. изд. физ.-мат. лит., 1962. С. 331–360.

2. *Новокишанова (Соколовская) З.К.* Василий Яковлевич Струве. М.: Наука, 1964. 295 с.
3. *Новокишанова (Соколовская) З.К.* Профессор астрономии и математики Корнелий Христианович Рейссиг // Историко-астрономические исследования. Вып. X. М.: Наука, 1969. С. 159–183.
4. У Зинаиды Кузьминичны много наград. Здесь мы упомянули лишь те, которые, на наш взгляд, оказались «ближе» к истории науки о небе.
5. *Матвиевская Г.П., Соколовская З.К.* Улугбек. 1394–1449. М.: Наука, 1997. 156 с.
6. *Белый Ю.А.* Тихо Браге. 1546–1601. М.: Наука, 1982.

## Вспоминая З.К. Соколовскую

*Г.П. Матвиевская*

Очень трудно говорить о Зинаиде Кузьминичне Соколовской в прошедшем времени. Да это и невозможно для всех тех, кто обращается или обратится в будущем к книгам академической серии «Научно-биографическая литература», потому что в каждой из них продолжает жить частичка ее души.

Эта замечательная серия, которая уже стала неотъемлемой частью фундамента современной истории науки, навсегда останется памятником ее таланту, трудолюбию и беспримерной преданности избранному делу. Составленные Зинаидой Кузьминичной справочники-путеводители по серии, особенно «550 книг об ученых, инженерах и изобретателях», превращают книги в единый коллективный труд по истории науки.

Ученым секретарем редколлегии серии АН СССР – РАН «Научно-биографическая литература» Зинаида Кузьминична Соколовская (тогда – Новокишанова) стала в 1961 г., когда была также ученым секретарем Института истории естествознания и техники АН СССР (ИИЕТ). К этому времени она имела уже солидный стаж профессионального историка науки.

Окончив в 1950 г. оптико-механический факультет Института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, Зинаида Кузьминична поступила в аспирантуру ИИЕТ. Ее заинтересовала история развития астрономо-геодезических и топографических инструментов в России.

Разработка этой проблемы потребовала основательного изучения архивных документов, что дало материал для первых научных публикаций Зинаиды Кузьминичны. В 1957 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Геодезия в России XIX – начала XX вв.», а затем

опубликовала несколько книг об отечественных ученых-геодезистах. Первая из них, посвященная одному из основоположников геодезической науки в России К.И. Теннеру (1783–1859), вышла уже в том же 1957 году, а в 1958–1964 гг. появились научные биографии Ф.Ф. Шуберта (1789–1865), И.И. Стебницкого (1832–1897), А.А. Тилло (1839–1899), В.Я. Струве (1793–1864).

Итоги этих историко-научных исследований Зинаида Кузьминична подвела в монографии «Картографические и геодезические работы в России в XIX – начале XX в.», которая была опубликована в 1967 г.

Мы познакомились с Зинаидой Кузьминичной очень давно, когда она, защитив кандидатскую диссертацию, стала научным сотрудником института (ИИЕТ), а я была аспиранткой его Ленинградского отделения (ЛО ИИЕТ). Нам приходилось общаться на ежегодных институтских научных конференциях, которые обычно проходили в Москве. Эти встречи продолжались и позднее, после моего переезда в 1959 г. в Ташкент – во время моих частых командировок в Москву и Ленинград.

Сблизились мы благодаря нашему общему старшему другу Марии Григорьевне Новлянкой (1892–1985), старшему научному сотруднику ЛО ИИЕТ, обаятельному и удивительно интересному человеку. Она занималась историей географической науки и написала для научно-биографической серии книги о И.К. Кирилове (1695–1737), Д.Г. Мессершмидте (1685–1735) и Ф.И. Страленберге (1676–1747). Зинаида Кузьминична всячески поддерживала ее и в этой работе, и позднее, когда, выйдя на пенсию, Мария Григорьевна переселилась в пансионат для академических работников.

Встречались мы с Зинаидой Кузьминичной и на конференциях по истории науки, проходивших в разных городах Советского Союза – в Москве, Ташкенте, Бухаре, Каменец-Подольском. Запомнились, например, торжества в Москве в 1973 г. по случаю 500-летия со дня рождения Николая Коперника, в организации которых она принимала самое активное участие.

Как с секретарем редколлегии серии «Научно-биографическая литература» я впервые столкнулась с Зинаидой Кузьминичной в 1970 г., когда начала готовить книгу о Рене Декарте, вышедшую в 1976 г. Очень благодарна ей за поддержку и добрые советы, которые получила, работая как над этой книгой, так и над следующими – о П. Рамусе, А. Дюрере и др. На своем опыте я убедилась, что для авторов книг из этой серии она была вдохновителем, советчиком и благожелательным критиком, строго требовавшим соблюдения всех правил, которые установлены редколлекцией.

Наше научное сотрудничество с Зинаидой Кузьминичной было связано с общим интересом к проблемам истории науки на средневековом Ближнем и Среднем Востоке. Она проанализировала труды крупнейших астрономов этого периода – Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми (ок. 783 – ок. 850), Абу Райхана ал-Бируни (973–1037), Абу Али ибн Сины (980–1037), Улугбека (1394–1449) и получила новые результаты, чрезвычайно важные для истории астрономо-геодезического приборостроения. Было подтверждено, что ученые средневекового Востока значительно усовершенствовали античные астрономические инструменты и разработали новые оригинальные конструкции, которые обеспечивали большую точность наблюдений.

Особый интерес представляет предложенная Зинаидой Кузьминичной классификация точных дотелескопических инструментов по конструктивному признаку. Она выделила пять основных групп:

1) Солнечные инструменты, которые, в свою очередь, подразделяются на две подгруппы:

а) теневые, или гномонные, основанные на измерении в определенный момент величины и направления изменяющейся со временем тени;

б) лучевые, основанные на измерении на шкале в определенный момент положения изменяющегося с течением времени солнечного блика, образуемого лучами, проходящими через специальное отверстие в затемненное помещение (принцип камеры-обскуры).

2) Диоптрийные инструменты:

а) круговые, у которых указатель алидады с диоптрами перемещается по круговой шкале;

б) линейные, в которых линейка с диоптрами или ее указатель перемещается по линейной шкале.

3) Диоптрийно-моделирующие инструменты, которые не только имеют алидады с диоптрами для визирования небесных тел, но и модулируют расположение кругов небесной сферы (астролябии).

4) Механические инструменты, к которым относятся:

а) модулирующие демонстрационные приборы (теллурий и планетарий);

б) механические часы.

5) Приборы для отсчета времени, основанные на измерении изменяющихся объемов наполняющего вещества (песочные и водяные часы).

Впервые Зинаида Кузьминична обратилась к восточной тематике в связи с изучением творчества великого среднеазиатского ученого-энциклопедиста Абу Райхана ал-Бируни, тысячелетний юбилей которого отмечался в 1973 г. Выяснилось, что он уделял много внимания теории астрономических инструментов, практике их изготовления и методике работы с ними. Исчерпывающее исследование этой стороны деятельности ученого было дано в принадлежащей Зинаиде Кузьминичне главе книги «Абу-р-Райхан ал-Бируни», которая была написана в соавторстве с Б.А. Розенфельдом и М.М. Рожанской. Тому же вопросу был посвящен ее доклад на XIV Международном конгрессе по истории науки в 1974 г. в Токио («Классификация дотелескопических астрономических инструментов на примере инструментов ал-Бируни»).

Большой интерес у Зинаиды Кузьминичны вызвало творчество другого великого ученого-энциклопедиста – Абу Али ибн Сины (Авиценны). Она показала, что этот выдающийся астроном, который, стремясь повысить точность наблюдений, сам конструировал инструменты, по праву занимает почетное место в истории точного инструментоведения. К этому выводу ее привело внимательное изучение трактата Ибн Сины об изобретенном им наблюдательном инструменте. По ее мнению, сконструированное Ибн Синой приспособление широко используется в наши дни в геодезических и астрономических инструментах, а также в измерительной технике под названием нониуса, или верньера.

С докладом на тему «Научные инструменты Ибн Сины» Зинаида Кузьминична выступила на проходившей 24–26 сентября 1980 г. научной конференции, посвященной 1000-летию со дня рождения ученого, а затем посвятила этому вопросу отдельную статью.

В 1983 г., когда по решению ЮНЕСКО историки науки широко отметили 1200-летний юбилей выдающегося багдадского математика и астронома, уроженца Средней Азии Мухаммада ибн Мусы ал-Хорезми, Зинаида Кузьминична откликнулась на это событие основательной статьей «Роль ал-Хорезми в развитии точного инструментоведения на Ближнем и Среднем Востоке». В ней дан полный обзор развития астрономических инструментов дотелескопического периода – самого длительного в истории астрономии. Автор подразделила его на три периода: древний (Вавилон, Египет, Древняя Греция и Рим), восточное средневековье (страны ислама, арабоязычный Ближний и Средний Восток), европейское средневековье (Испания, Франция, Италия, Англия, Германия).

Эту серию работ Зинаиды Кузьминичны завершает исследование о знаменитой обсерватории XV в., построенной Улугбеком – правите-

лем Самарканда и главой прославленной астрономической и математической научной школы. Результаты этого исследования были опубликованы в нашей совместной с ней книге об Улугбеке, вышедшей в 1997 г. в серии «Научно-биографическая литература».

В первой из двух глав, посвященных Самаркандской обсерватории и инструментам, которыми она была оснащена, Зинаида Кузьминична привела обзор сведений об известных астрономических обсерваториях до XV в. Она внимательно изучила всю имеющуюся литературу о строительстве Самаркандской обсерватории, ее деятельности вплоть до трагической гибели Улугбека в 1449 г. и о последовавшем затем разрушении здания. Много внимания она уделила истории открытия и изучения остатков обсерватории, раскопки которых были начаты в 1907 г., и многочисленным попыткам воссоздания внешнего облика этого замечательного сооружения.

В следующей главе после описания астрономических инструментов, применявшихся до Улугбека, речь идет об инструментальном оснащении Самаркандской обсерватории. Особое внимание уделено главному инструменту – крупнейшему инструменту дотелескопической эпохи, который позволил достигнуть самой высокой в то время точности астрономических наблюдений. Рассматривая вопрос, вызвавший оживленные споры специалистов: был этот инструмент квадрантом или секстантом – автор считает, что споры эти завершились «в пользу квадранта».

Круг научных интересов Зинаиды Кузьминичны был очень широк, и она добилась многих успехов в своих исследованиях. Но меня всегда восхищало, что при крайней занятости работой, семейными делами, она была открыта окружающим ее людям, любила их и проявляла готовность прийти каждому на помощь. Поэтому, вспоминая сегодня Зинаиду Кузьминичну Соколовскую как ученого, организатора историко-научных исследований и доброго, внимательного человека, знавшие ее благодарят судьбу, подарившую встречу с ней на жизненном пути.

## Из воспоминаний А.И. Еремеевой

*А.И. Еремеева*

Думаю, не ошибусь, предположив, что в настоящее время я самый старший (хотя и бывший) представитель ИИЕТ (мой год рождения 1929) и на этой годичной конференции, и на нашем сегодняшнем



заседании, посвященном памяти Зинаиды Кузьминичны Соколовской<sup>1</sup> (по привычке хотелось назвать ее более полную фамилию прежних лет: сначала Новокшанова, затем Новокшанова-Соколовская).

Попав весьма неожиданно для себя в Институт истории естествознания и техники АН СССР в 1954 г. после окончания мехмата МГУ по направлению (в связи с заявкой тогда временно заведовавшей Сектором истории физико-математических наук Ольги Александровны Лежневой, сообщавшей, что в Секторе нет астронома), я тут же оказалась в удивительном коллективе ярчайших личностей и уникальных специалистов в истории науки. Не собираясь прежде быть историком естествознания, начала «вариться» в новом соку, набираясь опыта, но первые года три-четыре должна была, в связи с нуждами Сектора, погрузиться в корректорско-редакторскую работу: портфель «Трудов» Сектора ломился от потока статей его маститых сотрудников – профессоров, докторов, кандидатов, среди которых я, помнится, была едва ли не единственным м.н.с., во всяком случае, тем, на кого было естественно сбросить всю черновую работу по подготовке их к печати. Однако и эта работа принесла свои плоды, и уже чуть ли не на следующий год, отредактировав, по просьбе С.Р. Микулинского (и даже в чем-то дополнив), какую-то объемистую рукопись Асмуса по Канту, я получила неожиданно полушутливый отзыв С.Р.: «Вас следовало бы сделать ее соавтором. Да у Асмуса семеро детей и ему самому нужны деньги...» (тогда научные работы писались за гонорар, от чего многие из нас уже давно отвыкли...).

Первым крутым поворотом во всей нашей жизни стало, конечно, письмо Н.С. Хрущева XX съезду партии, которое нам в течение двух часов зачитывал наш профессор философ Э.Я. Кольман. Казалось, с глаз сбрасывалась темная повязка, и мы рождались заново. Уже вскоре в Институте появились первые реабилитированные, возвращались к научной работе люди после десятков лет ГУЛАГа (в ускорении реабилитации им немало помог руководитель Сектора Ашот Тигранович Григорян). К тому времени вышла моя первая научно-популярная книжка «Выдающиеся физики мира» (1958) – биографические очерки к Биобиблиографическому указателю, изданному Библиотекой им. Ленина, написанная под руководством двух моих первых учителей

---

1) Выступление А.И. Еремеевой происходило во время проведения Круглого стола «Гендерные проблемы в истории науки и науковедении» в рамках Годичной научной конференции ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН 30 марта 2016 г., посвященного памяти д.и.н. З.К. Соколовской. – *прим. ред.*

и наставников в истории науки: проф. Б.Г. Кузнецова и уникального У.Й. Франкфурта, не только незаурядного историка физики, но и знатока литературы, разбиравшегося в запасах и дебрях Центрального справочного отдела Ленинки лучше ее сотрудников и едва ли не дневавшего и ночевавшего там. Двумя другими моими руководителями и наставниками стали реабилитированные ленинградцы «набора» 1937-го известная и в среде физиков философ Татьяна Николаевна Горнштейн и физик Лев Соломонович Полак. Первая как-то сказала мне: «Хватит быть мальчиком для растирания красок! Надо брать свою тему». В 1966 г. под редакцией профессора Полака вышла моя первая научная монография «Вселенная Гершеля. Космологические и космогонические идеи и открытия», опубликованная одновременно с научно-популярной книгой «Выдающиеся астрономы мира».

Но и за пределами Сектора кипела жизнь, завязывались знакомства, сближала развернувшаяся художественная самодеятельность и, конечно, коллективные выезды «на картошку». Именно тогда, на рубеже 50–60-х гг. начались наши дружеские отношения и с Зиной Новокшановой, человеком легким, веселым, доброжелательным. Нередко летними днями мы веселой гурьбой выезжали «на природу». Даже обязательное участие в картофельно-уборочной страде мы встречали не только легко, но и с энтузиазмом. Особенно сблизила нас одна памятная «командировка» в Зарайский район под Москвой. Услышав от меня о моем туда направлении, моя мама, человек энергичный и без всяких «городских» предрассудков, сама вышедшая когда-то (до переезда в Москву и поступления в Институт стали) из русско-украинской глубинки, сказала: «И я с вами!». В ИИЕТ народ был ошеломлен: многие, напротив, не прочь были бы улизнуть от таких «командировок», а тут даже мама м.н.с. вызывается на участие в них! Мы объединились в микробригаду: я, мама и Зиночка Новокшанова. Уборка заняла не помню уж сколько дней, но оставила самые яркие впечатления: в солнечные дни ранней осени, на поле, взрыхленном картофелекопателем, мы бодро собирали в корзины и мешки отличный урожай, и Зинаида Кузьминична, ухватив одну картофелину, формой похожую на... пистолет, прицелилась в кого-то из тех, кто больше посиживал, а не работал... Так она и попала ко мне на фотографию (я эту фотографию много лет спустя, видимо, передала ей, так как у себя не нашла). Нас не смущали даже ночевки в каком-то парнике-цветнике, когда на нас сквозь крышу покапывало дождичком... Вернулись мы напитанные подмосковным кислородом и даже с неплохим «заработком» натурой.

Меня с Зинаидой Кузьминичной сближали и общие научные интересы: я занялась уже собственной темой по истории астрономии, она – историей астрономо-геодезических работ основателя и первого директора Пулковской обсерватории В.Я. Струве (результатом стала ее замечательная книга о нем, изданная под редакцией академика А.А. Михайлова в 1964 г.). Обе мы сотрудничали и в Комиссии по истории астрономии (КИА) в Астросовете АН СССР (ныне ИНАСАН, Институт астрономии РАН), которой руководил в 60-е гг. ее организатор доцент ГАИШ МГУ П.Г. Куликовский, звездник по специальности, но и один из первых историков астрономии в ГАИШ.

Насколько я знаю, Зиночка рано потеряла мужа и была некоторое время одна. Но затем произошел замечательный и вполне заслуженный ею поворот в ее жизни: она стала Новокшановой-Соколовской (помню, как нелегко было ей добиться в то забюрократизированное время разрешения на двойную фамилию). Ее муж, человек много старше ее, души в ней не чаял. Она отвечала тем же. Более того, Зинаида Кузьминична по-настоящему стала матерью для его двоих детей. Все мы в институте искренне радовались их счастью.

Книгу «Василий Яковлевич Струве», вышедшую уже под фамилией Новокшанова (Соколовская), я получила в дар от автора 27.10.1966 г. в день защиты моей кандидатской диссертации по книге о В. Гершеле с трогательной надписью и пожеланиями «скорейшей докторской и всех благ». – Но всех нас ожидал новый крутой поворот и в жизни страны, и в жизни института и его обитателей.

Именно в это время по всем секторам ИИЕТ заканчивалась подготовка к изданию тематических сборников о развитии науки в СССР к 50-летию Октябрьской революции. Назначенная ответственным секретарем редколлегии тома «Развитие астрономии в СССР. 1917–1967», я с вдохновением принялась за дело и в переписке с будущими авторами статей ориентировала их на объективное представление истории советской астрономии, в которой (как и в других областях) были и большие успехи, и тяжелые потери в годы неоправданных репрессий, впервые раскрытых и осужденных на XX съезде КПСС. Но начавшийся к тому времени «откат» от «осуждения культа личности» (о чем остроумно выразился тогда наш блестящий математик, механик и спортсмен профессор И.Б. Погребысский – «сбой на 23-м километре», имея в виду XXIII съезд партии) категорически поменял отношение к намеченным трудам и со стороны дирекции ИИЕТ. Пара фраз о трагических судьбах расстрелянных директора Пулковской обсерва-

тории Б.П. Герасимовича (1889–1937) и основателя и директора Ленинградского Астрономического института Б.В. Нумерова (1891–1941) (о других жертвах репрессий я тогда еще не знала), даже несмотря на указание на то, что именно после XX съезда имена этих выдающихся ученых были возвращены в отечественную историю, вызвала категорический запрет подобных упоминаний. На мои попытки убедить «начальство» в недопустимости такого «выглаживания» истории (я даже ссылалась на Ленина...), из текста все было просто вычеркнуто уже на стадии верстки. Пришлось пойти на партизанские методы – негласно восстановить испорченные страницы, что снова было вычеркнуто бдительным С.Р. Микулинским (без всякого согласования с реальным главным редактором тома Л.С. Полаком). Последовали вызовы в дирекцию, обвинения, что я антисоветский человек (на что я отвечала, что в этом директор опоздал на 30 лет... ). После моей беседы с Л.С. Полаком о сложившейся ситуации, он и я заявили о выходе из редколлегии; удалось также (с помощью П.Г. Куликовского) поднять на ноги и астрономическую общественность – две фразы были спасены, так что меня вовсе не огорчила цена этого – исключение из редколлегии (перед главным редактором, конечно, извинились, как это заранее предсказывал наш историк физики мудрый Вяльцев) и объявленный выговор, «за нарушение указаний администрации». Неожиданной и лучшей «наградой» для меня стала сцена в метро на станции «Площадь революции», когда сразу после выхода тома по истории астрономии в СССР Лев Соломонович Полак и наш великий космолог Абрам Леонидович Зельманов (один из соавторов тома) вдруг подарили мне этот том с дорогой для меня подписью (рис. 1).

Но судьба подбросила мне еще одно испытание «на прочность»: еще раньше, сразу после защиты диссертации я была по воле директора (как человек, по его мнению, активный), несмотря на все мое сопротивление, назначена... председателем жилищной (как метко выразился кто-то на нынешнем заседании) «расстрельной» комиссии. Правда, мне удалось добиться получения квартиры для семьи машинистки нашего сектора. Но впереди ждало новое испытание. Проблема квартиры была порой проблемой жизни и мне была очень близка. (Прошла через это и наша семья, до 1958 г. мы с мужем и родители с маленьким братом и его няней ютились в 14-метровой перегороженной комнате коридорной системы). Узнав, что директор пытается настоять, чтобы одна рядовая сотрудница института (также машинистка) отказалась (хотя она горько плакала) от выделенного на ее семью ордера в пользу

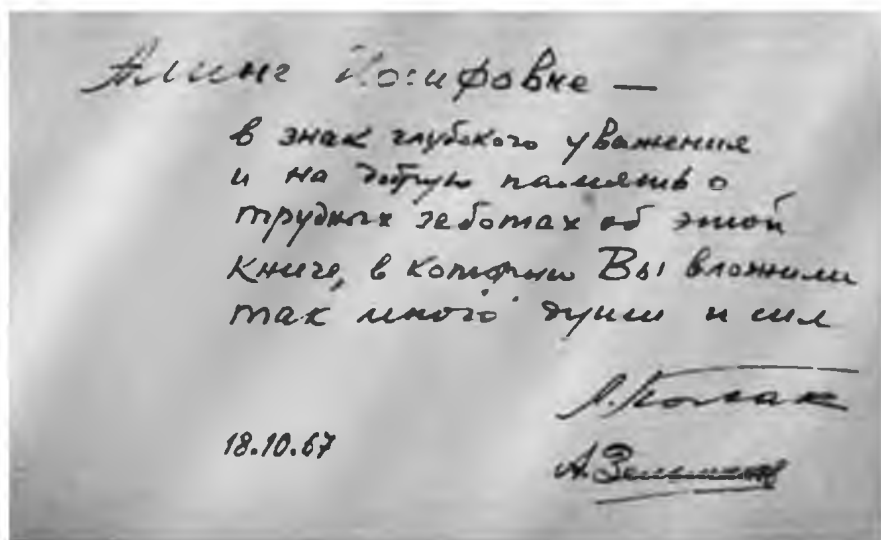


Рис. 1

другого сотрудника (доктора наук, пришедшего недавно в институт в числе реабилитированных), я выступила против на собрании месткома, посвященном этому болезненному вопросу. Бой был, что называется, «на смерть»: начальство припомнило мне все грехи, включая партизанские методы с юбилейным томом, а директор обвинил и в лицемерии: мол, защищала репрессированных ученых, а сама против также реабилитированного сотрудника. Мое предложение начать хлопоты и о нем (и я бралась за это), но не за счет беззащитного человека, которого, получается, используют как «живца» при получении ордеров на квартиры [1], вызвал лишь раздражение. Я же обвинила директора в непорядочности. В ответ на попытку выступить в мою защиту нашего математика и члена месткома Ф.А. Медведева, высказавшего недоумение, почему это Еремеева в хороших отношениях со всеми, кроме... начальства, директор просто покинул заседание. Закончилось 9-часовое бдение месткома вполне ожидаемым голосованием не в мою пользу, и я, выходя с него, успокаивала подходивших смущенных сотрудников, что не имею на них обиды, понимая их положение. Но дальше произошло неожиданное и почти по гоголевскому «Ревизору»: проходя по коридору института мимо меня (я звонила, что еду, наконец, домой), директор, в окружении приближенных, вдруг обратился ко мне, явно с высоты «победителя»: «Ну, давайте попрощаемся» и милостиво протянул мне

руку. Я опешила – после такого сражения! И ответила: «Вы можете меня задавить, но после всего, что произошло, я подать вам руки не могу». Окружающие замерли, и я услышала тихое: «Вас задавишь... ». Но на следующий день последовал вызов в дирекцию и «приговор»: «Вы у нас в институте работать не будете!». Тогда в моем секторе над моим столом и появилась картинка (см. рис. 2). (Но, вполне возможно, начальство о ней так и не узнало или не обратило внимания).



Рис. 2. Из мультфильма «Каникулы Бонифация»

После очередной битвы – теперь за единицу, я с помощью нашего замечательного председателя месткома профессора – историка химии Г.В. Быкова [2] (и даже не в последнюю очередь при участии практично мыслившего С.Р. Микулинского) единицу отбила и перешла на работу в Астросовет АН СССР, где стала подсобным научным секретарем Астросовета (бумажный вал планов и отчетов этого координационного органа требовал дополнительных рук), но кроме того, по существу возглавила (после отошедшего от председательства П.Г. Куликовского) Комиссию по истории астрономии (КИА). Стала проводить ежемесячные семинары КИА, в которых принимала участие и Зинаида Кузьминична.

Но после очередных тренировок с реальным начальством Астросовета – заместителем председателя (с самим председателем солнечником профессором Э.Р. Мустелем, сидя в одном кабинете, мы очень хорошо понимали друг друга: он, бывало, говорил: «Храните олимпийское



спокойствие. Разве мы живем в век атома? Нет – в век [засилья] бумага!)» и после проявления самоволия (удалось опубликовать в так называемых «Информационных сообщениях КИА» № 19, 1969 г. первую микростатью к 80-летию Б.П. Герасимовича, минуя партийную цензуру Астросовета) я с 1970 г. по приглашению академика В.Г. Фесенкова перешла в КМЕТ (Комитет по метеоритам) АН СССР. Мои рассказы при посещениях ИИЕТ о метеоритных экспедициях вызывали белую зависть... Так было до ликвидации КМЕТ в 1980 г., после чего (побыв года четыре в безработных, но издав за это время пару книг «Рождение научной метеоритики», 1982 и «Астрономическая картина мира и ее творцы», 1984) я вернулась в свою альма-матер, в ГАИШ МГУ, где стала научным сотрудником с обычной для ГАИШ общественной нагрузкой преподавания – истории астрономии.

Все эти годы наша дружба с Зинаидой Кузьминичной продолжалась, и крепость ее неожиданно проявилась еще в одном моем «приключении» в ИИЕТ. Сектор наш еще до моего перехода в Астросовет был разделен на два, и я попала от А.Т. Григоряна в отдел профессора Я.Г. Дорфмана. Уже работая в КМЕТ, я не прерывала связи и с моим старым институтом, оставаясь своим человеком среди его «народа», и по просьбе А.Т. Григоряна как-то отредактировала одну его работу. В начале 70-х на одном из семинаров по истории физики был среди других поставлен и мой доклад – о ранних философско-физических идеях В. Гершеля о множественности центральных сил и о его спорах с Р. Бошковичем (практически не известным современным историкам). Однако в середине семинара Я.Г. Дорфман вдруг сообщил, что мой доклад снимается, поскольку приехали два гостя из Средней Азии, которым и необходимо дать слово (два молодых человека «киргизской наружности», помнится, действительно присутствовали на семинаре). Я согласна была уступить, конечно. Но тут приоткрылась дверь, и кто-то поманил меня. Это была Ольга Александровна Лежнева, которая тихо сообщила мне: «Ваш доклад запретил Кедров». Ситуация в корне менялась, и, назвав поступок директора проявлением самодурства, я сказала, что оставаться не считаю возможным. К моему удивлению, меня поддержали: со мною ушли еще два сотрудника Сектора и присутствовавшая на семинаре Зинаида Кузьминична, а когда, спускаясь по лестнице, мы повстречали шедшего на семинар нашего знаменитого корифея профессора Ивана Николаевича Веселовского (выдающийся историк механики, переводчик с древнегреческого «Альмагеста» Птолемея и с латыни Коперника), он, узнав, в чем дело, сказал: «Ну, тогда и я



не пойду». И мы ушли. Я была уже человеком вольным, но сотрудники сектора и Зинаида Кузьминична совершили мужественный, в той обстановке, поступок, который глубоко отпечатался в моей душе [1].

В институте между тем поспешили стереть всякие следы пребывания в нем м.н.с. А.И. Еремеевой: много позже на мой запрос в Архив ИИЕТ о моем «Личном деле» мне ответили, что его не нашли...

Мне еще раз довелось побывать и в кабинете бывшего директора ИИЕТ (где некогда мне досталось за отстаивание в истории имени Бориса Петровича Герасимовича), но уже после его кончины. В 1989 г. на семинаре, где председательствовала О.А. Лежнева, я выступила с докладом к 100-летию Б.П. Герасимовича (1889–1937).

В начале 90-х на конференции к 40-летию второго рождения ИИЕТ я, в дополнение к какому-то докладу, выступила со своей оценкой новой, «после-большевистской» эпохи в стране, отметив, что несмотря на все экономические трудности, главным достижением стало то, что и нам – историкам науки перестали «перекрывать кислород», а также и с воспоминаниями о трудных годах, когда зигзаги в политической жизни страны ломали порой и талантливых ученых, каким, несомненно, был и Бонифатий Михайлович Кедров (1903–1985).

Дальнейшая наша дружба с Зинаидой Кузьминичной продолжалась уже на почве ее деятельности как секретаря редколлегии серии научных биографий ученых. Много лет я вынуждена была продлевать мою заявку в эту серию – на книгу о Б.П. Герасимовиче (отвлекали и новые работы – публикация статей о нем, и то, что вплоть до 2009 г. мне не удавалось получить его «Дело» в НКВД (ФСБ)). Зинаида Кузьминична терпеливо отстаивала и сохраняла мою заявку. Я также участвовала и в подборе для нее авторов новых книг. Так, у нас в ГАИШе я обратила внимание на фамилию одного сотрудника – А.К. Магницкий, который действительно оказался потомком Л.Ф. Магницкого, по «Арифметике, сиречь науке числительной» которого (на деле это была и книга по астрономии) начинал свой путь в науку М.В. Ломоносов. Зинаида Кузьминична приняла в план и его книгу о Магницком. И только с ослаблением, а потом и отменой (по финансовым причинам) этой научно-биографической серии<sup>2</sup> наши деловые контакты ослабели, но человеческая дружба не прерывалась, и мы всегда с радостью встречались, когда я приходила на регулярные Общегородские семинары по истории астрономии.

---

2) Общеакадемическая серия «Научно-биографическая литература» существует до настоящего времени. – *прим. ред.*

Для меня совершенно неожиданным ударом стала внезапная кончина Зинаиды Кузьминичны, о чем я узнала... только спустя год! И произошло-то это в том самом пансионате (а он недалеко от меня и рядом с домом, где жили мои родители и семья брата), где Зинаида Кузьминична не раз отдыхала (а по сути работала в спокойной обстановке) в прежние годы и рассказывала мне об уютной обстановке в нем...

Я смотрю на ее удивительную последнюю фотографию. Светлый, излучающий всем своим обликом доброту, отзывчивость, красивый Человек. Такой в моей памяти всегда будет Зинаида Кузьминична – Зиночка Новокшанова-Соколовская.

### **Литература, источники, примечания:**

1. Теперь-то ясно, в чем могло быть дело: получить ордер на доктора наук было труднее: уже появилась возможность купить жилье, что, например, и сделали мы с мужем в 1964 г. – тогда простые м.н.с. без степени, приобретая микроквартирку, хотя и ценой непомерных усилий в добывании финансов...
2. На Доске почета в новом здании ИИЕТ я, к своему удивлению, не нашла его портрета, а он был и фронтовиком!
3. Позволю себе предположить еще одну причину столь неутраченной неприязни ко мне тогдашнего директора (а на моей памяти их к тому времени сменилось уже четыре, это был пятый, «найденный» в глубинах Института философии Б.Г. Кузнецовым и А.Т. Григоряном...). Появившаяся в нашем секторе после гоголевской сцены в коридоре института красочная иллюстрация из мультфильма «Каникулы Бонифация», почти явно воспроизводившая происшедшее, быть может, все-таки попала в поле зрения не только рядовых сотрудников...

## **Женское лицо НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского (XX – начало XXI в.)**

*М.П. Кузыбаева*

Сегодня трудно представить, что еще сто лет назад при обращении за экстренной медицинской помощью гражданин России мог получить ее от врача-женщины. При том, что общественная ситуация тогда была достаточно либеральна и в клиниках практиковали врачи-женщины, получившие образование либо за рубежом, либо в некоторых высших учебных учреждениях страны. Овладение медицинскими профессиями прекрасной половиной человечества на протяжении

всего XX века возросло, причем и в таких областях как хирургия, рентгенология, терапия и др. Создание службы скорой медицинской помощи – одно из важнейших достижений советского периода. Первенцем в этой сфере стал Научно-исследовательский институт скорой помощи им. Н.В. Склифосовского в Москве. На протяжении почти вековой истории (94 года работы) его активной деятельности в системе отечественного здравоохранения рядом с учеными-мужчинами трудились ученые-женщины, которые внесли значительный вклад в развитие науки, самого учреждения и клинической практики, подготовили достойных преемников. Разумеется, что про всех специалистов института, составивших его уникальное женское лицо, можно написать книги. Потому героинями нашей статьи стали представительницы старшего поколения, которые и в настоящее время являются примером высокого профессионализма и нравственности, большой самоотдачи и внимания к пациентам, свойственных лучшим представителям врачебного сословия. В истории Института, всемирно известного медицинского учреждения, всегда были люди, являвшиеся высокими профессионалами своего дела. Они работали, отдавая все свои помыслы и энергию «спасению больного страдающего человека». Для них история Института, которой можно гордиться и которую они сами создавали, составляла часть профессионального имиджа. В настоящее время о них с уважением говорят – «старшее поколение».

БЕРЕСНЕВА ЭРА АРСЕНЬЕВНА (1929 г. р., Нижний Новгород) – ученый, врач-рентгенолог. Академик РАЕН (2005). Окончила 2-й МОЛГМИ им. Н.И. Пирогова (1952), клиническую ординатуру на базе отделения неотложной рентгенологии НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского (1959). К. м. н. (1966), д. м. н. (1985). Трудовой путь в медицине начала в п. Чилик Чингирлауского р-на, Казахская ССР, где с 1952 по 1955 гг. работала: главным врачом районной СЭС; с 1954 г. – врач-инфекционист районной больницы. Затем с 1955 по 1960 гг. – в городской поликлинике № 42, г. Москва: врач-терапевт; с 1959 – врач-рентгенолог. С 1960 г. и по настоящее время работает в НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского: м. н. с. отделения неотложной рентгенологии; с 1962 г. – врач-рентгенолог; с 1967 – с. н. с.; с 1990 – в. н. с.; с 1993 г. – руководитель отделения неотложной рентгенологии; с 2005 – главный научный сотрудник отделения общей рентгенодиагностики.

Сфера научных интересов – рентгенологические методики, разработка рентгеносемиотики острых заболеваний и повреждений органов

брюшной полости и забрюшинного пространства, послеоперационных абдоминальных осложнений. Разработала программу для курсов усовершенствования врачей-рентгенологов по неотложной рентгенологии, принимала участие в организации и проведении курсов усовершенствования врачей-рентгенологов г. Москвы и др. городов России по неотложной рентгенологии. Выступает с научными докладами и лекциями по вопросам неотложной рентгенологии на форумах, съездах, симпозиумах, конференциях. Автор 222 научных работ, 3 монографий, 11 методических рекомендаций. Заслуженный врач Российской Федерации (2000). Награждена медалями «Ветеран труда» (1985), «В память 850-летия Москвы» (1997), «За милосердие» Международного благотворительного фонда «Меценаты столетия» (2006).



Академик РАЕН, доктор медицинских наук, рентгенолог Эра Арсеньевна Берсенева (Фото из музея истории НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского)

**БОГНИЦКАЯ ТАМАРА НИКОЛАЕВНА** (1927 г.р., Острогжск). После окончания средней школы с золотой медалью поступила на лечебный факультет I-го МОЛМИ им. И.М. Сеченова, который окончила в 1951 г., выбрав своей специальностью хирургию. Трудовая деятельность молодого специалиста началась в поселке Надвоицы Карело-Финской АССР, где ей по распределению аттестационной комиссии доверили работать хирургом и одновременно заведовать больницей. В 1954 году она стала клиническим ординатором в хирургическом отделении НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского, которое возглавлял профессор С.В. Лобачев, предложивший ей научную тему для исследований. В 1964 г. Т.Н. Богницкая успешно защитила диссертацию «Опасные зоны сердца» на соискание ученой степени кандидата медицинских наук.

Увлеченность профессией, стремление быть в курсе новейших достижений и открытий в медицине, работа с корифеями отечественной хирургии способствовали превращению молодого специалиста в высококвалифицированного хирурга-практика, отличающегося широкой общеврачебной эрудицией, способного ставить и решать сложные



Профессор, доктор медицинских наук, хирург, организатор здравоохранения Тамара Николаевна Богницкая (Фото из музея истории НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского)

научные вопросы. В 1968 году она приняла участие в конкурсе на должность младшего научного сотрудника в отделе неотложной гастроэнтерологии НИИ СП им. Н.В. Склифосовского и стала полноправным членом коллектива уникального медицинского учреждения, заняв впоследствии должность старшего научного сотрудника и заведующей отделением 1-й хирургической клиники. Руководил работой отдела в тот период профессор Н.С. Утешев, консультировал член-корреспондент АМН СССР Д.А. Арапов. По рекомендации главного хирурга Института, академика АМН СССР Б.А. Петрова, она разрабатывала и внедряла новые методики лечения больных с наружными кишечными свищами. Т.Н. Богницкая выполнила большое экспериментальное исследование, изучая патогенез водно-солевых и бел-

ковых расстройств у больных с кишечными свищами. Ее работа дала новое направление патофизиологическим исследованиям в институте по разработке лечебного питания для хирургических больных. Позже группа ученых за результаты этих исследований была удостоена Государственной премии СССР (1989).

В 1977 г. состоялась защита докторской диссертации Т.Н. Богницкой, материал для которой она собрала по крупицам из клинической практики. В 1992 году ей присвоено ученое звание «профессор». Тамара Николаевна подготовила 5 кандидатов медицинских наук. Является автором 187 научных работ, среди которых 1 монография и 1 авторское свидетельство на изобретение. Научные труды профессора Т.Н. Богницкой имеют большое значение для медицинской науки и практического здравоохранения. Они посвящены вопросам организации научной деятельности, скорой медицинской помощи, лечению острых хирургических заболеваний, истории медицины.

Завершив клиническую работу, Тамара Николаевна не прекратила трудиться в институте. С 1978 по 1984 гг. она во главе научно-орга-

низационного отдела НИИ СП им. Н.В. Склифосовского и Всесоюзного методического центра по скорой медицинской помощи. С 1984 по 1985 гг. исполняла обязанности заместителя директора НИИ СП им. Н.В. Склифосовского по науке. В 1986 стала руководителем отдела прогнозирования НИР. Изучение, анализ и определение тенденций развития научных исследований по скорой медицинской помощи и неотложной хирургии, выделение приоритетных научных направлений, анализ и обобщение выполненных работ, определение наиболее значимых результатов научных исследований, составление аналитических научных обзоров по итогам выполненных НИР – это неполный перечень работ, выполнявшихся ею как заместителем председателя, затем ученым секретарем Научного Совета РАМН и Минздрава РФ по проблемам скорой медицинской помощи в течение 25 лет! За достигнутые успехи по совершенствованию планирования и разработку целевой комплексной программы «Скорая помощь и реанимация при неотложных состояниях и травме» она награждена в 1980 г. серебряной медалью ВДНХ. За высокие показатели работы в XI пятилетке Т.Н. Богницкой вручен орден «Знак Почета». Немало сил затратила профессор, проводя аттестации научных медицинских кадров как член Специализированного совета № 5 при Московском государственном медицинском университете. Она является членом редакционного совета журнала «Скорая медицинская помощь». Профессиональная деятельность Т.Н. Богницкой органично сочеталась с большой общественной работой. Сейчас не принято говорить об этом, но именно Тамара Николаевна, как депутат 2-х созывов Моссовета, а также как член Исполкома Дзержинского района помогла многим врачам и медицинским сестрам улучшить жилищные условия. С 1992 по 2005 гг. она заведовала отделом внешних научных связей, а с 2005 г. по 2008 г. была главным специалистом этого отдела.

В настоящее время Тамара Николаевна находится на заслуженном отдыхе, но связи с институтом не прерывает. Она устанавливает контакты с потомками врачей и помогает собрать экспонаты для институтского музея. Среди публикаций Т.Н. Богницкой последних лет появилась книга о вкладе НИИ СП им. Н.В. Склифосовского в становление и развитие службы скорой медицинской помощи в нашей стране – второй монументальный труд о деятельности института [1], считая книгу Г.А. Владимировича и М.М. Тарасова, вышедшую 60 лет назад [2]. Вклад хирурга Т.Н. Богницкой в организацию науки по достоинству оценен государством и отмечен почетным званием «Заслуженный работник здравоохранения Российской Федерации» (2004).





Профессор, доктор  
медицинских наук, реаниматолог  
Валентина Ивановна Картавенко  
(Фото из музея истории  
НИИ скорой помощи  
им. Н.В. Склифосовского)

Путь в медицину, овладение врачебной профессией для ВАЛЕНТИНЫ ИВАНОВНЫ КАРТАВЕНКО (1937 г. р., Белорусская ССР) совпали с важным историческим периодом в истории нашей страны, который принято сегодня называть «хрущевской оттепелью». Эпоха всенародных надежд на перемены, улучшение жизни людей породила особую атмосферу и в научной медицинской среде. Когда после окончания Смоленского медицинского института В.И. Картавенко (1961) была направлена на работу в областную больницу, она стала первым штатным анестезиологом в городе! Годы напряженного повседневного труда в клинике сопровождались обучением в аспирантуре и подготовкой диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук на тему «Электромиографические исследования действия мышечных релаксантов у онкологических больных», выполнен-

ной под руководством профессора В.П. Смольникова и блестяще защищенной в 1967 г. Новшества в это время активно внедрялись в клиническую практику. Возросло количество сложных хирургических оперативных и плановых пособий больным, которые уже невозможно было проводить без участия специалистов анестезиологов и реаниматологов. Ведущие хирурги страны Б.В. Петровский, А.Н. Бакулев, Д.А. Арапов, Ю.Ю. Джанелидзе и другие остро ощущали необходимость разработать специальную тактику ведения больных в до- и послеоперационном периоде. Актуальные вопросы притупления чувствительности, обезболивания и восстановления жизненно важных функций организма (прежде всего дыхания и кровообращения) решали многие практикующие врачи, среди которых была к. м. н. В.И. Картавенко. Получив приглашение на работу в Институт сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева, она была избрана (1968) по конкурсу на должность старшего научного сотрудника и активно участвовала в



создании специализированного отделения реанимации, которое открылось в 1969 г. Десять лет жизни молодого кандидата медицинских наук было отдано разработке вопросов реанимации больных с тяжелой сердечной патологией, поступавших на лечение в Институт. Одновременно она продолжала собирать и анализировать материал, готовить докторскую диссертацию об «Искусственной вентиляции легких при операциях на открытом сердце», защищенную в 1977 г.

Специфика работы Научно-исследовательского института скорой помощи им. Н.В. Склифосовского как учреждения, оказывающего круглосуточную высококвалифицированную помощь населению, требовала слаженных действий всего персонала и постоянного поиска новых, более совершенных приемов и методик, которые соответствовали бы уровню развития современной медицины, вызовам времени. Шла реорганизация служб и структур учреждения, направленная на повышение качества и совершенствование медицинской помощи, оказываемой людям, институт развивался. Основателем реанимационно-анестезиологического отделения в НИИ скорой помощи (1958), а затем руководителем всей анестезиологической службы Института (с 1978 г.) являлся ученик проф. И.С. Жорова, профессор, д. м. н. Борис Губертович Жилис (1925–2000). Достойной преемницей одного из основоположников организации реанимационно-анестезиологической помощи в Москве стала В.И. Картавенко как на посту руководителя отделения, так и в качестве главного реаниматолога Главного Управления здравоохранения г. Москвы (с 1979 по 1995 гг.). Коллектив, который она возглавила, продолжил разработку методик ингаляционной анестезии и теорию эфирного наркоза. Валентина Ивановна – строгий и требовательный руководитель, чуткий и отзывчивый человек, всегда готова прийти на помощь, если этого требует ситуация с больным. Она – честный и принципиальный врач, который никогда не преступит нравственные основы врачевания, не пойдет против совести и своих убеждений, что вызывает глубокое уважение коллег по работе, молодежи. Завет первого директора Института профессора П.Н. Обросова о непрерывной связи поколений врачей, о передаче знаний от старших младшим исполняется на протяжении всей истории учреждения. П.Н. Обросов, И.С. Жоров, Б.Г. Жилис, В.И. Картавенко – вот одна из линий передачи научного знания новым поколениям врачей.

В 1979 г. в составе института из анестезиологической и реанимационной службы были выделены два самостоятельных научных отделения, одно из которых – общей реанимации, возглавила и руководила

им более 30 лет д. м. н. В.И. Картавенко. Отделение реанимации под руководством Валентины Ивановны стало одним из крупнейших в столице, настоящей кузницей высококвалифицированных кадров реаниматологов. Стажировки и учебные курсы в реанимационном отделении НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского обогатили многих ученых и сотрудников уникальным опытом. В настоящее время они продолжают свою научную и практическую деятельность в клиниках, госпиталях, больницах, институтах, нередко занимая должности заведующих кафедрами, главных врачей больниц, ведущих специалистов в медицинских учреждениях Москвы и других регионах России, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья. Основные научные направления, по которым ведутся исследования в отделении – изучение влияния тяжелой сочетанной травмы на организм, оценка тяжести травмы, разработка эффективных методов профилактики и лечения осложнений, развивающихся вследствие тяжелой травмы в период реанимации. Профессор В.И. Картавенко подготовила более 15 кандидатов и докторов медицинских наук. Она – автор более 200 научных работ по актуальным вопросам анестезиологии и реаниматологии, о действии мышечных релаксантов, об искусственной вентиляции легких, реанимационной помощи при тяжелой травме и др. Созданное ею отделение общей реанимации НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского теперь включает в себя 2 специализированных клинических отделения: отделение реанимации и интенсивной терапии на 12 коек; отделение реанимации и интенсивной терапии для экстренных больных на 9 коек. Важным направлением деятельности отделения на современном этапе остается консультирование врачей других отделений Института и клиник Москвы по вопросам практической реанимации и интенсивной терапии. Последние новинки научно-технического прогресса, высокоточное современное оборудование для контроля основных функций организма (мониторы фирм «Agilent», «Dräger» и «Philips»); аппараты ИВЛ фирм «HORUS», «Dräger», транспортные аппараты «Osiris» и «Pulmonetic»; шприцы-дозаторы, насосы инфузионные волнометрические, ультразвуковые ингаляторы, облучатели бактерицидные, электроотсасыватели, портативные отсосы (трахеальные), дефибрилляторы, электрокардиографы, церебральные пульсооксиметры, аппараты для струйной высокочастотной вентиляции, подъемники пациентов и гипертермические установки) позволяют оказывать пациентам, по сути, высокотехнологичную медицинскую помощь, постоянно совершенствовать методики работы.

Медицинская наука и практика не стоят на месте. Все более дифференцируются по видам оказания пособий больным реаниматологи Института. Открыты специализированные отделения реанимации и интенсивной терапии для хирургических больных (1993), лечения острых эндотоксикозов (1994), отделение анестезиологии и реанимации для трансплантации (2012) и реанимации и интенсивной терапии после нее (2011). Создана служба лечения боли (2014), специалисты которой изучают проблемы профилактики и лечения острых и хронических болевых синдромов, которыми ранее занимались Б.Г. Жилис и В.И. Картавенко. Сегодня помощь в обезболивании проводится с учетом особенностей пациента (пола, возраста, наличия сопутствующих заболеваний, психологического статуса) и характера заболевания. В настоящее время стало нормой, что лечением каждой патологии (например, болевого синдрома, шока) должны заниматься подготовленные специалисты. Этот подход реализован в создании нового реаниматологического подразделения, что было бы невозможно без ветеранов учреждения, в частности Валентины Ивановны Картавенко, отдавшей тридцать пять лет своей жизни работе в стенах Московского научно-исследовательского института скорой помощи им. Н.В. Склифосовского.

Профессор В.И. Картавенко награждена нагрудным знаком «Отличнику здравоохранения» (1973), медалью «В память 850-летия Москвы» (1997), золотой медалью им. академика С.С. Юдина (2013). Ей присвоено почетное звание Заслуженный врач Российской Федерации (2000). Она продолжает трудиться в должности главного научного сотрудника отделения общей реанимации по настоящее время.

Рентгенолог, хирург, анестезиолог – три медицинские специальности, без профессионалов в данных областях оказать экстренную медицинскую помощь крайне затруднительно. А когда такими специалистами являются лучшие из лучших представителей врачебного сословия России, женщины-врачи, о которых мы рассказали выше, опыт и знания которых используют их ученики и последователи, то перспективы научных исследований и их практического внедрения в отечественное здравоохранение, своевременное и квалифицированное оказание скорой медицинской помощи всем нуждающимся ожидаются только оптимистические. Престиж важнейших врачебных профессий, авторитет НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского как главного научно-методического и практического центра отрасли, преимущество поколений в медицинской науке и практике остаются главными факторами, определяющими будущее успешное развитие государственной

службы скорой помощи в стране. И без участия женщин прогресс в этой сфере деятельности, при всех быстроизменяющихся социально-экономических условиях в государстве, становится невозможен.

### **Литература, источники, примечания**

1. *Хубутия М.Ш., Ермолов А.С., Абакумов М.М., Богницкая Т.Н.* Роль НИИ им. Н.В. Склифосовского в создании и развитии государственной службы скорой медицинской помощи. М.: ПоРог, 2012. 286, [1] с.: ил.
2. *Владимирович Г.А., Тарасов М.М.* Институт Склифосовского. М.: Медгиз, 1959.100 с.: ил.

## **Изменения в структуре кадрового состава общественных наук: гендерный анализ**

*А.Г. Аллахвердян*

В теории классификации наук, разработанной в советский период, принято выделять три группы наук: естественные, технические и общественные. В отечественном науковедении объектом теоретических и эмпирических исследований были, преимущественно, естественные и технические науки. В значительно меньшей степени объектом науковедческих исследований становились науки об обществе и человеке (экономика, социология, история, филология и др.). Для обозначения последних использовалось, как правило, понятие «общественные науки».

**К трактовке понятия «общественные науки».** Как тождественное общественным наукам, нередко использовалось и другое понятие – «гуманитарные науки». Подобная двоякая трактовка порою имеет место и ныне, когда понятия «общественные науки» и «гуманитарные науки» употребляются как тождественные. Наряду с этим, все чаще в специальной литературе стала раздаваться критика подобного подхода, предлагается дифференциация этих двух сложившихся понятий. Так, Л.Н. Москвичев пишет: «...на наш взгляд, такое устоявшееся использование терминов нельзя считать научно обоснованным. Корректно ли, например, называть гуманитарными экономические науки и правоведение, а также демографию, статистику и т. д., или ставить в один ряд с перечисленными искусствоведение, литературоведение, культурологию и, наконец, философию, обозначая всех их одним термином – общественные науки, отодвигая тем самым на второй план существенные различия их предмета и метода?» [1. С. 55]. По его мне-

нию, более корректным для обозначения наук об обществе и человеке необходимо использовать оба понятия в отдельности: «социальные науки» и «гуманитарные науки», которые охватывают весь комплекс наук, традиционно называвшихся «общественными». Москвичев относит к категории социальных такие науки как экономика, правоведение, социология, политология и др. К гуманитарным он относит филологию, филологию, психологию, искусствоведение и др. Другие авторы, в принципе соглашаясь с необходимостью дифференциации наук на «социальные» и «гуманитарные», тем не менее, продолжают использовать понятие «общественные науки», но не как прежде объединяющее обе группы наук («социальных» и «гуманитарных» в одну общую группу), а как аналог только одной из них – группы «социальных», то есть предлагают использовать следующую терминологию: общественные науки (как перевод словосочетания «social sciences») и отдельно гуманитарные науки (humanities). В странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), к группе «social sciences», согласно классификации Фраскати, относятся: «психология, экономика, педагогические науки (педагогика, методика обучения и прочие смежные дисциплины), ... антропология (социальная и культурная) и этнология, демография, география (населения, экономическая и социальная), городская и сельская планировка, управление, юридические науки, лингвистика, политические науки, социология, науки об организации и методах, многочисленные прочие общественные науки, а также междисциплинарные, методологические и исторические научные направления, относящиеся к дисциплинам данной группы. Физическая антропология, физическая география и психофизиология должны, как правило, классифицироваться в составе естественных наук». Что касается группы гуманитарных наук, то к ним, согласно классификации наук ОЭСР, относятся: «история (история, предистория и история, включая вспомогательные исторические дисциплины, в том числе археологию, нумизматику, палеографию, генеалогия и т. д.), языки и литература (древние и современные языки и литература), прочие гуманитарные науки (философия, включая историю науки и техники), искусство, история искусств, художественная критика, живопись, скульптура, музыковедение, драматическое искусство, исключая художественные «исследования» любого вида, религия, теология, прочие области и дисциплины гуманитарных наук, методологические, исторические и прочие виды научной деятельности, относящиеся к дисциплинам данной группы» [2. С. 67].

Следует отметить, что терминологическое разграничение наук на «социальные» и «гуманитарные» имеет, помимо сугубо методологической, также и прикладную значимость, в частности, для разработки такой области знаний как статистика науки. Эта дисциплина – одна из частных дисциплин науковедческого комплекса – стала особенно активно развиваться в постсоветский период. Благодаря развитию российской статистики науки в контексте новых международных нормативов, впервые оказалось возможным сопоставление научных потенциалов России и других стран ОЭСР, а также проведение сравнительно-международных науковедческих исследований на единых методологических основаниях.

Учитывая традицию, сложившуюся в советской науке, мы предлагаем под общественными науками понимать интегральную совокупность социальных и гуманитарных наук, а при отнесении тех или иных конкретных наук к категории «социальные» или «гуманитарные» основываться на классификации наук, разработанной еще в 1960-х годах и используемой по настоящее время в странах ОЭСР (США, Великобритания, Япония, Германия, Франция и др.). Последнее обстоятельство особенно значимо ввиду того, что с 1989 г. отечественная статистика науки базируется на международных стандартах, принятых в ОЭСР.

Таблица 1

**Дифференциация общественных наук  
на социальные и гуманитарные**

<b>Общественные науки</b>	
<b>I. Социальные науки</b>	<b>II. Гуманитарные науки</b>
1. Экономика	1. Философия
2. Правоведение	2. История
3. Педагогика	3. Филология
4. Психология	4. Искусствоведение
5. Социология	5. Культурология
6. Политология	
7. Другие социальные науки	

**Динамика соотношения численности научных работников в общественных, естественных и технических науках.** Для послевоенной советской науки характерен неуклонный рост численности научных работников. В советской статистике к числу научных работников относились: «академики, действительные члены и члены-корреспонденты АН СССР и союзных республик, отраслевых академий; все лица, имеющие ученую степень доктора наук, кандидата наук или ученое звание профессора, доцента, старшего научного сотрудника, младшего научного сотрудника, ассистента, независимо от места и характера их работы; лица, ведущие научно-исследовательскую работу в научных учреждениях и научную, научно-педагогическую работу в вузах, независимо от наличия у них ученой степени или ученого звания; специалисты с высшим образованием, не имеющие ученых степеней или званий, но систематически ведущие научную работу на промышленных предприятиях, в проектных, проектно-конструкторских, проектно-технологических организациях по утвержденному вышестоящей организацией тематическому плану научных работ. Учет научных работников проводился в соответствии с их фактической численностью по всем отраслям естественных, технических и общественных наук» [3. С. 300]. Таким образом, учетно-статистическая категория «научный работник» «примерно соответствует тому, что в обычных представлениях ассоциируется со словом «ученый». Это и исследователь, склоняющийся над прибором, и профессор, читающий лекции студентам» [4. С. 84].

Хотя в советской науке численность научных работников неуклонно возрастала вплоть до конца 1980-х, однако этот рост носил крайне неравномерный характер в зависимости от отраслей наук (общественных, технических и естественных). Ниже представлена динамика неравномерного роста числа научных работников (табл. 2) с учетом того, что общественные науки, вопреки сложившейся в СССР традиции, представлены дифференцированно, двумя группами наук: социальных и гуманитарных.

В послевоенной советской науке (1950–1988) темпы роста численности научных кадров были крайне неравномерными. Так, при средней величине роста общей численности кадров в 9,4 раза, темпы роста работников в технических науках составили величину почти вдвое большую (17,3), в естественных науках – несколько ниже средней величины (8,3), в социальных науках – несколько выше средней (11,6) и в гуманитарных науках – почти в два раза ниже средней величины (4,8).



Среди отраслей наук по численности научных работников бесспорным лидером в 1988 г. являлись технические науки – 716,2 тыс. чел. (47% от общей численности). Они превосходили суммарную численность естественных, социальных и гуманитарных наук, вместе взятых – 616,7 тыс. чел. (40,5%). На втором месте – естественные науки (315,8 тыс. чел. или 20,7%), третьем – социальные науки (166,8 тыс. чел. или 11,0%), четвертом – гуманитарные науки (134,1 тыс. чел. или 8,8%). Среди социальных наук лидером по темпам увеличения числа научных работников являются экономические науки: рост в 23,9 раза за период с 1950 по 1988 гг., а среди гуманитарных наук – философские науки (рост в 8,2 раза за тот же период).

Таблица 2

**Рост числа научных работников СССР по отраслям наук (1950–1988)**

Отрасли наук	1950	1988	Рост в разы	Рейтинг по числу работников
Всего научных работников, в том числе по отраслям наук:	162,5	1522,2	9,4	
<i>I. Естественные науки</i>	37,9	315,8	8,3	II
<i>II. Технические науки</i>	41,5	716,2	17,3	I
<i>III. Социальные науки</i>	14,4	166	8	11,6
Экономические	4,6	109,9	23,9	
Юридические	1,0	9,4	9,4	
Педагогические	8,8	42,2	4,8	
Психологические	1,9 (1970 г.)*	5,3	2,8	
<i>IV. Гуманитарные науки</i>	29,5	134,1	4,5	IV
Исторические	8,5	30,4	3,6	
Философские	2,7	22,2	8,2	
Филологические	13,6	60,6	4,5	
Искусствоведение, архитектура	4,7	20,9	4,4	
<i>V. Другие отрасли наук</i>	39,2	189,3	4,8	

\* Выделены в самостоятельную научную дисциплину в 1969 г.

Таким образом, послевоенная наука характеризуется: во-первых, ежегодным и неуклонным ростом численности научных работников в период с 1950 по 1988 годы; во-вторых – неравномерными темпами роста научных работников в зависимости от конкретных областей (ес-

тественных, технических, социальных и гуманитарных) и отраслей (экономических, философских, исторических, филологических, психологических и других) наук, в-третьих, гендерный анализ кадрового состава советской науки позволяет фиксировать рост его феминизации, вовлеченности женщин в занятия научной деятельностью. На примере науки РСФСР в структуре науки СССР отмечался определенный рост процентной доли женщин-ученых в общей численности советских ученых: с 37,3% в 1960 г. до 40,4% в 1987 г. [5].

**Анализ кадрового состава постсоветской науки в гендерном аспекте.** Начиная с 1989 г. наступает новый этап в развитии кадрового состава отечественной науки, его неуклонное и ежегодное сокращение. Это, в немалой степени, было связано с зарождением и развитием сферы бизнеса – новой сферы социальной деятельности, крайне нуждающейся в кадрах высокой квалификации, включая научные кадры. Распад СССР продолжил и еще более усилил тенденцию оттока кадров из науки в сферу бизнеса. Анализ кадрового состава науки в гендерном разрезе показал крайне неравномерный характер оттока мужчин-ученых и женщин-ученых. Переход в другие более престижные и высокооплачиваемые сферы социальной активности в большей степени был характерен для мужчин-ученых. Относительно невысокий уровень профессиональной мобильности женщин-ученых достаточно хорошо известен. Они по инерции оставались на своих рабочих местах, довольствуясь сравнительно небольшой зарплатой и загруженностью в научно-исследовательских учреждениях [6. С. 668]. Это обстоятельство, согласно статистическим данным, способствовало тому, что «удельный вес» женщин-ученых в общей численности российских исследователей существенно возрос и составил в 1994 г. 48,8% [7. С. 29]. Причем увеличение доли женщин-исследователей носило не абсолютный, а относительный характер, оно происходило на фоне резкого сокращения кадрового потенциала российской науки в целом. Это дало основание назвать процесс резкого увеличения женщин-исследователей, обусловленный кризисной ситуацией в обществе, феноменом *супер-феминизации* российской науки.

Однако в последующий период доля женщин-ученых стала постепенно сокращаться до уровня 43,2% в 2002 г. Это усредненные статистические данные для всей российской науки. Одной из причин снижения уровня феминизации науки стал все больший приток в сферу науки выпускников вузов мужского пола. В последние годы доля мужчин-ученых в младшей возрастной группе (до 29 лет) все увеличива-

лась. Так, если в 1994 г. доля молодых исследователей-мужчин составляла 44,3%, то в 2002 г. – 62,4%.

Если в качестве основы статистического анализа брать группу социальных и гуманитарных наук (вторая половина 1990-х и начало 2000-х), то здесь уровень феминизации продолжал оставаться весьма высоким [8. С. 43]. Так, в 2002 г. в социальных науках доля женщин составила 59,8%, а в гуманитарных – 55,6% от общей численности российских исследователей.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (17-03-00885).

### **Литература, источники, примечания**

1. *Москвичев Л.Н.* Воспроизводство научного потенциала социальных и гуманитарных дисциплин // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 54–64.
2. Измерение научно-технической деятельности. Руководство Фраскати, ОЭСР. М.: ЦИСН, 1995. 277 с.
3. *Гохберг Л.М.* Статистика науки. М.: ТЕИС, 2003. 478 с.
4. *Лахтин Г.А.* Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. 219 с.
5. Народное хозяйство РСФСР: Статистические ежегодники за 1954–1989 гг. М.: Финансы и статистика.
6. *Мирская Е.З., Мартынова Е.А.* Женщины в науке // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 8. С. 693–700.
7. Наука России в цифрах. Краткий статистический сборник. М.: ЦИСН, 1995. 87 с.
8. Рассчитано по: Наука в Российской Федерации: Статистический сборник. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. 492 с.

## **Участие женщин-космонавтов в науке: состояние, проблемы, перспективы**

*Л.В. Иванова*

В истории развития пилотируемой космонавтики, как и обществе в целом, были ярые сторонники полов, а также не менее ярые его противники. Динамика становления и развития современного социокультурного статуса женщин-космонавтов в сообществе космонавтов и в обществе рассмотрена Л.В. Ивановой и С.В. Кричевским [1. С. 77–88; 2]. Это способствовало увидеть специфику профессии «космонавт» через анализ общих гендерных процессов, происходивших в

советское время, происходящих в настоящее время в России и мире. Космонавтика – научно-техническая отрасль. Уже при отборе кандидаты в космонавты среди обязательных требований проходят тестирование на способность к научной деятельности. Каждый космонавт при подготовке к космическому полету на Земле готовится к выполнению на орбите десятков самых разных научных экспериментов. Соответственно профессия космонавта, включает и профессию ученого.

После успешных полетов Ю.А. Гагарина и Г.С. Титова Советский Союз уверенно лидировал в пилотируемом освоении космоса. В августе 1961 года главком ВВС по космосу генерал-лейтенант Н.П. Каманин впервые озвучил идею отправить в космос первую женщину-космонавта. Идею поддержали заместитель командующего ВВС маршал С.И. Руденко, а затем и Генштаб.

25 декабря 1961 года Н.П. Каманин записал в своем дневнике: «Позавчера мне сообщили, что Президиум ЦК КПСС полностью одобрил наше предложение о наборе 60 новых космонавтов и в том числе 5 женщин. Это моя большая личная победа. Мне потребовалось более шести месяцев, чтобы убедить Королева, Келдыша, Вершинина, Малиновского и многих других в необходимости набора женщин-космонавтов. Я сделаю все возможное, чтобы во второй половине 1962 года советская женщина оказалась на орбите вокруг Земли. А еще лучше, если наши женщины в 1962 году повторят полеты Гагарина и Титова» [3. С. 7].

12 марта 1962 года были зачислены в отряд космонавтов Татьяна Кузнецова, Ирина Соловьева и Валентина Терешкова, а 3 апреля – Жанна Ёркина и Валентина Пономарева. В августе 1962 года, сразу после полета А.Г. Николаева и П.Р. Поповича, Государственная комиссия во главе с председателем Государственного комитета Совета Министров СССР по оборонной технике Л.В. Смирновым назначила первый полет женщины-космонавта на конец октября того же года, продолжительность полета должна была составить трое суток. Однако по некоторым техническим причинам полет был перенесен. 16 июня 1963 года на КК «Восток-6» впервые на планете в космос отправлена женщина-космонавт Валентина Терешкова, единственная в мире женщина, совершившая космический полет в одиночку.

2 апреля 1965 года при встрече с С.П. Королевым Н.П. Каманин высказал новую идею послать в космос чисто женский экипаж, обосновывая тем, что повторение выхода мужчины в открытый космос не вызовет в мире мощного резонанса. Выход в открытый космос жен-

шин, кроме того, использование автономного средства передвижения должны были дать большой эффект в мировом общественном мнении, что особенно было важно в соперничестве СССР и США в освоении космоса. 14 апреля Н.П. Каманин согласовал с С.П. Королевым экипажи для полета с выходом в открытый космос: женский Соловьева–Пономарева и два мужских экипажа: Зайкин–Хрунов, Шонин–Горбатко. Полет экипажа Валентины Пономаревой и Ирины Соловьевой намечался на первую половину 1966 года. В январе 1966 г. скончался Сергей Павлович Королев. ОКБ-1 (ныне РКК «Энергия» имени С.П. Королева) возглавил Василий Павлович Мишин, являвшийся активным противником женских полетов. Он притормозил программы с участием женщин. В октябре 1969 года женский отряд распустили, Соловьевой и Пономаревой так и не пришлось побывать в космосе. В 1974 году за существенные просчеты в руководстве ЦКБЭМ и допущенные провалы в космической программе был снят с поста главного конструктора Василий Мишин. Его сменил академик Валентин Глушко, который реанимировал идею женских полетов в космос. Возобновить в СССР полеты женщин в космос новый генеральный конструктор предложил сразу после своего назначения, но набор был объявлен лишь в конце 70-х годов, после зачисления в 1978 году в отряд НАСА среди коллег-мужчин первых 6 женщин. В результате конкурса к лету 1980 года в СССР было отобрано четыре врача (Галина Амелькина, Елена Доброквашина, Лариса Пожарская и Тамара Захарова), два инженера (Наталья Кулешова и Ирина Пронина) и два научных работника (Ирина Латышева и Екатерина Иванова)[4].

Все они закончили курс общекосмической подготовки, получили удостоверения: космонавтов-испытателей и космонавтов-исследователей, однако из них в космос так никто и не слетал. Идея выхода женщины в открытый космос была реализована через восемнадцать лет. В июле 1984 года Светлана Евгеньевна Савицкая совершила свой второй полет на ДОС «Салют-7» и первый выход женщины в открытое космическое пространство. Через десять лет, 3 октября 1994 года в качестве бортинженера на ОС «Мир» отправилась третья женщина из нашей страны – Елена Владимировна Кондакова. Это был первый продолжительный космический полет, выполненный женщиной, и составил он 169 суток. Второй космический полет Елена выполнила на КК «Atlantis». Ей, единственной из российских женщин, удалось слетать в экипаже на шаттле. В истории отечественной пилотируемой космонавтики есть еще одна женщина-космонавт, которая смогла реализовать

свою мечту – Елена Олеговна Серова. Спустя семнадцать лет после Елены Кондаковой Елена Серова с 25 сентября 2014 года успешно выполнила в качестве бортинженера 167-суточный полет на международной космической станции. Ей первой и пока единственной из женщин России довелось работать на МКС. В ходе длительных космических полетов женщины-космонавты на ОС «Мир» (Елена Кондакова) и на МКС (Елена Серова) выполнили научные исследования, эксперименты и работы в соответствии с заранее разработанными и подготовленными программами. Это десятки исследований и экспериментов, среди которых: физико-химические процессы и материалы в условиях космоса; исследование Земли и Космоса; человек в космосе; космическая биология и биотехнология; технологии освоения космического пространства; образование и популяризация космических исследований и многое другое.

Женщины-космонавты, имеющие опыт космического полета, в абсолютном большинстве стали политиками, при этом они продолжали вносить свой вклад в науку. Так, Валентина Терешкова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук в 1977 году. Кроме основной деятельности в политике, продолжительное время была на должности ведущего научного сотрудника в Центре подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина, участвовала в научных конференциях, конгрессах, симпозиумах. Направленность ее работ – сотрудничество с зарубежными партнерами в области освоения космического пространства. Космонавт-политик Светлана Савицкая, к.т.н. с 1986 года, в своих научных работах отразила результаты биотехнического эксперимента «Таврия», проведенного на борту станции «Салют-7». Светлана Евгеньевна стала автором книги «Вчера и всегда».

Более активно научной деятельностью после завершения службы в отряде космонавтов занимались женщины-космонавты, не имеющие опыта космического полета. Две представительницы сообщества космонавтов были отобраны в отряд с научной степенью (Екатерина Иванова, к. т. н. и Елена Доброквашина, к. м. н.), четыре – защитили диссертации после завершения активной деятельности на должности космонавта-исследователя или космонавта-испытателя. Четыре женщины-космонавта окончили аспирантуру, но защита не состоялась. Научная деятельность всех представительниц сообщества космонавтов связана с космической отраслью.

Ирина Баяновна Соловьева, первый дублер Валентины Терешковой, защитила диссертацию в 1980 году, получив ученую степень кан-

дидата психологических наук. Ее первые труды из-за секретности печатались в изданиях без объявления фамилии автора, с указанием «дублер В. Терешковой». После завершения службы в отряде космонавтов Ирина Баяновна с 1969 года по настоящее время активно занимается научной деятельностью. Более полусотни научных публикаций изданы в различных научных сборниках. О результатах своих работ она делала доклады на научных площадках в различных городах СССР/России: Ленинграде, Кировограде, Ярославле, Ульяновске, Гагарине, Калуге, Минске, а также в Югославии, неоднократно в США. В абсолютном большинстве работы ученого И.Б. Соловьевой посвящены деятельности человека-оператора при работе в экстремальных условиях.

Активную научную деятельность на протяжении почти полвека ведет второй дублер Валентины Терешковой – Валентина Леонидовна Пономарева. Диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук она защитила в 1974 году. Ее научные изыскания проводились в основном по истории пилотируемой космонавтики, ее участников, истории создания технического оснащения, истории авиационных и космических технологий. Валентина Леонидовна после ухода из отряда всегда была на научных должностях сначала в Центре подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина, а затем в Институте истории естествознания и техники АН СССР (ныне РАН). Более десяти лет космонавт-ученый В.Л. Пономарева была руководителем группы истории космонавтики в указанном институте, где продолжила трудиться на должности ведущего научного сотрудника до настоящего времени. Она – автор нескольких книг, в том числе: «История создания Центра подготовки космонавтов», «Неоткрытый космос», «Женское лицо космоса» и нескольких десятков публикаций в различных журналах.

Екатерина Александровна Иванова, защитила диссертацию на тему: «Динамика, баллистика и управление полетом летательных аппаратов» и получила степень кандидата технических наук в 1980 году. В 1982 г. участвовала в эксперименте по гипокинезии, проводимом Институтом медико-биологических проблем. Одновременно с подготовкой к полетам в космос принимала активное участие в научно-педагогической работе в БГТУ, была заместителем председателя Совета молодых ученых и специалистов института, членом ДНД, ответственной за сборник трудов ЛМИ по динамике полета, членом Совета ЛМИ по профориентации. Неоднократно готовилась к космическим полетам, как в женских экипажах, так и в смешанных. По ряду причин ее



полет не состоялся. Имеет 28 (печатных и рукописных) научных трудов. По профилю диссертации ею опубликовано 3 научно-технических отчета и 5 статей.

Врач-космонавт-исследователь Елена Доброквашина, к.м.н. с 1978 года. Готовилась к космическому полету в женском экипаже, но полет не состоялся. После окончания активной подготовки в отряде космонавтов ЦПК имени Ю.А. Гагарина продолжает активную деятельность в ИМБП. С 1993 года – ведущий научный сотрудник ИМБП, ответственный секретарь главной медицинской комиссии по проведению медицинского отбора и освидетельствования космонавтов, водолазов и испытателей. У Елены Ивановны десятки публикаций в изданиях «Авиационная и космическая медицина», «Физиология человека». Она неоднократно делала научные доклады на конференциях, чтениях и др. В основном ее работы посвящены адаптации организма человека к моделированной невесомости, методическим подходам и результатам отбора испытателей для участия в длительных модельных исследованиях.

Лариса Пожарская, к. м. н. с 1986 года, вместе с другими космонавтами-врачами-исследователями: Моруковым Б.В., Арзамазовым Г.С. принимала активное участие в исследованиях по обмену кальция и его гормональной регуляции при длительном пребывании на постельном режиме; по минеральному обмену и его гормональной регуляции при 120-суточной антиортостатической гипокинезии; в исследованиях по обмену кальция и его регуляции у космонавтов после длительных космических полетов. Результаты их исследований представлены в докладах на отечественных и международных конгрессах, конференциях и напечатаны в научных изданиях.

С трудами врача-космонавта-исследователя Тамары Захаровой о биотехнической активности сердца и электролитах крови можно познакомиться в издании «Космическая биология» [5].

При этом, нельзя не отметить, что за пятьдесят пять лет пилотируемой космонавтики общемировое сообщество профессиональных космонавтов включало около 950 человек (281 ~ 30 %) из СССР/России. 543 (~ 57 %) космонавтам удалось реализовать свою мечту о полете в космос, из них 120 (~ 22 %) из СССР/России. Среди всех космонавтов мира, летавших в космос, 60 женщин (~ 11 %), среди которых 4 (менее 1 %) из СССР/России [6-8].

На сентябрь 2017 года в нашей стране 20 женщин-космонавтов, что составляет 7% отечественного сообщества космонавтов, проходи-

ли подготовку к космическим полетам. Каждой пятой женщине удалось работать на околоземной орбите. В абсолютном большинстве женщины-космонавты были отобраны в период Советского Союза. После 1991 года удостоверение космонавта-испытателя получили 3 человека (Надежда Кужельная, Елена Серова, Анна Кикина, которая является активным космонавтом). Эти данные вызывают вопросы: почему в пилотируемой космонавтике имеется такая гендерная асимметрия; профессия космонавта – это все-таки мужская профессия или главное – быть квалифицированным профессионалом; как способствовать многим женщинам, желающим реализовать себя в профессии космонавта; возможно ли развитие космонавтики без активного участия женщин в пилотируемых полетах; как решаются гендерные аспекты в других странах не только в космонавтике, но и в науке? На эти вопросы и многие другие в своих исследованиях дают нам ответ ученые.

### **Литература, источники, примечания**

1. *Иванова Л.В., Кричевский С.В.* Сообщество космонавтов: История становления и развития за полвека. Проблемы. Перспективы / Предисл. В.П. Савиных. М.: ЛЕНАНД, 2013. 200 с.
2. *Иванова Л.В.* Женщины-космонавты в сообществе космонавтов и обществе: миссия, проблемы, перспективы // К.Э. Циолковский и инновационное развитие космонавтики: Материалы XLVIII Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. Калуга: Изд-во «Эйдос», 2013. С. 202–203.
3. *Каманин Н.П.* Скрытый космос. Кн. 1: 1960–1963 гг. М.: Инфортекст-ИФ, 1995. С. 7.
4. Второй набор женщин в отряд космонавтов // [Электронный ресурс]: <http://astronaut.ru>
5. Научные труды советских и российских космонавтов: Материалы к библиографии / Под ред. В.В. Циблиева. Звездный городок: РГНИИЦПК имени Ю.А. Гагарина, 2009. 368 с.
6. Отряд космонавтов: Краткая историческая справка / Под общ. ред. В.Г. Корзуна; Сост. Л.В. Иванова. Звездный городок: ФГБУ «Научно-исследовательский испытательный центр подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина», 2015. 89 с.
7. *Иванова Л.В., Кричевский С.В.* 55-летие человека в космосе и развитие общества космонавтов (социологические аспекты) // Идеи К.Э. Циолковского в инновациях науки и техники: Материалы 51-х Научных чтений памяти К.Э. Циолковского. Калуга: Наша полиграфия, 2016. С. 236–238.
8. *Примечание:* В мировое сообщество космонавтов входят и 7 космических туристов, побывавших в космосе.

## Глава 5

# Женское научное зарубежье

## Через тернии к звездам: о женских портретах российского научного зарубежья первой половины XX века

*Н.Ю. Масоликова*

Российская научная диаспора оказала значительное воздействие на развитие мировой научной и философской мысли XX века [1], однако ее история остается недостаточно изученной фактически и осмысленной на концептуальном уровне. Образ российского научного зарубежья как малочисленной элитарной корпорации русскоязычных ученых, преимущественно мужского пола, замкнутых в своей среде в ожидании возвращения на родину, по-прежнему доминирует в отечественной литературе. Кроме того, современная российская историография, анализирующая роль и место российских ученых-эмигрантов в пространстве мировой науки, в своем большинстве придает этой роли эмоционально-трагическую окраску с акцентом на стремлении эмигрантов сохранить, передать и развивать далее русский менталитет, язык, культурные, научные, общественно-религиозные традиции. Безусловно, научные специалисты российской диаспоры в полной мере испытали трудности поиска и актуализации новой персональной и профессиональной идентичности в изменившемся социально-культурном и языковом пространстве. В то же время стресс эмиграцией обернулся для российского научного организма в целом и существенным позитивным импульсом. Значительная часть ученых диаспоры приняла участие в формировании параллельного научного пространства – широкой национальной научной инфраструктуры на всех континентах, от Евразии до Австралии [2]. Полноправной частью истории российской науки в зарубежье являются и примеры сознательной интеграции некоторых ученых в мировое научное сообщество без артикуляции национальной принадлежности. Подавляющее большинство из них, имея различные личностные мотивации и карьерные траектории, максимально использовали приобретенный российский опыт, обогащая его иными научными и культурными традициями, а нередко создавали и новый мультикультурный научный продукт в своей области знаний.

Специфически женская составляющая российского научного зарубежья первой волны как отдельный и особый элемент до сих пор не получила должного внимания и полноценного анализа историков (в

фокусе внимания большинства исследователей в основном находятся примеры так называемой «медальонной» истории/биографии и научные труды отдельных широко известных ученых [3]). Имея минимальные возможности получить высшее образование на родине, женщины Российской империи еще с дореволюционных времен массово уезжали в Европу и США и нередко оставались за границей навсегда. В то же время многие возвращались в Россию и пытались развивать профессиональную карьеру в привычной и родной культурно-языковой среде. Однако после прихода к власти большевиков в 1917 г. немало женщин – дипломированных специалистов покинули Россию уже навсегда. В рамках проекта Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (г. Москва) по созданию биобиблиографического словаря «Женщины российского научного зарубежья» на сегодняшний день нам удалось зафиксировать около 400 имен. Знакомство с восстанавливаемыми биобиблиографиями демонстрирует нам мотивационно-сложную, многослойную и весьма персонифицированную картину рассеивания, дальнейшей жизнедеятельности и научных достижений представительниц интеллектуального труда в российском зарубежье. Это несколько меняет и доминирующее на сегодняшний день представление об исключительно политических причинах женской научной эмиграции (1917 год – как жизненный «водораздел»), отсутствии независимых (а только в составе семьи) решений смены места жительства и скорее угасающих, терпящих крах в контексте карьерного развития траекториях женских эмигрантских судеб (многократно приводимые в пример истории вынужденного участия в заграничном модельном бизнесе русских эмигранток – особ аристократических кровей). Приведем лишь некоторые из иных примеров.

### **Елена Владимировна Антипова (1892, Российская империя – 1974, Бразилия)**

От полного забвения как яркого представителя петербургской психологической школы в далекой Бразилии до первой научной конференции на родине, в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына в Москве, посвященной ее наследию, в год 120-летия со дня рождения (2012) и первого сборника публикаций о ней в год 40-летия со дня кончины (2014) – такова полярная траектория профессионального признания в России психолога, педолога, организатора науки и образования в Бразилии Елены Владимировны Антиповой [4]. Совершенно неизвестные на родине, в Бразилии заслуги Елены Владими-



Елена Владимировна Антипова  
(1924) (РГАЛИ, Москва)

ровны получили государственное признание – за свою неутомимую общественную деятельность она удостоена звания почетного гражданина одного из самых крупных и богатых штатов страны Минас-Жерайс, ордена Южного Креста и медали «За заслуги в области образования», врученной лично президентом Бразилии, ей стоит памятник. Сегодня в Бразилии действуют научно-исследовательский институт и образовательный фонд ее имени (Foundation Helena Antipoff/FNA), издано пять томов ее научных работ и материалов общественных инициатив на португальском языке.

Решение об отъезде было принято ею самостоятельно в 1924 году (ее муж, литератор В.Я. Ирецкий (1882–1936), был выслан в 1922 году). При этом активно-демонстративных разногласий с новым революционным режимом у Антиповой не было, более того, у нее была работа – психолог в Санкт-Петербургском Центральном Карантинно-Распределительном Детском Пункте (ЦКРДП). И все же суровые условия жизни и труда, болезненность ребенка, разбросанность семьи, собственной и родительской, по миру и невозможность реализации полученного в дореволюционный период во Франции и Швейцарии образования подтолкнули Елену Владимировну на радикальные изменения. Став одним из «пионеров»-психологов-практиков в системе образования Бразилии – страны, менявшей в 30-х годах XX столетия политический и экономический уклад, переживавшей реформу образования, Е.В. Антипова вместе с коллегами из других стран фактически с нуля приступила к подготовке местных учителей для работы с детьми разных психологических категорий. Одновременно были начаты регулярные массовые психологические исследования бразильских детей. В конечном итоге Антипова имела на своем счету целую сеть организованных ею образовательных учреждений для детей со специфическими потребностями – как одаренных, так и нуждающихся в коррекции.

## **Ольга Николаевна Уварова (1910, Российская империя – 2001, Великобритания)**

Сердцевиной британского высшего ветеринарного образования является Королевский колледж ветеринарных хирургов, существующий с 1844 года и давший Британии и миру немало славных имен. В течение 15 лет ежегодно Колледж вручает особую стипендию в 1000 фунтов лучшим из лучших студентов, преданных этой профессии. Это именная стипендия, ее особенность – в имени, которое она носит: «стипендия имени Дамы Ольги Уваровой». Нельзя сказать, что это имя широко известно в Британии, но однозначно оно известно любому в этой стране, кто связал свою жизнь с профессиональной деятельностью в области лечения и охраны животных. В России об истории жизни «известного английского ветеринара», первой женщины-президента Королевского колледжа ветеринарных хирургов Ольги Николаевны Уваровой еще не написано [5].

В 1920 году к берегам Великобритании причалил пароход, пришедший из Эстонии. На его борту находилась 10-летняя девочка, на шее которой болталась бирочка «Сирота № 7», ее багажом была корзина с одним комплектом сменного белья и скудной едой в дорогу. Девочка была живой «посылкой» Американского Красного Креста из голодной революционной России: она осталась без родителей и была буквально выкуплена родственниками [6]. А далее сложилась по-английски кропотливо и методично построенная карьера. В послужном списке Ольги Николаевны – около 40 научных работ, деятельность в фармацевтической промышленности, практическая, исследовательская и организационная работа в Британской ветеринарной ассоциации, Обществе женщин-ветеринарных хирургов, Центральном ветеринарном обществе, Королевском колледже ветеринарной хирургии, парламентских комиссиях и международных симпозиумах, почетное пожизненное членство в Университетской Федерации по



Ольга Николаевна Уварова (1976)  
(Фотоархив Национальной  
Портретной Галереи, Лондон)



Защите животных (UFAW). Наконец, в 1983 году «за заслуги перед отечеством» она становится Дамой-командором Ордена Британской империи. Ее портрет запечатлен в Королевской портретной галерее среди других национальных героев. В ее честь названа особая медаль – Дамы Ольги Уваровой (Dame Olga Uvarov Research Medal) за актуальные ветеринарные исследования. Сегодня присуждаются гранты ее имени для работ в области ветеринарии и охраны животных – щедрый финансовый подарок, оставленный Колледжу Ольгой Николаевной.

**Елизавета Григорьевна Кандыба  
(Вильямс, Фокскрофт, Флетчер)  
(1912, Российская империя – 1989, Южная Африка)**

В 1961–1964 годах в Южно-Африканском университете (UNISA) одной из столиц республики Претории открылась первая и единственная на континенте кафедра русистики. Основателем, организатором и вдохновителем первой кафедры русского языка на далеком континенте и собственно главным «садовником» для воздвигания русскоязычной почвы, давшей прижиться и развиваться отечественной культуре в Преторском заочном университете в дальнейшем, стала Елизавета Григорьевна Кандыба-Фокскрофт, баронесса, выпускница Оксфорда, профессор, педагог и лингвист, общественный и религиозный деятель. Продол-



Елизавета Григорьевна  
Кандыба-Фокскрофт. (Б.д.)  
(Архив библиотеки Южно-  
Африканского Университета,  
Претория)

жающая сегодня свою деятельность кафедра русистики носит имя Елизаветы Григорьевны, а архив университета хранит личную коллекцию документов нашей соотечественницы [7].

В 1920 году, после трагической потери мужчин, брата и отца, Елизавета с матерью эмигрируют в Болгарию. Родину Лиза покинула в 8-летнем возрасте. В следующий раз она ступит на русскую землю лишь через 40 с лишним лет. В ее жизни оказалось достаточно много судьбоносных моментов – в ее пятнадцать лет над ней берет опеку британская семья. Лиза окончила St Swithun's Public School в Винчестере и поступила в Somerville College в Оксфорде. Здесь ее снова

ожидал подарок судьбы, на этот раз профессиональный – Елизавете посчастливилось стать студенткой С.А. Коновалова (1899–1982), крупного русского историка, профессора русского языка и литературы, основателя англо-русского клуба в Оксфорде в 20-х годах прошлого столетия, главы русских отделов Бирмингемского и Оксфордского университетов. В 1947 году Е. Кандыба покинула Великобританию с семьей, ступив на землю неизвестной Претории. Через долгих 14 лет адаптации, в Университете Южной Африки впервые ею был предложен студентам курс русского языка. В первый же год на курсе записалось 14 студентов. Абсолютно все – учебные материалы, оригинальные тексты, краткий справочник по русской грамматике, аудиозаписи носителей языка – Елизавета Григорьевна разрабатывала самостоятельно. В дальнейшем при ее активном участии библиотека кафедры стала обладателем более 6000 единиц хранения, являясь самым крупным собранием книг на русском языке в ЮАР. Елизавета Григорьевна 16 лет была секретарем Русской православной миссии в ЮАР и Приходского совета храма святого князя Владимира в г. Йоханнесбурге. За создание научной монографии «Россия и Англо-бурская война 1899–1902 годов» (об участии русских добровольцев в этой войне на стороне буров) в 1981 году Елизавета Кандыба-Фокскрофт получила звание «Преториец года».

Эмиграция как явление воспринимается в отечественном массовом сознании чаще как движение «От» – от противного, бегство или спасение от чего-либо, и менее как движение «К» – навстречу чему-либо – или «В» – вхождение в нечто новое. Российская эмиграция первой волны в результате общественных потрясений в стране и кардинально-жесткой смены власти устойчиво и заслуженно воспринимается нами как национальная трагедия, как потеря. Однако важно идти дальше, искать «спасательные круги» для нашего национального самосознания, находить и принимать другие грани этого исторического «исхода». Российское зарубежье в силу различных исторических и личных обстоятельств разделило с миром свое уже имевшееся на тот момент богатое наследие, частично влилось в мировые процессы научного, культурного и общественного развития и, несомненно, повлияло на многие тенденции и тренды в литературе, искусстве, науке, промышленности. Активно возрождающиеся персональные истории эмигрантов первой волны, в том числе и русских ученых, демонстрируют как примеры тяжкого выживания на чужбине и неизжитой тоски по Родине, одновременно неиссякаемой веры в Русское, стойкой возвращен-

ческой доминанты в сознании, создания России вне России; так и модели мудрой ассимиляции, адаптации в совершенно различных культурах, средах, языках и обстоятельствах, свежего, глубокого и успешного профессионального погружения, не растворившие при этом человека национально-бесследно, принесшие благо и прославление, в том числе, и его русским корням.

Мы продолжаем открывать новые страницы российского научного зарубежья XX века и знакомиться с именами, еще не принятыми у себя на родине в стан «российских ученых», но чье возрождение способствует восстановлению целостности отечественной истории.

### Литература, источники, примечания

1. См. подробнее: Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: К определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2010. С. 75–94.
2. См.: *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008; Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993; Российская научная эмиграция: двадцать портретов. М., 2001 и др.
3. Например, Ковалевская (ур. Корвин-Круковская; Kovalevskaya) Софья Васильевна (1850–1891), математик; Тумаркин (Тумаркина; Tumarkin) Анна (Анна-Эстер) Павловна (1875–1951), философ, историк философии; Шпильрейн (Spielrein; в замужестве Шефтель) Сабина Николаевна (Нафтульевна) (1885–1942), психоаналитик, писательница и др.
4. См. о Е.В. Антиповой: *Масоликова Н.Ю.* Метрополия и диаспора в жизни психолога Елены Антиповой (1892–1974): русские корни бразильской судьбы // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. V Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века» (Москва, 29–31 марта 2013 года). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. С. 229–242; *Масоликова Н.Ю.* «Энергичные, знающие интеллигенты – для них Бразилия и создана»: Из эпистолярного наследия психолога Елены Антиповой // «Ad multos annos» = [На долгие годы]: К юбилею В.А. Москвина / Сост. Н.Ф. Гриценко, М.А. Васильева, Т.В. Марченко, М.Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. (2-е изд.); *Масоликова Н.Ю.* Русские годы психолога Елены Антиповой (1892–1974) // Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России. М., 2014. С. 25–45.
5. См. подробнее: *Масоликова Н.Ю.* Сирота № 7 или Дама Ольга Уварова: о жизни, которой могло не быть // [Электронный ресурс]: [Zagran.me](http://Zagran.me): меж-

дународная женская он-лайн платформа. URL: <https://zagran.me/2015/09/04/sirota-7-ili-dama-olga-uvarova-o-zh-izni-kotoroj-moglo-ne-byt/> (Дата обращения: 02.06.2017).

6. Речь идет о Б.П. Уварове (1888–1970), дяде Ольги Уваровой, крупнейшем российско-британском энтомологе, зоографе и экологе, члене Лондонского королевского общества, лорде Великобритании.
7. Архивная коллекция рукописей Елизаветы Кандыбы-Фокскрофт в библиотеке Университета Южной Африки // [Электронный ресурс]: [Uir.unisa.ac.za](http://uir.unisa.ac.za): цифровой архив Университета Южной Африки. URL:<http://uir.unisa.ac.za/bitstream/handle/10500/5729/Foxcroft%2054%20inventory.pdf?sequence=1> (Дата обращения: 02.06.2017).

## Судьбы учениц И.И. Мечникова до и после 1917 года

*Н.Н. Колотилова*

Хорошо известно, что в конце XIX – начале XX в. стремление российских женщин получить высшее, в частности, медицинское образование и возможность работать по профессии реализовывалось с большим трудом [1, 2]. Одним из путей, дававших успех в этом направлении, было обучение в заграничных университетах и лабораториях, прежде всего, в Швейцарии, Германии, Франции. По некоторым данным, например, накануне I мировой войны женщины из России составляли более 70% студенток Сорбонны, причем на юридическом и медицинском факультетах – более 90%. [3]. Одним из наиболее притягательных научных заведений для русских врачей и биологов был Институт Пастера в Париже, в частности, знаменитые Микробиологические курсы, открытые в 1889 г., и лаборатория И.И. Мечникова, ставшая своего рода «Меккой» для его соотечественников. В Архиве Пастеровского института сохранились списки девушек, записавшихся в разные годы на Микробиологические курсы. Не все имена удалось расшифровать и идентифицировать, но и из них в историю науки вошли очень немногие. К наиболее известным относятся ученицы И.И. Мечникова П.В. Циклинская, Л.М. Горовиц-Власова, в меньшей степени М.Н. Маргулиес-Аитова [4]. Фактически это были первые российские женщины-микробиологи, поэтому представляется интересным более подробно остановиться на их биографиях. На каждую судьбу повлияла Октябрьская революция 1917 года, но все они сложились по-разному.

Прасковья Васильевна Циклинская (1859–1923, Москва) – первая русская женщина, ставшая профессором бактериологии, оставила заметный след в истории Московского университета и Московских Высших женских курсов (впоследствии 2-го Московского медицинского института, а сегодня Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова). После окончания гимназии П.В. Циклинская в течение 6 лет была учительницей начальной школы, затем поступила на знаменитые Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге, где окончила Естественное отделение Физико-математического факультета, а в 1889 г. поступила на Микробиологические курсы в Пастеровском институте [5]. Одновременно с курсами она слушала лекции по естествознанию в Сорбонне.

По окончании Микробиологических курсов П.В. Циклинская в течение трех лет работала в лаборатории И.И. Мечникова, где выполнила свою первую научную работу «Sur la virulence de la bacteridie» по изучению сибиреязвенной вакцины. В эти годы у П.В. Циклинской на всю жизнь установились прочные добрые отношения с И.И. Мечниковым и его женой Ольгой Николаевной. Вместе с О.Н. Мечниковой она перевела труды И.И. Мечникова, изданные впоследствии в России.

По окончании работы в Пастеровском институте П.В. Циклинская уехала в Москву, где поступила на работу в Бактериологический институт Московского университета, организованный в 1895 г. выдающимся микробиологом, приват-доцентом университета Г.Н. Габричевским. По воспоминаниям современников, это был первый случай допущения женщины в Московском университете в качестве ассистента. В Бактериологическом институте П.В. Циклинская проработала 28 лет. Благодаря демократичному руководству Г.Н. Габричевского она имела возможность выезжать для научной работы за границу, в частности, в лабораторию Мечникова в Пастеровский институт. В 1903 г. за диссертацию по термофильным бактериям Женевским университетом ей была присвоена ученая степень доктора естественных наук.

Работая в Бактериологическом институте, П.В. Циклинская проявила блестящие педагогические способности, она читала лекции, вела практические занятия со студентами. В 1907 г. она была избрана заведующей кафедрой бактериологии Московских Высших женских курсов, которой руководила в течение 15 лет. В 1917 г. Московским университетом она была удостоена степени доктора наук *honoris causa*. П.В. Циклинская активно участвовала в работе основанного в 1900 г. Отделения бактериологии Императорского Общества любителей есте-

ствознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), в работе Общества детских врачей, а с 1917 г. была членом районного санитарного комитета и Технического комитета в Москве.

В годы приезда И.И. Мечникова в Россию (1909 и 1911) П.В. Циклинская организовывала встречи знаменитого ученого в Бактериологическом институте и на Высших женских курсах.

Научная работа П.В. Циклинской была связана с несколькими фундаментальными направлениями бактериологии: изучением микроорганизмов морской воды и кипечника полярных животных (в связи с экспедицией Шарко к Южному полюсу), исследованием термофильных бактерий, изучением кишечной микрофлоры кишечника детей и взрослых.

Любовь Моисеевна Горовиц-Власова (урожденная Горовиц; 1879, Бердичев – 1941, Ленинград) окончила Мариинскую гимназию в Одессе, затем медицинский факультет в Париже (1902). Одновременно она стажировалась в лаборатории И.И. Мечникова в Пастеровском институте, написала и защитила диссертацию «К вопросу о способах защиты организма против микробов». Вернувшись в Россию (1902), Л.М. Горовиц сдала государственные экзамены в Харьковском университете, получив диплом «женщины-врача», и в течение ряда лет работала в различных больницах. Ее работа в качестве земского врача в Новгородской губернии нашла впоследствии отражение в неопубликованных «Записках земского врача», произведении, свидетельствующем не только о литературном таланте, но и гражданском мужестве. С 1905 г. она была практиканткой в Императорском институте экспериментальной медицины, где под руководством Е.С. Лондона ею была подготовлена и защищена (1906) диссертация на степень доктора медицины «К учению о биологическом значении лучей радия», ставшая одним из первых исследований по радиобиологии. В дальнейшем ее научная деятельность была во многом связана с санитарно-гигиеническими исследованиями: она работала в Женском медицинском институте на кафедре гигиены, затем в 1-й Городской гигиенической лаборатории Санкт-Петербурга, с 1911 г. заведовала бактериологической лабораторией Петербургской фильтровально-озонной станции. Она участвовала в работе Пироговского общества, в издании журнала «Гигиена и санитарное дело» и др. [6, 7].

В 1917 г. Л.М. Горовиц-Власова стала доцентом, а в 1920 г. – профессором Петроградского Химико-фармацевтического института. Однако ее вполне благополучная на первый взгляд карьера резко измени-



лась. В 1922 г. она участвовала в работе 2-го Всероссийского съезда врачей, после чего была арестована и сослана в Оренбургский край; впоследствии ей еще не раз пришлось подвергаться арестам. Удивительно, что в ссылке Горовиц-Власовой удалось не только сохранить присутствие духа, но и организовать в Оренбурге Краевую лабораторию Киргизского Наркомздрава и Санитарно-бактериологический институт им. И.И. Мечникова. Его работа, связанная с производством кисломолочных продуктов, стала продолжением одной из тем, изучавшихся в лаборатории Мечникова. Под руководством Горовиц-Власовой была разработана технология приготовления кумыса на основе чистых культур дрожжей и бактерий (1923).

По окончании срока ссылки Горовиц-Власова была избрана профессором гигиены Днепропетровского медицинского института (1925). Здесь под ее руководством были проведены работы по санитарно-бактериологическому анализу воды, воздуха, почвы Днепропетровска. Лишь в 1929 г. она получила возможность вернуться в Ленинград, где возглавила бактериологический и биохимический отделы НИИ биохимии пищевой и вкусовой промышленности, а после закрытия института работала в санитарно-эпидемиологической лаборатории (1935–1937). До конца жизни Л.М. Горовиц-Власова была председателем Ленинградского микробиологического общества. Первая в нашей стране женщина-профессор санитарной микробиологии, она оставила значительное научное наследство: более 100 научных статей, фундаментальную работу «Определитель бактерий» (1933), ряд поэтических сочинений, в том числе, поэму «Бактериада». Ее философские стихи, в частности, «Бездны» (1935), посвященные О.Н. Мечниковой, несут отпечаток давящей психологической атмосферы, гнет которой ей многократно довелось испытать.

Маргарита Николаевна (Натановна) Маргулиес-Аитова (урожденная Бернштейн, 1876, Одесса – 1969, Париж) родилась в семье известного врача, ученого-физиолога, профессора Новороссийского университета Натана Осиповича Бернштейна (1836–1891). Н.О. Бернштейн смог дать своим детям прекрасное образование. Старший брат Маргариты Натановны, Александр Николаевич Бернштейн (1870–1922), окончил Московский университет и стал известным психотерапевтом. Младший брат, Сергей Натанович Бернштейн (1880–1966), крупный математик, окончил университет (1899) и Политехническую школу (1901) в Париже, а вернувшись в Россию, преподавал математику в вузах Харькова, Ленинграда и Москвы. Он стал членом АН УССР



(1925) и АН СССР (1929), лауреатом Сталинской премии (1942), почетным доктором Парижского университета (1945), членом Парижской академии наук (1955).

Маргарита Николаевна в значительной мере продолжила научные традиции своего отца. Окончив с золотой медалью Мариинскую гимназию в Одессе (1894), она поступила в Гейдельбергский университет, где занималась в лаборатории известного зоолога профессора О. Бючли, а в 1903 г. перевелась в Парижский университет, где окончила естественный (1897) и медицинский (1903) факультеты. Защитив диссертацию на тему «Oeuvre de la Goutte de Lait» («Работа о Капле молока»), связанную с гигиеной кормления младенцев, она получила степень доктора медицины. В течение трех лет М.Н. Маргулиес работала в ряде парижских клиник, одновременно посещая Микробиологические курсы в Институте Пастера и работая у И.И. Мечникова, впоследствии она неоднократно приезжала к нему в лабораторию.

Вернувшись в Россию (1903), Маргарита Николаевна сдала государственные экзамены при Женском медицинском институте (ЖМИ) в Санкт-Петербурге, получив звание лекаря с отличием. Она работала в ряде больниц Петербурга, с 1907 г. на кафедре бактериологии ЖМИ у Д.К. Заболотного, ездила с докладом на I Международный конгресс по борьбе с детской смертностью (Париж, 1905), а в 1910 г. работала за рубежом в лабораториях А. Вассермана (Берлин), И. Мечникова (Париж), П. Эрлиха (Франкфурт). Итоги ее работы в лабораториях П. Эрлиха и Д. Заболотного легли в основу докторской диссертации «К вопросу о терапии красящими веществами» (1914). В 1911–1912 гг. она вела большую просветительскую работу: читала лекции для врачей в ряде институтов, преподавала в воскресных школах [8].

Первый муж Маргариты Николаевны, Мануил (Эммануил) Сергеевич Маргулиес (1868/1869–1939) был врачом, юристом, общественным деятелем, позднее крупным предпринимателем (в России). После революции он с 1920 г. жил в Париже, где вел адвокатскую и врачебную практику, а также был основателем масонской ложи «Северная Звезда». С 1911 г. Маргарита Николаевна публиковала свои работы под именем Аитовой. Ее второй муж, Владимир Давидович Аитов (1879–1963), врач-кардиолог, доктор медицины, также был крупным общественным деятелем и масоном.

После революции 1917 года семья эмигрировала во Францию и жила в Париже. В.Д. Аитов работал в амбулатории Общества Красного Креста, участвовал в организации Общества русских врачей за гра-

ницей, русского госпиталя, а также в создании масонских лож «Астрея» и «Лотос». У М.Н. Маргулиес-Аитовой было трое детей: Ю.Э. Маргулиес (1902–1971), С.В. Аитов (1913–1940) и Е.В. Аитова (в замужестве Френкель, 1919–2008) [9].

В эмиграции М.Н. Маргулиес-Аитова продолжала активно заниматься научной и общественной деятельностью. Она участвовала в Международном съезде стоматологов и зубных врачей в Париже (1931), выступала с докладами и лекциями в Обществе русских врачей им. И.И. Мечникова. С 1938 г. она снова работала в Институте Пастера (в отделе иммунологии у А. Штрауба), где после II мировой войны участвовала в разработке вакцины против гриппа. Ее последние статьи датируются началом 1960-х годов. Много лет М.Н. Маргулиес-Аитова руководила работой Комитета помощи нуждающимся и больным студентам, участвовала в работе благотворительных организаций.

Так по-разному сложились после Октябрьской революции 1917 года научные и жизненные судьбы трех женщин-микробиологов, учениц И.И. Мечникова, духовно и профессионально связанных с Институтом Пастера.

#### **Литература, источники, примечания**

1. *Белкин М.С.* Русские женщины-врачи – пионеры высшего женского медицинского образования // Советский врачебный сб. 1949. С. 29–31.
2. Первый русский женский съезд по просвещению и благотворительности при Русском Женском взаимно-благотворительном Обществе: Протокол административного заседания Императорского Кавказского медицинского общества от 25 апреля 1903 г. // Протоколы заседаний Императорского Кавказского медицинского общества. 1903/4. № 1. С. 205–207.
3. *Gouzevitch I.* Etudiants, savants et ingénieurs juifs de l'Empire Russe en France (1860–1940) // Archives Juives. 2002. V. 35. № 1. P. 120–128.
4. *Колотилова Н.Н.* Женщины-микробиологи из России в Институте Пастера // Автотрофные микроорганизмы: 5-й Всероссийский симпозиум с международным участием. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, биологический факультет. 21–24 декабря: Материалы. М.: МАКС-Пресс, 2015. С. 171.
5. *Лебедева М.Н.* П.В. Циклинская (К тридцатилетию со дня смерти) // Журнал Микробиологии Эпидемиологии и Иммунобиологии. 1953. № 12. С. 59–64.
6. *Скорородов Л.Я.* Л.М. Горовиц-Власова (к 15-летию со дня смерти) // Журнал Микробиологии Эпидемиологии и Иммунобиологии. 1957. С. 134–136.

7. Голиков Ю.П., Сысуев В.М., Петрова Л.А. Первый профессор санитарной микробиологии – Л.М. Горовиц-Власова // Хранитель традиций и истории российской медицины: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию создания Военно-медицинского музея. СПб.: ВМедА; ВММ, 2012. С. 120–123.
8. Колотилова Н.Н. Жизнь и научная судьба М.Н. Маргулиес-Аитовой – одной из первых женщин-микробиологов // Хранитель традиций и истории российской медицины: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию создания Военно-медицинского музея. СПб.: ВМедА; ВММ, 2012. С. 113–116.
9. Российское зарубежье во Франции 1919–2000: Биографический словарь в 3 т. / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.

**«Я нахожу, все-таки, что изучать исторические эпохи интереснее, чем их переживать» –  
медиевист К.В. Флоровская**

*Т.Н. Лантева*

Клавдия Васильевна Флоровская (1883–1965) – одна из женщин-ученых, чья успешно развивавшаяся научная карьера была грубо прервана вынужденной эмиграцией. Историкам науки хорошо известны имена ее младших братьев – богослова и церковного историка Георгия Флоровского и историка-слависта и историографа Антония Флоровского. Личность же Клавдии Васильевны Флоровской значительно реже привлекает внимание исследователей, ее жизненный путь и сопровождавшие его обстоятельства практически не изучены.

Небольшой очерк о ней принадлежит перу украинского историка В.В. Левченко, рассмотревшего «одесский» период ее жизни с привлечением документов Государственного архива Одесской области [1]. Существенные дополнения к этой работе вносят комментарии, составленные болгарской исследовательницей Т.Н. Галчевой и ее украинской коллегой И.В. Голубович к документальной публикации «П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции» [2]. Существенная часть приводимых авторами сведений была почерпнута из документов, хранящихся в архивном фонде Антония Флоровского в Славянской библиотеке в Праге. Историографические взгляды Флоровской были затронуты А.В. Свешниковым в работе о петербургской школе медиевистов [3].

Среди источников, позволяющих представить жизненный путь Флоровской, следует назвать в первую очередь ее автобиографию (1955), опубликованную в книге Т.Н. Галчевой и И.В. Голубович [2. С. 33–36]. Это краткое повествование, содержащее сведения энциклопедического характера, наибольшее внимание в котором уделено годам жизни Флоровской в России, что связано с первостепенной значимостью этих лет в ее жизни. Путь к университетской кафедре она считала самым важным эпизодом своей биографии.

Сведения о ранних годах Флоровской можно почерпнуть из ее «Воспоминаний» (около 1954) [4. Д. 245], являющихся началом задуманного автором большого труда, который должен был включить историю всей ее жизни, в том числе годы жизни за границей, но так и не был окончен.

Меньше точных биографических данных, больше оценочных суждений, описаний и подробностей исследователь может найти в эпистолярном наследии Флоровской, входящем в состав архива ее брата Антония. В Фонде Славянской библиотеки в Праге сохранилось 128 писем Флоровской брату Антонию за 1927–1962 гг. [5. Krab. XVIII] и 179 писем брату Георгию за 1921–1962 гг. [5. Krab. XVI]. Присутствуют также ее письма невесткам: два письма жене Антония Флоровского Валентине Афанасьевне (1948, к. 1950-х) и одно письмо жене брата Георгия Ксении Ивановне (1924) [5. Krab. XVI]. Там же хранятся черновики 34 писем Антония Флоровского, адресованные ей за 1948–1962 годы [5. Krab. XVI]. Вторая часть переписки Флоровской находится в Архиве РАН. Это 374 ее письма Антонию Флоровскому за 1922–1965 гг. [6. Д. 458–460] и 32 письма Антония Флоровского к ней за 1939–1963 гг. [6. Д. 102].

О.А. Довгополова в предисловии к книге Т.Н. Галчевой и И.В. Голубович справедливо отметила, что «судьба К.В. Флоровской трагична в своей внешней банальности» [2. С. 21]. Она родилась в 1883 г. в Одессе в семье священнослужителя. В 1901 г. окончила Вторую женскую гимназию, после чего, проработав два года преподавателем в гимназиях Одессы, поступила на Высшие женские (Бестужевские) курсы в Санкт-Петербурге, которые окончила в 1909 г. и была оставлена для подготовки к научной работе в области истории европейского средневековья. Ее учителями были известные ученые: И.М. Гревс, М.И. Ростовцев, Л.П. Карсавин, под руководством которых она в 1910–1912 гг. проводила архивные исследования в хранилищах Италии, Франции и Ватикана. По сведениям В.В. Левченко, во Франции ей

посчастливилось слушать лекции выдающихся медиевистов Ш.В. Ланглуа и Ф. Лота [1]. На базе материалов, обнаруженных в этих поездках, ею был написан ряд научных статей и начата работа над докторской диссертацией, к сожалению, оставшейся незавершенной. Ей также принадлежит авторство ряда статей для второго издания «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» [2. С. 34].

В 1914 г. К.В. Флоровская вернулась в Одессу, где сначала преподавала в женских гимназиях, а с 1917 г. – на Высших женских курсах и в Новороссийском университете. В университете она читала курс лекций «Общественные и политические движения в Италии в Средние Века» [2, 3, 5], на Высших женских курсах вела пресеминарий по общей истории для студентов первого и второго курсов и с каждым годом масштаб ее преподавательской работы увеличивался [1].

16 сентября 1919 г. Советом Новороссийского университета К.В. Флоровская была избрана первой женщиной приват-доцентом этого образовательного учреждения. Утверждение проходило в чрезвычайно беспокойные дни гражданской войны, «когда сменяли друг друга недолговечные режимы большевиков и гетьманцев, австро-германских и англо-французских интервентов, украинских националистов и российских белогвардейцев» [7. С. 15]. Вызывает сомнение утверждение В.В. Левченко о том, что принятие Флоровской в число преподавателей высшей школы объясняется участием Антония Флоровского. Вероятно, успех К.В. Флоровской был обусловлен ее профессиональными качествами и высоким уровнем подготовки. По сведениям друга Флоровских В.Т. Галяса, А.В. Флоровский, «будучи членом Совета университета, отсутствовал на его заседании, когда родная сестра Клавдия была принята приват-доцентом на кафедру всеобщей истории» [7. С. 15].

Семья Флоровских придерживалась либеральных взглядов, отец молодой исследовательницы в 1879 г. даже был на короткое время арестован по обвинению в революционной пропаганде, но во время решительного наступления Красной Армии и сдаче Вооруженными силами Юга России и Одесским гарнизоном города Флоровские решили бежать, попав в одну из последних групп гражданского населения, успевших покинуть страну при Одесской эвакуации 1920 г. Отъезд происходил в страшной суматохе, в чрезвычайно холодном и снежном январе 1920 г. Флоровская уехала без теплой одежды и минимального количества необходимых вещей. В 1922 г. она писала высланному из страны брату Антонию: «Спасибо за шубу и за мои рубашки, – мама

очень горюет о потере вещей и это ее немного утешит. Вы, значит, взяли с собой багаж, – это очень удачно, а нам совсем без вещей было очень трудно» [8]. Выписки, рабочие материалы и наброски докторской диссертации также пришлось оставить.

В Болгарии она поселилась в пригороде Софии, вместе с родителями в предоставленной ее отцу, как инспектору Софийской духовной семинарии, квартире. Вскоре после заселения стали появляться слухи о «выгонке из семинарии» и «выселении из Софии всех русских», а в 1923 г. квартира была отобрана под нужды агрономического факультета Софийского университета и семья была вынуждена снимать небольшую квартиру в городе.

В течение всех лет жизни в Софии Флоровская преподавала в болгарских и русских гимназиях (а также короткое время в католическом французском колледже) русский язык и латынь. Доходы ее, как и ее родителей, были чрезвычайно скромны, и совместное проживание на первых порах диктовалось не только целями взаимной заботы, но и соображениями финансового характера. Флоровская писала брату Антонию, что если «нам пришлось бы разделиться, и тогда мы не могли бы прожить на наши заработки порознь. Наш единственный ресурс – моя русская гимназия, где если я и получу, паче чаяния, еще несколько уроков, то этого, может быть, хватит только на квартиру, и то не наверное» [9].

В первые годы эмиграции она не теряла надежду возобновить работу в научной сфере и попыталась предпринять исследование вопроса о разделении церквей. Однако ей пришлось столкнуться с двумя проблемами: во-первых – с обстоятельством нехватки источников и книг, осложнявшим работу всех ученых-гуманитариев в ее положении в 1920-е гг., а во-вторых – с необходимостью зарабатывать себе на жизнь, что лишало ее возможности располагать временем на исследования и в то же время не давало достаточно средств для необходимых заграничных поездок.

Обе проблемы могли бы быть решены путем получения стипендии для продолжения научной работы, так называемой «вольной вакансии», в Чехословакии. В 1922 г. она подала документы в Русскую учебную коллегия в Праге и была включена в список подобных ей преподавателей русской высшей школы, ожидающих финансовой поддержки для продолжения научной работы. И эта возможность ей вскоре представилась.

В 1923 г. ее брат Антоний сообщил о свободном месте преподавателя в Берлинском русском институте, но она ее отвергла по причине

неясности вопроса о финансовом обеспечении [10]. В январе 1924 г. Флоровской внезапно была предложена желаемая «вольная вакансия» в Праге. Но после раздумий она была вынуждена от нее отказаться, мотивируя свой ответ тем, что ее финансовое положение приобрело определенную стабильность, а семейная ситуация требует ее присутствия в Софии, поскольку ее доход является подспорьем для престарелых родителей [11].

В начале 1933 г. Флоровская, как многие эмигранты, в целях избежать постоянного риска гонений на русских, приняла болгарское подданство [13]. Ее надежды на стабильность оказались преждевременными. В охваченной коммунистическим террором и экономическим кризисом Болгарии гимназии, в которых она работала, постоянно находились под угрозой закрытия, оплату учителям регулярно задерживали, она, как русская эмигрантка, несмотря на болгарское подданство, всякий момент была готова потерять свое место. Научные исследования по-прежнему были ей интересны, но попыток их продолжить она уже не предпринимала. 21 января 1937 года она писала брату в Прагу: «Едва ли можно думать теперь о возобновлении научной работы, особенно сидя здесь, где ни одного научного вопроса по всеобщей истории нельзя разработать сколько-нибудь полно за неимением литературы» [12].

Иногда Флоровской удавалось получить заказы на переводы. Ей очень нравилась эта работа. Например, в 1941 г. вместе с приятельницей-болгаркой она с огромным удовольствием перевела роман А.К. Толстого «Князь Серебряный» на болгарский язык.

Формально не входя в состав русской академической группы в Болгарии, Флоровская, тем не менее, играла в ее жизни активную роль. Так, в мае 1925 г. она вошла в состав инициативной группы, организовавшей по просьбе русских студентов публичные лекции на исторические и литературоведческие темы, докладчиками на которых выступали видные ученые: П.М. Бицилли, С.С. Демосфенов, П.М. Савицкий и, вероятно, В.А. Мякотин и А.А. Кизеветтер [14].

Можно встретить утверждение, что в эмиграции Флоровская занимала должность доцента в Софийском университете, однако ее письма этот факт опровергают [15].

Поскольку имя Флоровской зачастую упоминается украинскими коллегами в рамках изучения истории Одесского национального университета, следует отметить, что, несмотря на малороссийские корни, сама она считала себя русской и входила в русскую диаспору, а не в



украинскую. Так, рассказывая о пойманных в Софии советских шпионах, она повествует об их пребывании в городе, своем впечатлении от общения с ними и впечатлениях других русских эмигрантов, а после сообщает, что «между прочим, здесь они водили знакомство и с здешними украинцами» [16].

На протяжении всего времени пребывания за границей Флоровская выражала желание вернуться в Россию. В день Пасхи 1930 г. она писала брату Антонию: «Желаю скорейшего наступления другого светлого праздника – освобождения и возрождения России, и возвращения туда. Я надеюсь, все-таки, что дождусь этого и вернусь в Россию еще с достаточным запасом сил и здоровья, чтобы пожить и поработать там» [17] и «не имею ни малейшего желания чувствовать себя здесь оседлой, хотя и приняла гражданство. Все-таки все здесь нам чуждо, как и везде» [18].

Со временем она все отчетливее понимала бесперспективность своего пребывания в эмиграции, чаще говорила о желании вернуться на родину, несмотря на опасения «чувствовать себя там более чужой, чем на чужбине». Она пишет об общем чувстве неприютности: «Я, по крайней мере, все эти 20 лет чувствую себя не дома, а на бивуаках, хотя я нигде в другом месте не жила подряд так долго. Вероятно, так будет и до конца. А раньше везде было дома, – и в Одессе, и в Петербурге, и в Париже, и в Италии... » [19].

В 1955 г. Флоровская репатрировалась в СССР, жила как член семьи в доме своих болгарских друзей Сусанны и Павла Любоцинских в подмосковном Внуково, зарабатывая на жизнь переводами с болгарского, латыни, немецкого, английского, итальянского. Она изучала новые для себя языки – испанский и польский, училась рисовать, путешествовала по стране и была совершенно довольна своим положением и даже счастлива. Она писала: «как жаль, что жить приходится только одну жизнь» и что «старость – лучший период в жизни». О пребывании в Болгарии она вспоминала теперь с большой теплотой, радовалась встречам с приезжающими болгарскими гостями. В середине декабря 1965 г. она посетила Софию, с удовольствием вновь увидела полюбившиеся места, старых друзей, коллег по гимназии и бывших учеников.

До преклонных лет она сожалела о неудавшейся научной жизни, возможность искать книги и готовить выписки из них для научных исследований брата Антония Флоровская воспринимала как подарок судьбы.

Дорога Флоровской в медиевистике была связана, с одной стороны, с общим раскрепощением женщин в России, с другой – ей приш-

лось столкнуться с проявлениями мужского шовинизма со стороны своих же учителей. И.М. Гревс оставил о ней следующее воспоминание: «Это была несколько претенциозная натура, мечтавшая о научной славе, но обладавшая лишь скромным даром; ее сначала сбили с толку Карсавин и Оттокар, суля ей в Италии золотые горы, но потом стали теснить ее критикой, подрывая все ее доверие к себе и окрестив ее насмешливою кличкою «Дуду» (которая, грешен и я, казалась мне подходящею, рисуящею ее манерный, обидчивый нрав)» [20]. Прозвище «Дуду», вероятно, происходит от семейного имени «Дуся» – так Флоровскую называли братья, этим именем она подписывала свои письма. Нелицеприятное наблюдение Гревса относительно амбиций и тщеславия Флоровской не находит подтверждения в архивных документах. В письмах перед нами предстает цельная, тонко чувствующая, готовая к самопожертвованию личность, полная достоинства и желания помочь другим эмигрантам продолжить научную работу и реализовать свои творческие возможности. Так, в 1923 г., будучи сама совершенно неустроенной в научной жизни, состоя в очереди на получение стипендии на научную работу и не имея настоящей надежды на реализацию этого плана, она приложила немало усилий для приглашения друга семьи Флоровских П.М. Бицилли в Софийский университет, и была рада, что сам объект ее заботы не знал о ее хлопотах [21]. Так же уже после отказа от «вольной вакансии» она боролась за приглашение в пражскую академическую группу правоведа А.С. Мулюкина [22]. Она неоднократно бескорыстно помогала разным лицам в поиске источников, литературы, переводе иностранных текстов.

В противоположность замечаниям ее учителя, сохранилось свидетельство о том, что ее личность неизменно вызывала уважение окружающих. Так, знаменитая пианистка Мария Юдина писала о ее кончине священнику Герасиму (Прокофьеву) 26 января 1965 г.: «На меня произвело сильное впечатление Ваше служение, когда Вы отпевали в это воскресенье, 24 января 1965 года, нашу дорогую Клавдию Васильевну Флоровскую. Я очень горюю по ней; каждый, кто знал ее, не мог ее не чтить и не любить. Это была поистине светлая и образцовая, безупречная личность» [23].

Такова судьба К.В. Флоровской – женщины незаурядного ума и образованности, шедшей в ногу с научной мыслью времени, но, в силу исторических обстоятельств, реализовавшейся не в собственной научной карьере, а в успехе других ученых-эмигрантов.

## Литература, источники, примечания

1. *Левченко В.В.* Из истории высшей школы Одессы: первая женщина приват-доцент – Клавдия Васильевна Флоровская (1883–1965) // Проблемы славяноведения: Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2012. С. 161–174.
2. *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к «независящим обстоятельствам»». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: «Солнце», 2015. 320 с.
3. *Свешников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Омский гос. ун-т, 2010. С. 128–132.
4. Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1.
5. *Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-Flor.*
6. Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2.
7. *Галяс В.Т.* Русский историк-славист А.В. Флоровский // Дерибасовская – Ришельевская: Одесский альманах. 10/2003. № 15. С. 9–25.
8. Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому. 25 сентября 1922 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 8 об., 9.
9. Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому. 26 июля 1923 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 25 об.
10. Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому. 21 февраля 1923 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 10 об.
11. Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому. 17 января 1924 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 40.
12. Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому. 21 января 1937 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 459. Л. 29.
13. Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому. 20 февраля 1933 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 213 об.
14. Письма К.В. Флоровской А.В. Флоровскому. 11 апреля 1926 г. – 21 февраля 1928 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 81–123.
15. Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому. 13 сентября 1922 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 1 об.
16. Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому. 16 мая 1939 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 459. Л. 103 об.
17. Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому. 5 апреля 1930 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 170.
18. Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому. 11 ноября 1937 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 459. Л. 49.
19. Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому. 10 октября 1939 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 459. Л. 119.

20. Цит. по: *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к «независящим обстоятельствам»». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: «Солнце», 2015. С. 32.
21. *Галчева Т.Н.* Дорога в Софию. П.М. Бицилли и Кл.В. Флоровская. (Доклад представлен на семинаре памяти П.М. Бицилли и Г.В. Флоровского. Одесса, Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова. 5 октября 2013 г.) // [Электронный ресурс]: <http://www.viaevrasia.com/ru> (Дата обращения 25 мая 2017 г.).
22. Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому от 16 июля 1924 г. // Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 50 об.
23. *Юдина М.В.* Лучи Божественной Любви. Литературное наследие. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. С. 524.

## Маргарита фон Врангель (1876/1877–1932): профессионализация в науке в борьбе с препятствиями

*Е.А. Баум*

«Я помню прекрасный осенний день. Накануне ночью в парке был ураган, поваливший много старых деревьев, которые преградили наш путь. Дейзи не хотела следовать моему совету и, как я, искать обходные пути. Она считала, что каждый раз обходить было <...> слишком утомительно, и перелезала через лежавшие стволы деревьев. Когда их не осталось [она. – *примеч. Е.Б.*] грустно сказала: «Теперь больше нет препятствий!». Каждый раз, когда в дальнейшей жизни моя храбрая дочь решительно сталкивалась с препятствиями, я видела перед моими глазами тот ветреный осенний день и упавшие деревья в старом парке Сокольники».

*Из воспоминаний  
Иды фон Врангель, матери  
М. фон Врангель [1, 2]*

Маргарита фон Врангель, женщина-химик российского происхождения, стала первым штатным профессором университета Германии (1923). Ее профессиональная жизнь была необычной во всех отношениях. Получив высшее образование в Тюбингском университете (1909) в области химии, она большую часть своей жизни проработала в области агрохимии, причем 14 лет из них в эмиграции. Ее работа по удобрению почв без помощи привозных фосфатов, была жизненно не-

обходима для обедневшей в послевоенные годы Германии и получила признание. В 1923 году М. фон Врангель была назначена главой Сельскохозяйственного Института питания растений при университете Гогенгейма (г. Штутгарт).

### **Ранние годы жизни, получение образования**

Маргарита Карловна фон Врангель была третьим ребенком в семье полковника Российской императорской армии барона Карла Фабиана фон Врангеля (Karl Fabian von Wrangell, 1839–1889), женатого на своей дальней родственнице баронессе Иде фон Врангель (Ida von Wrangell, 1843–1927). Она родилась под Рождество, 25 декабря 1876 года по старому стилю, в Москве.

«Мои родители были из семьи Врангель, – писала в своих воспоминаниях М. фон Врангель [3. С. 141], – располагавшей многочисленными землями в двенадцатом веке в окрестностях Балтийского моря, а именно в Эстонии, Швеции и Пруссии, а также в районе Северного моря в Голландии <...>. Из истории семьи можно заметить, что многие из ее членов часто посвящали себя военной службе, например шведский военачальник Каролус фон Врангель (Carolus v. Wrangell), который участвовал в тридцатилетней войне, прусский фельдмаршал граф



Баронесса Маргарет фон Врангель, графиня Андроникова (1930 г.) (Andronikow W. Margarethe von Wrangell: das Leben einer Frau 1876–1932; aus Tagebüchern, Briefen und Erinnerungen. München: Langen/Müller, 1935)

Врангель и несколько генералов, служивших в царской России; среди последних – полярный исследователь и первооткрыватель острова, названного его именем, адмирал Вильг[ельм] Врангель [4], и наконец – это генерал Петр Врангель, который вел борьбу против большевиков в Крыму, используя все свои возможности <...> Также мой отец был русским офицером, двадцать долгих лет ведя непрерывную войну на Кавказе и в Турции...».

Свое детство М. ф. Врангель провела в Москве, Уфе и Ревеле (сегодня – Таллин). Как раз в 1888 году ее отец был переведен по службе в Ревель, где она стала посещать немецкую школу для девочек баронессы фон дер Ховен. В 1894 г., получив

диплом учительницы, Маргарита завершила свое гимназическое образование. «Мои лучшие воспоминания связаны со школой для девочек баронессы Elise v. d. Howen, – писала об этом времени впоследствии М. фон Врангель [З. С. 142], – под ее чутким руководством, мы познали радость дружбы, которая не зависела от твоего происхождения. Уже в школьные годы во мне проснулось желание изучать естественные науки, а также математику. Но этому желанию препятствовали различные трудности. В семейном кругу это желание было воспринято эмансипированным и немного бесполезным, так что я провела последующие годы, путешествуя, казалось бы, найдя свое призвание, но внутренне была не удовлетворена жизнью, испытывая большое количество социальных проблем». В течение порядка 10 лет по окончании гимназии она пыталась найти себя: давала частные уроки, занималась живописью и писала рассказы. Последние Маргарет публиковала в газете «Revaler Zeitung» под именем Дейзи Врангель [5].

К 1904 году Маргарита в возрасте 27 лет решила со всей серьезностью заняться науками. Из-за смерти ее брата, последовавшей как раз в 1903 году, он обучался химии в Цюрихе, девушка должна была держать свои планы в секрете, т.к. семья считала, что причиной смерти Николая фон Врангеля стало чрезмерное увлечение наукой. Маргарита предприняла свою первую попытку заняться наукой в том же 1903 году под предлогом посещения санатория в Грайфсвальде (Greifswald). Находясь в нем, она прошла обучение в летней школе местного ботанического института при университете, что ее чрезвычайно воодушевило. В 1904 году она официально иматрикулируется в Тюбингенском университете (Eberhard-Karls-Universität zu Tübingen), решив заняться химией, и объявляет об этом матери, которая ее сразу поддержала в этом начинании. Действительно, в течение всех лет своей жизни Дейзи была очень близка с матерью, которая стала одновременно ее наставником по жизни. Возможно, это было связано с тем, что ее юношеские годы были омрачены потерей других самых близких людей: в 1888 г. неожиданно умерла ее сестра Мария, а год спустя – отец. В отличие от других родственников, которые даже пошли на разрыв контактов с их милой Дейзи после такого «эмансипированного» поступка, мать ее решение не только одобрила и поддержала, но и переехала к ней в Тюбинген уже в 1905 году.

Маргарита описывает атмосферу университета в то время в своих воспоминаниях [З. С. 142]: «Тюбингенский университет являлся наиболее подходящим местом для женщин-студенток. Первые выпускни-

цы Женской гимназии Штутгарта были зачислены в этот университет без особых проблем. Профессора и студенты проявляли друг к другу галантную учтивость и отличались полным отсутствием нигилистических взглядов, что обеспечивало студенткам Тюбингенского университета особое привилегированное положение».

Зимний семестр 1906/1907 года Маргарита проводит в Лейпцигском университете, где занимается химией и физиологией растений. Летом возвращается обратно в Тюбинген к своему наставнику химико-органику профессору Вильгельму Густаву Вислиценусу (1861–1922). В 1909 г. она получает докторскую степень (rer. nat.) после предоставления и защиты диссертации «Isomerieerscheinungen beim Formylglutaconsäureester und seinen Bromderivaten» [6]. Диссертация была посвящена памяти брата. В том же году Маргарет с триумфом возвращается в Россию, заняв сразу же должность ассистентки при сельскохозяйственной опытной станции Императорского вольного экономического общества в Юрьеве (ныне Тарту, Эстония) [7].

Намереваясь и далее совершенствоваться в химии, она по совету Вислиценуса едет в Англию (1910) к знаменитому Нобелевскому лауреату в области изучения радиоактивности сэру Уильяму Рамзаю. В его лаборатории университетского колледжа в Лондоне Маргарет занимается изучением продуктов радиоактивного распада тория. Работа оказалась настолько успешной, что Рамзай предоставил ей рекомендацию для работы в лаборатории Марии Кюри в Париже. Но полгода в 1911 году М. фон Врангель пробует себя в другой роли – в качестве ассистентки, зачисленной официально в штат страсбургского Института химии, чтобы «познакомиться с работой преподавателя». Она надеялась добиться возможности читать лекции в Рижском политехникуме. Рамзай указал на необходимость наличия преподавательского опыта и поэтому посодействовал в получении должности в Страсбурге. К концу 1911 года молодая ученая работает уже у Марии Кюри, которую очень заинтересовали ее исследования в области тория. Но общая работа не сложилась, поскольку М. Кюри в то время была больна, должна была оперироваться, работы в лаборатории вскоре были приостановлены [8]. Через несколько месяцев пребывания в Париже Маргарита вернулась в Ревель (1912), где возглавила экспериментальную станцию Эстонского сельскохозяйственного объединения. Здесь она переключилась на исследования в области проблем питания семян и их подкормки. Ее научные интересы сконцентрировались на области выдающейся научной и исключительной для национальной экономики



значимости – на применении эстонского калий- и фосфорсодержащего минерального сырья при производстве удобрений. Также она пыталась найти новые источники фосфора в прибрежных отложениях Балтийского моря.

### **Жернова революционных лет, переезд в Германию**

«Военные годы, – пишет в воспоминаниях М. ф. Врангель [3. С. 143], – породили множество конфликтов между прибалтийцами немецкого происхождения, а также принесли множество трудностей извне. Среди моих воспоминаний о жизни, опыт русской революции является самым тяжелым». В октябре 1917 года «во время коммунистического правления» красногвардейцы пытались заставить ее подписать документы о передаче сельскохозяйственной станции в их руки и готовности М. ф. Врангель работать под их начальством и контролем. Но Маргарита отказалась и ее учреждение было закрыто. А через несколько дней она была арестована и препровождена в тюрьму. «Я предстала перед комиссией и должна была подписать, что я арестована по инициативе революционного комитета, и что были найдены мои скрытые тайники с оружием и переписка с Германией, – продолжает она, – я была убеждена, что буду немедленно расстреляна». М. ф. Врангель достаточно подробно описывает свое тюремное заключение, которое прервалось в связи с неожиданным вторжением немецких войск. В результате она эмигрировала в Германию в Гогенгейм. «Гогенгеймский директор Вармбольд (Hermann Warmbold, 1876–1976), который ее знал по Ревелю, доставил безработную и изгнанную молодую женщину-ученого в Гогенгейм и дал ей работу на местной опытной станции», – так описывает этот новый этап жизни М. фон Врангель историк-архивист У. Фельмет [5. S. 10]. Таким образом, ученая с 1918 года обосновалась на сельскохозяйственной опытной станции при Гогенгеймской высшей сельскохозяйственной школе, при которой Германн Вармбольд состоял одновременно профессором с 1915 по 1919 гг. Его протекция существенно повлияла на карьерный рост М. ф. Врангель, поскольку в годы существования Веймарской республики он являлся некоторое время министром сельского хозяйства, одновременно с 1922 по 1931 год состоял членом правления компании BASF и с 1926 по 193 – I.G. Farben.

### **Карьерный рост, вклад в науку и экономику Германии**

В кризисные 1919–1923 годы Веймарская республика была вынуждена преодолевать непосредственные последствия войны, одной из которых была гиперинфляция. Если говорить о развитии сельского

хозяйства в стране, то во многом, конечно, оно зависело от развития промышленности по производству удобрений. Как известно, еще Ю. фон Либих открыл огромную важность минералов для роста растений. Сбалансированное, в зависимости от типа почвы и растений, соотношение калийных удобрений, азота и фосфатов в смесях удобрений должно было вывести сельское хозяйство на высокие урожаи. Но уже во время Первой мировой войны стало ясно, что Германия имеет лишь местные источники калийных удобрений. В остальном ее промышленность зависела от импорта, который в то время прекратился из-за британской блокады. Реализация программы по синтезу аммиака (изобретение Ф. Габера), осуществленная BASF, несколько снизила остроту проблемы. Но в решении проблемы синтеза фосфатов преуспеть не удалось. В то же время галопирующая инфляция не позволяла закупать природные фосфаты в больших масштабах. Именно поэтому Г. Вармбольд, знавший работы Врангель по изучению фосфорно-кислотного питания растений, с удовольствием пригласил ее для работы в Гогенгейм, тем более, что благодаря его деятельности на посту директора статус этого учреждения в 1918 году вырос до университета. Но этот статус надо было подтверждать новыми академическими проектами. И в этом отношении друг и преемник Вармбольда на его посту Фридрих Аребоэ (Friedrich Aereboe) с воодушевлением поддержал работы М. фон Врангель, предложив в результате промышленникам коммерческий проект «систему удобрений Аребоэ–Врангель».

Аребоэ в то время искал самодостаточные системы удобрений с целью сокращения огромных затрат Германии на поставку сырья. Многолетние же исследования Маргарет были сосредоточены на разработке метода, позволяющего «заставить» растения усваивать плохорастворимые фосфаты из почвы, исходя из предположения, что в любой почве обязательно имеются фосфаты. Решение данной проблемы, предложенное М. фон Врангель, в результате оказалось ошеломительным. Суть его заключалось в следующем: необходимо повысить в смеси удобрений процентный вклад калийной соли и азота, в количестве, соответствующем виду почвы и растений, и полностью убрать из состава фосфаты. Простимулированные таким образом растения начнут впитывать содержащиеся в почве, натуральные фосфаты самостоятельно.

Система удобрений «Аребоэ–Врангель» обеспечивала одновременно интересы политики и химической промышленности, обещая сделать Германию независимой от дорогостоящего ввоза фосфатов, уменьшить местное перепроизводство синтетического азота [9]. В игру всту-

пили также BASF и И.Г. Фарбен, занимавшиеся данной проблематикой. Как результат, вскоре после защиты «хабилитационной» работы М. фон Врангель («Gesetzmäßigkeiten bei der Phosphorsäureernährung der Pflanzen», 1920), при поддержке Вармбольда и Ф. Габера [10], на средства фонда удобрений в Гогенгайме был создан Институт по питанию растений. Несмотря на организованную оппозицию этому решению (вплоть до обвинения ученой в плагиате идей и работ российских агрохимиков и проч.), сопротивление профессуры, руководство им было поручено М. фон Врангель (1923). Это назначение стало пиком ее научной карьеры. Ее упорство и личная поддержка со стороны ряда вышеупомянутых покровителей позволили ученой стать одной из первых женщин, сделавших успешную академическую карьеру, которая была исключительной для того времени, включая профессорство. Ее вклад в развитие науки не забыт. Согласно У. Фельмету [5. С. 16] сегодня подход Врангель «по использованию естественных запасов фосфорных кислот в земле» по-прежнему является одним из успешных направлений исследований в индустрии удобрений растений. С 1997 г. действует стипендиальный фонд имени ученой, поддерживающий женщин в период выполнения ими «хабилитационной» диссертации.



Сельскохозяйственный институт питания растений при университете Гогенгейма (1923), который возглавляла М. фон Врангель (Andronikow W. Margarethe von Wrangell: das Leben einer Frau 1876–1932; aus Tagebüchern, Briefen und Erinnerungen. München: Langen/Müller, 1935)

## Литература, источники, примечания

1. Дейзи – так звали Маргарет фон Врангель дома (здесь обыграно англоязычное название цветка «маргаритка» – daisy).
2. *Andronikow W.* Margarethe von Wrangell: das Leben einer Frau 1876–1932; aus Tagebüchern, Briefen und Erinnerungen. München: Langen/Müller, 1935. S. 22.
3. *Kern E.* Führende Frauen Europas. München: Verlag Ernst Reimhardt, 1930.
4. На самом деле М. ф. Врангель здесь немного путается в своей родословной, поскольку очевидно, что она имеет в виду Фердинанда Петровича Врангеля (нем.: Ferdinand Friedrich Georg Ludwig von Wrangell, 1797–1870), полярного мореплавателя, управлявшего в свое время Морским министерством. Упомянутый российский остров Врангеля находится в Северном Ледовитом океане.
5. Основными источниками по биографии М. фон Врангель являются в большей степени многочисленные немецкоязычные статьи, посвященные ее жизни. На основе них, вышеупомянутой книги ее мужа Владимира Андроникова, включающей дневники и личную корреспонденцию ученой, и ее собственных воспоминаний о жизни (представлены в упомянутой выше книге *Führende Frauen Europas*, с. 141–151), написана настоящая работа. К важнейшим статьям о ней относятся, в частности: *Fellmeth U.* Margarete von Wrangell – die erste Ordinaria in Deutschland // Margarete von Wrangell und andere Pionierinnen. Die ersten Frauen an den Hochschulen in Baden und Württemberg, St. Katharinen. 1998. S. 3–26; *Kramer-Schlette C.* Margarethe von Wrangell, verheiratete Fustin Andronikow // Lebensbilder aus Schwaben und Franken. Stuttgart, 1983. Bd. 15. S. 405–431; *Schwarzl S.M.* Wunderlich W. Zum Beispiel: Margarete von Wrangell // Nachrichten aus der Chemie. 2001. Bd. 49. S. 824–825; *Szöllösi-Janze M.* Plagiatorin, verkanntes Genie, beseelte Frau? // Wirtschaft & Wissenschaft. 2000. (4). S. 40–48; *Weeks M.E.* Margarethe von Wrangell // Chemical Education. 1938. P. 198–200. Русскоязычная литература о жизни и деятельности М. фон Врангель представлена небольшой статьей в Википедии, которую необходимо еще выверить, а также небольшой заметкой, опубликованной Н. Пижар-Мико в книге: Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание / Ред.-сост. Е.А. Зайцева (Баум), Т.В. Богатова. М.: Янус-К, 2013. С. 252–254.
6. *von Wrangell Deisy.* Isomerieerscheinungen beim Formylglutaconsäureester und seinen Bromderivaten. Inaugural – Dissertation. Tübingen: Druck von H.Laupp, 1909. 56 S.
7. Baltisches Biographisches Lexikon digital // [Электронный ресурс]: [http://www.bbl-digital.de/eintrag/Wrangell-Margarethe-\(Daisy\)-Mathilde-Bsse.-v.-1876-1932](http://www.bbl-digital.de/eintrag/Wrangell-Margarethe-(Daisy)-Mathilde-Bsse.-v.-1876-1932).
8. *Pigeard-Micault N.* Les femmes du laboratoire de Marie Curie. Paris: Éditions Glyphe, 2013. P. 271–274.

9. Вскоре, правда, выяснилось, что полная независимость от обогащения фосфорными кислотами в соответствии с предложенным методом не могла быть достигнута.
10. В 1922–1923 гг. она также работала под руководством Ф. Габера в Институте кайзера Вильгельма в Берлине.

## **Швейцарские университеты, русские психологи и итальянские социалисты: женское лицо русского научного зарубежья**

*М.Ю. Сорокина*

Российская историко-психологическая историография до сих пор не располагает ни академическим по формату и содержанию (то есть основанным на широком круге архивных источников, российской и зарубежной литературе) историческим сводом становления и развития российской психологии – как науки, профессии и социальной практики – до 1917 года, ни биографическими словарями и библиографиями многих представителей дореволюционного психологического сообщества, которые бы позволили составить репрезентативный социологический и науковедческий портреты дисциплины. Самым полным биографическим справочником по персональному составу российской психологии первой трети XX века по-прежнему остается «The Psychological Register» американского психолога Карла Мерчисона, изданный еще в конце 20-х годов! Несмотря на то, что в последние десятилетия в российской историографии появились отдельные исследования, посвященные «забытым» темам, институциям и именам отечественной психологии (например, психотехнике и психоанализу, эмигрантам и репрессированным и др.), современный российский историко-психологический дискурс почти во всех своих базовых точках продолжает опираться на фактологический историко-научный каркас, сформированный еще в советское время, и в рамках которого оказались по разным причинам «забыты» и/или элиминированы целый ряд научных направлений, школ и персоналий, и прежде всего – педология.

Настоящий доклад посвящен русским ученицам и последователям известного немецкого профессора Эрнста Меймана (1862–1915) – русско-швейцарско-бразильскому психологу-педологу Елене Антиповой (1892–1974) и психологу-тестологу Анне Шуберт (1881–1972), чьи труды и имена, несмотря на их огромный вклад в эксперименталь-

ную психологию и педагогику, почти неизвестны в России. На материале новых научных биографий мы покажем, что вопрос о том, что связывало Э. Меймана и его русских коллег, выходит далеко за пределы личных и профессиональных взаимоотношений психологов разных поколений и стран и формирует более обширную повестку дня о путях развития научных школ в европейском психологическом сообществе до 1917 г. и способах распространения их влияния в мировой научной мысли и практиках.

## **Т.П. Фесенко – поэтесса, библиотечный работник и исследовательница**

*Е.Г. Пивоваров*

Татьяна Павловна Фесенко [Святенко] (07.11.1915, Киев – 12.07.1995, Вашингтон) родилась в интеллигентной семье среднего достатка. Несмотря на то, что ее отец, служивший юристом и агрономом, был репрессирован в 1930-е гг., в 1936 г. Она успешно окончила Киевский университет, в июне 1941 г. – аспирантуру на факультете иностранных языков этого учебного заведения. В том же году стала доцентом – преподавателем английского языка. Еще в студенческие годы сотрудничала в качестве литературного редактора с Государственным издательством Украины, работая с биологическими и медицинскими исследованиями, участвовала в составлении англо-украинского словаря в Институте языкознания АН СССР. 01.09.1941 вышла замуж за А. Фесенко [1].

С 1941 г. – в оккупации [2]. Познакомилась с семьей поэтов О. Анстей и И. Елагина [Матвеев], с которыми продолжала дружбу в Германии и США, оставила о них воспоминания [3]. Вспоминая начало дружбы, она писала: «Нет отопления, нет электричества, нет даже базаров, которые немцы нещадно разгоняют в эту страшную первую зиму оккупации Киева, когда лютый мороз заставляет завоевателей ходить по домам поредевших киевских жителей и забирать у них свитеры, шарфы и даже дамские кофточки».

В 1943 г. супруги вывезены в Верхнюю Силезию в лагерь для «восточных рабочих». С 1945 г. жили в лагере в американской оккупационной зоне в Западной Германии, где издали учебник английского языка «First Steps» [4] для «перемещенных лиц» украинского происхождения. Благодаря знанию английского языка устроилась при ди-

ректрисе лагерей «ди-пи» мюнхенского района: «Проходя регистрацию в первый же день по прибытии, я должна была получить подпись директора лагеря – молодой, очень деловой англичанки. Из ее кабинета я вышла с назначением, став ее секретарем и переводчицей; в этой должности я пробыла до отъезда в Америку. Но на этом наши удачи не кончились – оказалось, что в одной из больших комнат казармы, переделенной занавеской из серых военных одеял, живет семья Матвеевых!». В круг поэтов-друзей Елагина входили Н. Моршен, Б. Филиппов, с которыми она поддерживала профессиональные и личные контакты в США, и будущий коллега по Библиотеке Конгресса США [БК] Б. Нарциссов.

После эмиграции в 1947 г. в США супруги совместно написали несколько статей [5] и исследование «Русский язык при Советах» [6]. В заключении авторы писали: «Что же сделали большевики? Они узурпировали и монополизировали право создания фразеологических штампов. В отличие от народной многовековой чеканки слов и выражений, охватывающих все многообразие человеческой жизни, большевики создали сотни и тысячи бездушных партийно-политических фраз, не руководствуясь и не следуя никаким другим соображениям, кроме одного – соответствия пресловутой «генеральной линии» на данный момент».

1951–1963 гг. Т.П. Фесенко работала каталогизатором в отделе Славянских языков БК [7. Р. 19]. Составила описание редких русских книг XVIII в. в БК [8], писала о коллекции для эмигрантских изданий [9. С. 186–211]. После ухода из БК – сценарист на радио «Свобода», научный сотрудник и библиограф в Гуверовском институте. Участвовала в собраниях Филадельфийского литературного кружка, основанного В. Синкевич в конце 1960-х и просуществовавшего до начала 1980-х гг. На его встречах выступали Филиппов, Л. Ржевский, Нарциссов, Л. Алексева, Дж. Клайн и др. В разгар погромов 1968 г. в Вашингтоне в гости к супругам приезжал литературовед, историк культуры русской эмиграции В.В. Вейдле [10. С. 157–183].

Автор сборников стихов [11] и беллетризованных автобиографий [12]. Первая книга – «Повесть кривых лет» посвящена детству, юности, годам войны и эмиграции, вторая – «Глазами туриста» описывает путешествия по послевоенной Европе: «Свидание с Европой откладывалось на годы. Были на это разные причины – хотелось сперва ознакомиться с Америкой, пустить корни, не чувствовать себя чужаками в стране, где мы проживем остающиеся нам годы. Потом пришла



болезнь, оставившая после себя усталость и страх перед еще большей усталостью. Словом, только через тридцать лет мы снова пересекаем Атлантический океан, но уже в обратном направлении».

Рецензии на ее поэтические сборники часто появлялись в эмигрантской прессе [13]. Стихи Фесенко вошли в антологии: «Перекрестки» (1977 г.), «Встречи» (1983 г.), «Берега» (1983 г.) и «Вернуться в Россию стихами» (Москва, 1995 г.). Сотрудничая с издателем В.П. Камкиным, редактировала книги И. Одоевцевой, В. Корвин-Питроковского, Моршена, Елагина. Составила, редактировала и написала вступительное слово для антологии «Содружество. Из современной поэзии Русского Зарубежья» [14], включающей произведения 75 поэтов первой и второй волн эмиграции. Написала несколько десятков отзывов, посвященных публикациям представителей русской диаспоры [15]. Архив Т. Фесенко передан в БК, но еще недоступен для исследования [16. С. 209–217].

### Литература, источники, примечания

1. О муже Т. Фесенко – Андрее В. Фесенко (11.12.1915, Одесса – 26.06.2000, Вашингтон) известно мало. Родился в семье, занимавшейся издательской деятельностью. Получил степени специалиста и кандидата наук в 1938 и 1941 гг. на Западном отделении Филологического факультета Киевского университета. После эмиграции в США работал *deck attendand* в БК с 1951 г., прошел курс библиотекведения в Католическом университете. Работал на разных должностях в БК, занимался украинской книгой в БК. «Senior processing and reference assistant в Европейском отделе, уволился 03.07.1986 после 35 лет работы в БК» (Library of Congress Informational Bulletin [LCIB]. Vol. 45. № 33. 16.08.1986). Помимо совместных работ с женой, печатался самостоятельно в «Новой жизни»: *Фесенко А.В.* К истории русской библиографии за рубежом // Новая Жизнь. 1967. № 111; *Его же.* Характерные особенности русского языка последнего десятилетия // Новая Жизнь. 1967. № 89.
2. Об обстоятельствах, вынудивших молодую пару остаться в оккупированном городе, Фесенко пишет: «Почти все наши однокурсники и друзья ушли на фронт, а мой муж не разделил их участи, задыхаясь в тяжелых припадках бронхиальной астмы».
3. *Фесенко Т.* Люша // Поэтессы русского зарубежья: Л. Алексеева, О. Анстей, В. Синкевич: [Сб.]. М.: Советский спорт, 1998. 447 с.; 46 лет дружбы с Иваном Елагиным. Париж: «Альбатрос», 1991. Мемуары вышли тиражом в 100 экземпляров при поддержке Р. Герра.
4. *Фесенко А., Фесенко Т.* First Steps – Перши крохи: [пидручник з англійської мови]. Vamberg: [sn.], 1950. 124 с.

5. *Фесенко А., Фесенко Т.* Язык войны и последнего десятилетия // Новая Жизнь. 1954. № 36.
6. *Фесенко А., Фесенко Т.* Русский язык при Советах. New York, 1955. 222 с.
7. LCIB. Vol. 11. № 11. 06.10.1952. «Т. Фесенко получила постоянную работу в отделе описательного каталога».
8. *Fessenko T.* 18<sup>th</sup> Century Russian Publication in the Library of Congress: A Catalogue. Washington, D.C.: Slavic and Central European Reference Division, Library of Congress, 1961. 157 p.
9. *Фесенко Т.* Русские сокровища Библиотеки Конгресса // Отклики: Сб. статей памяти Н.И. Ульянова (1904–1985). New Haven, 1986. 332 с.
10. Т. Фесенко – И. Чиннову 27.04.1968: «... Пасха была у нас чудесной: яркой не только от множества цветов, но и главным образом оттого, что у нас гостил милейший и интереснейший В.В. Вейдле. Он нас живой водой окропил, рассказывал массу интересного и ценного, и к тому же был уютным-преуютным и таким простым, как бывают только очень интеллигентные люди. Тепло и мило вспомнили о Вас. В.В. днем пропадал в Национальной галерее, изо дня в день, больше никуда ходить не хотел, в такой восторг она его привела. А затем мы много катались – вдоль лужаек с миллионами нарциссов и тюльпанов, вдоль улиц, засаженных десятком тысяч пышно цветущих азалий, под кружевными зонтиками белых и розовых прелестных «догвудов» <...>. А в «Европу времен Второй мировой войны», т.е. в район развалин (22 квартала!) на противоположной стороне города, который, по сути, позволили разграбить и сжечь, мы не заглядывали. Еще работая у Камкина, я всегда боялась этого района, – там уже с утра на крылечках сидели вдрызг пьяные негры, и фланировали особой такой походочкой отчаянные парни в крошечных шапочках. Вот там-то все и выгорело – остались Камкин и Funeral home наискосок, а у нас ничего не произошло, отделались только напряжением нервов». Цит. по: Письма к Игорю Чиннову // Новый журнал. 2002. № 226. 341 с. И.В. Чиннов более двадцати лет был постоянным корреспондентом Т. Фесенко. В фонде № 614 Игоря Владимировича Чиннова в ОР ИМЛИ РАН хранятся его письма к Т. Фесенко: 10 п. 1966–1981 гг. 24 л.; п от нее: 1966 – 1989, 1 фото, 38 п., 11 открыток, 58 л. Статьи Фесенко о нем: *Фесенко Т.* Игорь Чиннов. «Автограф» // Новый Журнал. 1985. Кн. 161. №. 301–304; *Ее же.* «Я не забуду, нет, я не хочу забыть...»: 5 книга стихов И. Чиннова // Современник. 1973. № 25. Ноябрь. С. 100–102; *Ее же.* Заметки читателя // Новое русское слово. 22132. 17.01.1971. С. 5.
11. *Фесенко Т.* Двойное зрение: Сб. стихов. Париж: «Альбатрос», 1987. 62 с.; *Ее же.* Пропуск в былое: Сб. стихов. Буэнос-Айрес, 1975. 61 с.
12. *Фесенко Т.* Глазами туриста. Washington, D.C.: Изд. В. Камкина, 1966. 142 с.; *Ее же.* Повесть кривых лет. New York: Изд. «Нового русского слова», 1963. 224 с.

13. Чиннов И. Смотрите стихи // Новый Журнал. 1968. № 92; *Домогацкий Б.* Есть книги // Единение. 28.07.1963; *Гуль Р.* 25 лет // Новый Журнал. 1967. № 87; *Поливанов Л.* Остановленный миг // Русская мысль. 29.11.1984; *Седых А.* Три эмиграции // Новое русское слово. 10.03.1981; *Тугаев В.* Ценный подарок для любителей поэзии // Родные дали. 1967. Май; *Вейнбаум М.* Книга, овеянная любовью // Новое русское слово. 20.02.1963
14. Содружество. Из современной поэзии Русского Зарубежья. Вашингтон: Изд. В. Камкина, 1966. 559 с.
15. *Фесенко Т.* Профессор Богатырчук и его книга // Новый Журнал. 1979. № 137; *Ее же.* Гишпанская затея камергера двора // Новый Журнал. 1974. № 114; *Ее же.* Детство золотое; Огненное перо; «Старомодно...» // Современник. 1974. № 26/27; *Ее же.* Радиш // Новый Журнал. 1973. № 111; *Ее же.* Немолкнущие голоса; По закатным дорогам // Современник. 1972. № 24; *Ее же.* Борис Крюков; Леся Украинка // Новый Журнал. 1971. № 105; *Ее же.* Возвращение // Возрождение. 1971. № 229; *Ее же.* Живой как жизнь (письма К.И. Чуковского) // Новый Журнал. 1970. № 100; *Ее же.* «На руках появились пятна...» // Современник. 1970. № 20/21; *Ее же.* Книга о печальных концах // Современник. 1969. № 19; *Ее же.* Стихотворения // Возрождение. 1969. № 215; *Ее же.* Послевоенный год // Мосты. 1959. № 3; *Ее же.* Производство ненависти // Новый Журнал. 1952. № 29.
16. Подробнее наследие Фесенко и поэтов ее круга рассмотрено в: *Пивоваров Е.Г.* История русской книги в Библиотеке Конгресса США. СПб., 2013. 240 с.

## Профессор Марианна Грюнберг-Манаго – первая женщина – президент Французской Академии наук

*Т.И. Ульяновкина, Артур Вернер*

В начале 2013 года, за три дня до своего девяностодвухлетия, ушла из жизни выдающийся ученый современности, профессор Марианна Грюнберг-Манаго (Marianne Grunberg-Manago; 6 января 1921, Петроград – 3 января 2013, Париж) – французский ученый-биохимик российского происхождения, молекулярный биолог, организатор науки, президент Международного биохимического союза (1982–1988), первая женщина – президент Французской Академии наук (1995–1996), иностранный член АН СССР с 1988 г., иностранный член РАН с 1991 г. В России, с которой М. Грюнберг-Манаго тесно сотрудничала, ее называли Марианной Владимировной. Она свободно владела рус-

ским языком и была погружена в среду русского языка и литературы, как это было широко принято в эмигрантских русских семьях. Всю жизнь Марианна искренне любила свою историческую родину.

Марианна Грюнберг-Манаго родилась 6 января 1921 г. в Петрограде. Ее мать – Екатерина Рязанова, окончила Архитектурный институт, что, как пишет в отечественном некрологе Л.О. Фролова, «в России того времени <...> было большой редкостью». Отец – Владимир Юльевич Грюнберг (30 июня 1893 – 23 марта 1964, Париж) – художник, архитектор, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и Академию архитектуры. Дед Марианны был издателем популярного журнала «Нива» в Петербурге. Когда Марианне исполнилось 9 месяцев, семья эмигрировала во Францию. Марианна окончила среднюю школу в Ницце. В 1940 г. она получила сертификат по сравнительной литературе (*Certificat de littérature compare*), а в 1943 г. получила диплом Парижского университета (Сорбонна) в области естественных наук (*Licence de sciences naturelles, Université de Paris*). В 1947 г. там же она защитила диссертацию на степень доктора – *Docteur ès sciences, Université de Paris*. Тем не менее, с детства Марианна была погружена в среду русского языка и литературы, как это было широко принято в эмигрантских русских семьях.

С 1945 г. Марианна начала работать в Национальном центре научных исследований (CNRS), специализируясь в области энзимологии. 1953 год был ознаменован получением Грюнберг-Манаго стипендии фонда Фуллбрайт (*Fullbright Fellow à l'Université d'Urbana*), что позволило ей начать работу в лаборатории испанского биохимика профессора Северо Очоа (*Severo Ochoa*) в Урбанском университете (шт. Иллинойс, США), изучая механизмы регуляции активности генетического аппарата микроорганизмов. Ее первые работы совместно с Эрни Роузом были посвящены свойствам ацетокиназы, которая катализирует фосфорилирование ацетиловой кислоты, используя АТФ. Впоследствии Э. Роуз сконцентрировался на работах с митохондриями крыс, в то время как Марианна (которая избегала эвтаназии крыс) решила работать с бактериальными экстрактами *Azobacter vinelandi*. Она планировала использовать реакцию обмена между АТФ и неорганическим фосфатом для поиска новых фосфорилированных коферментов. И ее первые эксперименты демонстрировали такой обмен. Однако в повторных экспериментах с гораздо более чистым АТФ реакции обмена катализированных продуктов с очищенными бактериальными экстрактами исчезали. Кроме того, продукт реакции не вымывался из

ионообменной колонки и двигался при использовании бумажной хроматографии. На отработку методик ушли месяцы.

Последующие два года (1954–1955) Марианна работала в Нью-Йоркском университете (*Fellow à New-York University*). Здесь она исследовала ранее неизвестный фермент – полинуклеотид-фосфоорилазу (ПНФаза), катализирующий синтез полимеров, связанных с рибонуклеиновыми кислотами. Она доказала, что возможен ферментативный синтез РНК с различным составом азотистых оснований. Эти работы способствовали расшифровке генетического кода и были одним из выдающихся открытий XX века. Именно Грюнберг-Манаго открыла основной путь расшифровки аминокислотного генетического кода, и это позволяло принципиально синтезировать рибонуклеотидные гомополимеры и гетерополимеры, как нуклеотидные дифосфаты (UDP, CDP, GDP и IDP) в качестве субстратов, так и АТФ. Способность ПНФазы синтезировать РНК в системе *in vitro* сыграла решающую роль в опытах М. Ниренберга и Г. Матеи (1961), показавших, что полиуридиновая кислота, полученная с помощью этого фермента, направляет синтез полифенил-аланина. Как заметил сам С. Очоа: «Полинуклеотид-фосфоорилаза может считаться Розеттским камнем генетического кода».

В 1959 г. С. Очоа вместе с А. Корнбергом были удостоены Нобелевской премии по медицине «За открытие механизма биологического синтеза рибонуклеиновых и дезоксирибонуклеиновых кислот». Роль М. Грюнберг-Манаго в этом открытии Нобелевский комитет не оценил (как это с ним часто бывало и в других случаях). Тем не менее, она достойно и безоговорочно заняла лидирующее место в мировой молекулярной биологии. В 1958 г. М. Грюнберг-Манаго стала первой женщиной – приглашенным профессором Центра здоровья в Бетезде и в Гарвардском университете (*Visiting Professor au NIH de Bethesda et à l'Université de Harvard*). Хотя после получения Нобелевской премии Северо Очоа и настаивал на продолжении совместных исследований, но в 1959 г. Манаго приняла окончательное решение вернуться в Париж вместе с мужем Арманом, поскольку она ждала ребенка. Здесь она навсегда связала свою жизнь с Институтом физико-химической биологии в Париже (*Institut de Biologie physicochimique à Paris, IBPC*), возглавив отдел биохимии (*Chef du laboratoire de biochimie*), а с 1961 – отдел в CNRS (*Directeur de recherche au CNRS*).

Парижская лаборатория М. Грюнберг-Манаго в Институте физико-химической биологии в Париже быстро стала одним из ведущих

профильных мировых центров. Уже с начала 1960-х гг. лаборатория стала доступна для стажеров из России: Москвы, Киева, Пущино и Новосибирска. Как пишет академик Алексей Алексеевич Богданов (МГУ) в очерке, посвященном памяти М. Грюнберг-Манаго: «Особенно хочется отметить многолетнюю дружбу Марианны с академиком А.А. Баевым, с которым им удалось организовать постоянно действующие симпозиумы по структуре и функции нуклеиновых кислот. Начиная с 1974 или 1975 г. и до середины 1980-х гг. эти симпозиумы по физико-химическим основам жизни практически ежегодно проводились поочередно в Советском Союзе и во Франции. Благодаря их неизменным участникам: М. Грюнберг-Манаго и другого выдающегося французского биохимика – Жан-Пьер Эбелю – симпозиумы стали местом выступлений крупнейших молекулярных биологов Франции».

В 1972–1982 гг. М. Грюнберг-Манаго преподавала в Университете Париж-VII (*Professeur associé de l'Université de Paris VII*), а в 1979 г. возглавила журнал «Biochimie». В 1977 г. она была избрана членом-корреспондентом, а в 1982 г. – действительным членом Французской Академии наук. В 1985–1988 гг. М. Грюнберг-Манаго стала первой женщиной, избранной руководителем Международного биохимического союза (*International Union of Biochemistry and Molecular Biology*).

В 1994 г. – М. Грюнберг-Манаго – вице-президент, а в 1995–1996 – президент Французской Академии наук и директор по исследованиям Французского Национального Центра научных исследований – CNRS (*France's National Academy of Sciences*). Осенью 1995 г. в этом высоком звании Марианна Грюнберг-Манаго возглавляла делегацию ученых Франции в Российской Федерации, принимавших участие в Международном симпозиуме «Научное наследие Луи Пастера и современность. К 100-летию со дня смерти Луи Пастера» (Москва, Президиум РАН, 16–17 октября 1995 г.). В составе делегации был и Максим Шварц – директор Института Пастера в Париже. Одному из авторов этой статьи (Т.И. Ульяновской), выступавшей тогда на этом Симпозиуме, посчастливилось сделать несколько фотографий с участием российских и французских ученых (См. Приложение 2).

М. Грюнберг-Манаго состояла зарубежным членом академий наук разных стран (США, России, Украины, Польши, Испании и др.) и членом многих научных ассоциаций (См. Приложение 1). В 2008 г. ей была присвоена высшая награда Франции – титул Высшего офицера Ордена Почетного легиона (*Grand Officier de la Legion d'Honneur*). Среди других ее наград: *Prix Charles-Leopold Mayer de la Societe de chi-*



*mie biologique* (1955) и *Prix Charles-Leopold Mayer de l'Académie de sciences* (1966).

М. Грюнберг-Манаго активно боролась за признание роли женщин в науке; она участвовала в проекте «Женщины в науке» с момента его создания. За научные достижения в области химии она была отмечена специальным призом ЮНЕСКО, присуждаемым женщинам-ученым.

В 1966 г. Манаго стала одним из главных организаторов Ежегодных летних школ на острове Спецес (Греция), посвященных актуальным проблемам молекулярной биологии и генетики. Как пишет Л.О. Фролова: «На протяжении многих лет эти школы имели огромный успех. Она приглашала выступать с лекциями своих друзей, Нобелевских лауреатов Ф. Крика, Дж. Уотсона, В. Балтимора и других выдающихся людей, внесших огромный вклад в науку. Участниками школ становились аспиранты и молодые ученые со всего мира, включая Россию. В 2006 г., когда Школа отметила свое сорокалетие, ее решено было посвятить Марианне Грюнберг-Манаго, как ее вдохновителю и многолетнему организатору».

Имя М. Грюнберг-Манаго неотделимо от истории молекулярной биологии в России. Марианна Владимировна мечтала, чтобы русская биология после десятилетий изоляции стала частью мировой науки. В 1990-х гг. усилиями М. Грюнберг-Манаго и Ж.П. Эбеля, с французской стороны и А.С. Спирина и Д.Г. Кнорре – с российской был принят проект, посвященный изучению трансляции белкового синтеза. Благодаря ему многие молодые биологи Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Киева, Еревана получили возможность длительное время работать в научных лабораториях Франции. Как пишет Л.Ю. Фролова: «Без Марианны такое эффективное и взаимовыгодное сотрудничество между СССР и Францией, особенно для русских ученых, было бы невозможным. Это сотрудничество пережило перестройку, распад СССР и является собой пример долголетия двусторонних научных связей. В декабре 1994 г. Марианна была приглашена на «Энгельгардтовские чтения», которые традиционно проходят в Институте молекулярной биологии в день рождения Владимира Александровича, и, несмотря на колоссальную занятость, она приняла приглашение, прилетела в Москву на один день, чтобы выступить с докладом».

М. Грюнберг-Манаго шутила: «...семья науке не помеха, если правильно выбрать мужа». И у нее была замечательная семья: муж Арман, которого она бесконечно любила – французский художник, известный под псевдонимом Арман Мари Герен (1913–1983); двое детей –



Катя и Миша, и четверо внуков, все мальчики, которых она обожала и которые отвечали ей взаимностью.

Марианна Грюнберг-Маного умерла 3 января 2013 г. в Париже. На церемонии прощания с ней в Кафедральном соборе Александра Невского был весь научный Париж. Она была похоронена на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, где покоятся многие русские люди.

### **Основные научные труды М. Грюнберг-Маного**

1. *Grunberg-Manago M, Ochoa S.* Enzymatic synthesis and breakdown of polynucleotides; polynucleotide phosphorylase // *J. Amer. chem. soc.* 1955. 77. 3615–3166.

2. *Grunberg-Manago M., Ortiz P.J., Ochoa S.* Enzymatic Synthesis of Nucleic Acid like Polynucleotides // *Science.* 1955. № 122. P. 907–910.

3. *Grunberg-Manago M, Ortiz P.J., Ochoa S.* Enzymic Synthesis of Polynucleotides. I. Polynucleotide Phosphorylase of *Azotobacter vinelandii* // *Biochim. Biophys. Acta.* 1956. № 20. 269–285.

4. *Bretscher M., Grunberg-Manago M.* Polynucleoribonucleotide-directed protein synthesis in an *E. coli* cell-free system // *Nature.* 1962. № 195. P. 283.

5. *Pulbridge J.A., Howe J.G., Sringer M, Touati-Schwartz D., Hershey J.W.B., Grunberg-Manago M* Cloning and mapping of a gene for translation initiation factor IF2 in *E. coli* // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA.* 1982. № 79. 5033.

6. *Grunberg-Manago M.* Recollections on studies of polynucleotide phosphorylase: a commentary on ‘Enzymic Synthesis of Polynucleotides. Polynucleotide Phosphorylase of *Azotobacter Vinelandii* // *Biochim. Biophys. Acta.* 1989. № 1000. P. 59–64.

7. *Grunberg-Manago M.* This Week’s Citation Classic // *Current Contents* 1990. № 15. P. 20–21.

8. *Dondon C., Putzer H., Grunberg-Manago M.* Processing of the leader mRNA plays a major role in the induction of *thrS* expression following threonine starvation in *B. subtilis* // *Proc. Natl. Acad. Sci. USA.* 1996. № 93. P. 6992.

9. *Grunberg-Manago M* Regulation of the expression of aminoacyl-tRNA synthetases and translation factors in *Escherichia coli* and *Salmonella typhimurium* // *Cellular and Molecular Biology* (Ingraham J.L., Low K.B., Magasanik B., Marianne Grunberg-Manago – Repères biographiques – Les membres de l’Academie des sciences depuis sa creation Schaechter, M. & Umbarger, H. E., eds) ASM Press, Washington, DC., 1996.

10. Benard L., Mathy N., Grunberg-Manago M, Ehresmann B., Ehresmann C., Portier C. Identification in a pseudoknot of a U-G motif essential for the regulation of the expression of ribosomal protein S15 // Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 1998. № 14. P. 31.

11. Springer M, Portier C., Grunberg-Manago M. RNA mimicry in the translational apparatus // RNA structure and function / Simons R.W., Grunberg-Manago M. eds. Cold Spring Harbor Laboratory. Cold Spring Harbor, NY., 1998. P. 377–413.

12. Grunberg-Manago M. Messenger RNA stability and its role in control of gene expression in bacteria and phages // Annual Review of Genetics. 1999. Vol. 33. P. 193–227.

13. Grunberg-Manago M U.Z. Littauer Polynucleotide phosphorylase // Encyclopedia of Molecular Biology (Creighton, T.E., ed.) Ed. John Wiley & Sons. Inc., NY. 1999. Vol. 3.

## **Литература о М. Грюнберг-Манаго**

1. Сборник докладов Международного симпозиума «Научное наследие Луи Пастера и современность. К 100-летию со дня смерти Луи Пастера» (Москва, Президиум РАН, 16–17 октября 1995 г.).

2. Фролова Л.Ю. Марианна Грюнберг-Манаго (1921–2013). Некролог // Молекулярная биология. 2013. Т. 47. № 3. С. 526–527.

3. Богданов А.А. Памяти Марианн Грюнберг-Манаго // Биохимия. 2013. Т. 78. Вып. 4. С. 562–564.

4. Кулаев И.С. У истоков молекулярной биологии // Вестник Российской академии наук. 2010. Т. 80. № 1. С. 69–78.

5. Vioque A. Marianne Grunberg-Manago (1921–2013) // [Электронный ресурс]: <http://www.sebbm.es/HEMEROTECA>: [http://sebbm.es/ES/divulgacion-ciencia-para-todos\\_10/galeria-de-retratos-de-mujeres-en-bioquimica\\_511](http://sebbm.es/ES/divulgacion-ciencia-para-todos_10/galeria-de-retratos-de-mujeres-en-bioquimica_511).

6. Buckingham R.H., Cooperman B.S., Nakamura Y. Marianne Grunberg-Manago, 1921–2013. Obituary // Biochimie. V. 95. Issue 4. April, 2013. P. 641–642.

7. Marianne Grunberg-Manago, 1921–2013 // [Электронный ресурс]: [http://www.academie-sciences.fr/pdf/membre/notice\\_GrunbergManago.pdf](http://www.academie-sciences.fr/pdf/membre/notice_GrunbergManago.pdf).

## **Приложение 1. Членство М. Грюнберг-Манаго в Международных научных организациях**

Membre de l'EMBO – Европейской организации молекулярной биологии (1964).

Membre étranger de l'American Society of Biological Chemists Американского Общества биологической химии (1972).

Membre de la FASEB (Federation of American Societies for Experimental Biology) – Федерации американских обществ экспериментальной биологии.

Membre de la Société française de biochimie et de biologie moléculaire – Французского Общества биохимии и молекулярной биологии.

Membre étranger de la Franklin Society (1995) – Общества им. Франклина.

Membre de la Société espagnole de biologie moléculaire – Испанского Общества молекулярной биологии.

Membre de la Société grecque de biologie moléculaire – Греческого Общества молекулярной биологии

Membre du Comité général de l'ICSU – Генерального Комитета Международного Совета по развитию науки

Membre étranger de la New York Academy of Sciences (1977) – Нью-Йоркской Академии наук

Membre étranger de l'American Academy of Arts and Sciences (1978) – Американской Академии искусств и наук

Membre étranger de la National Academy of Sciences des États-Unis (1982) – Национальной Академии наук США

Membre étranger honoraire de l'Académie des sciences de l'URSS (1988) – Почетный член АН СССР

Membre de l'Academia Europea (1988) – Европейской Академии

Membre étranger honoraire de l'Académie des sciences de Russie (1991) – Почетный член РАН

Membre étranger de l'Académie des sciences d'Ukraine (1991) – Академии наук Украины

Membre étranger de l'American Philosophical Society (1992) – Американского философского общества

Membre de l'Académie universelle des cultures (1997) – Всеобщей Академии культуры

Prix Charles-Léopold Mayer de la Société de chimie biologique (1955) – Приз Charles-Léopold Mayer Общества биохимии

Prix Charles-Léopold Mayer de l'Académie des sciences (1966) – Приз Charles-Léopold Mayer Академии наук

Grand Officier de la Légion d'Honneur

Commandeur de l'Ordre National du Mérite

Commandeur de l'Ordre du Mérite Polonais

***Приложение 2.***

Фото М. Грюнберг-Манаго на Международном симпозиуме  
«Научное наследие Луи Пастера и современность.  
К 100-летию со дня смерти Луи Пастера»  
(Москва, Президиум РАН, 16–17 октября 1995 г.)



## Коротко об авторах

**Аксенов Геннадий Петрович** – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Отдела истории наук о Земле Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

**Аллахвердян Александр Георгиевич** – кандидат психологических наук, руководитель Центра истории организации науки и науковедения Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

**Алтынбекова Нагима Анесовна** – кандидат сельскохозяйственных наук, СНС отдела географии, генезиса и оценки почв Казахского Научно-исследовательского института почвоведения и агрохимии им. У.У. Успанова, г. Алматы, Республика Казахстан.

**Антонова Ирина Сергеевна** – кандидат биологических наук, доцент СПбГУ, г. Санкт-Петербург.

**Баум Елена Анатольевна** – кандидат химических наук, старший научный сотрудник группы истории химии химического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Союза журналистов России, г. Москва.

**Бельчич Юлия Викторовна** – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Центра информационных ресурсов по истории науки и техники (ЦИР ИНТ) Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

**Богатилов Борис Федорович** – кандидат химических наук, заведующий Музеем истории Московского технологического университета (МИТХТ), г. Москва.

**Бокарева Ольга Борисовна** – аспирант, исполняющий обязанности старшего научного сотрудника Архива РАН, г. Москва.

**Валькова Ольга Александровна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

**Васильев Константин Константинович** – доктор медицинских наук, профессор Одесского национального медицинского университета, г. Одесса.

**Веременко Валентина Александровна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург.

**Вернер Артур** – кандидат медицинских наук, доктор медицины, ординатор клиники кардиохирургии ХЕЛИОС, Клиника Крефельд (Helios Klinikum Krefeld), г. Дюссельдорф, Германия.

**Володарская Елена Александровна** – доктор психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

**Глянец Сергей Павлович** – доктор медицинских наук, профессор, заведующий сектором национального НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко, г. Москва.

**Горбунова Ирина Алдаровна** – кандидат географических наук, доцент кафедры геохимии ландшафтов и географии почв географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва.

**Долгова Евгения Андреевна** – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва.

**Елина Ольга Юрьевна** – доктор исторических наук, кандидат биологических наук, главный научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

**Еремеева Алина Иосифовна** – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва.

**Ерохина Ольга Глебовна** – кандидат биологических наук, ВНС отдела географии, генезиса и оценки почв Казахского Научно-исследовательского института почвоведения и агрохимии им. У.У. Успанова, г. Алматы, Республика Казахстан.

**Иванов Анатолий Евгеньевич** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, г. Москва.

**Иванова Лидия Васильевна** – кандидат социологических наук, научный сотрудник отряда космонавтов ФГБУ «НИИ ЦПК имени Ю.А. Гагарина».

**Илизаров Симон Семенович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва; заведующий кафедрой истории науки, научно-технических и аудиовизуальных архивов Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва.

**Киселев Михаил Юрьевич** – кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива Российской академии наук, г. Москва.

**Колотилова Наталья Николаевна** – доктор биологических наук, доцент кафедры микробиологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доцент, г. Москва.

**Копенкина Любовь Владимировна** – кандидат технических наук, доцент Тверского государственного технического университета, г. Тверь.

**Кузубаева Мария Павловна** – кандидат исторических наук, музеолог, Московское научное общество историков медицины, г. Москва.

**Кузьмин Андрей Валентинович** – кандидат физико-математических наук, научный сотрудник Отдела истории физико-математических наук Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

**Курсанова Татьяна Андреевна** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории биологических и химических наук Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

**Лаптева Татьяна Николаевна** – научный сотрудник Архива РАН, г. Москва.

**Лиманова Светлана Андреевна** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Архива РАН, г. Москва.

**Любина Галина Ивановна** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

**Масоликowa Наталья Юрьевна** – ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, г. Москва.

**Матвейчук Александр Анатольевич** – кандидат исторических наук, Российская академия естественных наук, секция нефти и газа, действительный член РАЕН, г. Москва.

**Матвиевская Галина Павловна** – доктор физико-математических наук, член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР, Заслуженный деятель науки Узбекской ССР, действительный член Международной академии истории науки, г. Оренбург.

**Онопrienko Валентин Иванович** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г.М. Доброва НАН Украины, г. Киев.

**Осипова Надежда Михайловна** – кандидат исторических наук, ученый секретарь Архива РАН, руководитель группы использования документов Архива РАН, г. Москва.

**Печенкин Игорь Герtrудович** – доктор геолого-минералогических наук, заместитель генерального директора по научно-информационной деятельности Всероссийского научно-исследовательского института минерального сырья им. Н.М. Федоровского, г. Москва.

**Пивоваров Евгений Григорьевич** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург.

**Пухоитo Светлана Кирилловна** – кандидат геолого-минералогических наук, Государственный Геологический музей им. В.И. Вернадского, г. Москва.

**Пушкарева Наталья Львовна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, президент «Российской ассоциации исследователей женской истории», г. Москва.



**Пчелов Евгений Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

**Разина Татьяна Валерьевна** – доктор психологических наук, доцент, заместитель директора по научной и воспитательной работе Филиала ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» в г. Ярославле, г. Ярославль.

**Рыбакова Елена Вениаминовна** – аспирант, заместитель главы Представительства Абакус ГмБХ, г. Москва.

**Савинова Татьяна Александровна** – кандидат экономических наук, начальник отдела организационно-методической и кадровой работы Российского государственного архива экономики (РГАЭ), г. Москва.

**Сенченкова Евгения Михайловна** – доктор химических наук, кандидат биологических наук, г. Москва.

**Сидельникова Надежда Владимировна** – старший научный сотрудник группы использования документов Архива РАН, г. Москва.

**Синельникова Елена Федоровна** – кандидат исторических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург.

**Сытко Валериан Афанасьевич** – доктор географических наук, главный научный сотрудник Отдела истории наук о Земле Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, член-корреспондент Российской академии наук, г. Москва.

**Собисевич Алексей Владимирович** – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Отдела истории наук о Земле Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

**Соболев Владимир Семенович** – доктор исторических наук, заведующий Сектором истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Санкт-Петербург.

**Соболева Татьяна Владиславовна** – заведующая архивом Главной (Пулковской) астрономической обсерватории Российской академии наук, г. Санкт-Петербург.

**Соловей Алеся Петровна** – магистр социологических наук, младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси, г. Минск.

**Сорокина Марина Юрьевна** – кандидат исторических наук, заведующая отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына.

**Стеценко Юлия Владимировна** – младший научный сотрудник Архива РАН, г. Москва.

**Сточик Анна Андреевна** – кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник Национального НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко, г. Москва.

**Сукачева Ирина Дмитриевна** – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Палеонтологического института им. А.А. Борисяка РАН, г. Москва.

**Трофимова Татьяна Николаевна** – независимый исследователь, г. Санкт-Петербург.

**Ульянкина Татьяна Ивановна** – доктор биологических наук, главный научный сотрудник Отдела методологических и социальных проблем развития науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

**Фандо Роман Алексеевич** – кандидат биологических наук, заместитель директора по научной работе Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва.

**Чалов Роман Сергеевич** – доктор географических наук, профессор географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва.

**Чепкунас Любовь Семеновна** – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Единая геофизическая служба Российской академии наук», г. Москва.

**Чесноков Вячеслав Степанович** – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник группы «Научное наследие В.И. Вернадского и его школы» Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, г. Москва.

**Юкина Ирина Игоревна** – кандидат социологических наук, доцент Государственного Университета Аэрокосмического приборостроения, г. Санкт-Петербург.

**Яковлева Галина Николаевна** – заместитель заведующего Музеем истории Московского технологического университета (МИТХТ), г. Москва.

**Янин Евгений Петрович** – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник группы «Научное наследие В.И. Вернадского и его школы» Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, г. Москва.

# Оглавление

<b>Предисловие</b> .....	4
<b>Глава 1. Они были первыми: «ученые дамы» Российской империи</b>	
<i>Н.М. Осипова.</i> Документы первой русской женщины-экономиста Марии Николаевны Вернадской в Архиве Российской академии наук .....	8
<i>О.Б. Бокарева.</i> Жизненный путь М.А. Боковой-Сеченовой (по материалам Архива РАН) .....	11
<i>О.А. Валькова.</i> Ольга Александровна Федченко – первая русская женщина-естествоиспытатель в рядах Императорской академии наук .....	16
<i>А.А. Матвейчук.</i> Юлия Всеволодовна Лермонтова – первая русская женщина-нефтехимик .....	24
<i>С.А. Лиманова.</i> Фонд палеонтолога М.В. Павловой в Архиве РАН: биографические материалы и научное наследие .....	34
<i>Т.В. Соболева.</i> «... Я стала астрономом». Мария Васильевна Жилова (1871–1934) .....	41
<i>И.И. Юкина.</i> Врач Мария Покровская: по материалам личного архива [1] .....	49
<i>В.А. Веременко.</i> «Ученая дама» в домашнем пространстве: семейное дело Гринберг-Петри .....	59
<i>Е.Ф. Синельникова, В.С. Соболев.</i> «Любительницы мудрости»: женщины-члены Санкт-Петербургского философского общества (1897–1923) .....	66
<b>Глава 2. Женское научное образование в Российской империи</b>	
<i>А.Е. Иванов.</i> Где готовили «ученых дам» в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века .....	76
<i>О.Ю. Елина.</i> «Нуждается ли русская интеллигентная женщина в сельскохозяйственном образовании?» О мирных и военно-революционных ответах на заданный вопрос .....	83
<i>Р.А. Фандо.</i> Организация преподавания зоологических дисциплин на Московских высших женских курсах .....	90

### **Глава 3. На переломе: женщины-ученые – современницы установления юридического равноправия полов в России**

<i>С.С. Илизаров.</i> Приход российских женщин в профессию «История науки»: XX век. Первая половина . . . . .	112
<i>Н.Л. Пушкарева.</i> «Огонь чужих мыслей и звуки других голосов»: женщины-историки в России 1900–1940 гг. . . . .	120
<i>Т.Н. Трофимова.</i> Карьера женщины-математика до и после 1917 года: Вера Иосифовна Шифф и Пелагея Яковлевна Полубаринова-Кочина . . . . .	132
<i>Т.А. Савинова.</i> Русский и советский статистик А.И. Хрящева . . . . .	138
<i>Ю.В. Стеценко.</i> Архивная и музейная деятельность Елены Петровны Подъяпольской в 1920-е годы XX века (по материалам Архива РАН) . . . . .	146
<i>Г.И. Любина.</i> А.П. Гартман-Вейнберг во главе палеонтологической лаборатории Московского университета (1935–1940) . . . . .	153
<i>Е.А. Долгова.</i> Преподавательницы Института красной професуры в 1937 г. . . . .	159
<i>К.К. Васильев.</i> Женщины-ученые медицинского факультета Новороссийского университета (Одесского медицинского института) . . . . .	166
<i>А.А. Сточик, С.П. Глянцев.</i> Профессор Женевского университета Лина Штерн (1878–1968) и реалии советской физиологической науки . . . . .	173
<i>Ю.В. Бельчич.</i> Призвание В.В. Заорской-Александровой (1882–1972) . . .	179
<i>А.А. Сточик, С.П. Глянцев.</i> Член-корреспондент АН СССР, профессор О.Н. Подвысоцкая (1884–1958) – одна из двух женщин, первых действительных членов АМН СССР . . . . .	187
<i>И.Д. Сукачева, И.С. Антонова.</i> Выдающийся ученый и талантливый педагог (памяти Г.И. Поплавской) . . . . .	192
<i>А.В. Собисевич, В.А. Снытко.</i> Евгения Николаевна Иванова: жизненный путь женщины-почвовед на переломе эпох . . . . .	200
<i>Г.П. Аксенов.</i> Дочь братства – Анна Дмитриевна Шаховская (1889–1959)	207
<i>Т.А. Курсанова.</i> Зинаида Виссарионовна Ермольева (1898–1974). Успех и потери женщины-ученого . . . . .	216
<i>С.К. Пухонто.</i> «Работать и без докторского звания недурно» (Татьяна Алексеевна Добролюбова) . . . . .	223
<i>Г.Н. Яковлева, Б.Ф. Богатилов.</i> Три судьбы . . . . .	229

#### **Глава 4. В эру юридического равенства: женщины-ученые, родившиеся в СССР**

<i>Е.А. Володарская, Т.В. Разина.</i> Портреты женщин-ученых на фоне эпохи . . . . .	246
<i>А.П. Соловей.</i> Основные этапы феминизации белорусской науки: исторический аспект . . . . .	255
<i>Л.С. Чепкунас.</i> Заведующая сейсмической станцией Екатеринбурга Зинаида Григорьевна Вейс-Ксенофонтова . . . . .	260
<i>Н.В. Сидельникова.</i> Мария Васильевна Кленова – основательница российской морской геологии . . . . .	266
<i>И.Г. Печенкин.</i> Выдающийся минералог XX века – Екатерина Владимировна Рожкова (к 120-летию со дня рождения) . . . . .	272
<i>Л.В. Копенкина.</i> Вклад Е.А. Галкиной в развитие отечественного болотоведения . . . . .	278
<i>Е.М. Сенченкова.</i> Н.А. Базилевская как историк науки (к 20-летию со дня кончины) . . . . .	282
<i>Е.В. Рыбакова.</i> Мария Шрайбер и Татьяна Гапон – первые женщины-хроматографисты . . . . .	290
<i>М.Ю. Киселев.</i> Судьба Евгении Владимировны Гутновой в фонде Архива Российской академии наук . . . . .	297
<i>В.С. Чесноков, Е.П. Янин.</i> Подвижница и хранительница: жизнь и судьба Валентины Сергеевны Неаполитанской (1907–1998). . . . .	303
<i>Р.С. Чалов.</i> Геоморфолог, карстовец, спелеолог, педагог Марианна Валентиновна Щербакова (1910–1991). . . . .	313
<i>И.А. Горбунова, О.Г. Ерохина, Н.А. Алтынбекова.</i> Крупнейший российско-казахстанский почвовед-геохимик Ирина Анатольевна Ассинг (1919–1999). . . . .	320
<i>В.И. Оноприенко.</i> Лариса Попугаева: открытие века, удача геолога и жизненная катастрофа . . . . .	326
<i>Е.В. Пчелов.</i> Елена Ивановна Каменцева (1920–2004) и ее исследования в области вспомогательных исторических дисциплин . . . . .	334
<i>А.В. Кузьмин.</i> Зинаида Кузьминична Соколовская и история астрономии . . . . .	345
<i>Г.П. Матвиевская.</i> Вспоминая З.К. Соколовскую . . . . .	350
<i>А.И. Еремеева.</i> Из воспоминаний А.И. Еремеевой . . . . .	354
<i>М.П. Кузыбаева.</i> Женское лицо НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского (XX – начало XXI в.). . . . .	363

<i>А.Г. Аллахвердян.</i> Изменения в структуре кадрового состава общественных наук: гендерный анализ. . . . .	372
<i>Л.В. Иванова.</i> Участие женщин-космонавтов в науке: состояние, проблемы, перспективы. . . . .	378

## **Глава 5. Женское научное зарубежье**

<i>Н.Ю. Масоликова.</i> Через тернии к звездам: о женских портретах российского научного зарубежья первой половины XX века. . . . .	386
<i>Н.Н. Колотилова.</i> Судьбы учениц И.И. Мечникова до и после 1917 года. . . . .	393
<i>Т.Н. Лаптева.</i> «Я нахожу, все-таки, что изучать исторические эпохи интереснее, чем их переживать» – медиевист К.В. Флоровская. . . . .	399
<i>Е.А. Баум.</i> Маргарита фон Врангель (1876/1877–1932): профессионализация в науке в борьбе с препятствиями. . . . .	407
<i>М.Ю. Сорокина.</i> Швейцарские университеты, русские психологи и итальянские социалисты: женское лицо русского научного зарубежья. . . . .	415
<i>Е.Г. Пивоваров.</i> Т.П. Фесенко – поэтесса, библиотечный работник и исследовательница. . . . .	416
<i>Т.И. Ульянкина, Артур Вернер.</i> Профессор Марианна Грюнберг-Маного – первая женщина – президент Французской Академии наук. . . . .	420
<b>Коротко об авторах</b> . . . . .	429

Научное издание

**Российские женщины-ученые: наследие**

Утверждено к печати Ученым советом  
Института истории естествознания и техники  
им. С.И. Вавилова РАН

*Коллектив авторов*

Ответственный редактор: д.и.н. О.А. Валькова

Редактор-корректор: Н.А. Ростовская

Издательство «Янус-К».  
127411, г. Москва, Учинская ул., дом 1

Подписано в печать 24.10.2017

Формат 60х90 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1  
Уч.-изд. л. 27,5. Физ. п. л. 27,5. Тираж 300 экз.  
Заказ № 6417

Отпечатано в ООО «ИНФОРМ-СОФТ»  
119034, Москва, Еропкинский пер., д. 16

ISBN 5-8037-0713-9



9 785803 707134









В монографии «Российские женщины–ученые: наследие» проанализированы различные аспекты введения юридического равноправия женщин в России в 1917–1918 гг., касающиеся установления равноправия женщин в профессиональной научной деятельности.

Основной задачей международного авторского коллектива стало выявление наследия, оставленного российскими женщинами–учеными в период со второй половины XIX – и вплоть до начала XXI в., как научного, в различных областях знания, так и документального, хранящегося в архивах и музеях страны.

На основе значительного по объему фактического материала, в том числе вводимого в научный оборот впервые, в книге анализируются биографии российских женщин–ученых, работавших как в России, так и за рубежом, в физико–математических, естественных, медико–биологических, гуманитарных и общественных науках.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей науки, а также историей женского движения в России.

## **РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ: НАСЛЕДИЕ**

